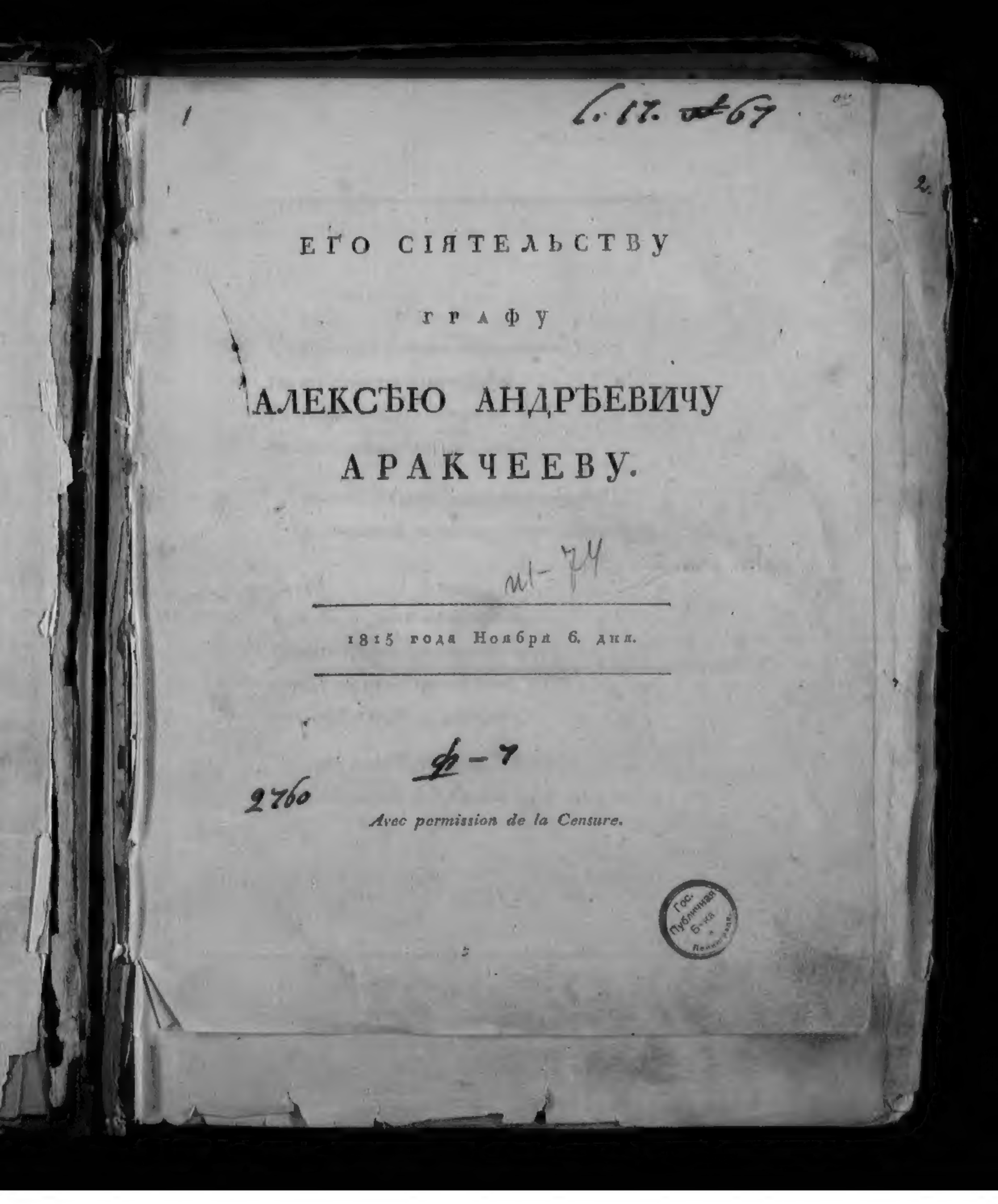


ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ

АЛЕКСѢЮ АНДРѢЕВИЧУ АРАКЧЕЕВУ.

1815 года Ноября 6. дня.

Avec permission de la Censure.

С Походовъ дальнихъ возвращенны,
Гдѣ мы скончали славну брань,
Въ края отечества священны
Несемъ признательности дань!...

Прими, о Графъ! здѣсь данъ сердецъ:
Успѣхъ нашъ въ брани — твой вѣнецъ!...

Коль Россъ, ведя войну кроваву,
Громилъ враговъ изъ мѣдныхъ жерлъ,
Своихъ перуновъ громку славу
Онъ не Тобой-ли пріобрѣлъ?....

Данъ лестна Лавровыхъ вѣнцовъ
Есть плодъ, о Графъ! твоихъ трудовъ!....

Но бури прогремѣвъ военны
Прошли — и миръ низходитъ къ намъ;
И вновь, покоя въ дни блаженны,
Пристанимъ къ мирнымъ мы трудамъ:

Прилѣжны въ мирный часъ труды
Сбираютъ, въ пламѣ битвъ, плоды!...

Предъ ТРОНОМЪ будь за насъ Рачитель,
Да зритъ Великой нашъ МОНАРХЪ,
Пространныхъ въ мірѣ царствъ властитель,
Что онъ живетъ у насъ въ сердцахъ!...

Ты передай Царю за насъ
Усердныхъ душъ хвалебный гласъ!...

ОДА

на

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ЕКАТЕРИНЫ II.

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ.

Апрѣля 21 дня 1782 года

при Императорской Академіи Наукъ.

ОДА

Весна пріятна наступаетъ,
Пріятный вѣетъ вновь зефиръ
Что всю природу обновляетъ,
Прекрасно вводитъ лѣто въ міръ;
И купно день благословенной,
Богъ намъ щедротой несравненной
Блаженство въ коемъ обѣщалъ.
Когда онъ съ высоты святыя
Назнача Россамъ дни златыя,
Тя въ міръ Монархиня послалъ.

* * *

Ликуйте Россы днесь и Греки
Въ восторгѣ возвышайте гласъ;
Да внемлютъ всѣ страны далеки
Колико драгъ для насъ сей часъ.
Да малы купно и велики
Возносятъ радостные клики
Всеобщу возхваляя Мать,
Котору вѣры въ защищенье,
Страны Россійской въ возвышенье
Благоволилъ Богъ свѣту дать.

Дер-

Дерзнулъ противникъ возмутити
Въ недавны лѣта нашъ покой,
Себя повсюду воружити
И выйти съ Россами на бой.
„Промчуся я, Борда рекъ, въ границы
„Низвергну воинство Царицы,
„Въ оковахъ будетъ Россъ стонать.
„Я Царь Царей, владѣтель Свѣта,
„Я въ ономъ дневная планета,
„Кто мнѣ противу смѣетъ стать?

* * *

Такой надеждою прельщался
Въ неистовствѣ своемъ Тиранъ.
Сидя въ сералѣ величался
Какъ покоритель Росскихъ странъ.
Подвластны всѣ ему народы
Пребудутъ въ неизщетны годы,
Ему рекъ тако лжепророкъ,
Но какъ Монархиня караетъ
И Богъ Ей како побораетъ,
То видѣлъ западъ и востокъ.

* * *

Перуны долго отлагала,
Жалѣя кровь ОНА пролить,
И оныхъ кротостью желала
Отъ злыхъ совѣтовъ отвратить.
Но Матернее снизхожденье
И преступленія прощенье
Въ мятежныхъ вмѣстно ли сердцахъ?
Прощенье, гордость въ нихъ раждаетъ,
А кротость, дерзость умножаетъ
Во всѣхъ свирѣпствуютъ концахъ.

Но на конецъ къ своимъ героямъ
Воздвигла принужденну рѣчь:
„ Готовтесь храбры Россы къ боямъ,
„ Возьмите въ руки сильный мечь.
„ Васъ югъ днесь къ брани принуждаетъ,
„ Священны права нарушаетъ,
„ На васъ разинулъ громкій звѣвъ.
„ Въ защиту вѣры ополчитесь,
„ За Отечества любовь сразитесь,
„ И праведный лните гнѣвъ.

* * * * *

Взлетѣли доблественны Герои
Услышавы богининъ гласъ,
Текутъ, стремятся наши вои,
Ни зной не держитъ ихъ, ни мразъ.
Сердцами ревность ихъ владѣетъ,
И страхъ коснуться имъ не смѣетъ,
Пылаютъ срѣтити враговъ.
Ужъ сильные полки Россійски
Промчалися въ поля Ѳракійски,
И Афрскихъ флотъ достигъ бреговъ.

* * * * *

Повсюду мечь Россійскій блещетъ,
Вездѣ противниковъ разитъ,
Богиня въ гнѣвѣ громы мещетъ,
Повсюду Портѣ смерть грозитъ.
Сверкающій перунъ Царицы
Во дальныя враговъ границы,
Въ послѣдни гонитъ ихъ концы.
Лишь гдѣ покажутся злодѣи,
Тамъ ставитъ Россъ свои Трофеи,
Лавровы достаетъ вѣнцы.

Минули ужъ часы ужасны,
Изчезъ лютѣйшей мракъ войны,
И возблистали безопасны,
И всѣ пріятны паки дни.
Безстрашно дѣлатель исходитъ
И тяжкій плугъ по нивѣ водитъ,
Сугубитъ подъ воломъ труды.
Не слышны вкругъ его селитвы,
Ни бранный вопль, ни страшны битвы;
Растутъ подъ тишиной плоды.

* * *

Овецъ на поле выгоняетъ,
И агнцевъ скачущихъ пастухъ.
Сидя подъ тѣнію играетъ,
Свирѣлью услаждая духъ.
Поетъ онъ миръ всевожделѣнный
ЕКАТЕРИНОЙ возвращенный
Въ его возлюбленныхъ лугахъ.
Свой Нимфы гласъ соединяютъ,
Слова Наяды повторяютъ
При красныхъ рѣчныхъ берегахъ.

* * *

Еллады угнѣтенно племя
Во тяжкихъ мукахъ и бѣдахъ,
Свое почувствовало бремя
Уже смягченно во трудахъ.
Отверзло очи утомлены
Въ слезахъ горчайшихъ потоплены,
На новый свѣтъ, что въ Нордѣ зритъ.
Звѣзда, котора тамъ сіяетъ,
Надеждой Грековъ упояетъ,
Что дни имъ ясны возвратитъ.

Живи

Живи во вѣкъ ЕКАТЕРИНА,
Чадолюбива Россовъ Мать.
Будь Грекамъ радости причина,
Дай днямъ златымъ въ нихъ процвѣтать.
Возвыси Росскую державу,
Умножь ея подъ солнцемъ славу,
Защита будь сиротъ и вдовъ.
Будь истинная Музъ Паллада
И человѣковъ всѣхъ отрада,
Покой, защита и Покровъ.

Г. Валдани.

ПОРТРЕТЪ

Д. А. П. Р.-Л.

Я вашъ портретъ, вамъ обѣщалъ
Списать искусной кистью Рафаэля:
Но живописецъ захворалъ
И думъ его предметъ — его постеля;
Усердствуя-жъ исполнить обѣщанье
Вамъ мною данное, ... позвольте на прощанье
Хоть слабой абрисъ съ васъ списать
Простымъ перомъ. — Прошу-жъ читать!

Я не могу васъ похвалить
Такъ, какъ другіе-бы хвалили;
Судьбы скупыя надѣлили
Мнѣ бѣдный даръ: но я любить
Отъ сердца искренно умѣю
Что въ васъ, прекраснѣй васъ самихъ;
Что къ вамъ сердца своихъ, чужихъ,
Влечетъ какъ будто къ чародѣю
Волшебный жезлъ толпы духовъ;
Предъ чемъ, становятся покорны:
Суровой разумъ, нравъ упорный,
Ученыхъ важность, спесь глупцовъ;
Отъ горя, вздохи улетаютъ;
Отъ скуки, въ скучные часы,
Кавалеристы про усы

И про мазурку забываютъ;
О деньгахъ Г....; о кудряхъ франты;
И Б.........— неразвязнымъ
Стыдится быть, и непонятнымъ
Набитый древностью педантъ. —

Но что-же непостижной силой
Порабощаетъ вамъ сердца?
Не прелесть вашего лица,
Не непритворной умъ и милой:
Но та прямая красота,
Которая похвалъ не проситъ,
Которой время не уноситъ
И безъ которой, умъ мечта,
Лицо — безчувственная маска:
Безъ ней, въ улыбкѣ жизни нѣтъ,
Не ласковой бываетъ ласка
И не привѣтливымъ привѣтъ;
Безъ ней, другая вы на васъ
Ни малобы не походила;
Взоръ, умъ конечнобъ ослѣпила, —
Сердца остались-бы при насъ. —

Ужель еще не отгадали?
Вашъ тихій, ангельскій вашъ нравъ
И ваше сердце, столько правъ
И власти вамъ на наши дали;
Вы такъ прелестны, хороши
И привлекательно и мило

Все то, что ваше только силой
Любить умѣющей души. —

Какъ весело, когда мы смѣемъ
Тѣхъ сердцемъ искренно хвалить,
Кого обязаны любить! —
Какъ жаль, что бѣднымъ стиходѣемъ
Родился я; что не умѣлъ
Сказать всего что должно было;
Всего, — что сердце говорило;
Всего, — что на душе имѣлъ! —

Вотъ милая сестрица вашъ портретъ!
Который, подлинника хуже:
Но думаю, что и первой нашъ поэтъ
Едваль не подпадетъ томуже! —

Василій Барановскій.

10-го Генваря 1838.
г. НИКОЛАЕВЪ.

Печатать позволяется: Одесса, въ городской типографіи 27-го Мая 1838.
Цензоръ К. *Зеленецкій.*

ПОЕМА

РЕВНОСТЬ

СВЯТАГО ЮАННА ЕВАНГЕЛИСТА

или

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ

ПОЕМА

въ одну пѣснь

въ стіхахъ.

МОСКВА

1796 года

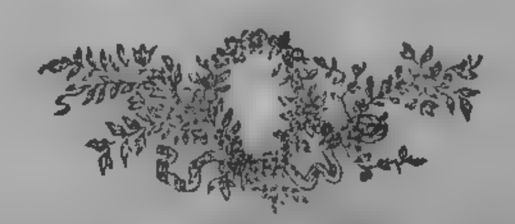
Милостивому государю моему

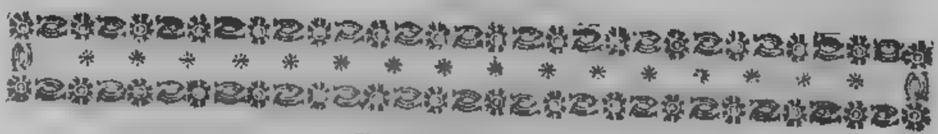
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧУ

его высокородію

БОЛТИНУ.

Тебѣ Болтинъ! я трудъ мой слабый посвѣщаю,
Тебѣ, въ которомъ я все вмѣстѣ обрѣтаю,
И благодѣтеля и друга моего;
Вниманіемъ своимъ, ты удостой его!
Равно соединя къ ХРІСТУ любовь и вѣру,
Апостольскому ты, послѣдуешь примѣру.
Герой мой падшаго возставилъ, обратилъ,
Ты нѣкогда со мной, подобно учинилъ;
Не отъ грѣховнаго паденья извлекая,
Въ паденьѣ семъ лежу я вѣчно не вставая:
Но ты мнѣ способы такіе подавалъ,
Чрезъ кои въ свѣтѣ я себѣ пріобрѣталъ
Утѣху, сладость, миръ и внутренне спокойство.
Вотъ каково Болтинъ души твоей есть свойство.
Комужъ достойнѣе сей трудъ мой посвящу?
И гдѣ я ближе то подобіе сыщу?
Какъ души Іоаннъ умѣлъ къ спасенію строить:
Такъ ты умѣешь ихъ въ сей жизни успокоить.





ПОЕМА

ВЪ ОДНУ ПѢСНЬ.

РЕВНОСТЬ СВЯТАГО IОАННА ЕВАНГЕЛИСТА

ИЛИ

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ.

Ты что ко кресту въ предшествующи вѣки,
Любовью воспалялъ сердечной человѣки.
Духъ святъ вели, чтобъ лучь во мнѣ тотъ возсiялъ,
Которой Христiанъ начальныхъ озарялъ;
Я пѣть хощу любовь побѣдою вѣнчанну,
Коварнаго врага злость, хитрость, мочь попранну;
И съ помощью твоей дерзаю начинать;
Не имени писца желанiе снискать,
Иль похвалы достичь за оную стремлюся;
Нѣтъ — къ истиннѣ святой весь духомъ лишь несуся.
  Ктожъ сей Герой, о комъ здѣсь слово, коихъ странъ?
Се Зеведеевъ Сынъ, другъ Божiй Iоаннъ.
Кто на Ѳаворѣ былъ и на Голгоѳѣ купно,
Съ учителемъ своимъ и всюду не отступно,
Тотъ, Матери кого Христосъ своей вручилъ;
Которой много лѣтъ во Галилеѣ жилъ;
Среди невѣжества, въ странѣ непросвѣщенной,
Бывъ вдругъ отъ людiй нелѣпыя, презрѣнной

Превѣчнаго

Превѣчнаго рукой внезапу восхищенъ,
И въ ликъ Апостольской со славою включенъ.
Се тотъ, что подавалъ высокое ученье,
Средь рабства, средь плѣну, въ неволѣ, въ заточеньѣ;
Но плѣнъ твой, мужъ Святый! такой родилъ намъ плодъ,
Что вѣчно одолженъ тебѣ сталъ смертныхъ родъ.
Гдѣ подъ завѣсою премудрости хранимой,
Сокрылъ Богъ таинства судьбы непостижимой.
Та книга вѣчности отверзлась предъ тобой,
Ты челъ — и таинство внялъ тотъ часъ разумъ твой;
Но наше бренное и немощное око,
Предметовъ сихъ достичь не можетъ такъ высоко,
Отъ дѣлъ твоихъ что умъ мой слабой могъ вмѣстить,
Позволь мнѣ нѣчто здѣсь вселенной возвѣстить.
Предъ тѣмъ какъ Іоаннъ въ земное нѣдро скрылся,
Какъ въ благовѣстіи и день и нощь трудился;
Когда онъ ко Христу тьмы многи приводилъ,
Которыхъ вѣры онъ догматамъ научилъ;
Единъ отъ нихъ младый всегда съ большимъ раченьемъ
Апостольскимъ внималъ словамъ и поученьямъ.
Чѣмъ больше въ младости волненія въ крови,
Тѣмъ выше бдѣніе потребно отъ любви.
Святому отрокъ сей плодомъ былъ вождѣленнымъ,
Божественной росой пресладкой упоеннымъ;
Казалось для того онъ свыше былъ и данъ,
Чтобъ въ зрѣлости его трудился Іоаннъ.
Сей юношу какъ мужъ премудрый поучаетъ,
Но что я вижу — вдругъ ихъ небо разлучаетъ:
Какой готовится о Боже, имъ ударъ! —
Межъ Христіанами происходившихъ сваръ,
Ко усмиренію тогда въ Ефесѣ бывшихъ,
Потомъ ученіемъ Святаго утишившихъ,

Потребно

Потребно было въ сей ему отъити градъ ;
Въ слезахъ онъ оставлялъ своихъ любезныхъ чадъ :
Какъ осужденныя они предъ нимъ стояли ,
И горесть на лицѣ разлуки изъявляли .
А паче сей , о комъ здѣсь слово предлежитъ ,
Безъ памяти у ногъ Апостольскихъ лежитъ .
Слезами оросивъ ихъ нѣжно лобызаетъ ,
Лютѣйшее его мученіе терзаетъ ;
Учитель взоръ къ нему свой часто обращалъ ,
Казалось будущу напасть предвозвѣщалъ .
И наконецъ его Епископу вручаетъ ,
Котораго ему наставникомъ быть чаетъ ,
Сей , что въ себѣ каралъ , въ другомъ любилъ то скрыть ,
Хрістову воину не могъ вождь добрый быть .
Какъ Іоанново лице оттолѣ скрылось ,
Невинность юноши о камень сокрушилась .
Дражайшій сей залогъ уязвленъ , поврежденъ ,
Нещастный агнецъ сталъ отъ волка побѣжденъ .
Я зрю , какъ онъ презрѣвъ священные законы ,
Не ставитъ своему неистовству препоны .
Какъ быстро съ горъ шумя водной стремится токъ :
Такъ упадаетъ онъ съ порока на порокъ .
Подобно бурный конь бразду оттрясши долу ,
Несется своему предавшись произволу .
Зловредные льстецы , онъ коихъ жертвой сталъ ,
Языкъ вашъ путь ему къ злодѣйству показалъ !
О младость ! тако ты въ ихъ сѣти упадаешь ,
Что щастье вѣчное на пагубу мѣняешь !
Но ты , что козлищемъ бывъ паки агнецъ сталъ ,
И отъ паденія со славою возсталъ ;
Прости , что о тебѣ во злѣ упоминаю ,
Не новымъ я тебя , здѣсь ветхимъ представляю .

Вѣщать

Вѣщать ли мнѣ? вѣщай глаголетъ разумъ мой,
Зря гнусныя дѣла, казнится будетъ злой,
Сей отрокъ, словомъ, та беззлобна голубица,
Грабитель сдѣлался, разбойникъ и убійца.
Не тако алчный левъ въ дубровахъ и лѣсахъ
Свирѣпствуетъ, какъ сей въ отеческихъ странахъ.
Вездѣ гдѣ только мечь врага сего блистаетъ,
Отъемлетъ все, губитъ, разитъ и посѣкаетъ.
Единымъ пораженъ лишь ужасомъ вдругъ сталъ,
Не тѣмъ, чтобъ Вышняго онъ гнѣва трепеталъ,
Нѣтъ, — убоясь земныхъ судей и наказанья;
Согражданомъ своимъ оставилъ пребыванье.
Упившись крови ихъ, грабленьемъ насыщенъ,
Бѣжитъ изъ степи въ степь, добычей отягченъ;
Во мрачной пустыни препровождаетъ лѣта.
[Злодѣи завсегда скрываются отъ свѣта;]
Къ плачевнымъ симъ мѣстамъ между безплодныхъ горъ,
Стекается его нещастныя соборъ,
Дружина гнусная вромолвивъ межъ собою,
Надъ всѣми тутъ его поставила главою.
О святче Божій! ты отселѣ отлученъ,
Не видишь, что твой плодъ отъ древа отсѣченъ:
И твой любезной сынъ презрѣвъ твое ученье,
Препровождаетъ дни въ убійствѣ и грабленьѣ.
Душа твоя о немъ, я знаю; такъ не мнитъ,
Сомнѣнію душа твоя не подлежитъ.
Однакожъ, какъ твой умъ, увы! ни полагаетъ,
Онъ въ беззаконіяхъ лютѣйшихъ утопаетъ!

Потомъ, когда мятежъ въ Ефесѣ утишилъ,
Которой Церкви всей паденіемъ грозилъ,

Съ побѣдою

Съ побѣдою назадъ, Апостолъ возвратился; —
Но коей вѣстію внезапу поразился!
Сей памяти его изторгнувшійся кринъ,
Драгайшій былъ его и прелюбезной сынъ.
Гдѣ онъ? Епископа смиренно вопрошаетъ,
Залогъ мой, что живой святыня сохраняетъ?
Онъ мертвъ — власть Божія — сей общій жребій всѣхъ!
Онъ живъ по существу — онъ живъ — но умеръ въ грѣхъ.
Вскричалъ Епископъ тутъ — потомъ Святому ясно,
Нещастнаго открылъ паденіе ужасно.
Какая смерть увы! Апостолъ восклицалъ,
И въ гнѣвѣ нѣкоемъ священному такъ вѣщалъ:
Почто ты не имѣлъ о братѣ попеченья?
Кому я поручилъ души его спасенье!
Бѣгу, да смертныя оковы разрѣшу,
И бурю золъ надъ нимъ подъятую утишу.
Мнѣ помощь небеса въ семъ дѣлѣ обѣщаютъ,
И вотъ они о семъ что нынѣ мнѣ вѣщаютъ:
Коль часъ единъ его умедлишъ ты спасти,
То долженъ будешь съ нимъ и казни понести.
Линъ только рекъ, тотъ часъ намѣренье свершаетъ,
Восходитъ на коня, и въ путь свой поспѣшаетъ.
Вотще старается Епископъ удержать, —
Пусти, кричитъ Святой, не можно больше ждать;
Въ опасности душа — мнѣ время драгоцѣнно,
Отвѣтъ я за нее дать долженъ непремѣнно.
Съ симъ словомъ Іоаннъ невидимъ тамо сталъ;
Девятый надесять ужъ люстръ ему насталъ,
Кого бы, лѣтъ число сіе не удручило?
Но въ немъ то бодрости никакъ не уменшило.

Онъ

ОнЪ всякіе труды готовЪ былЪ понести,
ЧтобЪ кЪ церкви бѣглеца обратно привести,
И адскаго его мученія избавить; —
О чудо! можно ли кому сіе представить?
Согбенный старецЪ, такЪ какЪ дерзостный орелЪ,
ЧрезЪ рѣки, чрезЪ лѣса, чрезЪ дебри полетѣлЪ.
И той уже горы подошву достигаетЪ,
Которая вЪ себѣ нещастныхЪ тѣхЪ вмѣщаетЪ;
И сокрываетЪ ихЪ отЪ солнца и людей.
Но кто укрыется отЪ БожіихЪ очей?
Извившіяся тутЪ стези, во внутрь ведущи,
Открыли старцу путь вЪ разбойнически кущи.
АпостолЪ прямо кЪ ихЪ жилищу приступилЪ,
Но стражЪ увидѣвши его, остановилЪ.
ТутЪ кротко ІоаннЪ, но сЪ важностью вѣщаетЪ:
Веди меня кЪ тому, кто вами управляетЪ.
Не бойся, чтобЪ его на гнѣвЪ то навело. —
Та рѣчь, и святостью блестящее чело,
Такое здѣлало во стражѣ впечатлѣнье,
Что чувствовалЪ кЪ нему и страхЪ онЪ и почтенье,
Не смѣетЪ задержать, боится упустить;
ЗамѣшанЪ, изумленЪ, не знаетЪ что творить.

Но вЪ станѣ между тѣмЪ тревога началася,
За копья, за мечи толпа вся принялася:
Начальника свово имѣя предЪ собой.
О Боже! дивенЪ есть премудрый промыслЪ твой;
Всесильной властію, ты все чудесно строишь,
И разныя пути кЪ спасенію готовишь! —
Сей вождь продерзливый, вождь скаредныхЪ извергЪ,
КоторыхЪ вЪ бездну золЪ, коварный врагЪ низвергЪ;

БѣглецЪ

БѣглецЪ поправшій всѣ законы освященны,
Носящій мечь вЪ крови, невинныхЪ обагренный,
ЕдинымЪ взоромЪ былЪ святаго пораженЪ,
Сей грозный исполинЪ сталЪ старцемЪ побѣжденЪ.
И смертный передЪ кѣмЪ, дрожитЪ все, упадаетЪ,
Зря Іоанна самЪ трепещетЪ, убѣгаетЪ;
Не тако горлица, отЪ ястреба паритЪ,
Когда тотЪ хищникЪ ей злой смертію грозитЪ;
КакЪ сей злодѣй, бѣжитЪ скрыть слухЪ свой и видѣнье,
ОтЪ праведныхЪ укорЪ, и срама обличенье.
О сила Божества! АпостолЪ лишЪ предсталЪ,
ТутЪ тотЪ часЪ ученикЪ учителя позналЪ.
ЧтожЪ было сЪ нимЪ, какЪ гласЪ услышалЪ сей сладчайшій,
Закону Божію предЪ симЪ его учащи!
Почто меня бѣжишь? вЪ слезахЪ кричитЪ святой;
Почто увы! почто? не ужасайся, стой;
Не врагЪ я твой, но другЪ, и вЪ случаѣ семЪ нуженЪ;
Чего боишся ты, я старЪ и безоруженЪ,
Какіе доспѣхи здѣсь кЪ бою предЪявлю?
Мнѣ слезы ратна бронь, я ихЪ лишЪ только лью!
Зри плачуща отца. О сынЪ отесточенный!
О сынЪ мой! ты еще надежды нелишенный!
ПріемлетЪ БогЪ тебя, пріемлетЪ твой отецЪ. —
По сихЪ словахЪ уже АпостолЪ наконецЪ,
Священной будучи любовью распаленной,
ЗабылЪ казалось то, что старецЪ онЪ согбенной
КакЪ бурной вѣтрЪ перо по воздуху несетЪ,
ТакЪ быстро на конѣ бѣгущему во слѣдЪ,
ОнЪ скачетЪ, и при томЪ зоветЪ, увѣщеваетЪ,
ПреступникЪ гласЪ его со трепетомЪ внимаетЪ,

И

И нѣкимъ ужасомъ священнымъ бывъ объятъ ;
Не знаетъ возвести куда свой смутный взглядъ ,
Къ святому обратить , стыдится и не смѣетъ ,
На небо , онъ его прогнѣванным имѣетъ .
Остановилъ коня , и ницъ на землю палъ ,
Слезами подъ собой ее онъ орошалъ ,
Уже ли вопіетъ , мнѣ есть еще прощенье !
Уже ли моего ждетъ небо обращенья ?
То видя , радостны , Апостолъ , слезы льетъ ;
И спѣшившись къ нему въ восторгѣ самъ идетъ ;
Раскаянный встаетъ , оружіе слагаетъ ,
Срѣтаетъ шедшаго , объемлетъ , лобызаетъ ,
О отче мой ! гласитъ ; еще тебѣ я милъ !
Тотъ милъ еще , кто всѣ злодѣйствы учинилъ ,
Которой своего въ конецъ прогнѣвалъ Бога ,
Которому одна показана дорога
Къ жилищу мрачному , во преисподней адъ ; —
Нѣтъ святче , нѣтъ уже мнѣ болѣе отрадъ !
Промолвивъ то уныль , печалію стѣсненной ,
Въ тоскѣ , отчаяньѣ , грѣхами отягченной ,
Нещастной отрокъ сей прискорбенъ , возмущенъ ,
Казался вѣчно быть прощенія лишенъ . —
Но громъ отмщенія надъ нимъ еще не грянулъ ,
Виновной , какъ отъ сна глубокаго воспрянулъ ,
И нѣкой ободренъ надеждою вдругъ сталъ ,
Со трепетомъ къ ногамъ блаженнаго упалъ .
Одежду смертную съ души своей слагаетъ ,
Но руку отъ отца со тщаніемъ скрываетъ ,
Служившую ему къ убивству и татьбѣ , —
Какъ Божіей всегда угодно есть судьбѣ ,

Сиреньевъ.

Смиреньемъ чтобъ ломить и кротостью рогъ сильныхъ,
То руку ту въ крови дымящу неповинныхъ
Апостолъ ухватя, цѣлуетъ, къ перси жметъ,
А Богъ, которой всѣхъ къ раскаянїю ждетъ,
Тутъ ясно изъявилъ свое съ нимъ примиренье,
Казалось на него съ небесъ благословенье;
Обильною струей лилося яко дождь,
Святѣйшїй Іоаннъ, души премудрый вождь.
Се — паки сгибшую овцу къ себѣ прїемлетъ,
Се гласу пастыря, овца погибша внемлетъ,
Течетъ во слѣдъ его, поникнувшей главой,
Горячей оросивъ лице свое слезой.
Свершивши путь, въ вертепъ блаженнаго вступаетъ,
Гдѣ пепеломъ главу смиренно посыпаетъ,
Власяну на себя срачицу возложа,
По всякъ часъ Господу работая, служа,
Въ молитвѣ и постѣ, какъ въ нѣкой ратной бронѣ,
Готовымъ былъ всегда врагу во оборонѣ.
И непрестанну брань творя съ нимъ до конца,
Прїемлетъ нынѣ мзду побѣды отъ Творца.

С... Безвлас.....

Печатана въ Московской Сѵнодальной Типографiи 1796 года.

kn

П Ѣ С Н Ь

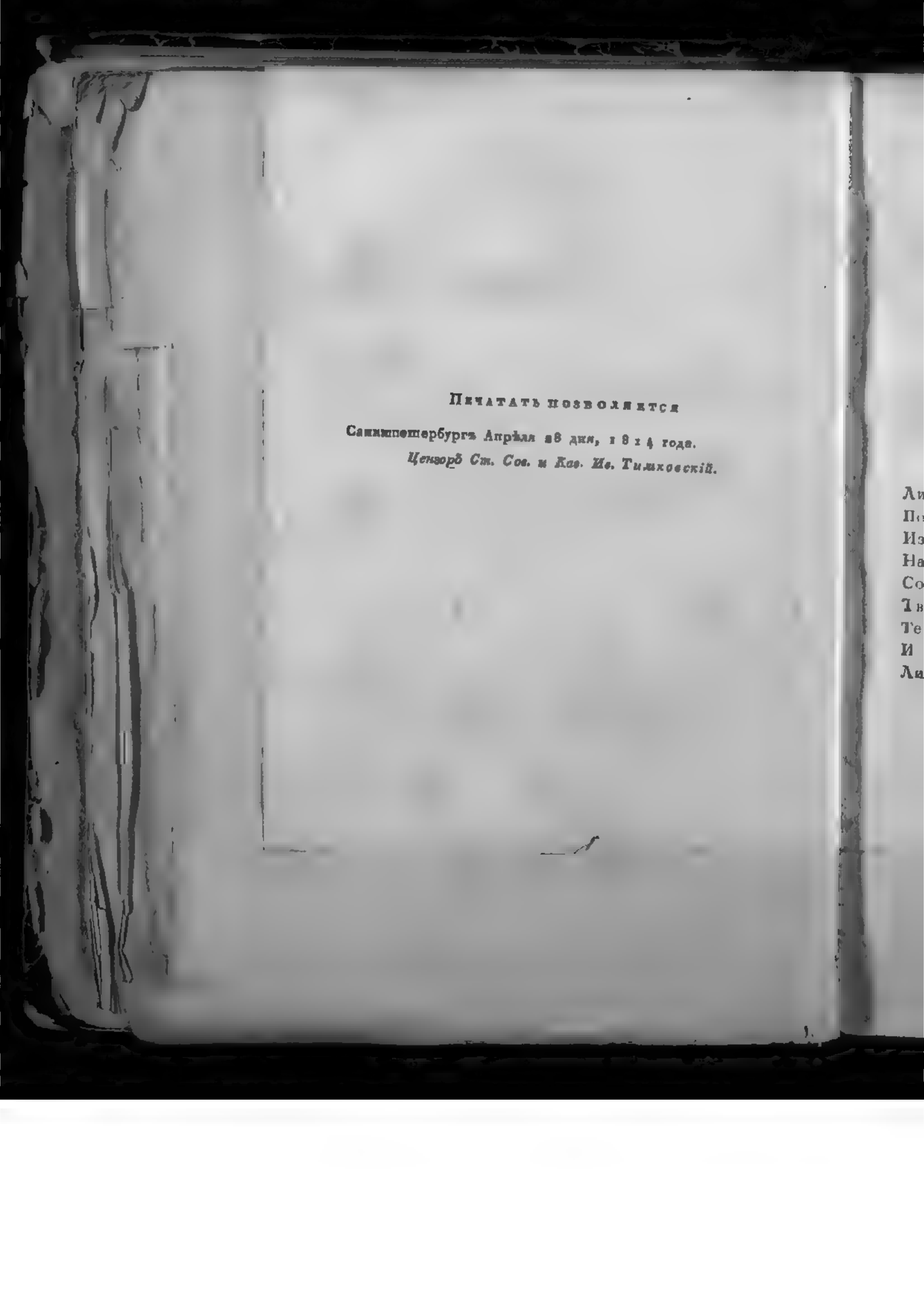
АЛЕКСАНДРУ ВЕЛИКОМУ,

ПОБѢДИТЕЛЮ НАПОЛЕОНА,

И

ВОЗСТАНОВИТЕЛЮ ЦАРСТВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
въ Морской Типографіи 1814 года.



Печатать позволяется

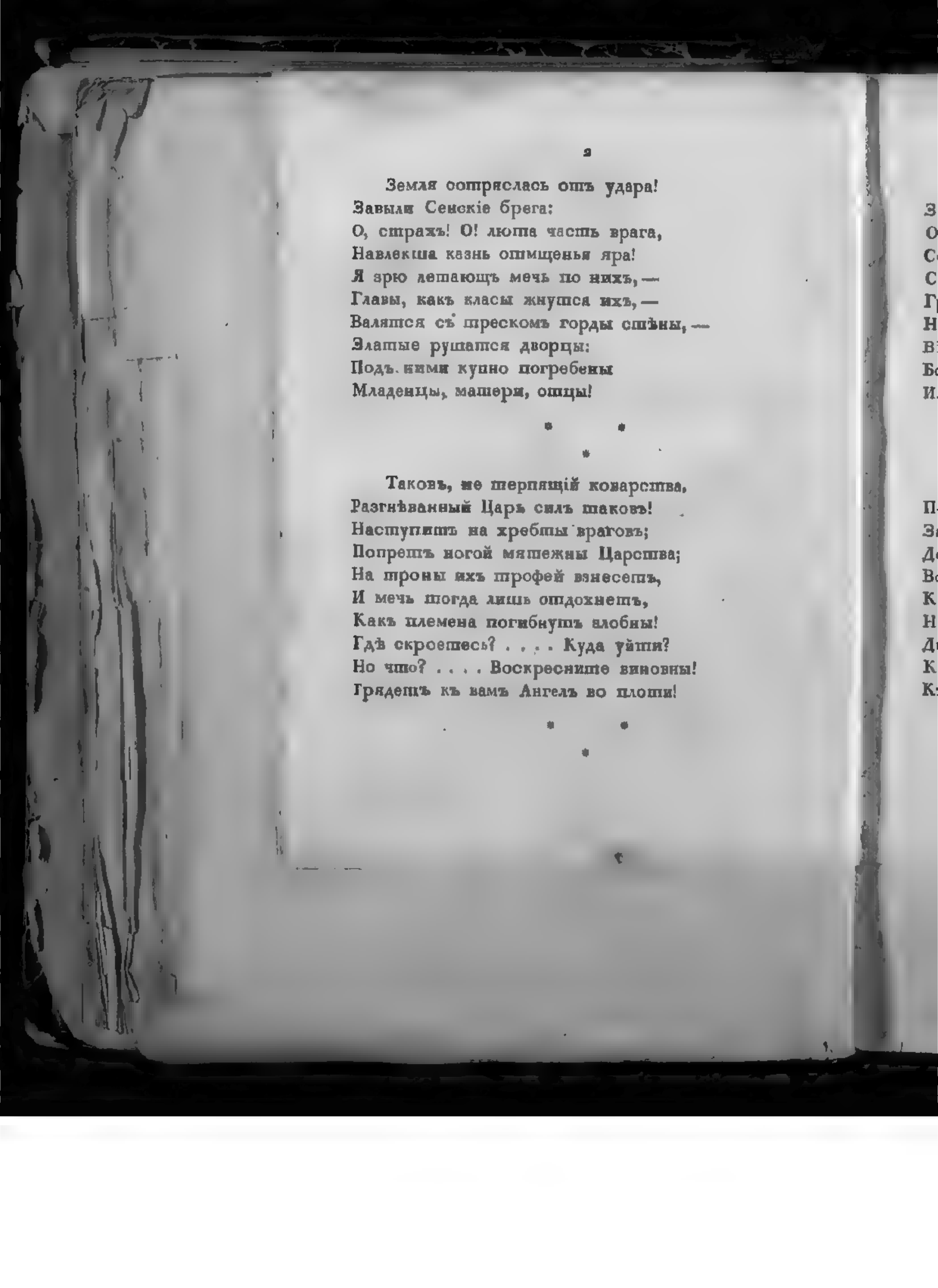
Санктпетербургъ Апрѣля 28 дня, 1814 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тимковскій.

ПѢСНЬ
АЛЕКСАНДРУ ВЕЛИКОМУ,
ПОБѢДИТЕЛЮ НАПОЛЕОНА
И
ВОЗСТАНОВИТЕЛЮ ЦАРСТВЪ.

Ликуй Москва! о, градъ священной!
Ликуй, твой Царь тебя отмстилъ!
Пожары кровью погасилъ,
Изъ ребръ злодѣйскихъ източенной!
На ихъ престольный градъ идетъ;
Сожжетъ его, — истнитъ, — сотретъ:
Твердыни ихъ изгладитъ въ степи!
Тебя, кто мыслью оскорбилъ
И тѣмъ, — и тѣмъ на выю цѣпи!
Ликуй Москва! грядетъ Царь силъ!

* *
*



Земля сотряслась отъ удара!
Завыли Сенскіе брега:
О, страхъ! О! люта часть врага,
Навлекша казнь отмщенья яра!
Я зрю летающъ мечь по нихъ, —
Главы, какъ класы жнутся ихъ, —
Валятся съ трескомъ горды стѣны, —
Златые рушатся дворцы:
Подъ ними купно погребены
Младенцы, матери, отцы!

* *
*

Таковъ, не терпящій коварства,
Разгнѣванный Царь силъ таковъ!
Наступитъ на хребты враговъ;
Попретъ ногой мятежны Царства;
На троны ихъ трофей взнесетъ,
И мечь тогда лишь отдохнетъ,
Какъ племена погибнутъ злобны!
Гдѣ скроетесь? . . . . Куда уйти?
Но что? . . . . Воскресните виновны!
Грядетъ къ вамъ Ангелъ во плоти!

* *
*

О, кротость всѣмъ неимовѣрна!
Зерцало Божьей лѣпоты!
О, дивный мой МОНАРХЪ! се ТЫ!
Се мудрость свыше вдохновенна!
Се ТЫ, Россіи Царь, отецъ,
Грядешь, сбирая дань сердецъ!
На мѣсто заслуженной казни,
Вѣтвь масличну несешь врагамъ;
Бодришь преступныхъ отъ боязни
Имъ руку простирая самъ!

* *
*

Стоятъ внезапу цѣпѣнѣлы,
Потупя долу очеса!
Затихли дерзки словеса,
До днесь толико бывши смѣлы!
Вотще, гласъ совѣсти глуша,
Ко злобѣ силится душа;
Не сыщутъ злобы,—умиленны! . . .
Дивясь, любовію горятъ!
Къ ТЕБѢ сердца ихъ покоренны; —
Къ ТЕБѢ хвала и мысль летятъ!

* *
*

Двухъ Царствъ потомству для сравненья
Столицы и Цари стоять:
Того не право мечь подъять;
СЕЙ вызванъ, идетъ для отмщенья.
Тотъ лавой огненной течетъ:
Ему кровь съ жупеломъ во слѣдъ;
Въ гортани ядъ,—въ очахъ свирѣпство,—
Шипучія змія у ногъ:
Гдѣ ступитъ казнь, неволя, бѣдство;
СЕЙ милости ліетъ, какъ Богъ!

*   *
*

Тотъ длань подъявъ неутомленну,
Лишь алчетъ покорить мечемъ,—
Да слава прогремитъ о немъ,
Что бичъ онъ Божій на вселенну;
Что злобу пролилъ безъ преградъ;
Весь міръ, какъ язва или гладъ
Опустошилъ въ немноги годы;
СЕЙ движимъ благостью одной,
Идетъ спасать отъ бѣдствъ народы,
Не алча славы и прямой!

*   *
*

Тотъ мощью ада ополченный,
Набѣгъ на дружеску страну;
Сошелъ коварства въ глубину,
Обѣты преломя священны.
Не въ бой сомнительный, — какъ тать,
Какъ тигръ бѣжитъ опустошать!
Увы! санъ Царскій пристыжая
Грозитъ,—развратомъ ополченъ!
Бунтъ, подкупы, пороковъ стая
Суть ратники его знаменъ!

* *
*

Но что жѣ полчища нечисты?
Россія не трепещетъ ихъ!
Не внемлютъ подъущеній злыхъ
Ея сыны на брань огнисты!
На куплю не пускаютъ честь!
За подкупы злодѣю месть!
Какъ львы вокругъ наслѣдна трона
Рыкаютъ, мщеніемъ горя!
Сомкнуты груди оборона:
Падутъ, иль защитятъ ЦАРЯ!

* *
*

Москва, имуща тяжку рану
И каплюща изъ сердца кровь,
Питала тужъ къ НЕМУ любовь
И равну ненависть къ тирану!
Ни лестью словъ, ни мощью силъ,
Наполеонъ не побѣдилъ!
Маститая Царица славы
Въ гоненьи пребыла тверда!
Орлу законныя державы
Собой не нанесла стыда!

* *
*

О! сколь успѣхи разнородны
Свирѣпыхъ и великихъ дѣлъ!
Наполеонъ себѣ обрѣлъ
Однѣ проклятія народны!
Во всѣхъ подсолнечной краяхъ,
Средь знойныхъ поясовъ, во льдахъ:
Вездѣ, гдѣ только есть языки,—
Гдѣ слухъ народной отворенъ,
Россійскій АЛЕКСАНДРЪ Великій
Вездѣ,—отъ всѣхъ благословенъ!

* *
*

Нетлѣннымъ лавромъ осѣненный
Явился вражескимъ полкамъ:
И тамъ благословенъ, и тамъ!
Подъ стѣны идешъ покоренны:
Парижъ, духъ бранный усмиря,
Приялъ, какъ своего Царя!
Народъ толпится, будто волны!
Не видно скорбнаго чела!
Лобзаютъ прахъ восторга полны,
Стопы, и конски удѣла!

* *
*

Вельможи въ стройномъ стекшись чинѣ
Возжгли торжественны огни!
Повсюду радости одни,
Какъ будто въ собственной дружинѣ!
Повсюду раздается кликъ:
„Великъ Россійскій Царь, великъ!
„Отъ бѣдства свободилъ вселенну!
„Виновныхъ милуя простилъ!
„Злодѣемъ бездну растворенну,
„Рукою мощной затворилъ!“

* *
*

Съ какимъ ТЕБЯ героемъ славы,—
Съ какимъ властителемъ сравню?
Найдется ль гдѣ такой? .:. , не мню!
Въ ОДНОМЪ всѣхъ доблестны ихъ нравы!
ТЫ Царь, отецъ,—и гражданинъ!
ТЫ все желанное одинъ!
Сопрягъ ты храбрость съ снизхожденьемъ,—
Побѣды съ кротостью святой,—
Велики подвиги съ смиреньемъ,—
Великій санъ СВОЙ съ простотой!

* *
*

Что, что Помпеи, Африканы?
Что Цесари, и Геркулесъ? . . .
Мастики жгли имъ до небесъ,
И обожились истуканы:
Но что они передъ ТОБОЙ?
Ихъ лавры: кровь, и плачь, и вой;
ТВОИ: всеобщее спокойство.
Ихъ цѣль испепелить града;
ТВОЯ: содѣлать въ нихъ устройство,
Щитить СОБОЮ отъ вреда!

* *
*

Возьмутъ побѣдъ тѣхъ ликованье?
Зрю погребальный только ходъ,—
Въ веригахъ скованный народъ,—
Награбленныхъ богатствъ собранье,—
Влекомыхъ у колесъ Царей;
Зрю мрачну скорбь,—ошую съ ней
И сами Боги тѣ вѣнчанны!
Златыя къ облакамъ врата,—
На дскѣ дѣянья изваянны:
Вотъ вся побѣдъ ихъ лѣпота!

* *
*

ТЕБЯ, текуща нынѣ съ бою
Врата побѣдны не вмѣстятъ!
Подъятыхъ царствъ ведешь ТЫ рядъ;
Въ вѣнцѣ Россія предъ ТОБОЮ!
Грядешь, какъ свѣтлый САМЪ женихъ!
Полки враговъ, отъ рукъ ТВОИХЪ,
Что тяжка плѣна свободились
Идутъ, ТЕБѢ ликуя въ слѣдъ:
Острѣй мечи ихъ изощрились
Подъ сѣнію ТВОИХЪ побѣдъ!

* *
*

Науки снова воскриленны
О ТВОЙ держась булатный мечь,
Въ Россію жаждутъ снова втечь,
Войной бывъ нагло отторженны!
Издѣлія, торги, мѣна,
ТВОИ увидя знамена,
Толпятся вкругъ, познавъ свободу.
Навьючемный верблюдъ, и мулъ
Несетъ обиліе народу,
И землю сотрясаетъ гулъ!

* *
*

Въ моря повсюду отворенны
Летятъ съ богатствами суда:
Отъ груза пѣною вода,—
Отъ щегловъ будто лѣсъ взращенный!
Британски, легкокрылый флотъ,
ТВОЙ красный украшая ходъ
На всѣхъ вѣтрилахъ мчится дружно!
Издѣлій дивное число,
Художество въ трудахъ досужно
Во всѣ предѣлы понесло!

* *
*

Гдѣ тотъ ваятель небывалый,
Гдѣ кисть, иль молотъ, иль рѣзецъ,
Что могъ бы изъ конца въ конецъ
На дскѣ, толико нынѣ малой
Великій подвигъ ТВОЙ явить?
Не можетъ умъ его вмѣстить, —
Ни мысль изчислить скоротечна!
Ему рѣзецъ: спасенный міръ,—
Ему ваятель: слава вѣчна:
Въ сердцахъ,—не въ камнѣ ТВОЙ кумиръ!

* *
*

Тебѣ, побѣдну пѣснь поюща,
Я зрю предѣловъ слову нѣтъ!
Восторгъ мой далѣе влечетъ!
Украся гусли въ листья плюща,
И мирты для ТЕБЯ вія,
Не умолкалабъ пѣла я!
Какъ ТЫ, свершая подвигъ дивный,
Изшелъ подъ Божескимъ щитомъ,
На рати наступя противны!
Въ мятежныхъ правый бросилъ громъ!

* *
*

Какъ змія одолѣвъ стоглава,
Ногой ему на выю сталъ!
Какъ міръ ТЕБѢ весь восплескалъ,
И звучна загремѣла слава!
Какъ ТВОЙ единородный БРАТЪ
Перуны мещетъ въ супостатъ,
Межъ храбрыми носясь полками:
Своимъ утѣха, чуждымъ страхъ,
Летаетъ смѣло подъ огнями:
И гнѣвъ и милость на очахъ!

* *
*

Какъ САМЪ подъ пуль и ядеръ свистомъ
Стоишь нетрепетной ногой:
Они мѣлкаютъ надъ ТОБОЙ;
А ТЫ въ своемъ шумъ духѣ чистомъ
Мятежнымъ сотыкаешь ковъ!
Какъ ТЫ полки своихъ орловъ
Предводишь Самъ на ратно поле:
Быстръ, смѣлъ, не утомимъ, не гордъ...
Но нѣтъ! я пѣть хотѣлабъ болѣ,
Какъ ТЫ жалѣешь смертныхъ родъ!

* *
*

О! вы, грядущіе піиты,
Сколь вашъ ни сладокъ будетъ гласъ,
Мы зависть возродимъ у васъ!
Не будемъ мы во вѣкъ забыты!
Не станемъ на ряду ни съ кѣмъ:
Изъ устъ въ уста мы перейдемъ
За подвигъ АЛЕКСАНДРА чтимы,
Доколь подлунный міръ стоитъ,
Всевышняго рукой хранимы
И солнце лучь не погаситъ!

* *
*

Гдѣ я? . . . . что духъ мой созерцаетъ!
Зрю сумракъ ночи развлекло,
И твердь, сквозяща, какъ стекло
Зажженны звѣзды мнѣ являетъ.
Вотъ идутъ всѣ они грядой.—
Свились вѣнцемъ между собой,
Въ Эфирѣ стали недвижимо!
Подъ ними праведны цари
Проходятъ въ свѣтлыхъ тѣняхъ мимо
Одѣты маншіей зари.

* *
*

Вдругъ встали отъ земли кадилы,
Горѣ мастичный дымъ лія.
Внезапу храмина моя
Сотряслась отъ незримой силы.
Разверзты вижу небеса,
И тихи вѣтры въ утеса,
Какъ будто стройные тимпаны
Мнѣ тихо пѣніе несутъ:
Зрю въ купахъ Ангели собраны
Протяжно, сладостно поютъ.

* *
*

,,Блаженъ!" поютъ Небесны Лики,
,,Блаженъ, имѣвый Божій страхъ,
,,Ходящій въ праведныхъ путяхъ, —
,,Блаженъ, — О! АЛЕКСАНДРЪ Велики!
,,ОНЪ кротокъ, и смиренъ душей!
,,Вкусивый отъ земныхъ честей
,,Гордыни буйной не упился;
,,Но духомъ трезвъ, желаньемъ чистъ
,,ОНЪ вящше предъ Творцемъ смирился,
,,И заповѣдь Его хранитъ!

* *
*

„Блаженъ, блаженъ за благостыню!
„ОНЪ каплю крови бережетъ;
„Какъ чадъ людей своихъ блюдетъ;
„Ихъ счастья основалъ твердыню!
„Заблудшимъ отъ стези прямой,
„Да пойдутъ по стезѣ святой,
„Съ терпѣньемъ оставляетъ время.
„Питаетъ сирыхъ, немощныхъ,—
„Подъялъ не втунѣ царско бремя:
„Не дремлющь ОНЪ для дѣлъ благихъ!

* *
*

„Блаженъ за мудрость сокровенну!
„Земный пренебрѣгая тлѣнъ,
„ОНЪ духомъ къ Небу вознесенъ,
„На мощь не полагаясь бренну!
„ОНЪ вѣдаетъ, что все прейдетъ,
„Едино лишь добро живетъ,—
„И что идуще долу мимо
„Есть дымъ и суетна тщета!
„Что семя благъ въ добрѣ хранимо:
„Оно нетлѣнна лѣпота!—“

* *
*

Умолкли гласы вожделѣнны!
Тутъ тѣни праведныхъ царей,
Ликуя о хвалѣ ТВОЕЙ,
Явили взоры умиленны.
Но паче свѣтлыми другихъ
Я зрѣла предковъ тамъ ТВОИХЪ.
„Блаженъ! —" гласятъ — „нетлѣнной славой,
„Блаженъ, возлюбленный нашъ Сынъ!
„Россія, подъ ЕГО державой,
„Какъ злачный тучнится кринъ! —"

Анна Бунина.

ПИСЬМО
КЪ ЖЕНѢ, ОТЪ МУЖА

идущаго

на-приступъ

КЪ ГОРОДУ ОЧАКОВУ;

въ Декабрѣ Мѣсяцѣ 1788 года.

LETTRE
D'UN RUSSE à SA FEMME

écrite

quelques heures avant l'assaut

d'OTCHACOVE;

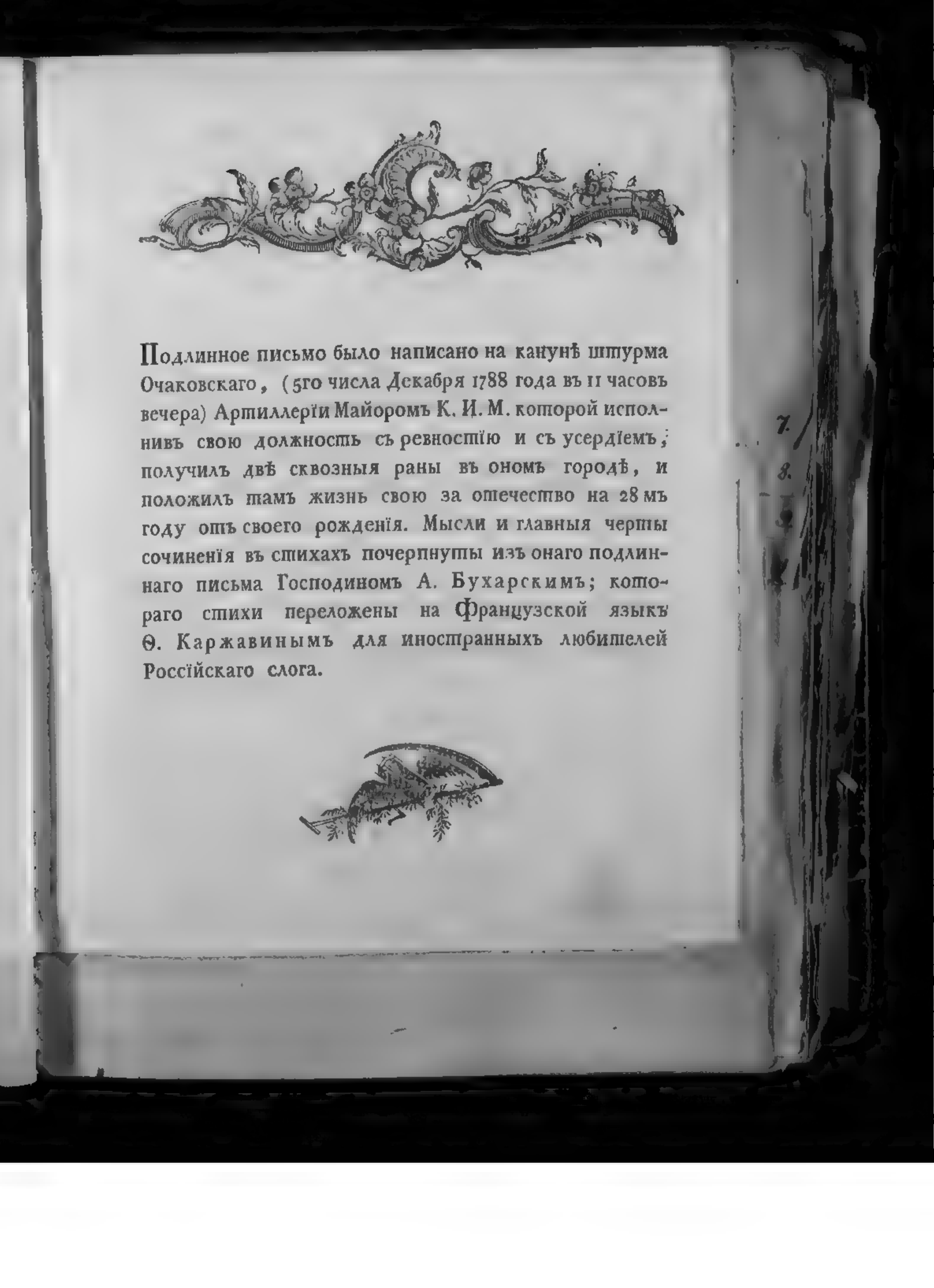
Au Mois de Décembre 1788.

Супругъ онъ у жены, на брани Воинъ былъ.

ВО ГРАДѢ СВЯТАГО ПЕТРА,

съ дозволенія Управы Благочинія печатано у І. К. Шнора,

M. DCC. LXXXX.



Подлинное письмо было написано на канунѣ штурма Очаковскаго, (5го числа Декабря 1788 года въ 11 часовъ вечера) Артиллерїи Майоромъ К. И. М. которой исполнивъ свою должность съ ревностїю и съ усердїемъ; получилъ двѣ сквозныя раны въ ономъ городѣ, и положилъ тамъ жизнь свою за отечество на 28 мъ году отъ своего рожденїя. Мысли и главныя черты сочиненїя въ стихахъ почерпнуты изъ онаго подлиннаго письма Господиномъ А. Бухарскимъ; котораго стихи переложены на Французской языкъ Ѳ. Каржавинымъ для иностранныхъ любителей Россїйскаго слога.

Пол-сердца моего! дражайшая супруга!
любовницу въ комъ зрѣлъ и вѣрнаго я друга,
на смерть грозящую опредѣливъ себя,
не узрю, можетъ быть, во вѣки я тебя! —
во вѣки! — что я рекъ? — ужасное мечтанье!
мнѣ смерти самыя лютяй твое терзанье;
то слово лишь одно мой разумъ весь мутитъ,
и твердости души преграду становитъ;
то слово лишь мои всѣ мысли омрачаетъ
и въ будущемъ одинъ мнѣ ужасъ представляетъ.
Когда къ нещастїямъ мы въ свѣтъ сотворены,
по что намъ мыслити способности даны?
по что мы мукъ не зря, заранѣе страдаемъ,
и много разъ еще до смерти умираемъ?
о воображенїе, даръ щедраго Творца!
ставъ нынѣ моего предвѣстникомъ конца,
преобратилось въ ядъ ты для меня смертельной
и мукою меня снѣдая безпредѣльной,
не вѣрно что еще, то вѣрнымъ кажешь мнѣ,
твердя что Смерть всегда сопутствуетъ войнѣ.
Такъ я иду на смерть! — идя на стѣны града.
о мыслей рай моихъ, души моей отрада!
всѣхъ склонностей моихъ единственной предметъ;
для коей мнѣ одной сей скорбный дорогъ свѣтъ;
толикожъ какъ тебѣ, отечеству бывъ вѣренъ,
къ обоимъ въ сердцѣ вамъ храня жаръ равномѣренъ,

Moitié de mon coeur, épouse très chérie, en qui je trouvai toujours une amante et une amie fidelles! résolu d'affronter la mort qui me menace, je ne Te reverrai, peut-être, plus jamais! — jamais? — qu'ai-je dit? — o terrible Idée! le tourment que tu me causes est affreux, la mort me seroit plus douce: ce mot, ce mot seul repand le trouble dans mon esprit et met une barriere à la fermeté de mon ame; ce mot seul a couvert mes pensées de ténebres, en ne me fesant entrevoir qu'horreur dans l'avenir. Si nous ne venons en ce monde que pour y être malheureux, pourquoi donc la faculté de penser nous est-elle donnée? pourquoi, sans voir de tourments, sommes-nous d'avance tourmentés? pourquoi souffrons-nous mille morts, avant que la Mort vienne nous moissonner? o Imagination, riche don du Créateur! aujourd'hui que tu m'annonces la fin de ma destinée, tu deviens pour moi le plus mortel des poisons; et pour mettre le comble aux souffrances infinies que j'endure, ce qui n'est pas encore sur, tu me le montres comme certain en me répétant sans cesse que la Mort marche toujours à la suite des combats.

Ainsi je vais à la mort, — allant sur les murs d'Otchacove! o Paradis de mes pensées! o Délices de mon ame! o Toi l'unique objet de tous mes penchants! o Toi pour la quelle seule cette triste vie m'est encore chere! autant fidelle à ma Patrie que je l'ai été à mon épouse, et conservant dans mon coeur une ardeur égale pour toutes les deux;

какъ Воинъ, должность я стремлюсь свершить свою;
какъ Мужъ, я о тебѣ предъ смертью слезы лью.
иду разить враговъ о жизни не радѣя,
почтеннаго вождемъ Родителя имѣя,
соотчичей я зрю и братїй вкругъ себя;
блаженъ, предъ смертьюбъ коль взглянулъ и на тебя!
О Боже! съ выспреннихъ внемли мое моленье;
продли еще — продли Ты дней моихъ теченье;
висящїй надо мной ударъ Ты отврати;
межъ множества громовъ свой щитъ мнѣ низпусти;
да въ брани осѣненъ имъ буду я безвреденъ. —
Ты знаешь, мнѣ не льститъ вѣкъ смертенъ сей и бѣденъ;
Ты знаешь, къ жизни чѣмъ привязанъ столько я:
Супруга, чада! вотъ, вотъ жизнь одна моя.
коль персты смерти злой ко мнѣ не прикоснутся,
не я спасуся тѣмъ, они тогда спасутся.
обычну щедрость Ты свою на нихъ прославь!
корысти брань лиши, падущаго воставь!
Коль лютое я днесь мученье ощущаю! —
душа души моей! Тебя я оставляю! —
Тебя? — увы! — но ктожъ толико-бъ силенъ былъ
чтобъ насъ, одну въ другомъ, живущихъ разлучилъ?
ктобъ нашему конца союзу сталъ содѣтель?
любовь его сплела, скрѣпила добродѣтель. —
на всяко щастїе препона въ свѣтѣ есть. —
возвышенныхъ сердецъ мучительница Честь,

comme Guerrier, je cours remplir l'étendue de mes obligations; comme Epoux, je repands sur toi des larmes avant-courrieres de mon trépas. Je vole exterminer l'ennemi, ma vie ne m'inquiéte plus; j'ai pour guide le respectable auteur de mes jours *), mes compatriotes m'accompagnent, mes freres **) marchent à mes côtés. — Heureux, si, avant le coup mortel, je pouvois aussi jeter un dernier regard sur une épouse qui fit mon bonheur!

„ Dieu! du haut du ciel éxauces mon humble priere! prolonges „ de quelques années, prolonges encore mes jours! détournes de des-„ sus ma tête le coup qui la menace! au milieu des tonnerres, cou-„ vres moi de Ton bouclier! fais qu'à son abri j'évite au combat le „ trait meurtrier! Tu le sais, le triste sejour de la terre n'a point d'at-„ traits pour moi: Tu sais ce qui m'attache tant à la vie de ce monde: „ une épouse, des enfants! voilà, grand Dieu! toute mon existence. „ Si la mort n'ose appesantir sa main cruelle sur moi, ce sont eux, „ eux seuls, que Ton bras aura sauvés. Répands sur cette Famille tes „ largesses ordinaires, prives la Mort de sa proie, et d'une main secou-„ rable raffermis mes pas mal assurés„

Quel cruel moment pour moi! quels tourments inouïs! chere ame de mon ame! c'est Toi que j'abandonne! Toi? — helas! — mais qui donc auroit assez de force pour nous séparer, pour nous empêcher de vivre l'un dans l'autre, pour rompre les noeuds qui nous ont unis? noeuds, que l'Amour a formés, que la Vertu a resserrés! mais dans la vie de ce monde, est-il quelque félicité qui n'ait des traverses? — l'Honneur, ce tiran des coeurs généreux;

---

*) Le Baron I. I. M. Z. Gén. d'Art. Chev. des Ordres de St. André, de St. Aléxandre-Névski, de St. George, de St. Vladimire et de Ste. Anne.

**) Le Baron P. I. M. Z. Chev. de l'Ordre Milit. de St. George, Lieutenant-Colonel d'Artill. le Baron Yégore I. M. Z. Capit. d'Artill. et Mr. D. P. R. Capit. d'Artillerie.

Долгъ съ нудящей рукой и голосомъ суровымъ,
и Слава льстящая вѣнцемъ уму лавровымъ,
изъ нѣдръ отечества насъ внѣ его влекутъ,
изъ нѣжныхъ рукъ жены, отъ слабыхъ дѣтищъ рвутъ,
велятъ себѣ платить несносны сердцу дани,
чувствительныхъ зовутъ на поле страшной брани;
заставятъ, прежде чѣмъ враговъ тамъ поражать,
труднѣйшу надъ собой побѣду одержать —
но мнѣ-ль исправить то? — на что я восклицаю? —
Тебя, о Ангелъ мой! Тебя лишь оставляю!
Тебя, блаженство что творила мнѣ одна;
Тебя, я коей самъ былъ къ щастію вина,
которая въ любви ко мнѣ границъ не знала,
и страстью сей себѣ все въ свѣтѣ замѣняла:
оканчивая днесь я вѣкъ нещастный свой,
лишь бѣдность за любовь даю Тебѣ цѣной;
и, вяще чтобъ была пронзаема скорбями,
покинута съ двумя Ты мною сиротами.
Когда свершится мой плачевный нынѣ рокъ,
на брани коль моей польется крови токъ,
то самою Тебя сей заклинаю кровью,
взаимной вѣрностью, взаимною любовью,
да утѣшаешься колико льзя Тебѣ,
возвергнувши печаль на Бога въ сей судьбѣ;
Онъ праведенъ и благъ, глубинъ сердечныхъ зритель;
мнѣ Вѣра въ томъ залогъ что Онъ нашъ покровитель.

le Devoir au bras menaçant et à la voix impérieuse; la Gloire qui sait flatter l'esprit par l'attente d'une couronne de lauriers; voilà ce qui nous éloigne du sein de la Patrie, voilà ce qui nous arrache aux caresses de nos tendres épouses et aux embrassements de nos foibles enfants; ce qui nous extorque un tribut trop fort pour notre coeur; ce qui appelle notre sensibilité aux champs ensanglantés de Mars, et, avant que d'y songer à terrasser l'ennemi, nous force à remporter sur nous-mêmes une victoire bien plus pénible. — Mais est-ce à moi à y remédier? — pourquoi m'écrié-je tant? — c'est Toi, o mon Ange! c'est Toi que j'abandonne! Toi, qui fesois seule mon unique bonheur! Toi, qui trouvois en moi une source de félicité! Toi, qui ne connus jamais de bornes à ton amour pour moi! Toi enfin, qui sacrifias tout dans ce monde à cette loyale passion! — malheureux époux! o comble d'infortune! dès ce moment qu'on va trancher le fil de mes jours, je ne te donne que l'indigence pour prix de ton amour! et pour que ton coeur soit plus navré de douleur, je te laisse deux orphelins *) pour surcroît de malheurs! —

Dès l'instant qui aura terminé ma triste destinée, dès le moment que mon sang coulera sur les murs de la ville; ce même sang, chere Epouse! — cette fidélité réciproque, — cet amour mutuel que nous avons l'un pour l'autre; — voilà des termes sacrés: — par eux, je te conjure de te consoler autant que tu le pourras; rejetes sur notre Dieu le poids de ton affliction; il est juste, il est miséricordieux, il connoit le fond des coeurs: j'ai pour garant la Religion qu'il sera notre Protecteur.

*) Un fils Iv. C. et une fille A. C.

За кровь мою воздавъ струями слезъ Ты дань,
восплачь о мнѣ! — по томъ, утѣшься и престань!
покоемъ Ты своимъ мнѣ дашь покой во гробѣ,
и не клени въ земной лежащаго утробѣ.
коль думы мрачныя придутъ Тебя смущать,
мужайся! не давай собой имъ обладать;
воспомни, что хотя имѣешь мужа мертва,
но здѣлана Тобой отечеству въ немъ жертва.
любовью онъ къ Тебѣ себя не постыдилъ,
Супругъ онъ у жены, на брани Воинъ былъ:
Лавръ, коего своей онъ смертїю достоенъ,
второй его душѣ, Тебѣ тотъ Лавръ присвоенъ.
Да будетъ щастїе наслѣдїе Твое!
вѣрь! часъ, въ который я пишу Тебѣ сїе,
болѣзненъ столько мнѣ, столь душу раздираетъ,
что равныхъ ощутить супругъ Твой мукъ не чаетъ,
хоть множество его покроетъ тѣло ранъ,
хотя полу-живой подъ мертвыми попранъ,
онъ будетъ испускать духъ по частямъ малѣйшимъ
чтобъ долѣ жертвой быть страданїямъ лютѣйшимъ.
Вручаю я Тебя Родителю въ покровъ.
за утро будетъ день — обильный Аду ловъ! —
день Смерти торжества, и ужаса Природы; —
день кой, въ протекшїе щастливые намъ годы,
въ весельяхъ я съ Тобой невинныхъ провождалъ,
и мнилось къ тьмѣ отрадъ своихъ не доставалъ;

Mon sang mérite tes pleurs, Tu lui dois ce tribut; repands un torrent de larmes! — puis consoles Toi, et cesses de pleurer! — plus Tu seras tranquille, mieux je reposerai dans ma fosse: — n'inquiétes plus, ma chere ame! la cendre froide de Ton époux quand une fois la terre l'aura reçue dans son sein. — Si par fois de tristes pensées viennent affliger ton esprit, prends courage et ne leur donnes point de prise sur tes idées. Rappeles-Toi que si Ton époux n'est plus au nombre des vivants, c'est un sacrifice que tu en as dû faire à Ta Patrie. Autant quil T'a aimée, autant sa gloire lui fut à coeur; près de l'épouse il fut Epoux, à la guerre ce fut un Guerrier. La Palme, dont il s'est rendu digne en mourant pour sa Patrie, c'est à son autre ame, c'est à Toi qu'elle appartient. Que le bonheur T'accompagne, qu'il soit Ton héritage! crois-moi, le temps que j'emploie à T'écrire mes adieux, me cause tant d'angoisses, déchire tellement mon ame, — que je ne compte pas souffrir des maux aussi cruels, quand mon corps tout entier seroit couvert de blessures, ou que même demi-vivant enseveli sous un tas de cadavres, j'exhalerois mes derniers soupirs les uns après les autres, pour être plus long temps en proie aux douleurs les plus cuisantes de l'agonie.

Je Te recommande à mon Pere, et Te remets entre ses mains. Demain ce sera un jour — de grande aubaine pour l'Enfer! — jour de triomphe pour la Mort, — jour d'éffroi pour la Nature! — ce jour, au temps passé de nos heureuses années, je goutois avec Toi des plaisirs innocents, croiant que mon coeur enivré de joie ne pourroit jamais suffire à tant de contentement; (*) —

*) 6. Déc. jour de St. Nicolas] fête de Mr. N. P. R. beau-frere du Major.

въ сраженьи препровесть сей день я долженъ буду!
гдѣ человѣчество, — и самъ себя забуду! —
представь, мученїе какое претерплю,
какъ ноги обагривъ на трупы наступлю;
изъ агнца какъ себя преображу въ убїйцу,
и кровожаждущу взмахну свою десницу;
хотя и на врага отеческой странѣ,
но на подобнаго со-человѣка мнѣ! —
когда въ сгустившемся мнѣ облакѣ отъ дыма
жерлъ мѣдныхъ молнїя едина будетъ зрима;
когда орудїя геенски возревутъ;
какъ врагъ съ врагомъ сомкнясь другъ на друга падутъ;
кровавы какъ мечи звуча съ двухъ странъ возблещутъ;
какъ узрю что главы, шарамъ подобно, мещутъ;
отъ мыслей лишь о томъ мой духъ оледенѣлъ! —
Но естьли ужъ таковъ Всевышняго предѣлъ,
благословенье пусть, даемое съ слезами,
пребудетъ до конца съ моими сиротами;
которы отъ того всю будутъ жизнь страдать,
что нѣжнаго Отца имъ жребїй не далъ знать.
Когдаже симъ они горѣть желаньемъ станутъ,
на Матерь пусть свою ихъ любящую взглянутъ;
обрящутъ въ ней меня; — души Ея на днѣ
по смерти твердое жилище будетъ мнѣ;
и въ дѣйствахъ будутъ всѣхъ коль Ей сообразаться,
достойны тѣмъ они дѣтьми того назваться

ce même jour, je dois le passer au combat, où j'oublierai l'humanité, — je m'oublierai moi-même! — Représentes-toi quel sera l'excès de mon tourment, quand il me faudra d'un pied ensanglanté fouler des cadavres; quand d'un agneau me transformant en loup carnassier, je terasserai d'un bras meurtrier — l'ennemi de mon païs natal? — oui: — mais un homme aussi! — un autre moi-même! — quand au travers des tourbillons d'une épaisse fumée, l'on ne verra que des éclairs sortant des bouches d'airain; quand l'air retentira des mugissemens des machines infernales; quand l'ennemi fonçant sur l'ennemi, tous les deux morderont la poussiere; quand le cliquetis des armes frappera mes oreilles et que mes yeux ne verront des deux côtés que des glaives teints de sang; en un mot quand je verrai les têtes rouler comme des boules aux pieds des remparts! — rien que d'y songer, mon coeur est tout glacé!

Mais si déja le très Haut a tranché ma destinée, que ma benédiction donnée les larmes aux yeux, repose à jamais sur mes pauvres orphelins: ils auront à souffrir toute leur vie de ce que le sort ne leur a pas permis de connoître un pere qui les chérit: mais dès que ce noble désir viendra à embraser leur ame, qu'ils jetent alors la vue sur une mere pleine de tendresse, ils me retrouveront en elle; — c'est au fond de son ame, qu'au sortir de cette vie, je fixerai mon quartier. Si dans toutes leurs actions ils veulent imiter leur mere, je les dis d'avance dignes d'avoir eu pour pere un homme

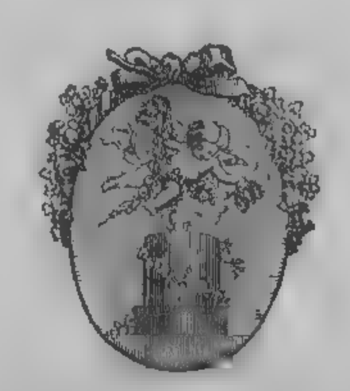
кто жизнь, жену и ихъ для отчества забылъ:
блеснутъ въ нихъ тѣмъ черты того кто ихъ родилъ,
и родъ нашъ черезъ нихъ не будетъ въ посрамленье,
кой ревностью снискалъ всеобще уваженье.

Цѣлую ихъ съ тобой, душа души моей!
и вѣрность кровью ту печатаю своей
котору соблюду къ Тебѣ я и по смерти.
Когда прїидетъ рокъ дверь гроба мнѣ отперти,
изъ бренна тѣла духъ какъ будетъ излетать,
разлука лишь съ тобой начнетъ меня терзать.
Я твердъ противу мукъ, мнѣ гибель не ужасна,
мысль та лишь поразитъ увы! меня нещастна,
что ужъ не возмогу Тебя увѣрить я,
что Мужа Твоего вся жизнь была Твоя.

qui
L'c
jou
trie
je
le
qu
c'e
tra
d'e
qu
ent

qui à su oublier pour sa Patrie ses enfans, son épouse et lui-même. L'on verra renaître en eux les traits de celui dont ils ont reçû le jour; et notre Famille, qui a mérité par son zele l'éstime de la Patrie, ne se verra point dégénérer dans ces nobles rejetons.

Je les embrasse, ainsi que Toi, chere ame de mon ame! et je cimente de mon sang la fidélité que je Te garderai même après le trépas. — Quand le Sort viendra m'ouvrir la porte du Sépulcre, quand l'ame commencera à se dégager de sa dépouille mortelle; c'est alors que notre séparation achevera de me déchirer les entrailles. — La douleur ne me sauroit abattre, ni la Mort me causer d'éffroi: il n'y aura donc de bourreau pour ton malheureux époux que l'idée affreuse de ne pouvoir plus te persuader que sa vie toute entiere n'a été que pour Toi.



Au Lecteur.

La lettre autografe qui a fourni le sujet des vers Russes, est datée du 5 Décembre 1788 à 11 heures du soir, veille de l'assaut d'Otchacove; elle a été écrite au camp par le Major d'Artillerie C. I. M. qui se préparoit à faire honneur à l'assaut qui fut donné le lendemain, jour de Saint Nicolas Patron des Soldats Russes; ceux-ci, en 5 quarts d'heure, furent les maîtres de la ville et de la citadelle, passerent au fil de l'epée 9510 hommes, firent 4000 prisonniers, prirent 118 drapeaux avec 310 canons et mortiers (le nombre des Habitans se montroit à 25000): Les Vainqueurs perdirent dans cette occasion 956 hommes et eurent 1824 blessés. Du nombre de ces derniers fut le Major C. I. M. qui reçut quatre blessures en deux coups de feu au travers de la poitrine et du ventre dont il mourut quelques jours après regretté de ses compatriotes, pleuré de ses amis, de ses parents et d'une respectable épouse restée veuve à 22 ans avec deux enfants en bas âge. Un Militaire ami des Muses et de l'humanité, Mr. A. Bouhharski, saisit avantageusement l'ensemble des idées qui ne sont qu'ébauchées dans la lettre en prose pour en faire un développement dans une Epître en vers qui fait honneur à son génie et à son coeur et nous fait désirer de voir paroître au jour la colléction de ses autres productions Littéraires.

Pour la satisfaction de ceux qui aiment à voir des modeles de la Littérature Russiénne dans une langue étrangere, autant que la prose peut rendre la poësie, l'on a présenté à côté des vers une traduction Françoise faite par Ph. Karjavine, ancien Interprete pour le Roi au Siege de l'Amirauté du Fort St. Pierre à la Martinique, et au Consulat de France en Virginie.

A SAINT PETERSBOURG,

De l'Imprimerie de J. Ch. Schnoor; avec Permission de la Police.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ

О Кошкахъ и Хозяинѣ ихъ.

Жилъ — былъ мудрецъ въ одномъ предмѣстіи Багдада,
Какъ, на примѣръ сказать, у насъ въ *Кресетникахъ.*
Фоли (1) была его — Аѳинская Паллада,
И нашъ мудрецъ писалъ и въ прозѣ и въ стихахъ.

•

Онъ повѣсти писалъ умно, остро, забавно;
И первымъ былъ всегда героемъ оныхъ самъ;
И оды сочинилъ и *разговоры* славно:
Въ честь *храбрымъ ратникамъ*, — въ насмѣшку *парикамъ.*

•

Къ тому жъ еще онъ зналъ особенно природу;
Подобно, какъ и все; Натуралистомъ былъ:
Онъ зналъ, что Кошка, Котъ дворянскаго суть роду (2),
И Кошку и Кота, какъ братію любилъ.

---

(1) Такъ по Персидски называется *богиня мудрости.*
(2) Кошки происходятъ отъ *благородныхъ* животныхъ, — барсовъ тигровъ, и проч.

Ихъ было у него — Историія вѣщаетъ —
На всякую изъ душъ домашнихъ по пяти;
И каждая душа — преданье увѣряетъ —
Должна была съ своей артелью жизнь вести,

И пить, и ѣсть, и спать, и умереть — хоть можно;
А естьли нѣтъ, Кота иль Кошку схоронить,
Когда скончаетъ вѣкъ, опекуну ихъ должно,
И въ исполненіи присягу учинить.

О Кошки! о Мудрецъ! хвалитесь ввѣкъ судьбою!...
Когда садится сей за столъ роскошной (1) свой;
То въ каждое изъ блюдъ тѣ тыкнутся головою,
И все обнюхаютъ; а тамъ накрытъ другой.

И *Машки* (2) съ перваго на этотъ переходятъ,
И все имъ напередъ учтиво подаютъ;
И *Машки* у себя все лучшее находятъ;
За ихъ здоровье всѣ — хозяинъ, гости, пьютъ.

---

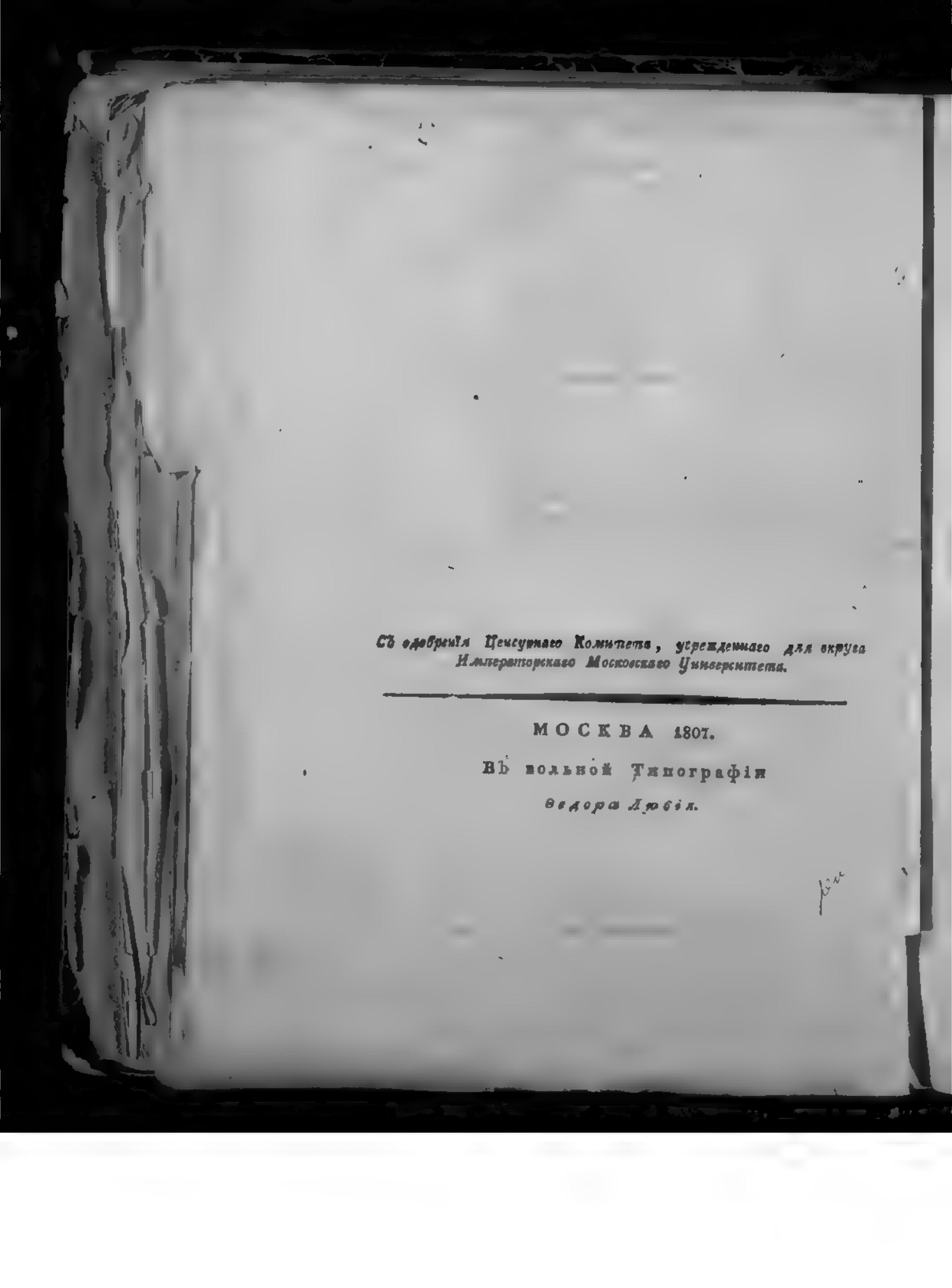
(1) Въ Азіи сластолюбивы и мудрецы.
(2) Нашъ мудрецъ и стихотворецъ далъ имена всѣмъ Кошкамъ.

Невольники стоятЪ вокругЪ столовЪ толпами,
И ждутЪ *маукаяля*, — приказу отЪ господЪ;
Кидаются служить, стучатся головами,
И каждой день похожЪ, сказать, на Новой годЪ.

Мудрецъ мой наконецЪ провозгласилЪ вЪ БагдадѢ,
Что КошкамЪ-дочерямЪ приданое даетЪ;
Что можетЪ самЪ женихЪ любую выбрать вЪ стадѢ,
И что женившагось онЪ зятемЪ назоветЪ.

Исторія молчитЪ о свадьбахЪ, о потомствѢ
Фамильи мудреца, — о щастьи брачныхЪ узЪ,
О вѣрности; любви, интригахЪ, вѣроломствѢ
И было ль это все вЪ роду любимца музЪ.

Былыневѣдомскій.



Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для округа Императорскаго Московскаго Университета.

МОСКВА 1807.

ВЪ вольной Типографіи

Ѳедора Любія.

8

ОДА,

Которою Императорскій Московскій Университетъ изъявляетъ свою радость о благополучномъ возвращеніи изъ чужихъ краевъ перваго своего учредителя и Куратора,

ГОСПОДИНА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО

ТАЙНАГО СОВѢТНИКА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО КАМЕРГЕРА,

ОРДЕНОВЪ СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА, БѢЛАГО ОРЛА И СВЯТЫЯ АННЫ

КАВАЛЕРА,

ИМПЕРАТОРСКИХЪ АКАДЕМІЙ НАУКЪ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА

ХУДОЖЕСТВЪ

ПЕРВАГО УЧРЕДИТЕЛЯ

ИВАНА ИВАНОВИЧА

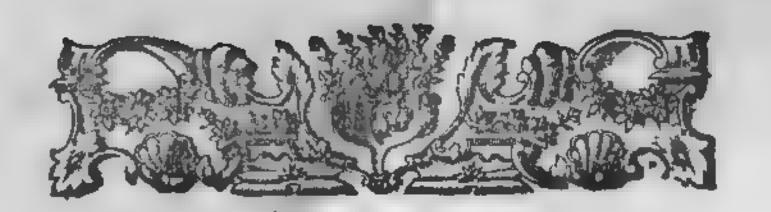
ШУВАЛОВА,

ЧРЕЗЪ ГЛАСЪ ПИТОМЦА СВОЕГО

СТУДЕНТА

ИВАНА ВЕРЕЩАГИНА.

Печатана при ИмператорскомЪ МосковскомЪ УниверситетѢ 1777 года.



ОДА

Не хоръ ли вижу я священный
Девяточисленныхъ Богинь,
Гремящихъ въ струны позлащенны
Среди прекраснѣйшихъ пустынь;
Гдѣ Иппокрена протекаетъ,
И нѣжной влагою питаетъ
Лавровыхъ смежныхъ горъ хребетъ;
Темпейскими катясь полями,
Своими чистыми струями
Тюльпанамъ, розамъ жизнь даетъ?

❉ ❉ ❉

Такъ: Музы въ арфы ударяютъ
Движеніемъ нѣжнѣйшихъ рукъ,
Лѣса́ и го́ры повторяютъ
Ліющій сладость въ сердце звукъ;
Одѣты новымъ славы блескомъ,
Дѣля веселымъ воздухъ плескомъ
По злачнымъ шествуютъ лугамъ.
Священный ужасъ духъ объемлетъ,
Въ глубокомъ умъ молчаньи внемлетъ;
Отверся велелѣпный храмъ.

❉ ❉ ❉

ПодЪ кроткимЪ поясомЪ небеснымЪ,
ВЪ объятіяхЪ младой весны,
Стихіи гдѢ союзомЪ тѢснымЪ
Между собой сопряжены,
На мраморныхЪ столпахЪ взнесенный
СтоитЪ отЪ вѢка непремѢнный:
ОтЪ Асписа его врата,
ПомостЪ и стѢны отЪ Сафира,
И верьхЪ всего пространна міра
Возможна кроетЪ красота.

* * *

На тронѢ тамЪ вЪ лучахЪ горящихЪ
СѢдитЪ премудро божество,
И множествомЪ зарей свѢтящихЪ
ОсіяваетЪ естество;
ПредЪ нимЪ чудовище пронзенно
Скорпіями вооруженно
ЛежитЪ и отрыгаетЪ ядЪ;
Безсильно встать грызетЪ утробу,
ГремитЪ оковами, и злобу
ЧрезЪ пламенный являетЪ взглядЪ.

* * *

ТамЪ гласЪ не молчный раздается
По сводамЪ разливаясь всѢмЪ;
ТамЪ НектарЪ сладости ліется
Віяся чистымЪ кристалемЪ;
Всегдашни тамЪ зефиры вѢютЪ,
Поля цвѢтами вкругЪ пестрѢютЪ;
ВЪ ночи тамЪ свѢтЪ какЪ ясный день;
ОтЪ рощей вѢтвями сплетенныхЪ,
ОтЪ древЪ плодомЪ обремененныхЪ
Во дни тамЪ жаркомЪ сладка тѢнь.

* * *

Бла-

Блаженство мыслямЪ не понятно;
И щастіе сихЪ красныхЪ мѢстЪ!
БлагополученЪ тотЪ стократно,
Кому сей рай земный отверстЪ!
Се домЪ сЪ денницей вдругЪ созданный;
ГдѢ Музы славою вѢнчанны,
Оставя вышезвѢздный градЪ,
Не зыблемый престолЪ воздвигли;
ЧтобЪ земнородные достигли
ДаровЪ небесныхЪ и отрадЪ.

* * *

Раскошною рукой оттолѢ,
КакЪ многихЪ водЪ и рѢкЪ струи;
ВЪ пространномЪ всѢхЪ твореній полѢ
Разсыпали дары свои:
ПрезрѢвЪ гласЪ бурь и громЪ гремящій,
ЧрезЪ стрѢлы молніи разящи,
ВозводятЪ кЪ небу быстрый зракЪ,
Пути планетЪ тамЪ созерцаютЪ,
Пловца щастливо провождаютЪ
ЧрезЪ яры вихри, мглу и мракЪ.

* * *

Паря вЪ наслѢдные предѢлы,
ВЪ глубоку бездну горнихЪ тѢлЪ,
ВЪ лазурный сводЪ всегда веселый,
НадЪ коимЪ всѣхЪ Господь возсѢлЪ,
ВосторгомЪ сладкимЪ предводимы
ТамЪ миры зрятЪ не исчислимы
Ни вЪ тысящахЪ, ниже во тьмахЪ;
Поставя миліонЪ на оны,
И паки видятЪ миліоны
Катящихся вЪ своихЪ кругахЪ.

Въ пространствѣ углубясь вселенной
Срѣтаютъ тожъ число чудесъ,
Когда свой взоръ не утомленной
Возводятъ въ горы, море, лѣсъ;
Сіяющіе тамъ металлы,
А здѣсь прекрасные кораллы
Вниманье ихъ къ себѣ влекутъ,
Здѣсь воздухъ тьмы перомъ біющихъ,
Въ пучинахъ страшно тамъ ревущихъ
Ихъ око созерцаетъ чудъ.

* * *

О! коль пространное открылось,
Наукамъ поле громкихъ хвалъ!
Что блага ихъ не пріобщилась?
И гдѣ ихъ свѣтъ не возсіялъ?
Стремленію враговъ въ преграды
Науки возвышаютъ грады,
Выводятъ стройные полки,
Не движны горы потрясаютъ,
Къ вершинамъ рѣки воспящаютъ
Могуществомъ своей руки.

* * *

Столь дивны, сильны и велики
Въ строеніи природы всей,
И толь могущіе владыки
Науки посредѣ людей.
Но кая ихъ страна вмѣщаетъ,
Раститъ и воздухомъ питаетъ,
И движетъ въ нихъ кипящу кровь?
Гдѣ цвѣтъ и плодъ ихъ красный зрѣетъ?
Что духъ въ нихъ возвышая грѣетъ,
Крѣпитъ, бодритъ, живитъ? Любовь.

* * *

ТамЪ ихЪ вознесена держава,
Гдѣ кротость сЪ тишиной живетЪ;
ТамЪ ихЪ гремитЪ немолчна слава,
Гдѣ милости щедрота льетЪ.
Златые дни! драгіе вѣки!
СЪ весельемЪ восплещите рѣки,
И сЪ шумомЪ взнесите гласЪ:
ВЪ Россіи Музы обитаютЪ
ВЪ отрадѣ радости играютЪ
И движутЪ весь сЪ собой ПарнассЪ.

* * *

ВЪ ней вмѣсто ясной Иппокрены
Спокойная течетЪ Нева;
Повсюду ДафнинЪ листЪ зеленый
РаститЪ великая Москва;
Одѣта вЪ свѣтлую порфиру
Главой касается ефиру
Вмѣщая МузЪ цвѣтущій садЪ;
Кастальски воды разливаясь,
Шумя, крутясь, вдаль устремляясь,
ВозвеселяютЪ Божій градЪ.

* * *

Какими радостьми взыграли
Піериды среди трудовЪ,
КакЪ звуки вѣсть чрезЪ эхо дали
СЪ БалтійскихЪ красныхЪ береговЪ:
„ГрядетЪ, грядетЪ вашЪ попечитель,
„Блаженства вашего виждитель,
„Надежда и благій отецЪ!
Исполнясь чудныя премѣны
ВЪ веселіи подвиглись стѣны
СЪ восторгомЪ нашихЪ вдругЪ сердецЪ!

* * *

Ужѐ

Уже пятнатцать разъ свершило
Годичной солнце свой округъ;
Пятнатцать лѣто разъ златило
Дубравы, тучны нивы, лугъ;
Пятнатцать лѣтъ того мы ждали;
Чтобъ очи къ намъ Твои сіяли,
О! Музъ нѣжнѣйшій Меценатъ.
Сбылось желаніе сердечно!
Мы зримъ веселье безконечно
Чрезъ вожделѣнный Твой возвратъ.

* * *

Какъ цвѣтъ весны веселымъ взглядомъ
Согрѣтъ и снова оживленъ,
Любуется своимъ нарядомъ
Румянцомъ алымъ покровенъ;
Тряхнувъ листки на верхъ подъяты
На воздухъ сыплетъ ароматы,
И чувство въ сладкой плѣнъ ведетъ;
Трудолюбивыхъ пчелъ сзываетъ,
И имъ въ награду истощаетъ
Въ своихъ сосудахъ скрытый медъ:

* * *

Такой прекрасной и веселой
Ванесенныхъ Музъ и зракъ и видъ;
Въ рукахъ ихъ вѣтвь оливы зрѣлой,
И лавромъ верхъ главы покрытъ;
Одѣты въ ризы знамениты,
Предходятъ имъ путемъ Хариты,
И хоръ утѣхъ съ собой ведутъ;
Изъ устъ приходъ Твой внемля славы
Вмѣняютъ скуки за забавы
И трудъ покоемъ сладкимъ чтутъ.

* * *

Про-

Простри, желаній мужъ, вѣницы
На подвигъ Твой и на труды,
И дланію Своей десницы
Пожни веселія плоды.
О! коль сладка и совершенна,
Свѣтла, пріятна, несравненна
Та радость въ чувствахъ и сердцахъ,
Когда мы зримъ среди утѣхи
Благополучные успѣхи
Въ начаткахъ нашихъ и концахъ!

❋ ❋ ❋

Воззри, науки облеченны
Въ сіяніе и славы свѣтъ;
И виждь Тобою насажденный
Художествъ въ совершенствѣ цвѣтъ;
Внемли пѣвцевъ трубой гремящихъ,
При токахъ и лѣсахъ шумящихъ,
Пареніе и Твой въ нихъ жаръ;
Воззри въ Московскій садъ тѣнистый,
Гдѣ юны Музы пламень чистый
Сердецъ Тебѣ приносятъ въ даръ.

❋ ❋ ❋

Хотя намъ мѣсто возбраняетъ
Твоихъ добротъ зрѣть красоты;
Однако духъ нашъ созерцаетъ
Твой взоръ, движеніе, черты:
Твои намъ персты щастье пишутъ,
Уста Зефиромъ кроткимъ дышутъ,
Душа любовію горитъ,
Лице Твое къ намъ обращенно,
И нѣжно око устремленно
На насъ со благостію зритъ.

X X Бла-

Благословенъ гряди рукою
Всевышняго въ Твоихъ путяхъ,
Гряди и къ общему покою
Преуспѣвай въ своихъ дѣлахъ;
Благословенно то начало,
Что намъ Тобой блаженство дало;
Благословенъ Твой къ роду трудъ!
Къ отечеству Твои заслуги
Чрезъ многіе вѣковъ округи
Потомки звучно воспоютъ.

ПѢСНЬ

ОСѢНЯЕМАЯ СВЫШЕ РОССІЯ

на

ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА,

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ,

ДЕРЖАВНѢЙШІЯ,

ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ

ВСЕРОССІЙСКІЯ,

СОЧИНЕНА

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

СТУДЕНТОМЪ

ИВАНОМЪ ВЕРЕЩАГИНЫМЪ.

Печатана при ИмператорскомЪ МосковскомЪ УниверситетѢ.

1775.

⁂

Внимая звучной гласъ и плескъ всея вселенной
Богини хладныхъ странъ дѣлами восхищенной,
Которую съ высотъ послали небеса,
Чтобъ ЕЮ произвесть во свѣтъ чудеса,
Чтобъ Россовъ славной родъ еще въ НЕЙ воспрославить
На совершенствъ стезю и щастія поставить,
Оружія ЕЯ рассыпать тамо громъ,
Гдѣ влажной Эвръ шумитъ, златой гдѣ Солнца домъ:
На сушѣ, на зыбяхъ бездонныя пучины
Изображенны зря дѣла ЕКАТЕРИНЫ,
Воспламени въ себѣ сердечной, Муза, жаръ,
Превысь сама себя, превысь свой слабой даръ,
Въ восторгѣ радости гласи во уши міра,
Колико насъ вознесъ Творецъ земли, эѳира,
Благослови Его въ насъ промыслъ преблагой
Возвыси нашихъ дней жизнь, щастіе, покой.

О! Ты, которымъ тьмы свѣтилъ горѣ возженны
И движутся однимъ устъ духомъ оживленны,
Отецъ вѣковъ, всея натуры хитрой Царь,
Предъ кѣмъ горитъ дымясь твореній всѣхъ олтарь,
Сколь намъ Ты о себѣ слѣды оставилъ ясны
Зерцаломъ бытія міръ давши сей прекрасный,
Всегдашній зря стихій между собою споръ,
На горы, лѣсъ, поля подъемля алчный взоръ,

Куда

Куда съ вниманіемъ себя ни обращаемъ,
Во всѣхъ мѣстахъ Твое величіе срѣтаемъ;
Многообразной видъ, вещей чудесна связь,
Что блещутъ красотой, одна съ другой сцѣпясь,
Теченіе временъ, законъ ихъ не премѣнный;
По зимней лютости шумитъ зефиръ весенный,
Сіяющей потомъ являетъ лѣто зракъ,
Ночь пожираетъ день, ночной день гонитъ мракъ:
Не все ли чрезъ себя то намъ прегромко скажетъ,
Что Вышняго рука порядокъ оный вяжетъ?
Когдажъ прилѣжно мы разсмотримъ малой міръ,
Всея природы цвѣтъ, и тварей всѣхъ кумиръ,
Сложеніе частей, талантъ его высокій
Какой насъ поразитъ восторгъ тогда глубокій?
Превратной гласъ его, порядочная рѣчь,
Что мыслямъ подаетъ къ другимъ свободно течь;
Достоинство его и тотъ небесный даръ,
Чѣмъ обтекаетъ онъ весь земноводный шаръ,
Чѣмъ настоящій день съ прошедшимъ различаетъ,
Въ завѣсу случаевъ грядущихъ проникаетъ,
Чѣмъ сходство, равность зритъ въ подобіи вещей,
Не знакъ ли бытія божественнаго сей?
Но естьли глубину мы древности измѣримъ,
То Вышняго судьбамъ и болѣе увѣримъ,
Увидимъ странныхъ сколь чудесъ она полна,
Въ которыхъ гибнетъ умъ и не находитъ дна.
Тамъ найдемъ самое намѣреніе злое
Превращено рукой всемощной во благое;
Сраженнаго судьбой въ дно мрачнѣйшихъ темницъ,
Сѣдящаго тамъ зримъ въ числѣ избранныхъ лицъ;
Среди огней, между лютѣйшими звѣрями
Тамъ видимъ безъ вреда спасенныхъ небесами;
Тамъ боязливой духъ и самой слабой полъ;
Чрезъ мѣру и себя и жребій превзошолъ,
Съ отважнымъ видомъ вдругъ Геройскою рукою
Тиранновъ гонитъ, ретъ, вождя вершитъ главою:
Столь промыслъ существа повсемственнаго скоръ
У наглости рѣшить съ невинностію споръ!
Но для чего намъ брать примѣры столь далеки?
Мы силу промысла зримъ въ нынѣшніе вѣки.
Россію предпріявъ ущедрить небеса
Высокія надъ ней явили чудеса;

Не

Не съ тѣмъ ли, скажетъ всякъ, она во тьмѣ лежала,
Дабы потомъ наукъ лучами возсiяла?
Не для тоголь врагамъ давала свой хребетъ,
Что на конецъ временъ ихъ мечь ея пожретъ?
Въ томъ увѣряетъ насъ вседневное искусство,
Тому свидѣтель всѣхъ земныхъ народовъ чувство.
Но чтобъ мы до сего достичь могли добра,
То промыслъ съ высоты намъ ниспослалъ *ПЕТРА*,
ПЕТРА орудiе свое войны и мира,
Какъ въ древности собой возлюбленнаго Кира;
Прiялъ на рамена Атлантъ сей долгъ для насъ,
Восшелъ на Тронъ и вдругъ невѣжество потрясъ;
Узрѣвъ въ концахъ земли сiяющи науки,
Воззвалъ простерши къ нимъ объятiя и руки;
Чрезъ тысящи препонъ, чрезъ горы и моря,
Летѣлъ къ богинямъ симъ желанiемъ горя;
Чтобъ ихъ призвать своимъ народамъ для утѣхи.
Какiежъ свѣтъ узрѣлъ трудовъ его успѣхи?
Лишь Аполлоновъ зракъ въ Россiи возсiялъ,
Какъ въ безднѣ вдругъ Нептунъ подъ флотомъ возстеналъ;
Лишь грады Музъ къ себѣ пришествiе узрѣли,
Какъ стройные полки съ побѣдой возгремѣли;
Едва сталъ укрощенъ судьбины лютой гнѣвъ,
Какъ палъ передъ Орломъ въ крови изъявленъ Левъ.
Но подвигъ вдругъ препятъ сего Алкида рокомъ,
Отца Отечества зримъ въ гробѣ слезнымъ окомъ.

Однако Богъ крѣпя съ Россiей свой завѣтъ
Отеръ слезъ токи ей пославъ *ЕЛИСАВЕТЪ*,
Наслѣдницу даровъ отеческихъ и виду,
Минерву въ тишинѣ, въ войнѣ Семирамиду.
Для позднихъ то временъ сей вѣкъ хранитъ теперь,
Сколь мы вознесены черезъ *ПЕТРОВУ* Дщерь.

Какъ древо при водахъ обильныхъ возрастая
И тучной влагой ихъ свой корень насыщая
Далеко въ высоту возноситъ гордой верьхъ,
Роскошно сыплетъ цвѣтъ и плодъ на злачной брегъ,
Прохожей утомленъ отъ солнечнаго зною
Подъ тѣнь его идетъ для сладкаго покою;
Стада тамъ разныхъ птицъ зеленой кроетъ листъ,
Которыхъ повторя разноситъ эхо свистъ:

Такъ Вышняго рука вознесла *ПЕТРОВО* племя,
Отъ рода въ родъ Его благословляя сѣмя;
Цвѣтетъ, растетъ его и зрѣетъ красной плодъ;
И тѣнію своей покоитъ Россійской родъ.
Хотя изъ ноженъ мечь свой Марсъ извлекъ кровавой,
Торжественнымъ вѣнцемъ насъ миръ покрылъ и славой;
Хоть огнь со пламенемъ на насъ несъ буйной Югъ,
И слѣдомъ потрясалъ поля, дубравы, лугъ;
Но вдругъ почувствовавъ могущество Борея,
О дерзости своей стократно сожалѣя
Вострепетавши палъ при сонмѣ тучныхъ рѣкъ,
Кленяся дружества хранить тѣ узы въ вѣкъ,
Которыя прервать дерзнулъ въ своей гордынѣ.
„Да будетъ, такъ изрекъ, вражды конецъ отнынѣ;
„Отселѣ я въ моряхъ водъ спящихъ не смущу,
„Нижѣ противу тѣхъ лице странъ обращу,
„Въ которыхъ по судьбамъ и Вышняго по волѣ,
„Сіяетъ правота и мудрость на престолѣ.
Онъ рекъ, и шумной гласъ несется по валамъ,
Вѣщая тишину долинамъ и лѣсамъ;
Исчезли на челѣ грозa и гнѣвъ Беллоны,
И раздались по всѣмъ мѣстамъ веселы тоны;
Домъ смутный Дардана украсилъ нѣжный цвѣтъ,
Пелопсова земля узрѣла новый свѣтъ,
Прервавъ неволи цѣпь поверженной Эллады
Ликуя, веселясь въ златой свободѣ чады
„Усердной къ небесамъ отъ устъ возносятъ гласъ
„Благословите дни Возставившія насъ,
„Исполните даровъ своихъ ЕКАТЕРИНУ;
„Счастливы ЕЮ мы, счастливы ЕЮ вынү.
Въ отчаяньи одни отъ тяжкихъ стонутъ ранъ
Окровавленной Днестръ, Дунай, Кагулъ, Лиманъ,
Гдѣ тучны на поляхъ Асійскія богатства
Сращинъ позволилъ взять героямъ безъ препятства,
Гдѣ взору ихъ страшась противиться не смѣлъ,
Средь пламени тонулъ, среди воды горѣлъ.

О! гордой сынъ Луны, намѣстникъ Магомета,
Ты тщетно простиралъ взоръ на минувши лѣта,
Тотъ вѣкъ ужè прошелъ, и въ вѣчности погрязъ,
Въ которой досягалъ Алпійскихъ горъ Кавказъ;

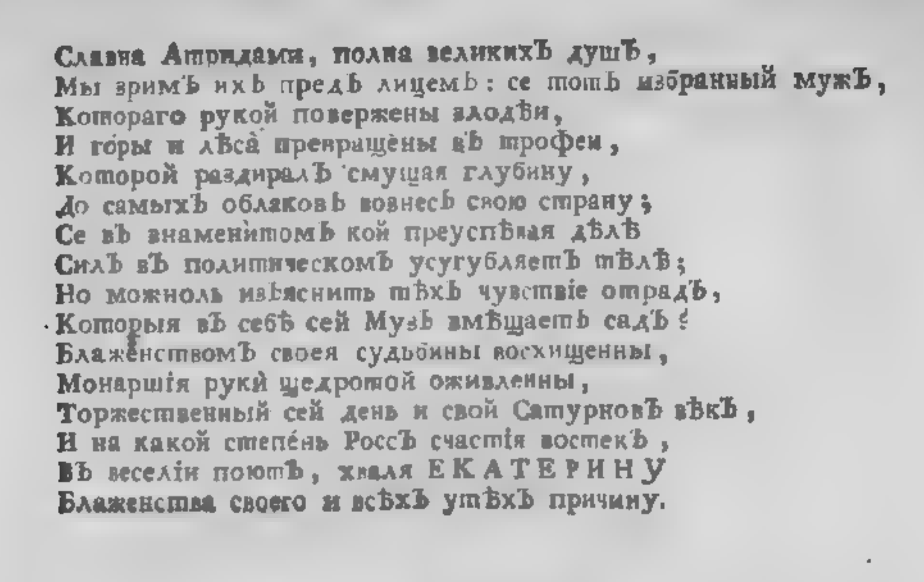
Не

Не числятЪ нынѢ войскЪ сгущенными толпами,
Вооруженными наукою руками
Усугубляя вѢсЪ вЪ металлахЪ и ударЪ
СильнѢе молнін разятЪ родивЪ пожарЪ.
Сквозь чорну мрака тѢнь, сквозь мглу безмолвной ночи
Россія возвела на свѢтЪ сомкнуты очи,
И древній внутрь себя исправивши порокЪ
Терзающій ее кЪ стопамЪ повергла рокЪ,
И тяжкое сложа невѢжества сЪ плечь бремя
ВЪ отрадѢ нынѢ зритЪ наукЪ златое время;
Минерва предсѢдя собору нѢжныхЪ сестрЪ,
Отверстою рукой на нихЪ щедроты льетЪ,
Пріумножая водЪ прозрачной Иппокрены
Повсюду ДафнинЪ цвѢтЪ и листЪ раститЪ зеленый.
Уже расторгнувши связь не рѢшимыхЪ узЪ
ГрядущихЪ ко вратамЪ срѢтаютЪ грады МузЪ,
Что вЪ новомЪ бытіи поютЪ ЕКАТЕРИНУ
Востаніе свое, высокую судьбину.
Возникнутъ и еще и ПАВЛА воспоютЪ
ВЪ НАТАЛИИ себѢ Палладу обрѢтутЪ,

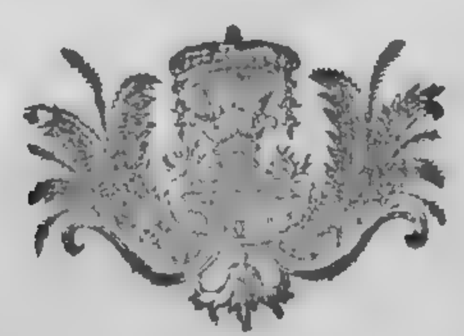
Украшенъ хладный край великими душами
Не будетЪ никогда забвенный небесами.
Уже грядетЪ тотЪ день и настоитЪ тотЪ часЪ,
Когда Россія вся премѢнится вЪ ПарнассЪ.
То промыслЪ сЪ высоты святыя обѢщаетЪ,
То само сбытіе предчувствіе скончаетЪ.

КакЪ мудрая душа посредствомЪ внѢшнихЪ чувствЪ
ИмѢетЪ о вещахЪ свободу тонкихЪ умствЪ;
Что производитЪ звонЪ, что кажетЪ видЪ пріятной;
Что пряность, запахЪ что раждаетЪ благодатной,
Что жидкость, густоту, являетЪ хладЪ иль жарЪ,
О всемЪ томЪ разсуждать душа имѢетЪ дарЪ,
Но чувства лишЪ одни на то употребляетЪ,
СамажЪ вЪ причины дѢйствЪ и силы проницаетЪ;
ТакЪ власть земныхЪ на томЪ основана Князей,
ЧтобЪ тысящи имѢть вЪ правленіи очей,
ОтверстыхЪ тьмы ушей, чтобЪ слышать неустройства
И миліоны рукЪ вЪ преграду беспокойства,
Для пользы общія, для совершенства благЪ
Всю щастія вершитЪ премудрый связь МонархЪ.
ВЪ благословенны дни, вЪ сей вѢкЪ ЕКАТЕРИНЫ
ВЪ Россіи процвѢли вновь древніе Аѳины;

Славна



Славна Атридами, полна великихъ душъ,
Мы зримъ ихъ предъ лицемъ: се тотъ избранный мужъ,
Котораго рукой повержены злодѣи,
И горы и лѣса превращены въ трофеи,
Которой раздиралъ смущая глубину,
До самыхъ облаковъ вознесъ свою страну;
Се въ знаменитомъ кой преуспѣвая дѣлѣ
Силъ въ политическомъ усугубляетъ тѣлѣ;
Но можноль изъяснить тѣхъ чувствїе отрадъ,
Которыя въ себѣ сей Музъ вмѣщаетъ садъ?
Блаженствомъ своея судьбины восхищенны,
Монаршїя руки щедротой оживленны,
Торжественный сей день и свой Сатурновъ вѣкъ,
И на какой степень Россъ счастїя востекъ,
Въ веселїи поютъ, хваля ЕКАТЕРИНУ
Блаженства своего и всѣхъ утѣхъ причину.



ЛЮБОВЬ къ ОТЕЧЕСТВУ. *)

10

Достойны быть воспѣты нами
Поля дающіе намъ плодъ,
Луга, покрытые стадами,
Потоки быстротечныхъ водъ,
Лѣса, хранящіе отъ хлада,
Дожди, въ палящій зной отрада,
Въ землѣ раждающіе тукъ;
И Фебъ блестящій животворный
И Звѣздъ горящихъ миліоны,
Твореніе Всесильныхъ рукъ.

Да славятъ такъ же звуки лиры
И Кротость, чуждую враговъ,
И благотворный блескъ Порфиры,
И Мудрость, свѣтлый лучь Боговъ,
Совокупляющій народы;
И Крѣпость, даръ благой природы,
И Красоту, ея же дщерь;
Невинность коя стрѣлъ немещетъ,
Но передъ коею трепещетъ
1025 И злобою кипящій звѣрь.

*) Писано по прочтеніи Манифеста 6 Іюля.

*

ф-7

Но естьли кто желаетъ нынѣ,
Чтобы его перунный гласъ,
Раздавшись всѣхъ сердецъ въ срединѣ,
Проникъ покрытый льдомъ Кавказъ;
Тотъ пусть всѣ доблести оставитъ,
Одну любовь къ Отчизнѣ славитъ:
Она, ихъ всѣ раждая въ мигъ,
Творитъ Героевъ совершенныхъ
И подъ вѣнцемъ сіяній звѣздыхъ
Сопровождаетъ въ вѣчность ихъ!

*

Вѣщать ли намъ Сцеволы имя,
Дивящее до нынѣ свѣтъ;
Или другихъ Героевъ Рима,
Которыхъ слава вѣкъ живетъ?
Вѣщать ли ихъ дѣла и свойства,
Когда примѣрами Геройства
Превосходя мы сами ихъ,
Имѣемъ и въ вѣкахъ непоздныхъ
И Невскихъ, и Донскихъ, и Грозныхъ,
Пожарскихъ, Мининыхъ своихъ?

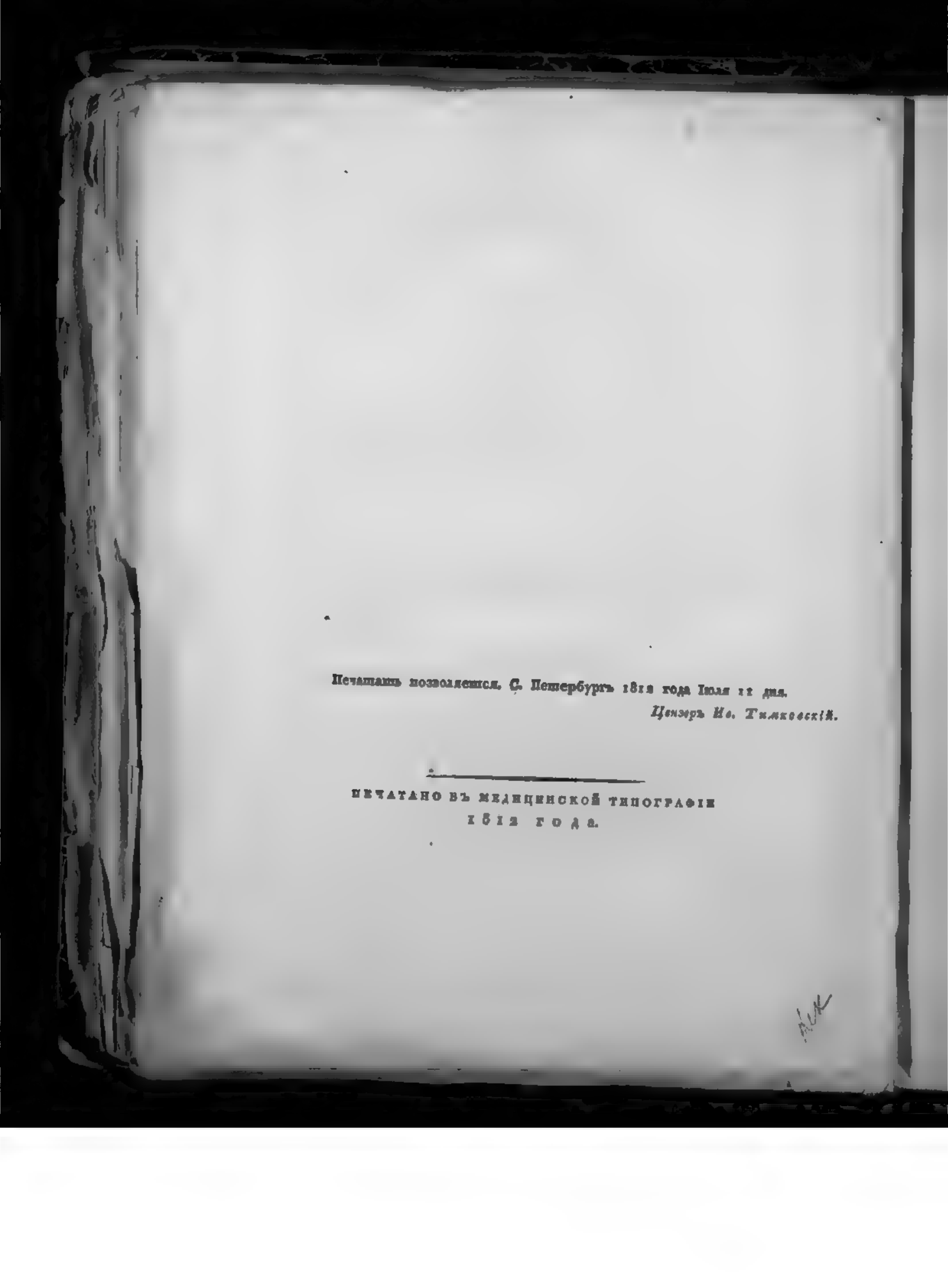
*

О тѣни предковъ нашихъ славныхъ!
О дивный сонмъ Полубоговъ,
Однимъ себѣ дѣлами равныхъ!
Когда вы шли противъ враговъ,
Когда ихъ наполняя страхомъ
И возметая вмѣстѣ съ прахомъ,
Стрегли Отечество какъ львы;
Какимъ огнемъ одушевлялись!
Какою славой озарялись!
Какихъ похвалъ достойны вы?

*

Великіе! Мы ваши чада,
И въ нашихъ жилахъ ваша кровь;
Она кипя въ питомцахъ хлада,
Васъ возродитъ въ Россіи вновь!
Лишь робкій руку ту лобзаетъ,
Которая его терзаетъ,
Склоняя подъ стопы свои;
Но родъ Славянъ, въ защитѣ смѣлый,
Притупитъ грудью мечь и стрѣлы.
Отечество! Мы всѣ твои!

Взметневъ.



Печатать позволяется. С. Петербургъ 1812 года Іюля 11 дня.

Ценсоръ Ив. Тимковскій.

ПЕЧАТАНО ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1812 года.

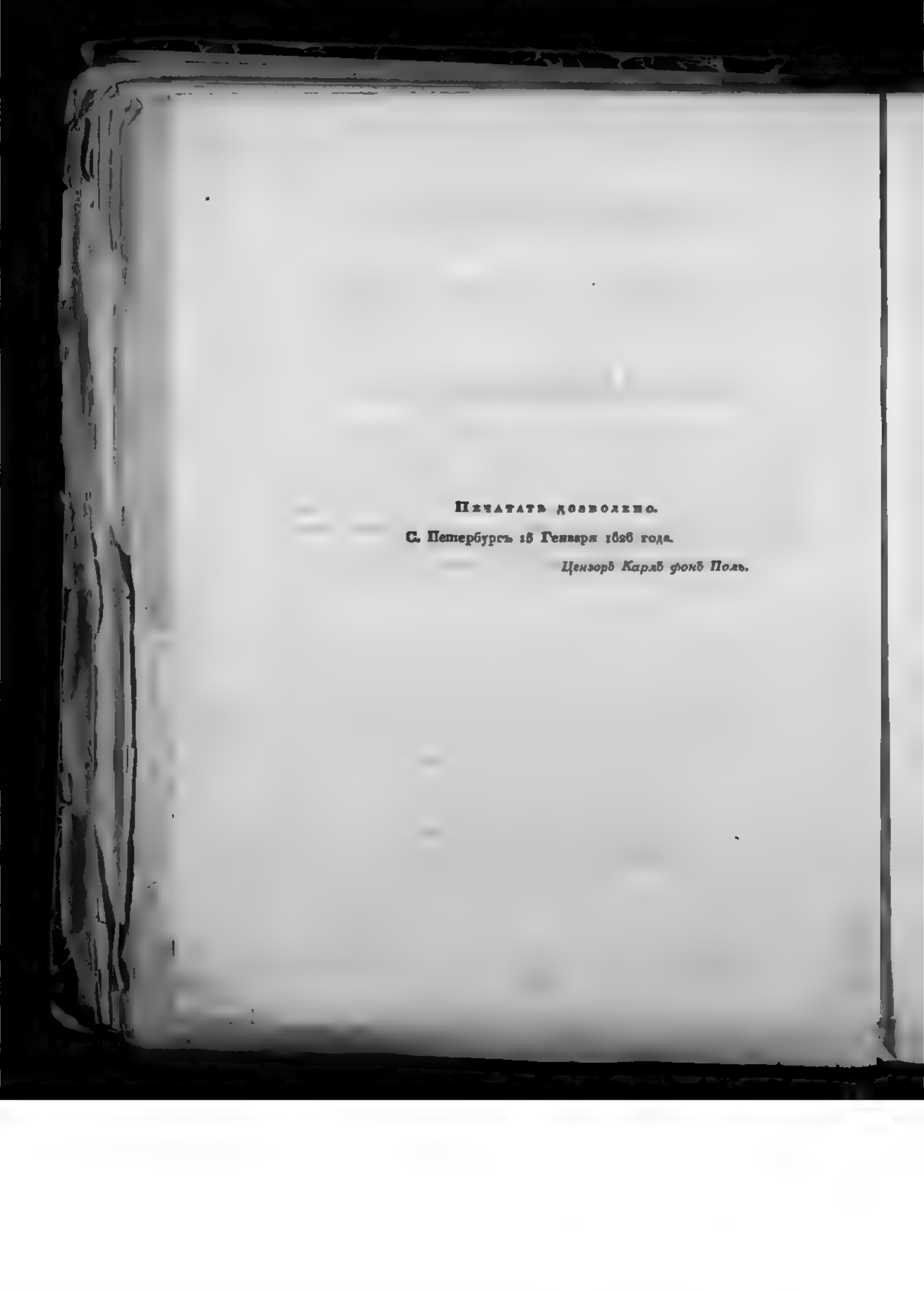
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ!

АЛЕКСАНДРУ ХРИСТОФОРОВИЧУ

фонъ БЕНКЕНДОРФУ,

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Адъютанту, Генералъ Лейтенанту, Начальнику 1 Кирасирской дивизіи, Орденовъ Св Александра Невскаго Св. Анны 1 степени, Св. Владимира 2 степени Большаго креста, Св. Георгія 3 степени; Прусскаго краснаго Орла 1 степени и за заслуги; Шведскаго меча большаго креста со звездою кавалеръ и Св. Іоанна Іерусалимскаго Командоръ; имеетъ золотыя шпаги отъ Королей Нидерландскаго съ надписью *Амстердамъ и Вреда*; Великобританскаго съ надписью *за подвиги* и съ алмазами съ надписью *за храбрость*.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи состоящей при Особенной Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Делъ.



Печатать дозволено.

С. Петербургъ 15 Генваря 1826 года.

Цензоръ Карлъ фонъ Поль.

Дыша къ отечеству любовью,
Готовъ ты жертвовать всей кровью
За Тронъ священный - Царскій Тронъ. —
Батавія и Альбіонъ
Тебя безсмертьемъ озарили;
Когда жъ Петрополь окружили
Всѣ ужасы бурливыхъ волнъ, ...
Любовію къ нещастнымъ полнъ,
Ты страхъ и смерть пренебрегая,
Отъ волнъ тонувшихъ избавляя,
Тутъ . . . . дѣтямъ возвратилъ отца . . . .
Тамъ . . . . отогрѣлъ оледѣнелыхъ . . . . .
Тутъ . . . . пріютилъ осиротѣлыхъ . . . . .
Тамъ бѣдныхъ оживилъ сердца. —

Герой добра! Герой почтенный!
Престола неизмѣнный щитъ! —
Твоею доблестью плѣненный
Безвѣстный въ мірѣ семъ Піитъ,
Тебѣ въ душѣ твердя хваленье,
Къ Творцу молитвы возсылалъ:
Чтобъ онымъ каждое мгновенье
Ты *радостью одной* считалъ; —
Чтобъ дней твоихъ подруга нѣжна,
Съ залогами любви святой.....
Всегда во щастіи надежна
Тебя...., щастлива собой.....
Чтобъ даровалъ небесъ зиждитель
Тебѣ всѣ блага жизни сей. —
Великъ герой и побѣдитель.....
Ты выше ихъ: *Ты другъ людей.* —

Степанъ Висковатовъ.

264.

ВОДЕВИЛЬ.

КЪ ПІЕСѢ: БЕРКЕНЬ, ИЛИ ДѢТСКОЙ ДРУГЪ.

АВДОТЬЯ ПАВЛОВНА КЪ ПАВЛУ ИВАНОВИЧУ,

Сердецъ невинныхъ поздравленье
Пріими нашъ папинька драгой.
И маленькое приношенье
Улыбки нѣжной удостой. —
Коль въ нашей нѣтъ игрѣ искуства
(Когдажъ оно приходитъ вдругъ?)
Но въ насъ твердятъ сердечны чувства
Что папинька — нашъ первый другъ.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЬ КЪ ПАВЛУ ИВАНОВИЧУ,

За нѣжныя объ насъ старанья
Чѣмъ можемъ праздникъ твой почесть? —
Ахъ! естьлибъ было воздаянье;
Мы ради бы его принесть.
Пусть чувства слабо изъясняемъ
Любви къ тебѣ нашъ полонъ духъ. —
И мы съ восторгомъ повторяемъ:
Что папинька — нашъ первый другъ.

АВДОТЬЯ ПАВЛОВНА КЪ ГОСТЯМЪ.

А вы, которыхъ посѣщенье
Такъ лестно и пріятно намъ
Явите къ дѣтямъ снисхожденье
Какъ добрымъ свойственно сердцамъ.
Одобривъ маленькую сцену
Хоть небольшимъ движеньемъ рукъ; —
Подобно доброму Беркену
Пусть будетъ всякой — дѣтской другъ.

СТИХИ

Древнему столичному городу

МОСКВѢ

На случай пребыванія въ оной

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО

Въ Декабрѣ 1809 года.

Совмѣстница градовъ, красою въ мірѣ славныхъ,
Москва! престольный градъ Царей Самодержавныхъ,
Почтенна древностью! — ты девять сотъ годовъ,
Покрыта славою, сіяешь средь вѣковъ;
Священна колыбель Героевъ знаменитыхъ,
Хранилище гробницъ трофеями обвитыхъ.
Ни бѣдствій не страшась, ни щастія премѣнъ,
Гордяся мужествомъ прешла сквозь тьму временъ,

Любовью, вѣрностію, къ Царямъ своимъ пылая,
На Тронѣ праотцевъ короной ихъ вѣнчая,
Природный россамъ всѣмъ храня усердья жаръ,
Царю со скипетромъ несешь и души въ даръ;
Красуясь башнями, оградами, стѣнами,
И златоверхими блистающа церквями,
Священной древности залогъ въ себѣ хранишь,
И сердце рускаго питаешь и живишь.
Тамъ все намъ древнихъ дней часы напоминаетъ,
И первобытіе Россіи представляетъ;
Мы памятники тамъ мужей великихъ зря,
Въ душѣ любовію къ Отечеству горя,
Воображеніе и духъ увеселяемъ,
Благоговѣйныхъ чувствъ мы сладость ощущаемъ;
Кто сердцемъ вѣрный Россъ, Москва! тебя тотъ чтитъ,
И жить въ твоихъ стѣнахъ желаніемъ горитъ.
Тамъ Красное крыльцо, тутъ Кремль, Иванъ великой,
Ни въ чемъ не измѣнясь при древности толикой,
Съ почтеніемъ къ себѣ влекутъ нашъ умъ и взоръ;
Во храмахъ слышится священныхъ пѣсней хоръ:
Въ Архангельской соборъ я духомъ прелетаю,
Въ священныхъ чувствіяхъ и мысляхъ утопаю;
Богатство утвари, и царскихъ рядъ гробовъ,
И томный свѣтъ лампадъ, и звонъ колоколовъ,
Благоговѣніе внутрь сердца проливаютъ,
И вѣры торжество всякъ часъ усугубляютъ.

Моска! источникъ ты всеобщаго добра:
Ты воспитала намъ ВЕЛИКАГО ПЕТРА
Взлелѣяла сего полмощныхъ странъ Героя,
Толико славнаго средь мирныхъ дней, средь боя;
Дни младости своей въ тебѣ онъ проводилъ,
Твой хлѣбъ и соль вкушалъ, твою онъ воду пилъ;
Ты благо сѣвера въ стѣнахъ своихъ вскормила,
Лучемъ его вѣнца Россію озарила;
Онъ лаврами себя и войски увѣнчалъ
И славный съ Шведомъ миръ въ тебѣ торжествовалъ.
Недавно съ радостнымъ восторгомъ мы внимали,
Какъ жители Москвы Монарха принимали,
Какъ встрѣтили они отечества отца,
Какъ въ даръ ЕМУ несли и души и сердца.
Вкругъ Царскаго коня, во множествѣ тѣснились,
Младенцы съ старцами всѣ зрѣть его стремились,
И лобызая прахъ священныхъ стопъ Его,
Казалось, только лишь дышали для НЕГО.
Ахъ! ктобъ при зрѣлищѣ такомъ не прослезился?
По Царскому лицу токъ слезный покатился.
При восклицаніи всерадостномъ ура
Вскричали всѣ: пришла блаженная пора
Намъ зрѣть тебя, МОНАРХЪ! полсвѣтомъ ТЫ владѣешь,
Но здѣсь ты въ подданныхъ дѣтей себѣ имѣешь;
Тѣлохранителей Твоихъ съ Тобой здѣсь нѣтъ,
Но будучи любви народныя предметъ,

Въ тѣлохранителяхъ здѣсь не имѣешь нужды:
Гдѣ Царь боготворимъ, тамъ лесть, коварство чужды.
Вотъ стража вѣрная: усердныя сердца,
Которыя въ Тебѣ чтутъ нѣжнаго Отца.
Покойся, ГОСУДАРЬ! средь чадъ Россіи вѣрныхъ,
Покойся здѣсь среди друзей нелицемѣрныхъ.
О радостная вѣсть! о сладкія слова!
О коихъ въ градъ Петровъ достигла ужъ молва:
Въ присудствіи Царя вочувствовавъ блаженство,
Чиновники, народъ, дворяне, духовенство,
Сопутствуютъ Отцу отечества во храмъ,
И тамъ ЕМУ сердецъ приносятъ фиміамъ;
Тамъ слова Божія органъ, мужъ справедливый,
Почтенный пастырь душъ, Платонъ краснорѣчивый!
Лучемъ премудрости бывъ свыше озаренъ,
И общимъ чувствіемъ сей старецъ вдохновенъ,
Въ себѣ лице всего народа представляетъ,
Крестомъ вооруженъ МОНАРХУ речь вѣщаетъ;
И вознося мольбы о здравіи ЕГО
Казалось изливалъ всѣ блага на НЕГО.
Восторгъ наполнилъ днесь всея Москвы пространство;
Но къ вамъ я обращусь, почтенное дворянство!
МОНАРШІЙ видя зракъ, въ сей радости своей,
Вы мнитеся новою оживлены душей,
Издревлѣ вы собой являете примѣры,

Какъ должно чтить законъ, любить Царей безъ, мѣры,
И не щадя для нихъ, ни жизни ни трудовъ,
Даете храбрыхъ вы Отечеству сыновъ,
Ревнители всегда Отечественной славы,
Подпора сильная Россійскія державы,
Храня въ душахъ своихъ и вѣрность и любовь
Для пользы Царскія безстрашно льете кровь.
О Россъ! О подданный во всемъ Царю послушный,
Ужасный для враговъ, и другъ великодушный,
Какъ на сраженіяхъ рука твоя сильна,
Такъ грудь твоя къ Царю любовію полна;
При всякомъ случаѣ, красу души являешь,
И удивленіемъ народы наполняешь.
Петровымъ именемъ украшенный нашъ градъ,
Присудствіемъ Царя вкушая тьму отрадъ,
Хотя немного лѣтъ еще себѣ щитаешь
Къ МОНАРХУ въ вѣрности Москвѣ не уступаешь.
Всѣ Россы шлютъ о НЕМЪ свои молитвы вдругъ,
Петрополь есть Москвѣ нелицемѣрный другъ.
Прими, о древній градъ! сей пѣсни приношенье!
Нелестныя души внемли себѣ хваленье,
Какъ жертву чистую, прими сей лирный гласъ!
Теперь любимцы музъ! я умоляю васъ!
Любители наукъ, Московскіе Піиты!
Бывъ славою стиховъ плѣняющихъ покрыты,
Простите слабости незрѣлыхъ сихъ трудовъ,

Я чувство замѣнить не тщась витійствомъ словъ,
Лишь ощущенія душевны выражаю,
Столицѣ россиихъ странъ я лиру посвящаю.

Анна Волкова.

Съ дозволенія
С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
Въ Морской Типографіи 1810 года.

О Д А

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ

На одержанную надъ Французами побѣду подъ Краснымъ.

Генералъ Фелдмаршаломъ

княземъ Голенищевымъ Кутузовымъ

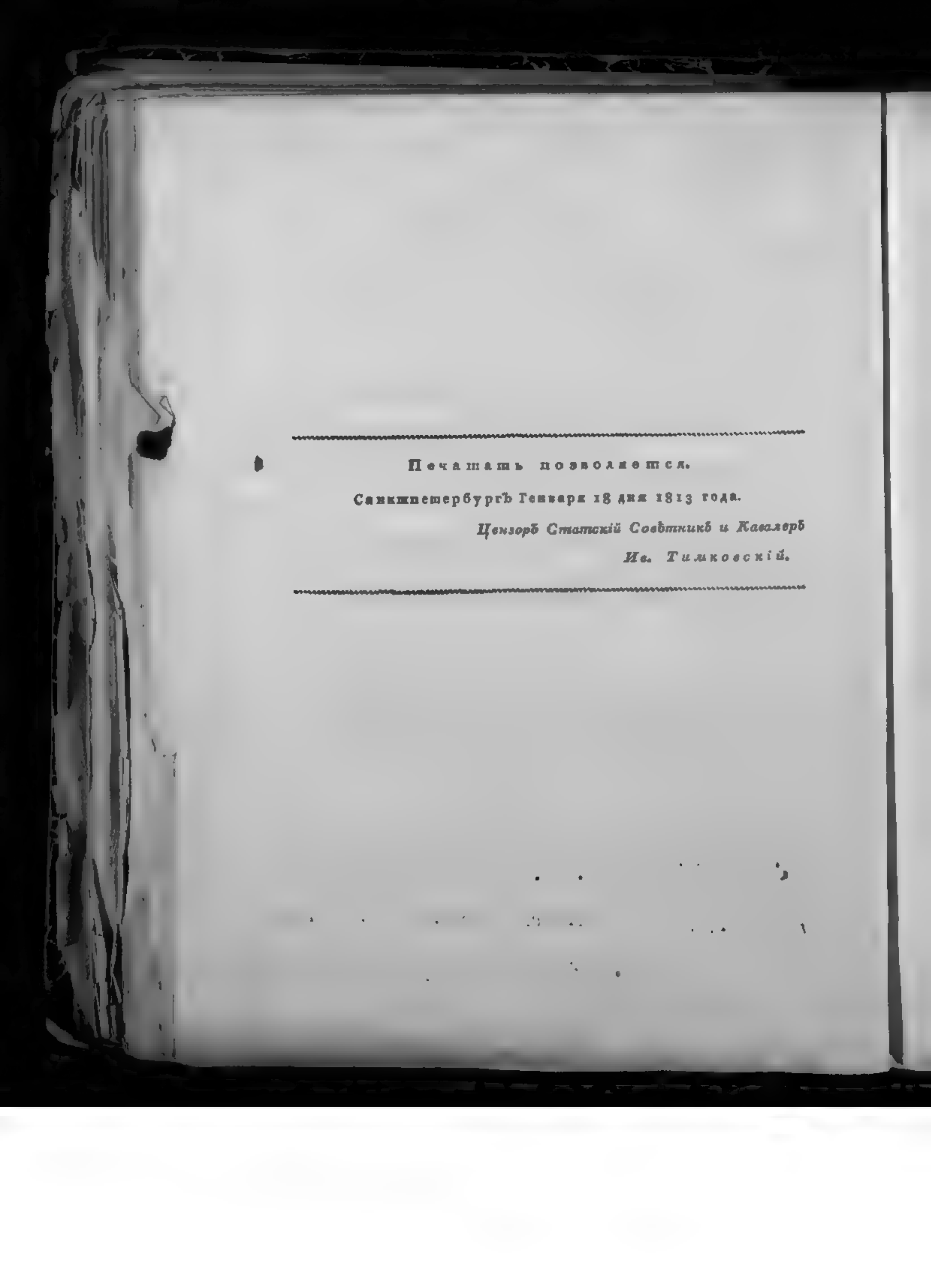
СМОЛЕНСКИМЪ.

1812 года.

Всеподданнѣйше приноситъ

Анна Волкова.

Его высокопревосходительству
Александру Александровичу. Саблукову
отъ Сочинительницы.



Печатать позволяется.

Санктпетербургъ Генваря 18 дня 1813 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Ив. Тимковскій.

ОДА

Несися звукѣ грѣмящей славы
Концы вселенной досязай
Россійской, Торжество Державы
Странамѣ далекимѣ возвѣщай
Сыновѣ ея дѣла Геройски
Ея Побѣдоносны войски
Потомству поздому яви,
Вѣнѣцѣ безсмертія сплѣтая
Чудѣсны подвиги вѣнчая
Россіи щастье обнови.

А Ты Отечество Героевъ
Врагамъ ужасная страна!
Срѣдь мира, срѣдь кровавыхъ боевъ
Всегда равно сильна, славна,
Внѣмли народовъ плѣски новы
Уже трофеи, лавръ, готовы
Тебѣ на сушѣ, на моряхъ,
Гдѣ знамѣна Твои возвѣютъ
Предъ ними сильные блѣднѣютъ
И сокрушаются какъ прахъ

* * *

Французовъ гордость напыщенна
Смирилась подъ Твоей пятой
Твоимъ могуществомъ сражена
Главу склонила предъ Тобой
Твоихъ полковъ громова сила
Враговъ ужасныхъ укротила,
Бегутъ, скрываются въ лѣсахъ,
Путей къ спасенію лишенны
Стыдомъ и срамомъ покровенны
Срѣтаютъ смерть во всѣхъ мѣстахъ;

Кутузовъ мудростью извѣстный
Надѣжда храбрыхъ Россіянъ
Сей другъ Отечества не лѣстный
Злодѣйскій испровергнувъ станъ
Монаршій выборъ оправдаетъ
Колосса новаго сражаетъ
По всюду лавръ безсмертный жнетъ
Побѣды громы раздаются
И клики радостны несутся
Побѣда — каждый вопіетъ,

* * *

Но ктожъ Твой нынѣ благодѣтель
Чьей оживляешся душей?
Скажи Россія! кто содѣтель
Сей славы новыя Твоей?
Чіи Орлы подъ облаками
Луны, затмили свѣтъ крылами,
Кто дѣйствомъ Божіихъ щедротъ
Для прекращенья смертныхъ стона
Умѣлъ смирить Наполеона
И буйству положить оплотъ?

Се Александръ! Питомецъ славы
Душа Россійскихъ грозныхъ силъ
Умножилъ блескъ своей Державы
Стоглавну гидру укротилъ,
Вѣнчалъ Онъ россовъ подвигъ славный
Полнощныхъ странъ Орелъ двуглавный
Врага Европы жметъ въ когтяхъ
И громъ на варваровъ бросая
Ихъ злобны ковы разрушая
Несетъ побѣду на крылахъ;

* * *

Отецъ вѣковъ, міровъ содѣтель!
Вещей начало, и конецъ
Бывъ тайныхъ помысловъ свидѣтель
Вонми моленію сердецъ,
Къ Тебѣ мы длани простираемъ
Тебя Творецъ мы умоляемъ
Да милость къ намъ Твоя сойдетъ
Да врагъ Отечества смиренный
Твоею помощью сраженный
Намъ болѣ, бѣдъ не нанесетъ;

Да Тронѣ Монарха Осененный
Покровомѣ благости Твоей
Лучами славы озаренный
Превыситѣ Троны всѣхѣ Царей
Полсвѣта кроткій повѣлитель!
Благихѣ награда, — злобныхѣ мститель,
О Александръ! — до позднихѣ лѣтѣ
Живи, — и Царствуя надѣ нами
Владѣя нашими душами
Укрась Тобой прельщенный свѣтѣ;

* * *

Монархъ! оперпись на Трофеи
Пріобрѣтенные Тобой
Враговѣ продерзостныхѣ затѣи
Всемощной сокрушилѣ рукой
Сѣ Тобою вѣ мѣстѣ ополчились
Сѣ Тобою за Тебя сразились
Усердье, верность, правота,
Любовь кѣ Отечеству, Геройство
Се есть сыновѣ Россіи свойство
Се душѣ Великихѣ красота.

А вы соотчичи любезны!
Герои славные въ бояхъ
Вы члены общества полезны
Питая славы жаръ въ сердцахъ
Средь Лавръ пожатыхъ въ полѣ брани
Примите удивленья дани
Внимая тихой Лиры гласъ,
Гордясь названьемъ Россіянки
Какъ въ древни времяна Римлянки
Пою Монарха, я и васъ;

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ Типографіи В. Плавильщикова 1813 года.

реи

ИВАНУ АФАНАСЬЕВИЧУ
ДМИТРЕВСКОМУ.

Въ осенній ясный день какъ солнце при закатѣ
Склоняя долу взоръ, блеститъ еще огнемъ,
И въ западѣ своемъ на чистомъ струй покатѣ
Рисуетъ красоты мерцающимъ лучемъ;
Такъ *Гаррикъ* Руской нашъ, усердіемъ воззванный,
Въ маститой старости, но пламенной игрой
Умѣлъ тронуть сердца, — и плескомъ увѣнчанный
Явилъ въ *Усердовѣ* (*) талантъ безсмертный свой.

А-ръ Волковъ.

(*) *Усердовъ* въ Героическомъ представленіи подъ названіемъ: *Всеобщее ополченіе* соч. Степана Ивановича Висковатаго.

Придворными Россійскими Актерами представлено въ Санктпетербургѣ 30 Августа 1812 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
Цензоръ Ив. Тимковскій.
Санктпетербургъ 1812 Сентября 1 дня.

ОДА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ ПЕРВОМУ,

НА ПОБѢДЫ, ОДЕРЖАННЫЯ ХРАБРЫМЪ ЕГО ВОИНСТВОМЪ НАДЪ ТУРКАМИ,

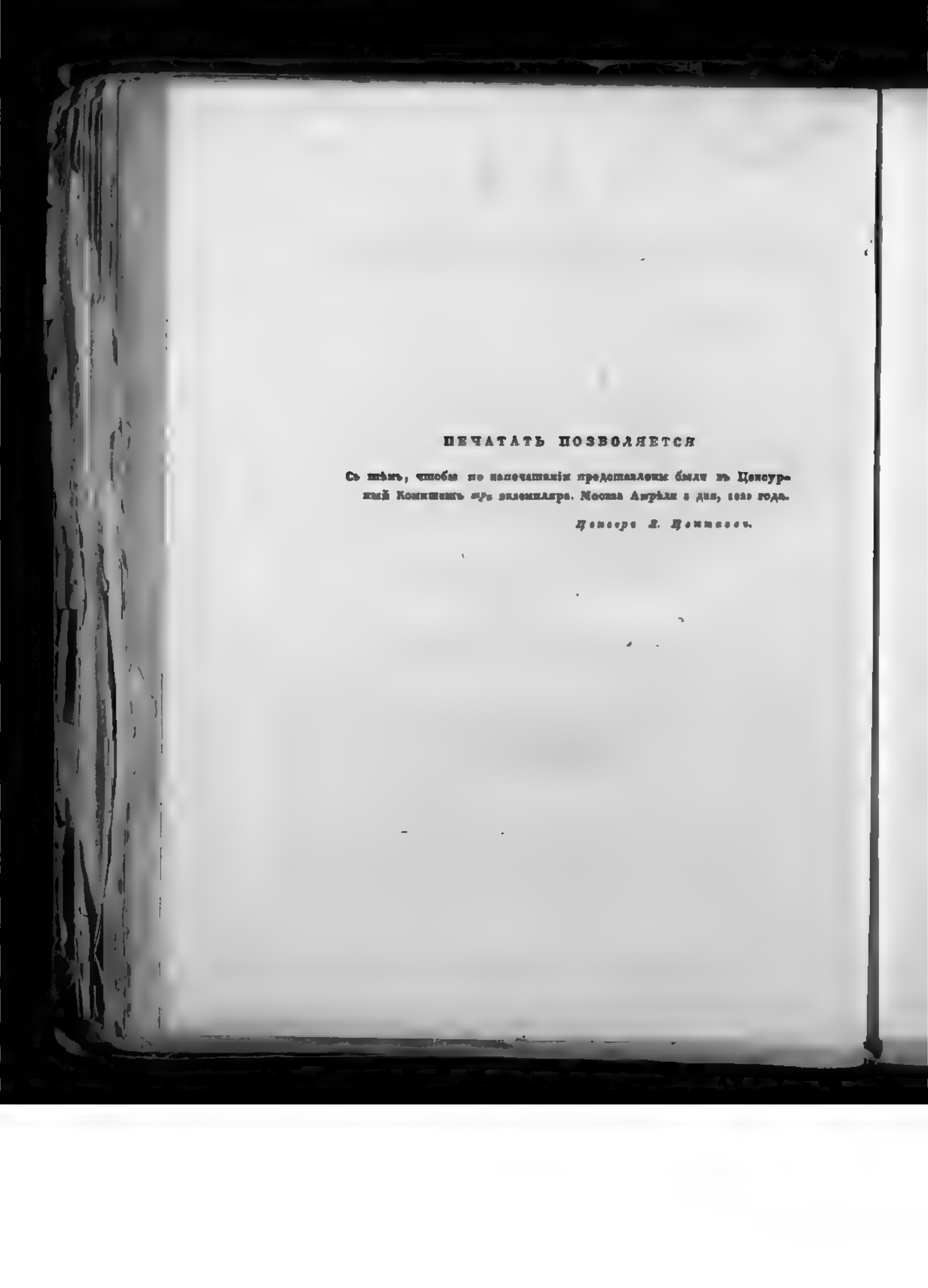
СОЧИНЕННАЯ

Александромъ Волковымъ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Рѣшетникова и Уткина.

1829.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва Апрѣля 6 дня, 1828 года.

Ценсоръ Л. Цвѣтаевъ.

ОДА

Куда паришь орелъ Полночный?
Куда свой мещешь грозный взоръ?...
Въ далекій край — предѣлъ Восточный,
За цѣпь крутыхъ, высокихъ горъ
Онъ путь воздушный направляетъ,
Перуны ярые бросаетъ —
И льется пламень по градамъ!
Лѣса верхи свои склоняютъ,
Долины громы повторяютъ,
И прахъ несется къ облакамъ.

Внезапнымъ страхомъ пораженный,
Дунай воскпалъ и такъ речетъ:
„Кто Сей, столь мощно ополченный?
Почто пришелъ? Куда грядетъ?
Сколь видъ Его могучъ, ужасенъ!
Оплотъ враговъ предъ Нимъ напрасенъ:
Онъ двигнетъ рать — и все во прахъ!
Окрестъ Его лѣтаетъ слава!..."
То Царь твой, Русская Держава!
Предметъ любви — противныхъ страхъ!"

„Кто дерзкій, злобой ослѣпленный,
Подвигъ Его въ далекій путь,
Заставилъ трудъ подъять военный,
Въ поляхъ мечемъ своимъ блеснуть?
Кто онъ? Кто міра нарушитель?
Кто буйныхъ полчищъ предводитель? —
Глава кичливыхъ Мусульманъ! . . .
Но трепещи, о вождь надменный!
Грядетъ защитникъ ополченный, —
Надежда, радость Христіанъ.“

„Я зрѣлъ здѣсь Рима Легіоны;
На бурныхъ, пѣнистыхъ хребтахъ
Мои несли ихъ быстры волны
Въ высокихъ, рѣющихъ ладьяхъ.
Подъ ихъ тяжелыми мечами
Здѣсь кровь текла въ бояхъ ручьями,
И брегъ кремнистый трепеталъ!
Здѣсь смерть поля опустошала,
Града въ могилы превращала,
И Дакъ и Готѳъ стремглавъ бѣжалъ.“

„Сюда-жъ изъ дальнихъ странъ народы
Текли въ безчисленныхъ толпахъ;
Бичи вселенной, стыдъ природы,
Они несли повсюду страхъ —
И все предъ ними трепетало,
Иль въ прахъ склонялось, иль бѣжало!
Ихъ слѣдъ — былъ смерти лютой слѣдъ!
Война, убійство и хищенье,
Коварство, зло и разрушенье —
Вотъ ихъ желаній былъ предметъ!

„Не то, не то Россійскихъ воевъ
Влекло къ цвѣтущимъ симъ брегамъ!
Святая цѣль была героевъ
Явить блаженство въ сихъ странахъ,
Отъ бѣдъ освободить народы,
Стѣнящимъ дать права свободы,
Возставить вѣру и законъ,
Попрать насиліе стопою, —
Да миръ отрадный съ тишиною
Изгладитъ прежнихъ лѣтъ уронъ."

„Здѣсь Петръ, хранимый Небесами,
Съ дружиной храброй протекалъ
И мощными въ бояхъ руками
Зелены лавры пожиналъ!
Но лава, гладъ и зло обмана
Спасли Стамбульскаго тирана;
И Петръ Россіи далъ завѣтъ
Явить невѣрному отмщенье
За Русскихъ воевъ отступленье —
И скоро аду узрѣлъ свѣтъ!"

„Екатерины перстъ могучій
Здѣсь быть побѣдамъ указалъ —
И славы громкой путь летучій
Походомъ Русскихъ управлялъ.
Ни горъ возвышенныхъ стремнины,
Ни степь, ни топкія долины
Не пресѣкали храбрыхъ слѣдъ!
Румянцевъ, съ горстью ополченныхъ,
Разсѣялъ тысячи надменныхъ —
И славою наполнилъ свѣтъ!

„Суворовъ, дивный сынъ природы,
И въ мирѣ и въ войнѣ герой,
Дѣлами удивлялъ народы,
Водя побѣду за собой! —
И трепеталъ Стамбулъ коварный!
Но часъ свободы, часъ отрадный
Для сей страны не наставалъ!
Коварство, зависть, ухищренья
Спасли враговъ отъ истребленья,
И Русскій мечь карать престалъ.

„Но сердце ль Александра было
Способно жалости не внять? —
И мщенье мечь свой обнажило
Народы слабые спасать!
Любимецъ славы и побѣды,
Герой и вождь въ младыя лѣты,
Каменскій въ браняхъ полетѣлъ!
Онъ мощною своей рукою
Повергъ твердыни предъ собою
И вражій обнажилъ предѣлъ.“

„Но смерть, увы! взяла Героя —
И съ нимъ восторги Россіянъ!...
Кутузовъ вождь, питомецъ боя,
На поле брани вновь возванъ —
И вновь враги главы склонили!
Орлы Россійскіе парили
И громъ побѣдъ кругомъ звучалъ!
И вновь Всевышними судьбами
Надъ сими злачными брегами
Отрады лучь свѣтить престалъ!“

„На горизонтѣ Россіи ясный
Вдругъ тучи мрачны нашедли!
Борьбы отгрянулъ громъ ужасный
И звуки небо потрясли!
Лѣса дремучіе пылали,
Скалы кремнистыя дрожали,
И черный дымъ поля покрылъ!
Но Русскій, чуждый униженья,
Безъ страха встрѣтилъ ополченья —
И мечь пришельцевъ поразилъ!"

„Вѣнчанный славой и хвалою,
Объятъ радостныхъ предметъ,
Летучей, быстрой стопою
Днесь НИКОЛАЙ сюда течетъ!
Надъ НИМЪ — Небесъ благословенье;
За НИМЪ — безстрашныхъ ополченье;
Впереди побѣды путь открытъ!
И такъ, возрадуйтесь народы!
Насталъ желанный часъ свободы!
Уже спасенья лучъ блеститъ."

Умолкъ Дунай, и заревѣли
Мѣдяны жерлы по брегамъ!
Толпы Россіянъ полетѣли
По быстрымъ, скачущимъ волнамъ.
Вотще ярились грозны бури,
Звучалъ громами сводъ лазури
И врагъ уставилъ копій рядъ;
Мгновенно пали всѣ препоны!
Враговъ исчезли обороны!
Орелъ впередъ — и нѣтъ преградъ!

Твердыней гордой окруженной,
Браиловъ мнилъ противустать
Россіянъ силѣ ополченной
И плѣна тяжкаго не знать;
Но туча грянула отмщенья!
И смерть и ужасъ разрушенья
На стѣны бросилъ МИХАИЛЪ —
И стѣны въ прахъ предъ Нимъ упали!
Въ твердыняхъ бездны запылали,
И огнь Браиловъ сокрушилъ.

Среди болотъ, въ странѣ далёкой,
Среди безименныхъ пустынь
Анапы зрѣлся верхъ высокой
Въ кругу раскинутыхъ твердынь.
Вотще нахлынули народы —
Защитники ея свободы:
Россійскихъ силъ ударилъ громъ —
И стѣны съ трескомъ задрожали!
Враги въ оковы плѣна пали
Подъ сокрушающимъ мечёмъ.

Но Варна гордо возвышала
Главу свою средь грозныхъ скалъ,
Угрозы Русскихъ презирала;
И врагъ въ надменности вѣщалъ:
„Скорѣе небо преклонится,
Въ долину Балканъ превратится,
Чѣмъ Варна мощная падетъ!
Пускай стремятся ополченья:
Твердынямъ нѣтъ симъ сокрушенья!
Здѣсь гордость Россіянъ умретъ.

И ты питалъ сіи мечтанья,
Надменный и коварный врагъ?
Но громъ отгрянулъ наказанья —
И налетѣлъ на Варну страхъ!
Скалы кремнистыя задрожали,
Брега Понтійски застенали,
И запылалъ небесный сводъ!
Сквозь огнь, сквозь дымъ, чрезъ всѣ препоны,
Во прахъ повергнувъ обороны,
Бесстрашно Русскихъ строй идетъ —

Идетъ, и мощною рукою
Шлетъ быстро смерть передъ собой!
Кипитъ, струится кровь рѣкою!
Реветъ, мчится грозный бой —
И Варна гордая упала!
Теперь надменная узнала
Полночныхъ странъ богатыря!
И что предъ нимъ не сокрушится?
Онъ радостно на смерть стремится
Во славу Бога и Царя.

А тамъ, гдѣ грозными горами
Усѣяно лице земли,
Откуда бурными волнами
Шумящи рѣки истекли,
Гдѣ слабые сыны природы,
Лишенные своей свободы
Стенали въ сторонѣ родной,
Тамъ знаки Русскихъ развѣваетъ!
Тамъ Русской хищныхъ поражаетъ
Всесокрушающей рукой,

Закрытый твердыми стѣнами
Средь скалъ угрюмыхъ и крутыхъ,
Главой равняясь съ облаками,
Стоялъ надменный Ахалцыхъ
И презиралъ угрозы рока!
Сыны кичливые Востока,
Къ долинѣ обращая взоръ,
Владѣть побѣдой вѣрной мнили;
Но вихри пламенны завыли —
И Ахалцыхъ упалъ позоръ!

Расширя крылья вѣтряны,
Летучій мореходный строй
Сѣчетъ пучинъ валы сѣдые
И всюду смерть несетъ съ собой!
Града прибрежные пылаютъ!
Враги со страхомъ убѣгаютъ!
И вопль и стонъ мечетъ кругомъ!
И Эвксинъ, удивленья полный,
Подъявъ свои ревущи волны,
Несетъ въ Стамбулъ побѣды громъ.

О ЦАРЬ! О путь благословенный!
Куда, скажи, еще летѣть?
Гдѣ врагъ ТВОЙ дерзкій и надменный?
Мы всѣ готовы умерѣть
За честь святой ТВОЕЙ короны!
Ничто труды и всѣ уроны:
Вся наша жизнь — ТЕБѢ нашъ даръ!
По гласу устъ ТВОИХЪ священныхъ
Мы грянемъ на враговъ надменныхъ
Какъ вихрь, какъ громныхъ тучъ ударъ.

И слава дѣлъ ТВОИХЪ промчится
Ко отдаленнымъ временамъ!
ТВОЙ памятникъ не сокрушится:
Онъ святъ, угоденъ небесамъ.
ТЫ вѣры мощный охранитель,
Отъ бѣдъ народовъ избавитель!
ТЫ Мудрый подданныхъ отецъ!
ТОБОЙ блаженствуетъ держава!
ТЕБѢ въ странахъ небесныхъ слава
Плететъ безсмертія вѣнецъ.

ВОСПОМИНАНІЕ ОТЪ ДРУГА
О
КОНЧИНѢ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА
НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА
ТУЧКОВА,

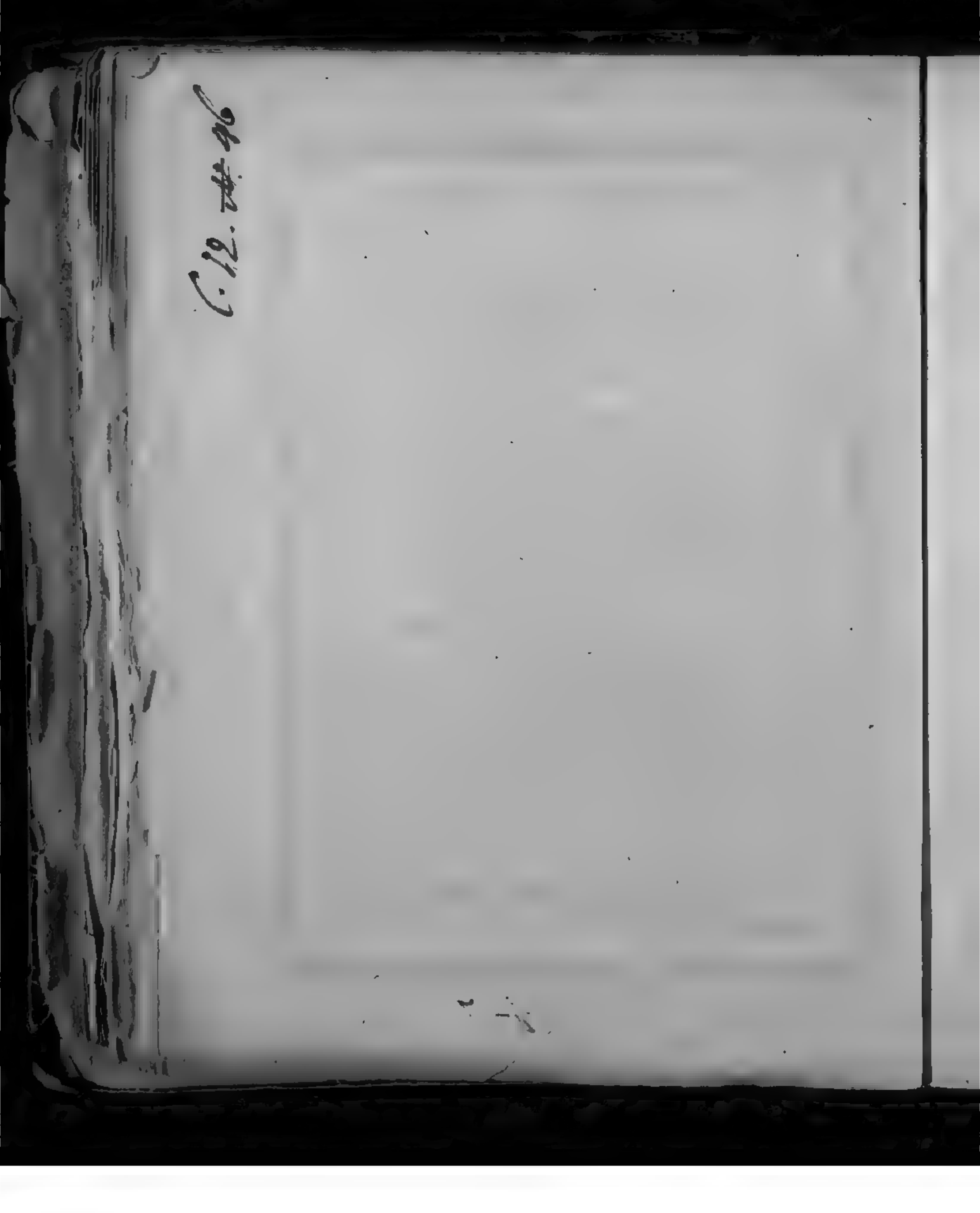
въ новый 1814 годъ.

За добродѣтели твои, Тучковъ, прелестны;
За качества души и сердца всѣмъ извѣстны;
За подвиги твои во браняхъ и труды
Не могъ ты получить достойнѣйшія мзды,
Какъ съ чистою въ груди къ Отечеству любовью
Своею окропить поля Московски кровью;
Въ тотъ достопамятный для всей Россіи день,
Въ который всѣхъ ея смущеній скорбныхъ тѣнь
Разсѣялъ мечь ея, терпѣньемъ изощренный,
И подъ Бородинымъ разсѣкши ковъ тотъ бренный,
Что ей уготовлялъ давно надменный врагъ,
Разсѣялъ ужаса Европу крывшій мракъ.
Тамъ въ лаврахъ палъ и ты, въ семъ ратоборствѣ смѣломъ.
Увы! почто тебѣ узрѣть не суждено;
Гдѣ знамя Россское въ сей день утверждено!
Но хоть и разлученъ съ Отечествомъ ты тѣломъ;
Твой духъ и подвигъ твой во вѣки не умретъ
И объ твой памятникъ Сатурнъ свой серпъ сотретъ.

Печатать позволяется, С. П. Б Генваря 3 дня 1814 года
Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кав. Гр. Яценковъ.

Санктпетербургъ, въ ИМПЕРАТОРСКОЙ типографіи 1814 года.

4-7


C.12. #96

ВОСПОМИНАНІЕ

О

ГАЛЬБЕРШТАДТСКОМЪ ДѢЛѢ

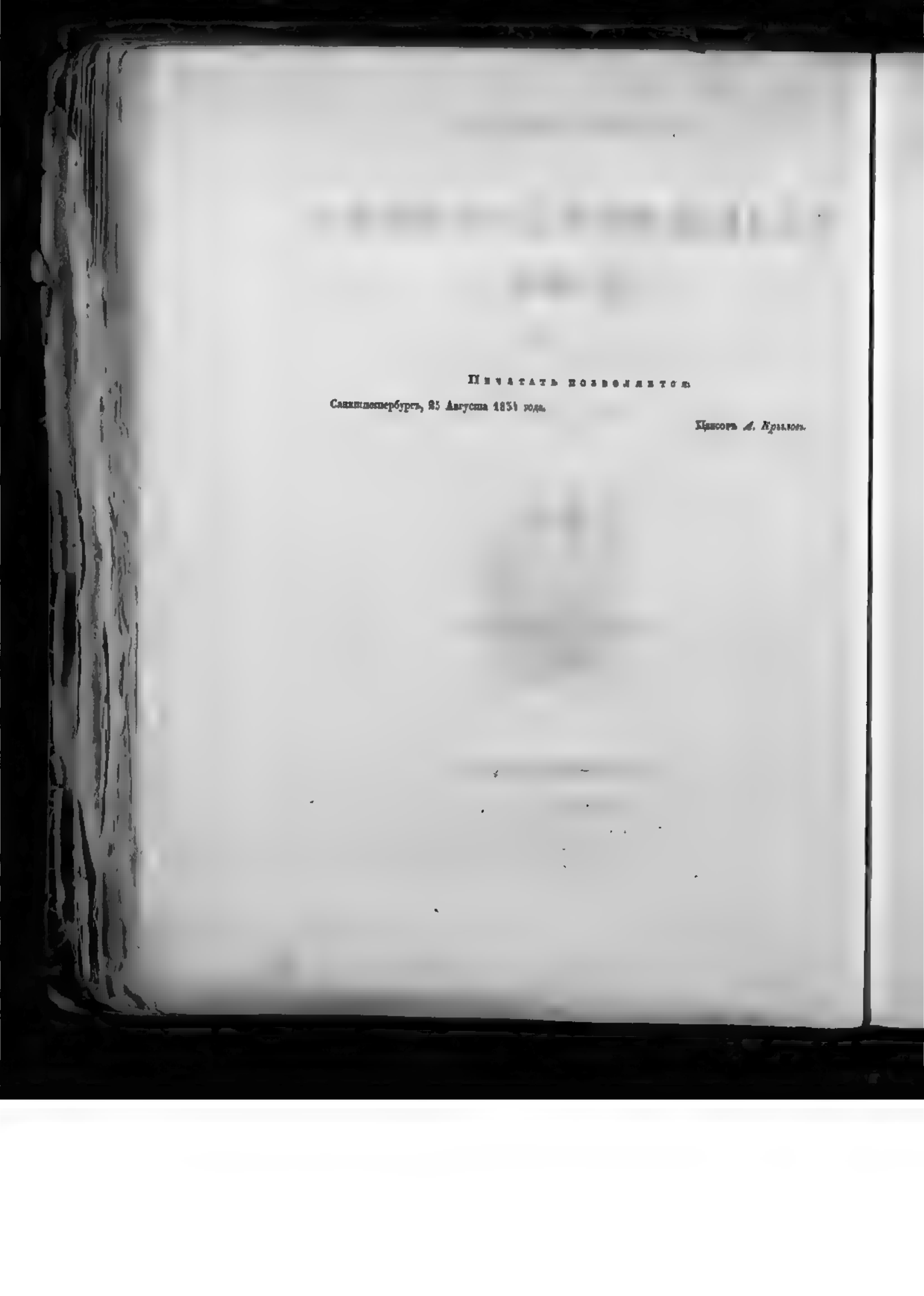
18 Маія, 1813 года.

ВЪ 3ХЪ СОНЕТАХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1834.



Печатать позволяется

Санктпетербургъ, 25 Августа 1834 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

I.

ЛЕТУЧІЙ ОТРЯДЪ

Генералъ-Адъютанта Графа Чернышова.

Разторгши цѣпи ледяныя,
Съ весной потокъ сердитый вновь
На нивы хлынулъ золотыя.
Но земледѣлъ, въ оплоръ валовъ,
Ручьи отводитъ дождевые.
Такъ съ горстью храбрыхъ Чернышовъ,
Носясь, сжималъ ряды густые
Наполеоновыхъ полковъ.
Лавиною нависнувъ снѣжной,
Сокрытою за облака,
Грозилъ онъ карой неизбѣжной.
Опустится его рука —
И надъ главою безнадежной
Арканъ ужъ свищетъ казака.

II.

БЫСТРОТА ОТРЯДА.

Онъ движетъ свой отрядъ летучій,
Какъ тѣло движется душей.
Гдѣ жъ молнія падетъ изъ тучи?
Гдѣ огнь, вспылавшій подъ землей,
Стряхнувъ пластъ, его гнетущій,
Наружу вырвется рѣкой?
Безвѣстно. Только шлетъ могучій
И треска, и гулъ передъ собой.

Разносится не вѣрный слухъ:
Онъ тамъ, онъ здѣсь, онъ вспять бѣжитъ.
И Галлъ, къ землѣ прилегши ухомъ,
Чтобъ слышать топотъ отъ копытъ,
И день и ночь мятется духомъ,
И день и ночь, какъ листъ, дрожитъ.

III.

ПРОБУЖДЕНІЕ ГЕРМАНІИ.

Возстань, Тевтонъ! Ещё ли дремлешь?
Еще ль разсвѣту пѣсню
Пробившаго часа не внемлешь?
Какъ волъ, привыкнувшій къ ярму,
Склоненной выи не подъемлешь?
Трубите, Россъ! труби ему,
Что трудъ спасенья предпріемлешь;
Развѣй надъ нимъ густую тьму!
И вотъ ловецъ, раскинувъ сѣти
Издалека и въ тишинѣ,
Чтобъ левъ въ засѣкѣ не примѣтилъ, —
Зари мерцанье въ вышинѣ
Ура! побѣднымъ кликомъ встрѣтилъ, —
И всталъ Тевтонъ съ мечемъ, въ бронѣ.

ГИМНЪ

Въ 1й день Генваря, 1806 года.

Неизмѣняемъ чинъ Природы:
Законъ Творца для твари святъ!
Земля и воздухъ, огнь и воды —
Его съ начала лѣтъ хранятъ;
Міры, кометы, круги звѣздны,
Въ пространствѣ безпредѣльной бездны
Разсѣянные, искони —
Ему покорствуютъ смиренно,
И движась стройно, постепенно,
Движеньемъ образуютъ дни.

Тьмы темъ громадъ сихъ велелѣпныхъ,
Вращаясь вкругъ своихъ осей,
Въ теченіе вѣковъ несчетныхъ
Бѣгутъ, держася тѣхъ путей,
По коимъ должно имъ катиться, —
И быстрый токъ временъ струится
Опредѣленною чредой;
Течетъ — и годы за годами,
Какъ будто волны за волнами,
Стремятся мѣрною стезей.

Послѣдуя сему уставу,
Что цѣлость всѣхъ вещей хранитъ,
Царь звѣздъ, облекшись въ нову славу,
Являетъ паки намъ свой видъ,
И, пламенемъ горя янтарнымъ,
Сіяньемъ яркимъ, лучезарнымъ,
Небесный украшаетъ сводъ. . . .
И се! лучи его блистаютъ,
Ночные мраки изчезаютъ —
И началъ путь свой Новый годъ!

Хвала Тебѣ, Неизреченный,
Источникъ лѣтъ, Отецъ вѣковъ!
Въ Твоей десницѣ жизнь вселенны
И жребій солнцевъ, звѣздъ, міровъ.
Тебѣ работаетъ творенье,
Твое имъ правитъ мановенье,
Твой Духъ его животворитъ:
Речешь — не двигнется и станетъ;
Велишь — и громъ ужасный грянетъ,
И всё въ хаосъ преобратитъ!

* *

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.

222.

ГЛАСЪ РАДОВАНІЯ,

которымъ

СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА

ЧЛЕНУ,

ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ,

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ

МИТРОПОЛІТУ

ПЛАТОНУ,

МОСКОВСКОМУ и КОЛОМЕНСКОМУ.

СВЯТО-ТРОИЦКІЯ СЕРГІЕВЫ ЛАВРЫ

СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРІТУ,

Орденовъ Св. Апостола Андрея и Св. Александра Невскаго

КАВАЛЕРУ,

Мудрому Директору и Протектору своему,

въ день тезоименитства

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА,

во изліяніи благодарственныхъ чувствованій

съ сыновнимъ благоговѣніемъ всеусерднѣйше привѣтствуетъ

Московская Славено-Греко-Латинская Академія

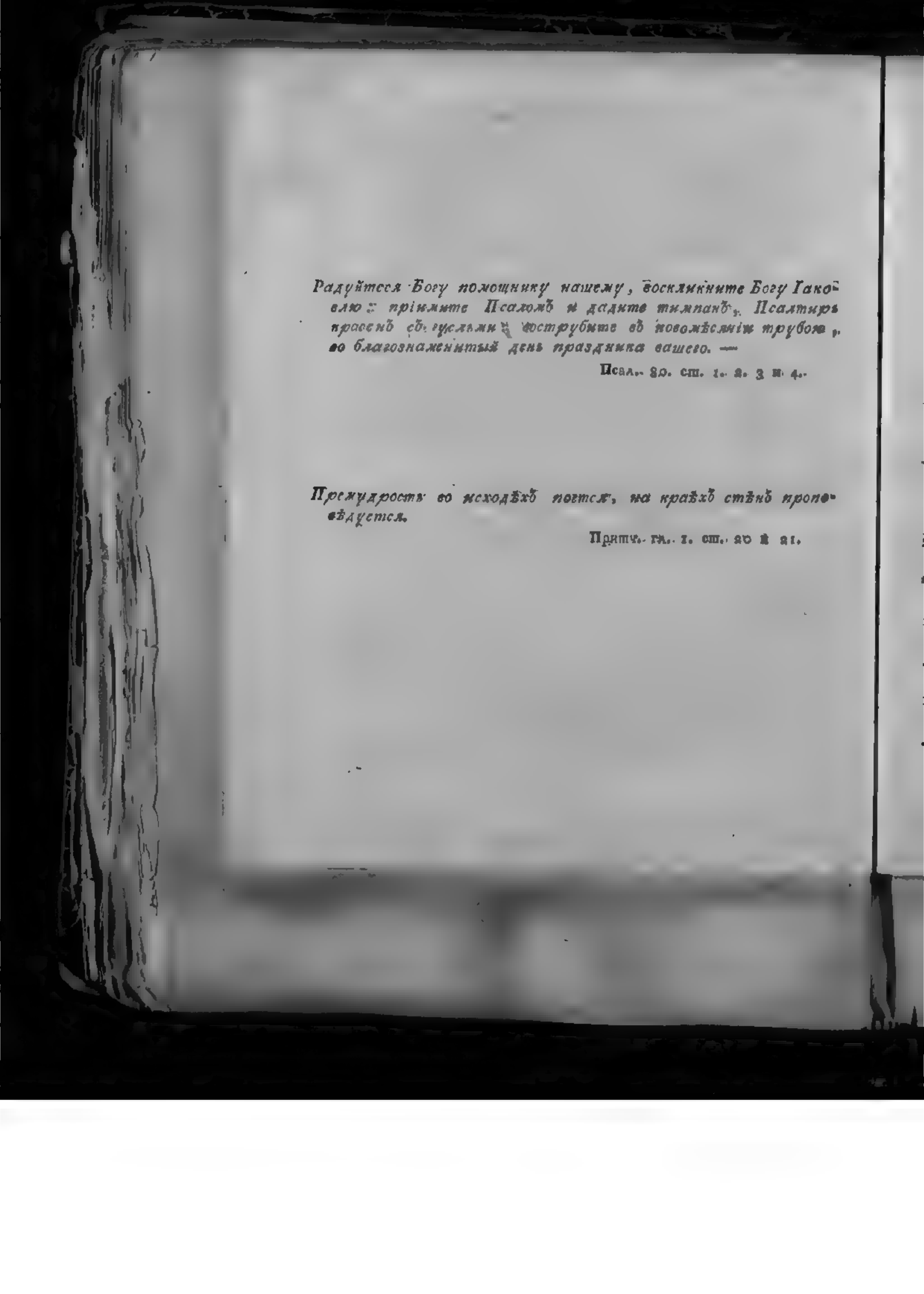
1801 года, 18 Ноября.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

у Христофора Клаудія.

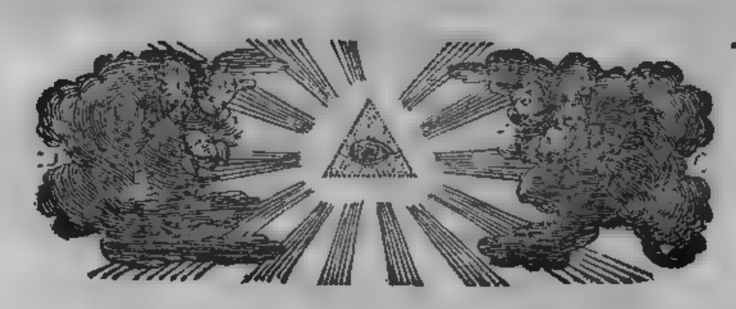


Радуйтеся Богу помощнику нашему, воскликните Богу Іаковлю: пріимите Псаломъ и дадите тимпанъ, Псалтирь красенъ съ гусльми; вострубите въ новомѣсячіи трубою, во благознаменитый день праздника вашего. —

Псал. 80. ст. 1. 2. 3 и 4.

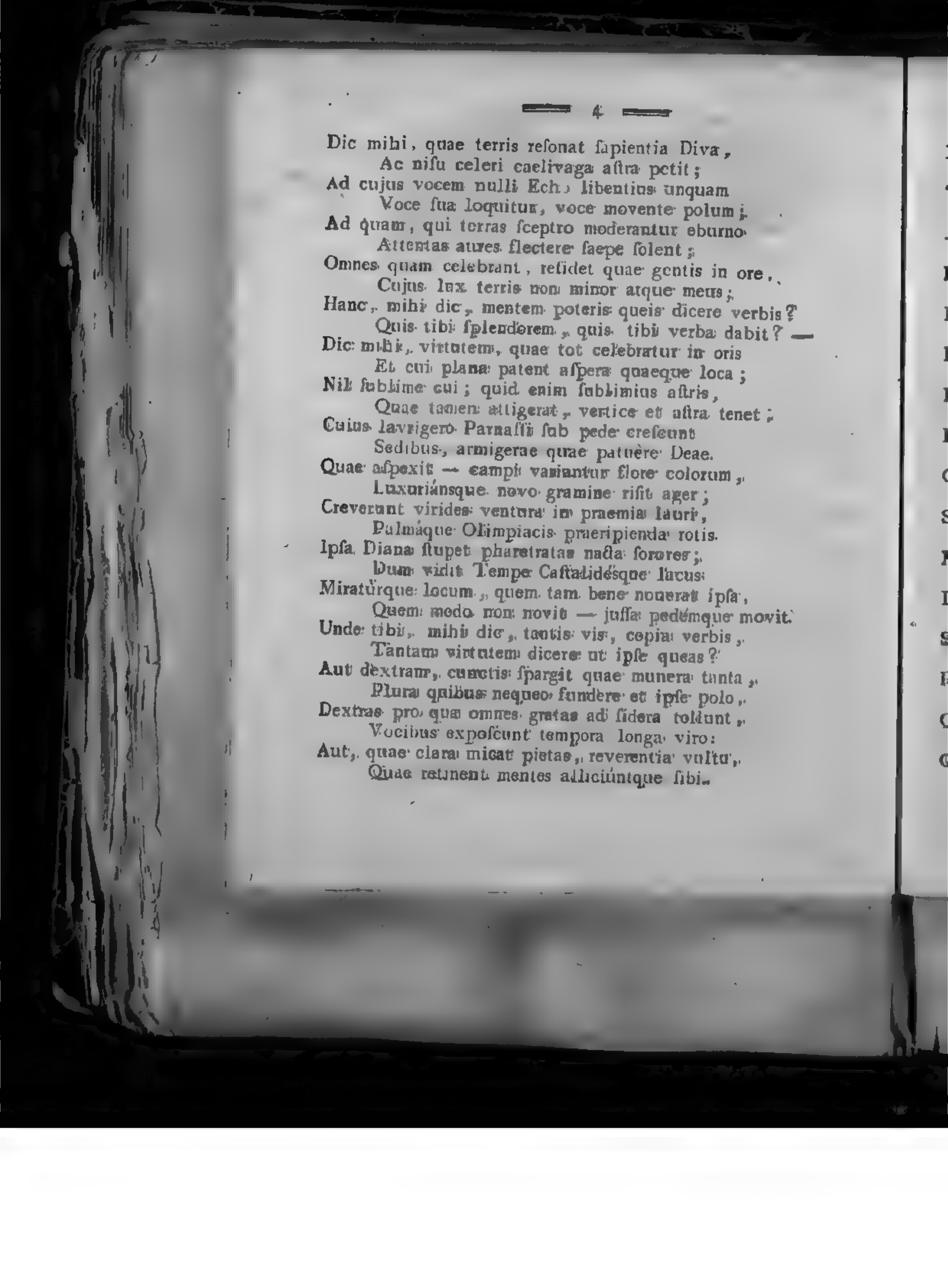
Премудрость во исходѣхъ поется, на краѣхъ стѣнъ проповѣдуется.

Притч. гл. 1. ст. 20 и 21.



VERSUS

Magna cano, cunctis mirandaque gesta PLATONIS,
Quaeque nec ingenio sunt referenda meo.
O mens, quâ inflati Diuos cecinêre Poëtae,
Ac quae fecisti carmina grata Deis.
Ausis nunque fave nostris, ut carmina dicam
Digna Viro, quem mens diva deditque Deum:
Degustem, o nostris, vellem nunc Phocidos undas
Oribus, aut fontes, qui de Helicone fluunt,
Chordas atque tuas manibus nunc sumere, Phoebe!
Immunia ut fati carmine facta canam.
Da mihi te facilem, timidâeque illabere menti,
Ingenio vires, lumina dèsque meo. —
Annuerat — visûsque mihi sic ore profatur:
En optanda Tibi plectra canora tene!
Non opus est longis precibus dum dicere Divum
Est opus; — at vires experiare tuas.
Ardua, nec res est humeris gestanda tenellis
Pallidus ipse tremo, dum cano gesta Deûm. —



Dic mihi, quae terris resonat sapientia Diva,
    Ac nisu celeri caelivaga astra petit;
Ad cujus vocem nulli Echo libentius unquam
    Voce sua loquitur, voce movente polum;
Ad quam, qui terras sceptro moderantur eburno
    Attentas aures flectere saepe solent;
Omnes quam celebrant, resideet quae gentis in ore,
    Cujus lux terris non minor atque meus;
Hanc, mihi dic, mentem poteris queis dicere verbis?
    Quis tibi splendorem, quis tibi verba dabit? —
Dic mihi, virtutem, quae tot celebratur in oris
    Et cui plana patent aspera quaeque loca;
Nil sublime cui; quid enim sublimius astris,
    Quae tamen attigerat, vertice et astra tenet;
Cuius lavrigero Parnassi sub pede crescunt
    Sedibus, armigerae quae patuère Deae.
Quae aspexit — campi variantur flore colorum,
    Luxuriánsque novo gramine risit ager;
Creverunt virides ventura in praemia lauri,
    Palmáque Olimpiacis praeripienda rotis.
Ipsa Diana stupet pharetratas nacta sorores;
    Dum vidit Tempe Castalidésque lacus:
Miratúrque locum, quem tam bene noverat ipsa,
    Quem modo non novit — jussa pedémque movit.
Unde tibi, mihi dic, tantis vis, copia verbis,
    Tantam virtutem dicere ut ipse queas?
Aut dèxtram, cunctis spargit quae munera tanta,
    Plura quibus nequeo fundère et ipse polo,
Dextras pro qua omnes gratas ad sidera tollunt,
    Vocibus exposcunt tempora longa viro:
Aut, quae clara micat pietas, reverentia vultu,
    Quae retinent mentes alliciúntque sibi.

Peruigilem aut circa Ecclesiam sacrásque sorores
    Curam, queis verbis dicere cuncta queas?
Tantae molis opus mihi nunc sumsisse videris,
    Quod possit vires exsuperare tuas.
An nescis, Phaëthontis fulmine currum
    Cum rectore simul, proh! cecidisse suo?
Et tua plectra, cave, ne sint perculsa tonitru;
    Nam contra audaces fulminat ipse Deus.
Dixit — et eliso percussis aëre pennis
    Altus Parnassi constitit arce sacri.
Pieridásque urget festum celebrare canorum.
    O mihi cara Virum dic age sacra cohors!
Nunc vires animúmque omnes effundite vestrum:
    Nam divum divûm non nisi voxque decet.
Pieridum voces totum insonuêre per orbem
    Illius in laudes, qui decus Aonidum est.
O Pater, o nostri decus indelebile secli,
    Qui nisi magna geris, cum nisi magna petas,
Sinas, vocibus ut Pindi voces quoque nostras
    Jungamus, Magno qui Tibi magna canit.
Non Phoebi citharam, non plectra Orphea petóque:
    Mens sincera Orpheus, haec mihi Phoebus erit.
Laudes namque Tuae superant Orpheja plectra;
    Ergo non laudes, pectora grata canam.
Siderea vultu radians ut Cyntia luce
    Me Tua nunc bonitas allicit atque trahit.
Hanc spectans oculis teneor defixus in una,
    Hanc miror solam, cuncta quod una trahit.
Quae sicut Phoebus nobis sua munera mittit;
    Quae sicut Phoebus corda trahítque sibi.
O quam felices, tanto qui Praeside florent,
    Mutius immensus quo nihil orbis habet.

Ergo Tuae fifus miti, Sanctiffime, menti
    Verbis nunc noftris fis facilisque precor.
Sis facilis, merito quod non mea Mufa canebat
    Quae bene geffifti — dicere cuncta nequit.
Dicere cuncta nequit, — preffit pudibúndaque vocem:
    Gefta carent numero — Mufaque feffa tacet.
Facta carent numero, numeróque carent pia vota,
    Quae pro Te fundunt pectora grata Tibi.
Vive, Pater, vita Mufas ducendo ad Olimpum:
    Te tangente polum, Mufa petetque polum!

О Д А.

Взмахнулъ крылами — и сокрылся,
    Какъ Ангелъ, намъ любезный годъ;
    Въ безмѣрну вѣчность погрузился,
    Морскихъ какъ капля въ бездну водъ.
    Пропалъ онъ въ мигъ часовъ съ біеньемъ! —
    Почто столь краткокъ былъ онъ намъ?
    Почто златыхъ дней вождь стремленьемъ
    Подобенъ прочимъ временамъ? —
    Нѣтъ! онъ совсѣмъ имъ не подобенъ. —
    Онъ милый былъ Сатурновъ сынъ! —

Подъ тягостой временъ суровыхъ
    Трещатъ бугры и сердце горъ;
    Металлы, блескъ костей слоновыхъ,
    И все, что нашъ плѣняетъ взоръ,

Все прахомъ, пылью становится —
Свирѣпость грозная морей,
Сколь ни бунтуетъ, ни ярится,
Гангесъ и Тагъ и Енисcей
Игралищемъ временъ бываютъ.
И что удержитъ силу ихъ? —

О Пастырь, Небесамъ любезный!
Твой годъ протекшій не таковъ! —
Являлъ онъ красоты небесны,
Иль Майскій день безъ облаковъ
Для Церкви, Музъ и для Россіи. —
Онъ текъ, какъ красный исполинъ,
Тишащій яростны стихіи,
Живя и мирный зракъ долинъ;
Осѣменялъ бугры кремнисты,
И терны въ розы премѣнялъ.

О Муза! ново зря сіянье,
Одѣйся новой лѣпотой;
Отрясши отъ очей дреманье,
Гласи блаженство и покой!
Да тако съ сердцемъ благодарнымъ
Согласно пѣсни воспоешь;
Не звукомъ трубъ высокопарнымъ,
Но въ духѣ радость изліешь
Предъ Темъ, кому всегда курится
Сердецъ нещетныхъ ѳиміамъ! —

Врагъ древній смертныхъ благоденства
Облекъ міръ земный искони;
Разимый блескомъ ихъ блаженства,
Ихъ возмутилъ спокойны дни. —

Дыхнулъ — безбожіе явилось,
И идолъ въ сердцѣ сооруженъ —
Сомнѣніе въ сердцахъ родилось —
И духъ симъ ядомъ зараженъ.
Безумна гнусность суевѣрства
Въ личину правды облеклась.

Гдѣ та прекрасная вселенна,
Твореніе премудрыхъ рукъ?
Увы! вся стала возмущенна,
Разстроенной какъ арфы звукъ! —
Но *словомъ* твари всѣ создавый
Изрекъ — и *Слово* во плоти —
Намъ жизнь, дыханье даровавый,
Міръ *Словомъ* восхотѣлъ спасти; —
И паки времена златыя
Разлили блескъ свой на земли. —

Нѣтъ! — адска Этна не престала
Еще огнь злобы возгнетать;
Гигантовъ ярость не устала
Стрѣлами сердце поражать
Чадъ новыхъ истинны небесной. —
Ложъ, суесвятство и разврат,
Презрѣвъ гласъ совѣсти священной,
Съ добромъ зла съединили ядъ. —
Такъ море, въ ярости волнуясь,
Мѣшаетъ съ грязью маргаритъ! —

Стада какъ горлицъ боязливыхъ,
Лишенны матери своей,
Блуждая средь лѣсовъ унылыхъ,
Въ коварство падаютъ сѣтей:

Такъ агнцы Церкви расхищенны
Блуждаютъ во грѣхахъ своихъ;
И столько ставъ ожесточенны,
Упоренъ сколько хищникъ ихъ,
Не внемлютъ истинны вѣщанью. —
И кто ихъ сердце умягчитъ?

Твой взоръ, кротчайшій взоръ довлѣетъ,
ПЛАТОНЪ! кремнисту грудь смягчать;
Твой гласъ божественный умѣетъ
Изъ камней Богу чадъ раждать.
Твой свыше духъ осѣмененный
Чудесные творитъ плоды;
Твои живятъ уста священны,
И миръ даютъ Твои труды. —
Такъ! — Что годами не свершилось;
То сдѣлалъ Твой протекшій годъ!

Издревле Пастырей имѣла
Избранныхъ Церковь и святыхъ,
Которыхъ ревность пламенѣла
Къ возстановленью дней златыхъ: —
Но ТЫ, ихъ жизни подражая,
Украсилъ званіе свое;
День каждый духъ Твой обновляя,
И стадо обновилъ Твое.
Колико ТЫ о немъ печешься,
Забывши собственный покой! —

Тому вселенная свидѣтель,
Что Музъ ТЫ утвердилъ престолъ,
Дабы небесна добродѣтель
Собою оживляла долъ.

Дабы мракЪ скрылся предЪ очами
Ветхо-АдамлихЪ темныхЪ чадЪ;
Дабы разнасаждать цвѣтами
Любезный Богу вертоградЪ;
Волчцы и тернія очиститЪ,
ИмЪ вЪ духѣ силу дать расти. —

Лучь солнца нѣжной теплотою
ПитаетЪ бархатны луга,
И рѣки бисерной росою
ЖивятЪ цвѣтущи берега:
Плоды наукЪ не такЪ ли зрѣютЪ,
Питаясь щедростью Твоей?
Пустыни красныя ботѣютЪ,
Сугубо орошенны ей. —
ТакЪ, Пастырь, быть ОтцемЪ рожденный!
Всему даешь ТЫ новый видЪ. —

ВЪ какихЪ восторгахЪ веселится
Корабль среди морскихЪ зыбей,
Коль вЪ нихЪ какЪ вЪ зеркалѣ глядится,
Коль бури яростью своей
Его теченью не мѣшаютЪ!
ТакЪ подЪ смотрѣніемЪ ТвоимЪ
ВсѣЪ мирЪ и тишину вкушаютЪ,
Довольны жребіемЪ своимЪ.
Сколь ихЪ блаженство несравненно!
ЖиветЪ лишь радость вЪ ихЪ сердцахЪ.

СтрежетЪ невинность грады, селы,
И краситЪ общество любовь,
Спокойны Церкви суть предѣлы,
Когда молчитЪ вЪ насЪ плоть и кровь. —

Ведя небесну жизнь, духовну,
Ты честь отечества хранишь,
И тѣмъ красу въ немъ безподобну
Еще краснѣй Собой творишь.
Не то ль согласно подтверждаетъ
И дальный, зря ТЕБЯ, народъ?

А намъ, толико ущедреннымъ,
Что можно предъ Тобой воспѣть?
Намъ сердцемъ, сердцемъ лишь усерднымъ
Осталось вѣчно пламенѣть.
И естьли гласъ нашъ что вѣщаетъ,
Не онъ — но сердце говоритъ —
Тобою движется, желаетъ,
Тобой навѣкъ оно горитъ. —
Теки свѣтило наше далѣ
И новый блескъ на насъ излей! . . .

O D E.

Quemnam fonorem percipio avribus?
Laetas cohortis caelitûm caetus
Ah! quid triumphans voces prodit?
Cur modo gaudia nunc tanta?
An qui benignâ dona fua fundit
Dextrâ Deus, fons optimus atque ingens
Hos donat amplîs nunc donîs,
Atque novis animisque ignotîs?
Utrum unde Titan furgit, ibi terris
Coeli fub avras prodiit omnibus

Optandus homo, qui virtute
Sol velut orbe nitebit amplo?
Sed quid plagam sic respiciunt nostram?
Quid denotat haec pura serenitas
Vultûs? Jucundum quiddam cernunt.
Vilia quaeque putant se indigna;
Quid vestra monstrant gaudia tam magna?
Quid vos, beati! compulit ac movet?
Narrate nobis, ut laetemur!
Qui sibi non cupiant optanda?
„Terris inest Vir — vox superûm fertur —
„Cujus optanda est hôc celebranda anno
„Dies apud magnas gentes,
„Quique suâ eximiâ clarescit
„Virtute semper: Qui licet est terris,
„Terrena lustrat, civis ut aeternus
„Coeli, nec unquam sedes hasce
„Pectore non meminisse gaudet.
„Est hic colendus; nam Deus hunc ducit
„Dextrâ potenti. Sic Deus huic favet!
„Est hic amandus; nam quemque amat.
„Est probus; improba corda vincit."
Ergo quis ille est nominibus clarus,
Quem nunc beati sedibus in suis
Tantis celebrant honoribus?
Est PLATO, luce piae splendescens
Virtutis almâ. Qui est quia naturâ
Ortus ad exemplum, estque Dei vera
Imago veri; utitur Dei
Muneribus sapienter laetans.
Quàm sunt, ah! coeci, vincere qui posse
Sese repugnant, cum PLATO inest nobis,

Qui corda semper mentis rectae
Subjicit imperio non piger.
Qui est semper constans, quique potens sui
Laetúsque vivit; cui licet in diem
Dixisse: *vixi.* Prudens futuri
Temporis aspiciens exitum
Qui dona animi dirigit ad rudes
Perficiendos sicut Apostolus:
Coecutit homo? Illustrat mentes
Atque animos veluti almus Phoebus.
Oppressa mens est conscia peccati
Somno gravido? Sicuti fulmine
Hanc excitat. Qui viam rectam
Deseruitque? Reducit cito
Tanquam Moses hunc: Sordibus infectos
Carnis veluti fons nitidus purgat.
Affectibus qui sunt turbati,
Mitigat hosce suâ unâ voce,
Quae vel Neronum flectere pectora
Partes in aequas, sicut magnetis
Vires potentes, invitò potest.
Nullus adest animus, non tangi
Qui voce possit candidâ docentis.
Atque hic Salomo non minus est sanctus
Vitâ suâ. Ille est mitis Titus
Atque Josephus et aequus David.
En qualis Ille est! Quis vero non dicet:
„Quam sit beatus, qui videt atque audit
Divum PLATONEM!", quae non dicat
Pòsteritas animo: Felices
„Essemus omnes, si pius adesset
„Nunc PLATO nobis!„ Quàm verò nos sumus

Certe beati; qui Tuis, Pater!
Muneribus fruimur immenſis.
At quae Tuis his digna bonis ferre
Poſſumus omnes, qui tenues ſumus?
Quid nos tentemus dignum!
Ingenio uberiore, PLATO
Dive! es canendus. Nos quid faciemus? Corda
Tibi feremus, qui pia deſpicis,
Quae Tibi dicunt, corda nunquam:
„Vive diu, Pater! et ſis felix!“

П Ѣ С Н Ь.

На скиптрѣ облокотясь желѣзный,
Стрясся смерти мглу съ сѣдинъ,
Стоитъ при брегѣ страшной бездны
Судебъ на урнѣ Исполинъ.
Съ власовъ минуты въ бездну льются —
Вкругъ крылъ лѣта и вѣки вьются —
Толпятся роки у чела;
Изъ страшныхъ вихрей мышцы слиты,
Эхидной тлѣнія обвиты —
Въ рукѣ губительна стрѣла.

Предъ нимъ твердыни разсыпались —
Стирались горы, дубъ скрипѣлъ —
Міры отъ осей отрывались —
Хаосъ изъ устъ его летѣлъ.

Дохнетъ — и въ мигъ нить жизни рвется,
Волною бренности несется
Въ пучину зримую предъ нимъ.
Вдали — противу Исполина
Зрю, съ солнцевъ тлѣющихъ Судьбина
Рвала лучи жезломъ своимъ.

Отъ вѣчности пунктъ отдѣленной
Едва примѣтною чертой —
Могуще время — Царь вселенной —
Такъ званъ сей Гигантъ судьбой!
Носясь надъ цѣпью онъ твореній,
Крилѣ сливаетъ изъ мгновеній,
Потомъ кидаетъ въ бездну ихъ. —
Мигъ каждый жизнь его кончаетъ;
Но смерть же паки пораждаетъ
Гиганта изъ когтей своихъ.

Здѣсь видъ чудесъ перемѣнился.
Гигантъ двенадцать крылъ сорвалъ.
И се вкругъ урны лучь обвился,
Судебъ кимвалъ въ ней зазвучалъ;
Поля воздушны потряслися —
Міры въ единый пунктъ слилися,
Съ небесъ щедроты лучь летѣлъ; —
Земля сближалась съ небесами,
И правосудья подъ вѣсами
Чудесъ я разны сцены зрѣлъ.

Герой, одѣтый весь огнями,
Стоитъ облокотясь на лучь;
Ехидну топчетъ подъ ногами,
Выводитъ солнце изъ — за тучь. —

Предъ нимъ у вихрей крыла тлѣютъ —
Въ пучинахъ фуріи сѣдѣютъ,
Не смѣя ядъ отрыгнуть свой. —
Объ грудь, изъ адамантовъ слиту,
Твердыню вижу я разбиту,
Лежащу подъ его ногой. —

Я вижу міръ — сего тиранна —
На бой съ Героемъ симъ идетъ.
Въ десницѣ палица сваянна
Изъ ложно-блещущихъ суетъ;
Изъ устъ его ползутъ ехидны —
Средь мѣдныхъ челюстей ихъ видны
Златое жало — сладкой ядъ.
Герой прикрытъ броней доброты,
Неколебимъ. — Сіи оплоты
Ехидны жаломъ не пронзятъ.

Сему подвижнику — Герою
Спѣшитъ немолчна слава въ слѣдъ
Съ своей звучащею трубою; —
Изъ ней порхаютъ эхи въ свѣтъ.
Сколь часто міръ сей близорукій
Брящающихъ кимваловъ звуки
За истинный чтетъ славы гласъ;
За солнцы чтетъ огни блудящи. —
Но лишь отступитъ случай льстящій,
И се нить славы прервалась! —

Но кто до старости оливы
Рветъ съ распростертыхъ славы крылъ,
Тому не случай служитъ льстивый —
Тотъ самъ къ безсмертью путь открылъ.

2/10

Сколь рѣдокъ сей феноменъ въ свѣтѣ!
Лишь сей герой въ своемъ полетѣ,
Крылѣ безсмертья ужь простеръ. —
Чтобъ свѣтъ увѣрить въ семъ, открою,
Что имя есть сему герою
ПЛАТОНЪ — всѣхъ доблестей примѣръ.

Но что я зрю? чудесъ на сцену
Нить жизни Парка принесла;
Трубу судьбами обвіенну
Я вижу у ея чела. —
Лучи вокругъ трубы раждались —
Магически начерщавались
На нихъ такія письмена:
„Се съ громомъ въ вѣчность годъ катится,
Крилѣ его блестятъ; — мнѣ мнится,
Чудесъ эпоха прервана.„

Такъ! но другая вмигъ начнется. —
ПЛАТОНЪ хоть сцену премѣнилъ;
Но цѣпь дѣяній не прервется; —
Лучь мудрости ее скрѣпилъ.
ПЛАТОНЪ — ПЛАТОНОМЪ будетъ снова!
Нить жизни новая готова.
Толпятся эхи ужь предъ ней —
Кимвалы слава умножаетъ —
Весь свѣтъ къ ней ухо преклоняетъ. . . . .
Безмолвье по вселенной всей!

ПЛАТОНЪ эпоху дѣлъ чудесныхъ
Великимъ чудомъ окончалъ.
По таинствамъ судебъ безвѣстныхъ
Творца десницею Онъ сталъ.

МОНАРХА Сѣвернаго трона
Вѣнчая Богъ, судилъ ПЛАТОНА
Своимъ орудіемъ избрать.
Сего рукою Самуила
Дары Владычнія излила
На АЛЕКСАНДРА Благодать.

ТВОИ дѣла — ПЛАТОНЪ! гиганты
Небесной мудрости огнемъ
Въ душахъ раждаютъ адаманты,
И нощь содѣловаютъ днемъ.
Святой Ты церкви бывъ кормиломъ,
Священнымъ мнишься быть свѣтиломъ —
Сердецъ свѣтило — Твой примѣръ. —
Онъ мудрость всюду возраждая,
Щитами вѣры ограждая,
Небесны свѣты распростеръ.

Твой духъ, святыней огражденный,
Далеко гонитъ прочь порокъ; —
Глаголъ Твой, мудростью рожденный,
Для сильныхъ міра есть урокъ.
Речешь — и Вѣнценосцы съ трона
Склоняютъ слухъ — слова ПЛАТОНА
Цѣпь мудрости и правоты!
Россія съ громомъ отзывалась,
Твоя какъ мудрость изливалась
Передъ Царемъ, какъ дождь златый!

И Вышній небеса склоняетъ,
Въ Твою преноситъ душу рай; —
Съ Тобою небо съединяетъ,
Въ комъ Богъ, въ томъ все — желаній край. —

Тому и въ мірѣ нѣтъ преграды
Вкушать небесныя награды;
Небесъ награда — въ сердцѣ Богъ. . . . .
ПЛАТОНЪ сей даръ въ себѣ вмѣщаетъ; —
Въ своихъ добротахъ ощущаетъ,
Наградъ небесныхъ Онъ залогъ.

Міръ край есть страшныя стремнины;
Стоимъ мы бездны на жерлѣ. —
ПЛАТОНЪ! Твой центръ есть Богъ единый —
Тебя Онъ держитъ на скалѣ.
Соблазнъ насъ въ бездну увлекаетъ;
Но вкругъ Тебя онъ умолкаетъ —
Твой шлемъ и щитъ — Творца законъ.
Какъ адамантъ въ огнѣ твердѣетъ:
Твоя такъ доблесть въ Богѣ спѣетъ;
Неколебимъ Ты какъ Сіонъ!

Слѣпой фортуны подъ крылами
Нещастный ходитъ вкругъ жерла,
Изъязвленъ злобы весь стрѣлами;
Кровавый каплетъ потъ съ чела;
За нимъ въ слѣдъ фуріи стремятся —
Огни въ ихъ челюстяхъ клубятся —
Изъ жилъ жаждаютъ кровь сосать —
Нещастный въ ихъ устахъ изтлѣетъ.
Увы! я вижу, онъ блѣднѣетъ. . . .
Его на части стали рвать.

Вселенна фурій злость узрѣла;
Ахъ! молвивъ, отступила прочь —
Чувствительность окаменѣла,
Сказавъ: не въ силахъ я помочь!

Но се нещастныхЪ другЪ явился!
АхЪ! молвивЪ онЪ, остановился;
ДохнулЪ мгновенно правотой —
Стрѣлою злобу онЪ сражаетЪ. —
ПЛАТОНЪ! здѣсь кисть изображаетЪ
Чувствительность, характерЪ Твой.

Ты истинны ковчегЪ священный —
ВЪ Тебѣ ея ликЪ должно чтить.
МОНАРХЪ нашЪ ВышнимЪ вдохновенный
НещастныхЪ бремя облегчить,
КЪ Тебѣ и мысль и взорЪ склоняетЪ;
ОнЪ внемлетЪ — и Его плѣняетЪ
Гармонія души святой —
И БогЪ вЪ душѣ Его вѣщаетЪ:
„ПЛАТОНЪ дарЪ благости вмѣщаетЪ;
Да будетЪ ОнЪ Твоей рукой.„

Молва, какЪ АнгелЪ благодатный,
ВЪ семейства бѣдныя летитЪ;
Надежды свѣтлый лучь, отрадный
НещастныхЪ рубище златитЪ.
ПойдемЪ — се бѣдныхЪ гласЪ! стремятся —
ПредЪ ними чудеса родятся. —
ПЛАТОНЪ огнемЪ, зрю, окруженЪ!
Нещастные кЪ Нему взирая,
Слезу послѣднюю стирая,
Рекли: „сей сердцемЪ огнь возженЪ.„

И сими-то Ты чудесами
Свой кругЪ безсмертья расширилЪ —
Соединился сЪ Небесами;
Могуще время побѣдилЪ!

Звуча желѣзною державой,
Дыхая тлѣнія отравой,
Гигантъ сей свѣтъ въ десницѣ жметъ.
Но предъ Тобой онъ скиптръ кидаетъ. —
Въ тебѣ свой вѣчность лучь раждаетъ,
Крилѣ безсмертія даетъ!

И такъ по горизонту славы
Несись безсмертія крыломъ!
Противу времени отравы
Твой твердый щитъ — дѣяній громъ.
ПЛАТОНЪ! конечно Богъ свѣтъ любитъ,
Коль жизни кругъ Твоей сугубитъ.
Се щастья новое звено!
Въ Тебѣ намъ жизнью наслаждаться,
Въ Тебѣ къ блаженству возвышаться —
Самимъ Творцемъ повелѣно.

Но дивный ІЕРАРХЪ, священный!
Дерзнетъ ли плыть по безднѣ водъ
Пловецъ, на ладіи пущенный?
Твоихъ касаясь я добротъ,
Могуль съ желаемымъ успѣхомъ
Твоей быть славы вѣрнымъ эхомъ?
О нѣтъ! — такъ долженъ я нѣмѣть!
Пусть пѣснь въ устахъ моихъ прервется;
Но сердце эхомъ отзовется,
И будетъ гимнъ Тебѣ гремѣть....

Студ. Богосл. Стефанъ Смирновъ.

IDILLIUM.

MENALCAS.

Jam roſeus feſſos Titan de culmine mundi
Demittebat equos, ſenſim creſcentibus umbris;
Et Zephyrus blando calefacta per arva volatu
Regnabat, ſpirans laſcivum frigus ubique,
Balantesque greges linquebant flumina, cantu
Paſtoris feſtivo abeuntis ſilva ſonabat;
Dulciſonos tenui fundebant ore volucres
Concentus, nemorum commiſcebantque ſuſurro.
Omnia rumpebant priſtina ſilentia, cuncta
Somniferum pelli torporem a mente jubebant.
At Melibaeus adhuc denſa latitabat in umbra,
Communi in ſtrepitu tacitus; non garrula pinus,
Non avium cantus, pecorum non cura, nec inſtans
Frigidus heſper ei lentum excuſſère ſtuporem
Ex animo, qui volvebat benefacta Menalcae
Perpetuo, uſque ſui penitus velut immemor ipſe.
Saepe leves teneris calamos aptare labellis
Tentabat, manibus languentibus, atque conanti
Surgere & ire, pedes tardi immotique manebant.
Laetitia, atque dolor quidam, pietasque viciſſim
Pingebant vultus ipſius, ſicque tenebant
Affectum, donec laetus paſtoris amicus
Daphnis agens paſtas potum de monte capellas
Increpuit tali ſub ramis voce latentem:
Omnia laetitiae noſtrae applauſiſſe videntur,
Cuncta diem Patris feſtum celebrare Menalcae!
Aſpice, quam dulces cantus moduletur aedon.

Cernis, ut e longo, Corydone canente, capellae
Implentes faliant laetis balatibus agros.
Occiduus-modo fol quanto fplendore corufcat!
O Melibaee, jaces tu fegnis inersque fub umbra?
Nec talem effe pudet? numquam paftoris amici,
Sunt quibus ornati cuncti, benefacta revolvis?
An animo fubito exciderant tibi cuncta? o pudorem!
Sic Daphnis: cui mox excitus reddit amicus:
Ah! fi, volvo meo grato quae pectore, noffes,
Argueres numquam mea tu ipfe filentia, Daphni!
Me non impietas, ftudium fed jufferat illa:
Omnia nam memini fuaviffima dona Menalcae;
Quae cum animo tacitus repeto ac percenfeo mecum,
Mox ftupor invadit mentem & oblivio rerum,
Languefcunt fenfus..... fed quid? — tu cernis, o Daphni!
Numquam coeleftem torporem exponere poffum.

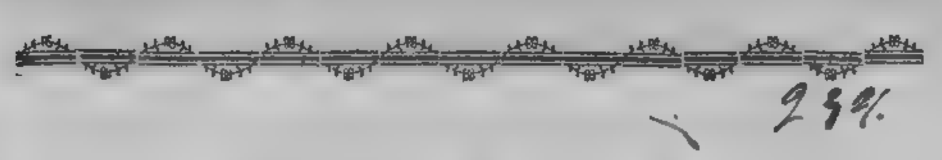
D. Ergo age, furge, vides laetam procul ecce cohortem
Paftorum; quam fuave canentibus affonat echo!
Adveniamus eos, & tibia dicat eundo
Paftori meritas laudes alterna benigno.

M. Recta mones; quando Patri nego talia? fed tu
Incipe, Daphni, prior; melius Te namque fecuta
Dicit arundo mea; incipiens ea deficit ufque.

D. Undae, quae veftris pulfatis littora lymphis,
Aura, tuo leni quae mulces flamine prata
Et deferta, quibus vifum eft habitare Menalcae
Mittite Paftori calamos hos. — Forfitan avres
Ille dabit placidas, forfan..... fiducia blanda!
Heus mihi, quam tenui decurrunt carmina verfu!
Incultos etiam modulos non refpue, Paftor;
Laeta tuo aufpicio melius mea Mufa loquetur.
Jam Licidae Mopfique, agreftis fiftula quondam
Nunc refonat fcitè. — Quis non, cui Tu ipfe favebas,

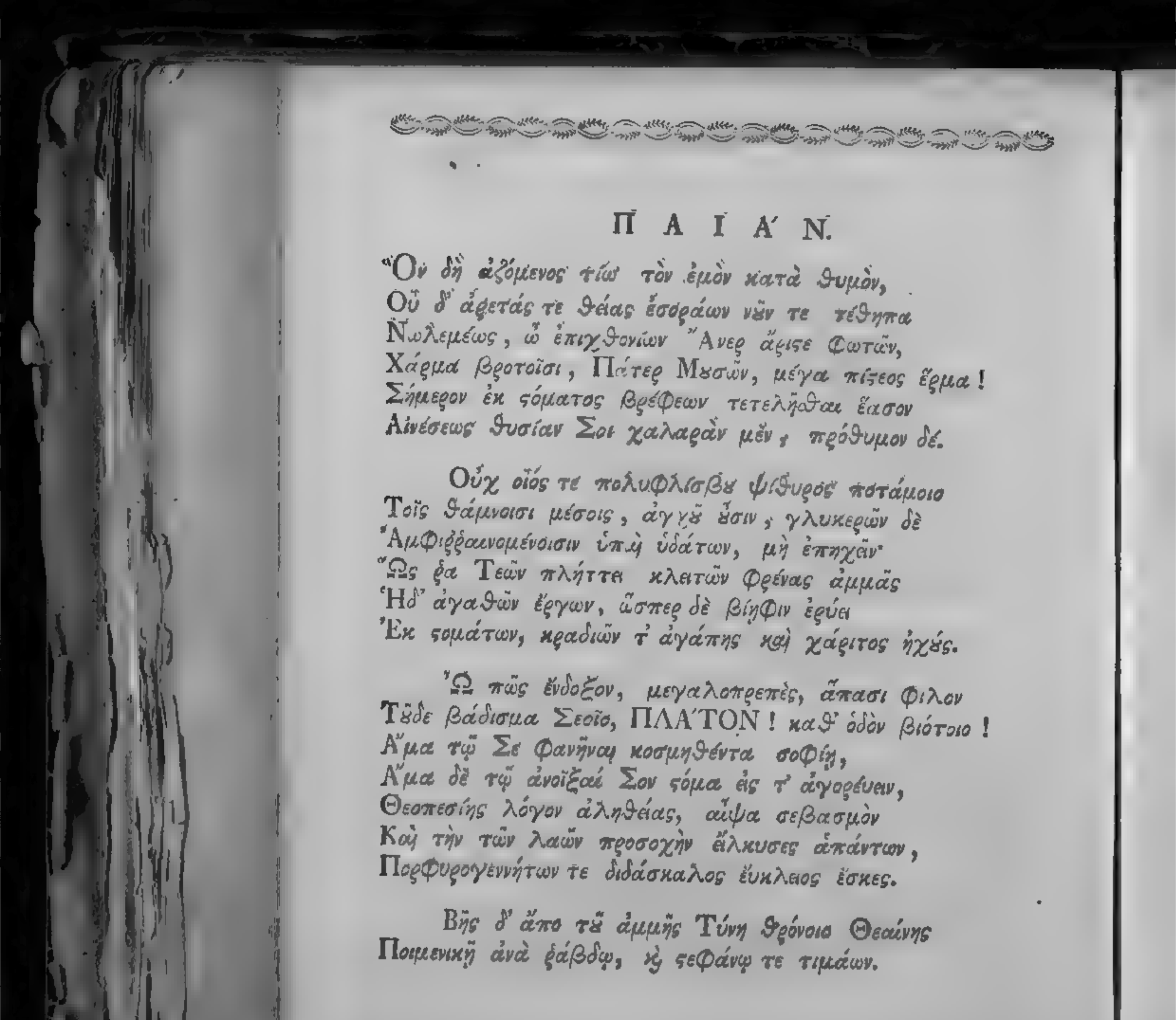
Gaudens ad majus petit? – At non pergere poſſum...;
Vae mihi! lingua labat, cum mens vult dicere plura.
M. Aſt ego, Daphni, tuis quid cantibus inſcius addam?
Laudibus extollam virtutes, care, Menalcae?
Ah! haec quam mirė narrat grex! cernis, ut agnos
Balantes ſubitus vigor excitat ecce, Menalca
Audito. Dicam Paſtoris dulce ſonantem
Tibiam? at antra nemusque illam reſonare videntur
Continuo. Poſſem.... Sed proh natura maligna!
Vae mihi! lingua labat, cum mens vult dicere plura.
D. Monte ſacro nuper, Melibaee, mea excipe verba
Monte celebrarunt paſtores Pana canendo;
Et cum ſolus ego Corydonque eſſemus in arvis;
Numen ut e coelis ſubito ſtetit ante Menalcas.
Sanctus, coelicolae! vultus quam ſplendet in illo
Veſter! O illum utinam recte depingere poſſem! –
Vae mihi! lingua labat, cum mens vult dicere plura.
M. Iactantes ſuperis grates cantate, coloni
Tecta Deo jo veſtra placent, & pignus amoris
Divinis nitidus virtutibus ecce Menalcas.
Ite virum coeleſtem oculo ſpectate ſequaci;
Conſtituit vobis vitae placidae Deus illum
Exemplar. — Fauſti, qui Te & Tua facta ſequentes
Rectam iniêre viam, Pater! – at non ruſtica pollet
Edere arundo, ſimus quam Te vivente beati.
Proh mihi! lingua labat, cum mens vult dicere plura.
Laudes divini meritas cantare Menalcae
Satis opus divi. Sat nos pro viribus Illi.
Ruricolis cinctus, — turbam properemus adire, —
Aſpice, facundus calamos en inflat Amyntas.

Stud. Theol. Petrus Platonov - Greſchiſtſcheff.



R A N A N.

Bekor al ram opel nave meakiudim nitzanim
Al geda nahar meod sach notech im ram har
Japc roie iaschab vaicod kadkod vajare nahar.
Kol rojenu vajedaber kol batoba toba schimla
Partzu netz nitzanim keter iheu ko bageda
Meod rabim meod ischau simra lecha hanahar.
Ma ani eesse ma ra nekabi eda acharisch.
Od ken mat iada ve lakach ra nekabo samar.
Joter toch cheled naharta meeretz mepake kar.
Kedi schemesch sarach becha rojenu et jatir panimo.
Lajela hadarim schamaim kokabim becha nirjeu.
Teman lo nopeach alecha lo nua manuach becha :
Mitchilattecha al jemanit schemol jadecha jatzitz perach.
Katzer oreach holech alecha borech jah iaschan bigdecha.
Bacham kain tzel schotim majecha taluba janach.
Param af et lebab schiboltecha natan tov.
Batorach betzia bekol maafenu ma nehapoch panennu.
Nere becha majecha rochatzim lokechim chadasch san.
Ten li lo rischon saper gadolim tobim rav.
Nekabi ra karzer saper ascher jada atta nafschi.
Natachta jakir nahar natachta min gadol baaretz
Natachta al jam ve majecha imo nagid mai balul jehi.
Roje charasch lakach nitzanim vejalach el nahar.
Jadad kol al nahar jalach im chedva babet.



Π Α Ι Α΄ Ν.

Ὃν δὴ ἁζόμενος τίω τὸν ἐμὸν κατὰ θυμὸν,
Οὗ δ᾽ ἀρετάς τε θείας ἐσορώων νῦν τε τέθηπα
Νωλεμέως, ὦ ἐπιχθονίων Ἄνερ ἄριστε Φωτῶν,
Χάρμα βροτοῖσι, Πάτερ Μουσῶν, μέγα πίστεος ἕρμα!
Σήμερον ἐκ στόματος βρέφεων τετελῆσθαι ἔασον
Αἰνέσεως θυσίαν Σοὶ χαλαρὰν μὲν, πρόθυμον δέ.

Οὐχ οἷός τε πολυφλοίσβου ψίθυρος ποτάμοιο
Τοῖς θάμνοισι μέσοις, ἀγχοῦ οὖσιν, γλυκερῶν δὲ
Ἀμφιῤῥαινομένοισιν ὑπαὶ ὑδάτων, μὴ ἐπηχεῖν·
Ὣς ῥα Τεῶν πλήττει κλειτῶν φρένας ἀμμᾶς
Ἠδ᾽ ἀγαθῶν ἔργων, ὥσπερ δὲ βίηφιν ἐρύει
Ἐκ στομάτων, κραδιῶν τ᾽ ἀγάπης καὶ χάριτος ἠχοῦς.

Ὦ πῶς ἔνδοξον, μεγαλοπρεπὲς, ἅπασι φίλον
Τοῦδε βάδισμα Σεοῖο, ΠΛΑ΄ΤΟΝ! καθ᾽ ὁδὸν βιότοιο!
Ἅμα τῷ Σε φανῆναι κοσμηθέντα σοφίῃ,
Ἅμα δὲ τῷ ἀνοῖξαί Σον στόμα ἐς τ᾽ ἀγορεύειν,
Θεσπεσίης λόγον ἀληθείας, αἶψα σεβασμὸν
Καὶ τὴν τῶν λαῶν προσοχὴν εἵλκυσες ἁπάντων,
Πορφυρογεννήτων τε διδάσκαλος εὔκλειος ἔσκες.

Βῆς δ᾽ ἄπο τοῦ ἀμμῆς Τύνῃ θρόνοιο Θεαίνης
Ποιμενικῇ ἀνὰ ῥάβδῳ, καὶ στεφάνῳ τε τιμάων.

Βλέψες ἂν ἐς τὰς τῶν Μȣσῶν σπȣδάς γε, καὶ ἰδȣ
Πάντα σοφῇ ἐπὶ Σοῦ προνοίῃ κ' ἀναβλέμματι, Ποῖμεν!
Τῶν μεταβέβληται ἐνὶ ἱερῷ κρεῖττον ἐς εἶδος.
Ἡ νεότης Φιλόμȣσος νῦν θαῤῥȣ̃σα βαδίζει
Εἰν ὄλβοιο ὁδῷ· πενίας γὰρ βαρέα ἡμῖν
Δέσματα ἤδη ἅπαντ' ἀρήμενα Σῆς ὑπὸ χειρός.
Σοὶ πλεῖόν τι ὀφέλομεν ἡμετέρην παρὰ ζωήν!
Καὶ τί γὰρ εἴη ἂν αὐτὴ, ἀλκῆς νόσφι Σεοῖο,
Νόσφι πόνων κλειτῶν, σοφίης καὶ τῶν ἀρετῶν Σου;
Δυςυχὴς, πληρὴς λιπάων ἤματα πάντα.
Ὦ Πάτερ, ὥσπερ ὁ ἄσβεςος Φωςὴρ Σύγε αἰεὶ
Θλιψίων καὶ δεινῶν ζαωθεῖς σκότος ἀμμῶν.
Μήποτε δ' ἀθενέας βαρεῖ τῷ γήραϊ κυφὸς
Ὑποφέρων ζυγὸν καμάτων ὑπὲρ ὄλβοιο ἡμῶν.

Αὐταρ ἐγὼ τί βλέπω θαῦμα; ἰδȣ̀ γὰρ ὁ Ποιμὴν
Ἐξαπίνης κάλλος καὶ ἰχὺν τȣ̃ νεανίσκȣ
Ἐσσάμενος, φάνη Ῥώσσων ποτὶ ὄψιν Ἄνακτος!
Ἀγγέλȣ αὐγάζει τὸ φάος περὶ Τοῖο πρόσωπον!
Ποίῳ ἀναγγέλλει ἀνὰ θάρσεϊ Ῥωσσίας ὄλβον,
Ἀϊδίȣ τε πεπρωμένα, καὶ δίκαιον Ἄνακτος!
Δοξα ἐν ἀῤῥήτῳ φωτὶ σίλβει θεότητος
Βασιλῆος ἐπ' ὄψει χρισμένȣ ὑπὸ Σεοῖο.
Δάσσοιτ' ἂν τȣ́τȣ τȣ̃ ἐλαίȣ σάγμα ἕκαςον
Εἰς ἐλέων μυριάδας, μυριάδας τε ἐάων!

Βῆθ' ἴμεν, ὦ ΠΛΑΤΟΝ! ὡς καινωθεὶς τὴν νεότητα,
Τὸ κλέος κ' ἰσχὺν, νέον ἐς χρόνον βιότοιο.
Ἄυξησον δόξαν Σου, καὶ πλάτυνε καθ' ἡμας
Μᾶλλον πατρίδος τιμήν τε καὶ ἐυτυχὲς ἡμῶν.
Πάντοτ' ἐν ἡμετέροις ςόμασίν Σεο ἄη ἔπαινος!

Ἐποίησε τῆς Θεολ. Φιλομ. Πέτρος ΠλατόνοΒ - ΓρεσσίστζοΒ.

СІОНЪ.

Тамъ, тамъ — ужасная громада!
Облокотясь на вихрь, на громъ,
Касаяся небесъ челомъ,
Ногами достигая ада,
Стоитъ гора — какъ исполинъ
Ираклъ — Зевесовъ сынъ.

*

Стоитъ, — и примѣчаетъ годы,
Мелькающіе предъ собой
Дивится чудесамъ природы,
Сотреннымъ времени рукой.

*

Дивится тлѣнія глаголу,
Внимаетъ прѣнію стихій;
Тамъ зритъ низверженну крамолу;
Въ развалинахъ шипящихъ змій.

*

У ногъ ея цвѣтетъ природы
Весна, — улыбка, — красота; —
Текутъ съ ужаснымъ ревомъ воды
Съ согбеннаго ея хребта.

*

Текутъ, природу оживляютъ
Прохладною своей струей;
Пустыни, долы напаяютъ,
И отверзаютъ всѣмъ покой.

*

Отъ дневнаго жегомый зноя
Съ восторгомъ путникъ къ нимъ грядетъ;
Онъ ищетъ межь древесъ покоя,
Бальзамъ ихъ животворный пьетъ.

*

Лань идетъ робко, содрогаетъ; —
И Левъ забывши, что онъ Левъ,
Когда священныхъ водъ вкушаетъ,
Не разверзаетъ страшный зевъ.

*

Со агнцемъ тигръ неукротимый
Пасется водъ тѣхъ на брегахъ; —
Спокойство, кротость всюду зримы
На взорахъ ихъ и на челахъ.

*

Сія краса всея вселенны
Не тотъли самый есть Сіонъ,
Гдѣ Вышній прежде вѣкъ рожденный
Явилъ Израилю законъ?
Гдѣ положилъ: *во вѣкъ пребудетъ*;
Касаться время ей забудетъ. . . .

*

Сему подобно — Добродѣтель
Недвижима стоитъ во вѣкъ;
Изъ смертныхъ кто ея содѣтель,
Тотъ есть безсмертный человѣкъ. —
Безсмертенъ онъ, хотя и въ мірѣ;
Живетъ дѣлами онъ въ эѳирѣ.

ПЛАТОНЪ!
Дѣла Твои — Сіонъ.
Тебѣ явился въ нихъ Содѣтель.
Недвижима во вѣкъ пребудетъ добродѣтель! —

Студ. Фил. Николай Смирновъ.

Dank-Opfer.

Von uns herab gewünschet, kommt mit Glanze
Umströmet dieser Tag daher;
Wie festlich ausgeschmückt ist er —
Auch in dem späten Herbst — mit frischem Blumen-Kranze.

Ihm jubeln Musen hoch mit frohem Geiste,
So wie aus einem Munde zu:
„Er — PLATO lebt! — Heil! Glück und Ruh!
„Er — PLATO lebt! — Ohn Ihn — ach! — wären wir Verwaiste."

O du mein Geist! schwach und verwegen singen,
Den besten Menschenfreund, soll ich? —
Kann bis zum hohen Himmel sich
Ein junger Sänger mit der schwachen Harfe schwingen? —

Gleichwie, sobald der Sonnenkörper Strahlen
Des milden Lichts zur Erde schießt,
Der Vögel Chor die Göttin grüßt,
Und Farben überall den weiten Kreis bemalen.

So folgt gewiß den Tugenden die Ehre,
Und dem Verdienst bewährter Preis,
Auch ohne Streben und Geheiß,
Und wird der Zeiten Schmuck, sowie der Nachwelt Lehre.
Vergeblich heischt ihn die Gewalt im Leben,
Wenn sorglos Menschen Hände ruhn,
Wenn sie nicht edle Thaten thun —
Und doch mit falschem Trieb nach andrer Weihrauch streben.
In Kriegen schloß sein früh bewaffnet Leben
Einst Philipps Sohn, und führt sein Heer
Zu fremden Völkern und zum Meer? —
Warum? — Daß Griechen nur des Helden Muth erheben.
Doch schwiegen stolz Achajens Demosthene;
Appoll verbeut der Musen Lied,
Homer entschläft, kein Dichter glüht:
Zur Schildrung seines Ruhms verstummen ihre Töne.
Wer wahrhaft groß, von dem wird man nicht schweigen; —
Selbst jauchzet seiner Werke Schall;
Zu weit ertönt der Wiederhall: —
Der Zeiten Trümmern wird sein Name übersteigen.
So prangst, so glänzest Du in Rußlands Staaten,
Du, PLATO! wirklich großer Mann!
Dem keiner sich annähern kann,
Ohn Ihm zu huldigen im Blick auf Seine Thaten.
Mag doch der Neid die schwarzen Flügel schwingen! —
Denn er verfolget stets den Ruhm —
Er raubet nicht dein Eigenthum:
Nein, nein! — Es wird auch nie der Umsturz ihm gelingen.
So lohnest Du, Du Lorbeer wahrer Ehre!
Den, der gerechte Triebe nährt. —
Des Edlen Bildniß steht verklärt
Nicht blos im nahen Kreis' — auch auf der fremden Sphäre.
Verzeih' o Muse! — der Erhabne brauchet
Zum Preise nicht der Dichtkunst Lied. —
Gnug — ich seh wie die Nachwelt glüht,
Dieweil Sein Beyspiel Kraft zu schönen Thaten hauchet.

Ja! — Er wird ewig leben in den Herzen! —
Doch weil der Sterblichen Trophe'n
Nur schwach des Guten Ruhm erhöhn
So wird der Himmel einst mit Herrlichkeit Ihn kränzen.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Ударитъ часъ — и что вселенна?
Что міръ? что міра красота?
Повапленный обломокъ тлѣна,
Хаоса жертва, — мигъ, мечта. —
Сотрется все временъ рукою.
Блисталъ ли кто своей судьбою?
Иль бѣдствій подъ пятой стеналъ?
Добычею червямъ всякъ спалъ.
Коль такъ — то что же вѣкъ пребудетъ?
Предѣлъ чертежъ свой не прейдетъ?
Что стерть не сильно время будетъ?
Что въ вѣчности покой найдетъ?
Ничто. — Едина Добродѣтель. —
Единый благъ ея содѣтель;
Оставивши ничтожный міръ,
Прейдетъ онъ въ вѣчность, — во ѳиръ. —
Его душа — весна природы;
Его чело —— небесъ лазурь;
Дхновеніе — зефиръ свободы;
Кротчайшій взоръ — гонитель бурь.
Речетъ ли? — Эхо отзовется —
Ввѣкъ Добродѣтель вознесется; —
Она какъ солнце возблеститъ;
Въ ней Богъ, — предъ ней вихрь міра спитъ

И злоба скорпіей віяся,
Пускай ліетъ предъ ней свой ядъ;
Въ броню неправды ополчася,
Пусть самъ предъ ней зіяетъ адъ;
Пускай она въ презрѣнной части;
Средь полчищей смертей; — въ напасти: —
Но Тавръ — сотретъ ли Аквилонъ? —
Сотретъ ли камень — ярость волнъ? —

Ничтожность пусть главу воздыметъ,
Но нѣчто дастъ свой перевѣсъ;
Пусть вихрь пылинку въ верхъ подыметъ,
Но не довьется до небесъ.
Сколь фуріи ни свирѣпѣютъ; —
Воззритъ — и ады побледнѣютъ;
Предъ ней мертва мятежна смерть —
Что можетъ рокъ ея стерть? —

Она есть центръ — предвѣчной славы;
Она есть искра — Божества;
Она есть путь — къ эѳиру правый;
Она начало — существа;
Она есть дщерь, посланникъ неба;
Орелъ парящій прямо Феба;
И юнъ водимый имъ птенецъ
Зритъ, что есть вѣчность, что Творецъ.

Свѣтило, свѣтъ свой низпуская,
Дождитъ на злыхъ — и на благихъ,
Ручей съ кремнистыхъ горъ стекая,
Поитъ всѣхъ токомъ струй своихъ:

И Добродѣтель всѣхъ лобзая,
Зоила съ Титомъ ущедряя,
Симъ смертности черту прешла,
Жилище въ вѣчности нашла.

Такъ! — слава ею не вѣнчанна
Лишь шумъ пустой, — лишь скучный трескъ.
Временъ эпоха та намъ странна,
Ея гдѣ не сіяетъ блескъ.
Да шлѣютъ въ прахъ Филариды!
Намъ слышны лишь Аврелій, Титы;
Ихъ слава въ вѣки не умретъ,
Она въ сердцахъ людей живетъ.

Быть къ Богу духомъ воскриленну,
Въ сердцахъ людей безсмертнымъ жить,
Дѣлами удивлять вселенну,
Любить, живить, боготворить —
Вотъ дѣло: — чтитъ кто Добродѣтель; —
И тотъ есть благъ ея содѣтель,
Чей взоръ — награда, рѣчь — законъ.
Кто жъ въ мірѣ таковой? — ПЛАТОНЪ.

Отецъ! въ Тебѣ, въ Твоихъ добротахъ,
Творецъ міровъ блеститъ, живетъ!
Онъ дѣйствуетъ въ Твоихъ щедротахъ!
Въ умѣ Твоемъ — всѣмъ свѣтъ ліетъ!
И мы поемъ коль Добродѣтель;
Поемъ Творца, — что благъ Содѣтель;
Поя Его, — Тебя поемъ; —
Въ Тебѣ Онъ есть; — живешь ТЫ въ Немъ.

Н. С.

239.

MES SENTIMENS
à la vue
de PLATON.

L'Hiſtoire du Grand-Homme eſt la léçon du monde :
Plus on vient y puiſer — plus ſa ſource eſt féconde —
Et de la vérité les accens précieux
Sont le premier tribut, qu'on doit aux Demi-Dieux!

Le voila — ce Prélat, qu'on admire & qu'on aime,
Grand par Ses dignités, mais plus grand par Lui même.
Bénis-le, dit mon coeur: *peins-le*, dit Apollon.
Le bénir?... ſaint devoir! mais quoi?.. *peindre PLATON?...*
Le moyen d'aſſortir tous les traits admirables? —
Allons! *connôit-on pas* (*) *les gens par des ſemblables?*
Oui, me dis-je; eſſayons. — De vingt originaux
Comptera, qui voudra, presqu' autant de Héros.
Rien de plus bas qu'un ſot, qui vous en fait accroire. . .
Du ſage au ſot pourtant, tout aſpire *à la gloire!*
— Il en eſt une, hélas! idole du pervers,
Qui, ſous differents noms, fléau de l'univers,
Commande au conquerant des meurtres & des crimes,
Dicte au ſage inſenſé de coupables maximes,
Allume les flambeaux, étouffe la raiſon,
Pour ſauver de l'oubli le phantôme d'un nom. . . —
— Qu'importe des talens le bizarre aſſemblage?
Le ciel couronne-t-il leur nombre, ou leur uſage?

A 2

(*) Noscitur ex ſocio, qui non cognoſcitur ex ſe.

Vertu, jointe au *Génie*, oui, ce font mes jumeaux;
Qui, couple marié, enfantent le *Héros*! . .
Je prens fans raifonner, la raifon pour arbitre:
Où la vertu fuffit, eft-il befoin de titre?
Privés d'activité, les talens ne font rien; —
Se refuser au mal, eft-ce faire le bien? . .

Deité d'Héroftrate, affreuse & vile idole;
Non, ce n'eft pas à toi, que *le fage* s'immole! —
„Mille fameux exploits, doux enfants de l'honneur,
„Mille vertus, qu'il aime, on les trouve en fon coeur.
„A l'abri des écueils, où fe brife la rage,
„Affis fur un rocher, il brave le naufrage.
„Le monde a beau fur lui lancer fes flêches d'or. . .
„Je lis fur fon bouclier: *cedendo fum victor!*
„D'un fin discernement Sa grande ame pourvue
„Concentre les humains dans un vrai point de vûe. . .
„Son amour pour *le vrai* ne ferme point fon coeur
„A tout ce que le faux peut infpirer d'horreur!
„Toujours maître de foi, exempt de perfidie,
„S'il rend hommage à Dieu, c'eft fans hypocrifie;
„S'il fert le Roi, le fert fans nulle ambition,
„S'il aime fon prochain — point d'oftentation! . . .“

Mais je crains, dans mes vers, imiter ce Phisique,
Qui cherche le foleil dans fa prifme magique,
Ou cet autre infenfé, qui crie à l'univers:
Oui; je fuis fur l'Olympe, ou il eft dans mon vers! . .
Le Grand fe peint *Lui-même* — & la race future
Ne méconnôitra point le peintre & fa peinture: —
Vertu, jointe au Génie, annonce le Héros,
Qui triomphera feul dans ces divers tableaux! . .

Mais que vois-je ; ma Muse! ah! quel puiſſant Génie
Sçut tracer par ma main, PLATON, *Votre copie?*
Oui, ce *Sage* — c'eſt Vous! . . pardonnés mon transport! . .
Mais je Vous verrois Grand, même au rêvers du ſort!

O D E.

PLATON! cet heureux jour pénétre Tes enfans
Des précieux tranſports d'une ſainte allegreſſe.
Nous voulons Te chanter ; de nos faibles accens
Daigne pardonner la rudeſſe.

*

Viens m'aider dans mes chants, Auguſte Vérité ;
Eclaire mon tableau d'un rayon de ta flamme ;
Fais que je puiſſe peindre avec fidélité
Les hautes vertus de son ame.

*

Pontife du Tres-Haut, que nos coeurs attendris
Nomment à juſte titre et Bienfaiteur et Pére ;
Tu ne craindras jamais de Tes enfans chéris
Une louange mensongere.

*

Le mérite ne fut jamais mieux reconnu :
Le monde avec tranſport admire Ta prudence ;
Tu fais germer en lui l'amour de la vertu,
En nous l'amour de la ſcience.

*

Image de Ton Dieu, Pasteur compatiffant!
Le bien de Ton troupeau fait Ta plus chère étude;
Qu'un feul agneau languiffe, il devient à l'inftant
L'objet de Ta follicitude.

*

Grace à Ton éloquence! on ne regrette plus
Les siecles de l'Eglife en grands Hommes fertiles.
Nous retrouvons en Toi les talens, les vertus
De Chrifoftomes, de Bafiles.

*

Auffi le Ciel lui-même a parlé par Ta voix
Au demi-Dieu du Nord, quand dans l'enceinte augufte
Tu disais: fois, o Czar! le protecteur des loix,
Sois toujours humain, toujours jufte.

■

Envain voudrait le monde en T'offrant sa faveur,
T'eblouir de l'éclat d'une gloire importune:
Un Pontife Chrétien n' attend pas son bonheur
Des grandeurs, ni de la fortune.

*

O Dieu! conferve nous cet illuftre Mortel,
L'appui de l'homme jufte, la terreur du profane!
Dans fon coeur eft Ton temple et Ton plus faint autel;
Sa voix eft Ton fidele organe.

*

Généreux Protecteur! reçois nos tendres voeux!
Nos voix à l'uniffon chantent Ta bienfaifance.
Mais quel pinceau pourra préfenter à Tes yeux
Notre vive reconnaiffance?

■

241.

Le zêle en nous s'éteint, s'il n'eſt pas ſoutenu;
Sauve de ce danger notre faible jeuneſſe;
Laiſſe nous allumer l'amour de la vertu
Au pur flambeau de la ſageſſe.

A nos tendres parents nos voeux joindrons toujours.
Le pere à qui du Ciel la faveur nous confie!
Nous devons l'exiſtance aux auteurs de nos jours:
Nous Te devons plus que la vie.

*

Honneur à Tes talens, hommage à Tes bienfaits!
D'un principe plus grand Tu tireras Ta gloire;
Tes modeſtes vertus, ſurpaſſent les hauts faits
Des Héros que vante l'Hiſtoire.

*

Ne crains pas pour Ton nom les outrages du tems;
Ton zêle, Tes vertus paſſeront d'âge en âge.
Laiſſe aux Héros mondains dreſſer des monumens:
Vivre en nos coeurs, c'eſt Ton partage.

Par Symíon Smirnoff, Inſtituteur de la langue Françaiſe.

КАНТЪ.

О радость! слейся въ звучны громы,
Струясь изъ глубины сердецъ!
Да гласъ твой, эхами несомый,
Промчится въ дальній странъ конецъ!

*

Желанья Музъ благословенны
Въ совѣтѣ Вышняго святомъ;
Блаженства новый лучь — священный
Въ сіяньи сходитъ къ намъ златомъ.

Се слава Россія державы!
Любезный Пастырь Небесамъ,
Степеньми дѣлъ благихъ и славы
Временъ вступаетъ въ новый храмъ.

Признательности теплы сліозы,
Слiявшись съ радостью сердецъ,
И превратившись въ юны розы,
Твой украшаютъ путь Отецъ!

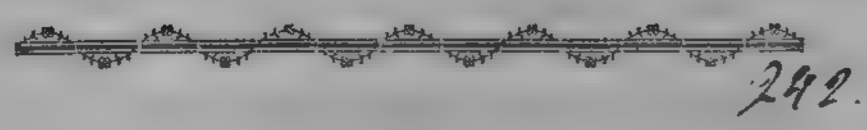
Науки, вѣра и законы
Съ весельемъ въ слѣдъ Тебѣ грядутъ,
Въ теченье дней Твоихъ ихъ троны
Незыблемы у насъ цвѣтутъ.

Ты жилъ — и око бѣдъ сурово
Не смѣло срѣтить насъ нигдѣ:
Ты будешь жить — и щастье ново
Мы узримъ предъ собой вездѣ.

Щедроты новой къ намъ рѣкою
Польются отъ руки Твоей,
Съ Тобою новый путь къ покою
Обрящемъ въ жизни мы своей.

О Боже! въ вѣки безконечны
Продли жизнь нашего Отца,
Да наши радости сердечны
Не узрятъ никогда конца! —

Соч. Студентъ Богословіи Петръ Платоновъ-Грешищевъ.



ΎΜΝΟΣ.

Καὶ δήπε τὰ θύρετρα καλῷ ποδὶ φοῖβος ἀράσσει!
Καὶ δήπε κροκοπέπλος Ἠὼς ἀπᾶσαν ἐπ᾽ αἶαν
Ὄρνυται ἐκ λεχέων παρ᾽ ἀγαυᾶ τιθωνοῖο!
Καὶ δήπε ἤδη τᾶτ᾽ ἄριον ἦμαρ ἐνέγκει,
Ἐν ᾧ ἐξανόρεσε Πατρὸς Μεγάλε ἐνιαυτός.
Ἐξανόρεσε — περίχαρες ἐν πραπιδέσσι φαάνθη
Τᾶνομα τᾶτο ΠΛΑΤΩΝ· τὸ Φερίσβιον ἤστραπεν αἴγλην. —

Χαῖρε φάος νῦν ἄρα στίλλιστον κατὰ γαῖαν!
Χαῖρε τ᾽ Ἄωτε ΠΛΑΤΩΝ! ἡμῶν κλέος — μέγα Κῦδος! —
Προστάτα — Ἀρωγὴ Μυσᾶν, καὶ ἔρμα, καὶ ἔλπις!

Ὦ Μῦσαι ἐδιδάξετε ἀθέσφατον ὕμνον ἀείδειν,
Καὶ στρατιὴν ζαθεὴν διδάξετε φοίβοιδες ὧραι!

Τὰν ἅλα τὰν γλαυκὰν ὅταν ὤνεμος ἀτρέμα βάλλῃ,
Τὰν φρένα τὰν δειλὰν ἐρεθίζομαι, ἐδ᾽ ἔτι Μῶσα
Ἐντὶ φίλα, ποτάγει δὲ πολὺ πλεὸν ἄμμε γαλάνα.
Εὐ! Πάτερ! Οὐρανίης ὦ Ἀρχέτυπε σοφίης!
Κλῦθι, καὶ καινὸν ποίησον Κῆρ ἐν ἐμοίγε,
Ὄφρ᾽ εἴπω, τά δε θυμὸς ἐνὶ στηθέσσι κελεύει! —

Εὖγε ῥᾶ εὐθὺς ἐγερθῆτι, καὶ ὄμματα οἶξον! —
Κλῦθι — εἶπε δὲ Καλλιφθεῖσα γεόφῳ παλαιότης!
Τί ποτ᾽ ἐκάβχεο, Σωκράτην ἀπ᾽ ἐρανὸν αὐτὸν
Εἰς τὴν γὴν σοφίην αὐτᾶ δὴ πώποτε λαβεῖν;
Μὴ τοὶ πίστευε τ᾽ — ἀλλὰ πραῖσσιν εἶκε λογοῖσι!
Κλῦθι ΠΛΑΤΩΝΑ ἰδᾶσα δίκῃ αὐτὸν τ᾽ αἰώσα,

Ἄνδρα τε θεσπέσιον, Σοφὸν, φίλον οὐρανίδῃσι
Καὶ ἀρεταῖσι· θεοῖο νόμοις νύκτας τε καὶ ἦμαρ,
Πάγχυ μετὰ φρεσὶ μέμβλεται αὐτῷ ἐμπεδὲς αἰεὶ!
Ἠΰτε τηλέθοον δένδρον, πεφυτευμένον ἀμφὶ
Ἀενάου ποταμοῖο ῥοὰς καρπῷ βέβρυθεν
Ὡραίῳ τοῦ δ᾽ οὐκ ἄνεμος χθονὶ φύλλα πελάσσει·
Οὕτως Αὐτὸς τερπόμενος θεσμοῖσι θεοῖο
Ἤνθησ᾽, ἀνθήσει, ἄνθει πάλαι ἐπὶ χθόνι
Ἔργοισι δε πρόπασιν, ὅσ᾽ ἔρξη ὅδ᾽, ὄλβος ὀπηδεῖ·
Πιερίδων πολυώνυμος καὶ τοὶ μέγα κῦδος —
Εὐσεβίην, σοφίην Αὐτοῦ ἀνάγουσι πολὺς,
Αἱ δε πρὸς ἠοίην, αἱ θ᾽ ἕσπερον, αἱ τ᾽ ἀνὰ μέσσην.
Πίσσετε ἄρα Σοφισταὶ πρὸς τοῖς ποσσὶ ΠΛΑΤΏΝΟΣ!

Δένδρα γαίης φύλλοισιν ἀκηρεκίμοισι τεθηλά·
Δένδρα τ᾽, ἃ καρποῖς εὐπρεπέσσι βεβρίθασιν αἰεὶ,
Κάμπτεται ἔπειτα, καὶ κλίνεται εἰς τὸ κάταθεν·
Σὺ, Ἱεράρχα Θεοῦ! ὢς ὡς Κέδρος πολύκαρπος
Καὶ ἀναριθμήτοις ἀρετῶν καρποῖσι τεθηλὼς,
Εἰς πολυδείρατος ἀκροτάτην κορυφὴν ἐν Ὀλύμπῳ
Μούσας καὶ πιστῶς πονεῦντας εἴωθας ἐνέγκαι.

Τέσσαρα κ᾽ ἑξήκοντα μετὰ τροπὰς Ἠελίοιο
Εἰς τέλος ἐλθόντος θέρεος ζωῆς ζαθεῆς Σου,
Λεῦκον ἔαρ, λευκὸν δε θέρος καὶ χεῖμα φερούσης·
Ἄλλοις τοιούτους κατὰ καιροὺς εἶδος ἀμαυρὸν,
Καὶ ῥυτίδων ὑπὸ δέρμα συνεχέθη· Ὄσσε δ᾽ ἀμαυρᾶ,
Καὶ τρομερόν τε σῶμα παλάσσεται· αἱ δ᾽ ἄρα χεῖρες
Καὶ πόδες ἀβληχροί· φθινύθει δε τε γηραλέος χρώς.
Αὐταρ ἔτι νέος ἔσσι Πάτερ! πολιοὶ Τίν ἤδη
Ἰδὲ ἐάσσι μὲν κρόταφοι, καὶ κάρα λευκόν.

Μορφὴ γὰρ καὶ κάλλος ἀκήρατον αἰεὶ ὑπάρχει.
Θεῖα ψυχὴ ἁπάσων ἀρετῶν τοι Σοῖο γεμοῦσα,
Σεμνότης δὲ τρέπον — ἐπιείκεια καί τε πραότης —
Ἄγνεια, καὶ ἀγάπη ζα, φρονήσις οὐκ ὑπὸ χρόνου
Φθείρονταί ποτε· φθέγγουσι δ' ὡς Ἥλιος αἰαν.

Ἂν ἔρχῃ ποτε, ὥς τις ἐπ' ἀφνειοῦ πατρὸς οἴκου
Νύμφος μελλόγαμος χρυσῷ στίλβων, ἐνὶ ὅρμοις
Καὶ δὲ λίθοις στεφθείς, καὶ ἄνθεσι, πορφυρέοις δὲ
Ἕθεσι παμφανόων καλὰς ἀπώπας ποτιβάλλεις.

Σοῖο πόθος πάντας δὲ θεόσσυτος ἔφλεγεν ὁρμή. —
Λαμπρῶς γοῦν καθ' ἕκαστον ἐπερχόμενον πτολίετρον
Ἀσπασίως τιμῶσιν· καὶ ποθεόντες ἰδέσθαι
Ἀξιώματα Σῆς σοφίης καὶ κάλλεα Σοῖο
Πανταχόθεν τε τρέχουσι λαοί, Νέε, πρὸς Σε, Σαλωμάν!
Πρὸς Σέγε καρποδότην Νεῖλον τ' ἀρετῶν, λογέων δε,
Εὐσεβίης αὐτοῦς διψῶντας ἵνα ποτίζῃς.

Ὅπου ἔβης, ἢ ἐφάνθης, εὐθὺς ἐθέντοι πάντες·
Πύλαι οἴγνυνται, καὶ ἐσσυμένοι κατ' ἀγυιὰς
Πασσυδίη φορέονται, ὅ τις φθαίη πέλας ἐλθών·
Κράζουσ'· Αὐτὸς ἀπὸ σκοτίης ὥρμησεν ἐλέσθαι·
Πᾶσαι γὰρ χῶραι δὲ πόληες εἴδασι δήπου·
Πᾶσ' ὅτι ἐξαύτις φροῦδος μεν, καὶ ἔβη ὄλβος
Σοῖο θεοῦ διὰ βουλὰς κρατεόντος Ἐρίννυς·
Οὗτος γὰρ κόσμον κατ' ἀπείρονα θεσμὸς ἐφῆπται,
Μοίρας ἐπ' ἀργαλέοις κρέιττονος αἰτιαάσθαι·
Οὕτω δὴ φάος εὐθὺς ἐπ' ἠέρι· Αὖταρ ἐπ' ὄμβρῳ
Αἰθρίη ἐκ ἀνέμων γένετο ἁπᾶσι γαλήνη.
Πολλάκι τοῦτο ἄριον ἦμαρ Φοῖβος ἐνέγκοι! —

Ἄγλαον εὖχος ἁμῶν! Κύδιμε καὶ Αἴτιε τύχης!
Φυλάσσων σαφῶς κλῆρον βίου ναϊτέρου!
Σύ, φίλαξ ἀγελῆς Ἄγρυπν' εὐρείας ἁπάσης!
Μυριάδας ζαθεοῖς ἤδη ἔργοισιν ἐζήσας·
Θαυμάσιον κλέος τὸ Τέον τ' ἐστὶ κατὰ γαῖαν! —
Ζῇ Ζωὴ ἡμετέραν ζωὴν καὶ ζωοποιοῦσα!
Μὴ σπεῦσον! — δὴν Ζῇ Μούσαις — τεκνοῖσι — Πατρίδι! —
Βιὸς ἁμῖν γλυκὺς ὑπὸ πλατάνῳ βαθυφύλλῳ·
Ἄνηκα μήτε κρύος, μηθ' ἅλιος ἔνθα βαρύνει.
Ζῇ Πάτερ! ὡς καὶ Γίγας Σοῦ ὁδὸν δράμε πλέω! —

244.

ЭПИСТОЛА.

Когда блеснетъ заря въ свѣтло-ѳѵирномъ сводѣ,
Все оживляется, ликуетъ все въ природѣ.
Древа съ вершинъ своихъ стрясаютъ ночи тѣнь;
Румянитъ горъ хребты раждающійся день;
Туманы, облака скрываются со тмою;
Отъ сна подъемлется все съ новою красою;
Долины злачныя веселый мещутъ взоръ,
И Богу свѣта гимнъ поетъ пернатыхъ хоръ. —
Такъ Музы радостью, восторгомъ оживленны,
Огнемъ чистѣйшія любови воспаленны,
Поютъ въ сей день Тебя, Великій Іерархъ! —
Всегда Твой памятникъ хранится въ ихъ сердцахъ. —
Настроивъ тоны лиръ лишь съ чувствами согласно,
Тебя Отцемъ своимъ зовутъ единогласно.
ОТЕЦЪ! — и презришь ли усердіе сыновъ,
Усердье чистое — на мѣсто всѣхъ даровъ? —
Пусть юный гласъ нашъ слабъ, и пѣніе не стройно —
Великимъ же Мужамъ великое пристойно —
Но нужныль тамъ слова, гдѣ сердце говоритъ? —
Такъ! — недостатки словъ въ насъ сердце замѣнитъ:
Въ немъ нѣтъ изгибъ — оно завѣсой не покрыто;
Но въ чувствіяхъ своихъ передъ Тобой излито.
Великій нашъ Отецъ! простри свой кроткій взоръ —
Столь свойственный Тебѣ — на юныхъ Музъ соборъ.
Простри и озари, какъ солнце, ихъ собою:
Не нами славишься — мы славимся Тобою: —
ТЫ все для насъ — покой, блаженство и вѣнецъ: —
Достойно чтимъ Тебя на олтаряхъ сердецъ.
Достойно мы куримъ Тебѣ днесь ѳиміамы —
Куримъ всегда — и огнь сей не погаснетъ съ нами! —

ПОСЛАНІЕ

КЪ

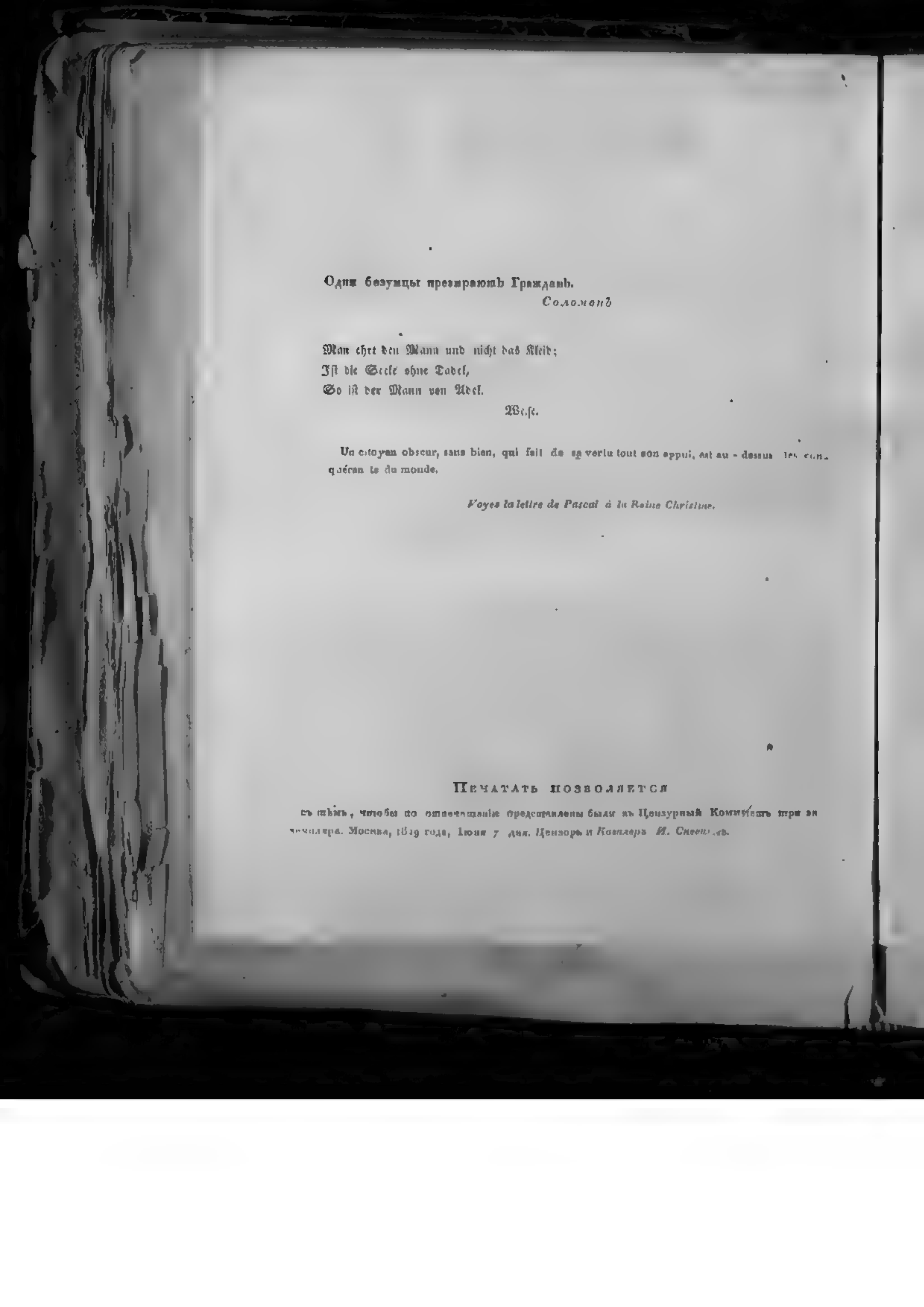
ВОСПИТАННИКАМЪ КОММЕРЧЕСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ,

О достоинствѣ Гражданина.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ ГЛИНКИ.

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1829.



Одни безумцы презираютъ Гражданъ.

Соломонъ

Man ehrt den Mann und nicht das Kleid;
Ist die Seele ohne Tadel,
So ist der Mann von Adel.

Weise.

Un citoyen obscur, sans bien, qui fait de sa vertu tout son appui, est au-dessus des conquérants du monde.

Voyez la lettre de Pascal à la Reine Christine.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1819 года, Іюня 7 дня. Цензоръ и *Кавалеръ И. Снегиревъ.*

ПОСЛАНІЕ

къ Воспитанникамъ Коммерческой Практической Академіи, о достоинствѣ Гражданина.

Готовясь поприще Гражданское прославить
И пользу новую Отечеству доставить,
Питомцы - Юноши! Вы ревностной душой
Стремитесь совершать блестящій подвигъ свой.
Блестящій? Точно такъ. Общественны уставы
Участниками всѣхъ содѣлываютъ славы —
Не той, которая мелькаетъ лишь въ очахъ,
Иль за собой влечетъ плачъ горестный и страхъ;
Но той, которая какъ солнце тамъ сіяетъ,
Гдѣ благо общее сердца одушевляетъ.
Подъ сѣнію его и миръ намъ лавръ даетъ;
На разныхъ поприщахъ вѣнокъ насъ славы ждетъ.
Герой, поднявшій мечъ, встрѣчается тамъ съ нею,
Гдѣ низложивъ врага, спѣшитъ рукой своею
Какъ друга новаго поднять и оживить,
И сердце съ нимъ свое и съ нимъ любовь дѣлить.
Чиновникъ, правды другъ, законовъ исполнитель,
И безпристрастія во всѣхъ путяхъ блюститель,
Есть также нашъ Герой, хотя и не съ мечемъ.
Уже ль однихъ Гражданъ мы въ славѣ обойдемъ?...
Нѣтъ! Слава мирная вездѣ Гражданъ вѣнчаетъ,
Ихъ трудный путь она собою озаряетъ.
Отрекшися себя отъ самыхъ юныхъ дней,

Полезный Гражданинъ, другъ правды, другъ людей,
Служенью общему себя отдавъ на жертву,
Къ приманкамъ роскоши являетъ душу мертву.
Но жизнью пламенной онъ тамъ горѣть готовъ,
Гдѣ обществу нужна усердная любовь.
Имѣнье ль надобно? Имѣнья не жалѣетъ;
Для пользы общей онъ хранить его умѣетъ.
Питомцы—Юноши! Какъ Гражданинъ великъ,
Безсмертный *Минина* вамъ то покажетъ ликъ:
Когда рука его Россію воздвигала,
И зависть передъ нимъ шипящая молчала,
О родѣ спорить съ нимъ никто не затѣвалъ.
Нашъ *Ломоносовъ* намъ давно уже сказалъ:
«Что и знатнѣйшій родъ—есть собственность чужая.»
Достоинство Гражданъ достойно оцѣняя,
Премудрый Соломонъ, въ сіяніи вѣнца
Умѣвшій проникать и въ души и сердца,
Сказалъ: «Безумецъ лишь Гражданъ пренебрегаетъ (*).»
Волтеръ намъ истинну вновь эту подверждаетъ:
«Почтенный Гражданинъ!» онъ къ *Фалкнеру* писалъ:
Когда ему свою Заиру посвящалъ:
»Горжусь, что говорить, какъ другъ, могу съ тобою:
»Ты уваженіе снискалъ своей душою.
»Ты въ области наукъ пути всѣ обозрѣлъ
»И съ Музами союзъ ты заключить умѣлъ.
»Еще я повторю: что дружбою твоею
»Гордиться я вполнѣ, почтенный другъ! умѣю.

(*) *Ругается Гражданомъ лишенный разума.* Притча, Глава 11. стихъ 12.

»И кшожъ? и кто Гражданъ дерзнетъ пренебрегать,
»Сей благородный санъ кто станетъ оскорблять?
»Одни лишь шалуны, ползущія творенья,
»Рабы ничтожества и дѣтскаго киченья; —
»Но въ прахѣ пусть живетъ гордящійся ихъ прахъ (*).

Такъ говорилъ *Волтеръ*: и такъ во всѣхъ вѣкахъ —
Такъ мыслятъ, говорятъ друзья всѣ просвѣщенья.

И вы обязаны путь протекать ученья.
Чтобъ мысль свою другимъ самимъ передавать,
Къ нарѣчьямъ дальнихъ странъ вамъ должно привыкать;
Знакомишься должны со всею вы вселенной.
Вашъ умъ, заранѣе наукой изощренной,
Надежно къ будущимъ дѣламъ васъ поведетъ,
И гдѣ мракъ встрѣтите, тамъ свѣтъ онъ свой прольетъ.
Умъ основательный рѣшителенъ, гдѣ должно,
А безъ сего ума и золото ничтожно.
Что на моряхъ компасъ, то опытъ въ жизни намъ;
Вѣсъ, мѣру мы должны всѣмъ положить дѣламъ.
Приманкой счастія опасно въ счастьи льститься:
Такъ! Счастье первое, чтобъ въ счастьи не забыться!
Въ несчастьи человѣкъ — живетъ своей душой,
Боряся — разумъ онъ усиливаетъ свой.
Но въ счастьи уловить насъ лесть всегда готова;

(*) Les petis maitres sont l'espèce la plus ridicule qui rampe avec orgueil sur la surface de la terre. Вольтеръ былъ и поэтомъ и купцомъ. Въ одно время отдалъ онъ на театръ трагедію свою *Брута* и подъ симъ именемъ отправилъ съ пшеницею корабль въ *Александрію*. Трагедія его Брутъ пала на театрѣ. *Такъ и быть*, сказалъ Вольтеръ: *но корабль мой Брутъ восторжествовалъ*.

При ней—намъ истина покажется сурова,
И часъ, часъ роковой нагрянетъ, налетитъ
И зданье прежнее мгновенно разоритъ!...
Питомцы—Юноши! Тамъ бодрствуйте душою,
Гдѣ, кажется, идемъ цвѣтущею стезёю.
Въ сердечныхъ качествахъ найдете вѣрный щитъ,
Какъ отъ сѣтей себя опасныхъ сохранить.
Украся разумъ свой ученія цвѣтами,
Вы осторожности должны идти путями;
Киченья Гражданинъ всегда быть долженъ чуждъ.
Кто неусыпный стражъ отечественныхъ нуждъ,
Кто явно дѣйствовать рожденъ предъ цѣлымъ свѣтомъ,
Имѣя общую лишь пользу въ томъ предметомъ;
Кто чистъ въ своихъ дѣлахъ, но не гордится тѣмъ:
Достоинъ тотъ давать примѣръ собою всѣмъ.
Граждане—Юноши! Такой примѣръ являйте,
И согражданъ своихъ надежду оправдайте.
Не только въ жизни мы той жизнію живемъ,
Которой связи мы различныя ведемъ:
Иное есть еще для насъ существованье;
За добродѣтели—оно намъ воздаянье.
Придетъ урочный часъ! Смерть въ гробъ насъ поведетъ:
Но добрый Гражданинъ себя переживетъ.
Такъ! Имя доброе — священное наслѣдье;
Въ дѣлахъ—надежное найдемъ въ немъ подкрѣпленье.
Не будетъ обойденъ сынъ добраго отца:
Довѣренность — къ нему всегда влечетъ сердца.
Граждане! Слава васъ повсюду окружаетъ;

Въ цѣнители заслугъ она васъ поставляетъ.
Державинъ говоритъ: „Не красота одеждъ,
»Сія мечта, однихъ прельщающа невѣждъ;
»Не спѣсь чиновная, не пышность горделива,
»Не блескъ Бразильскихъ звѣздъ, суть слава справедлива:
»Нѣтъ! нѣтъ! все-то мечта! Въ томъ слава состоитъ,
»Чтобы почтеніе отъ Гражданъ заслужить.“
МОНАРХЪ! Ты по дѣламъ стяжалъ благоговенье
Гражданъ—сыновъ Твоихъ!... Россіи Провидѣнье
Въ лицѣ Твоемъ дало Владыку и Отца:
Прими же снова въ дань сыновъ Твоихъ сердца.

НА КОНЧИНУ

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

ГОЛОВИНА.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревыхъ

Института Восточныхъ Языковъ.

1831.

Печатать позволяется, Москва 1834, Іюня 10.

Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

Гдѣ былъ поставленъ Провидѣньемъ,
Тамъ человѣчеству служилъ;
И нѣжнымъ, кроткимъ снисхожденьемъ
Какъ другъ, ты ближняго живилъ.
Жизнь сонъ; — существованье
Оставилъ ты свое въ сердцахъ;
И о тебѣ воспоминанье
Запишется въ твоихъ дѣлахъ.
Въ послѣднія свои мгновенья,
Знакомый голосъ ты внималъ;—
И подъ покровомъ Провидѣнья
Изъ *жизни* въ *жизнь* переступалъ.

С. Глинка.

23

СТИХИ

НА

ОСВОБОЖДЕНІЕ ИЗЪ ТЕМНИЦЪ,

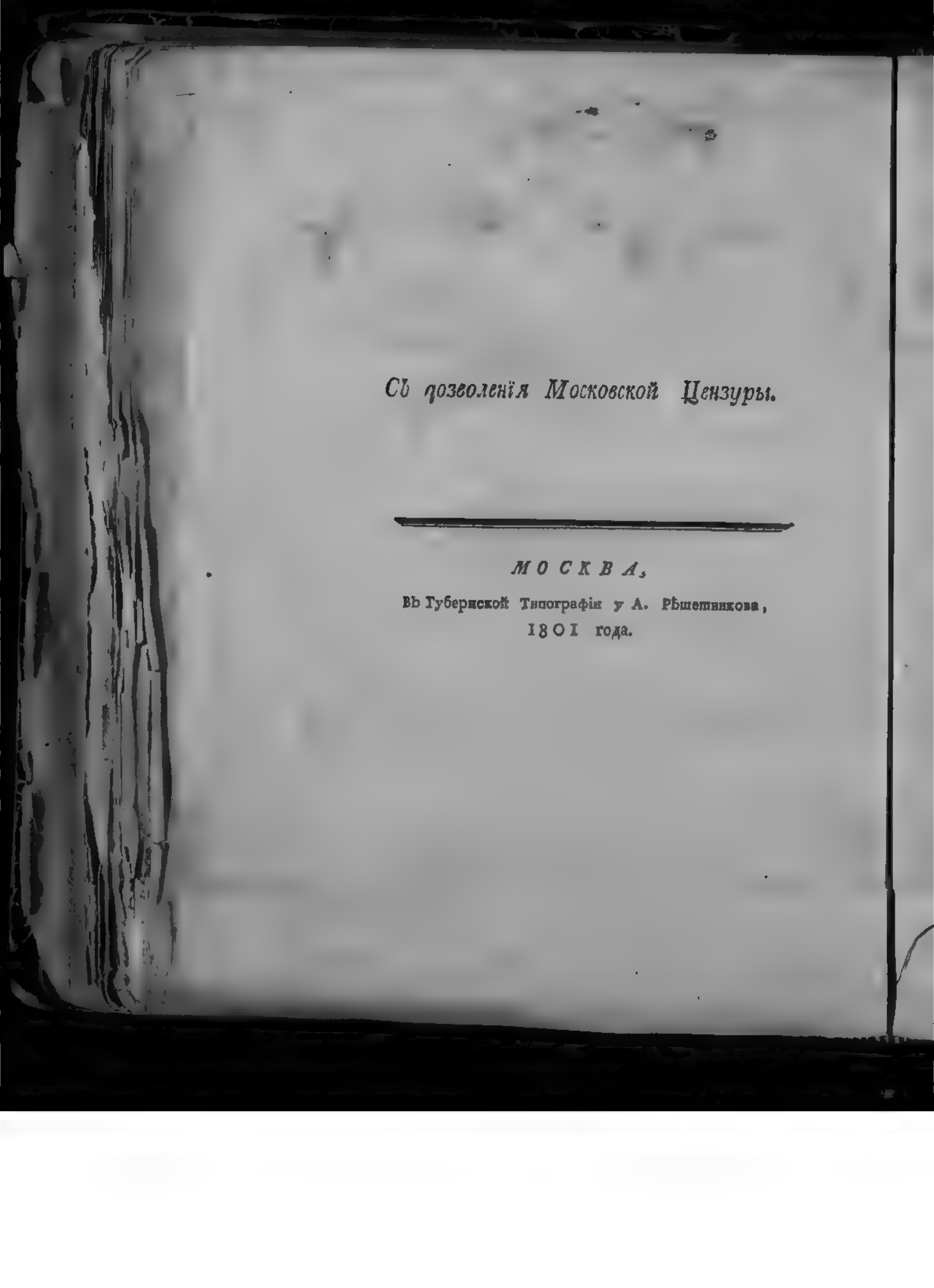
ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПЕРВЫМЪ.

Почувствовать добра пріятство,
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ!

Держав: ода Фелицѣ.

24. 25. 26. 27. 28. 29. 30.



Съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА,

Въ Губернской Типографіи у А. Рѣшетникова,

1801 года.

Вступилъ на Тронъ — и шагъ Твой первый,
Явилъ наслѣдника Минервы,
Въ сіяніи ея вѣнца! . . .
Вступилъ — и Россовъ всѣхъ сердца
Привлекъ къ Себѣ благотвореньемъ! . . .
Ты первымъ Скипетра движеньемъ
Нещастныхъ узы разрѣшилъ!
Въ мѣста страданья и печали,
Гдѣ смертныхъ бѣдства отягчали:
Ты благость съ щастьемъ водворилъ!
Воззри! — сколь сладостна картина!
Воззри! и вѣрь — Ты Царь сердецъ! . . .
Тамъ мать летитъ на встрѣчу сына,
Въ объятьяхъ сына тамъ Отецъ!
А здѣсь! — страданьемъ изнуренный,

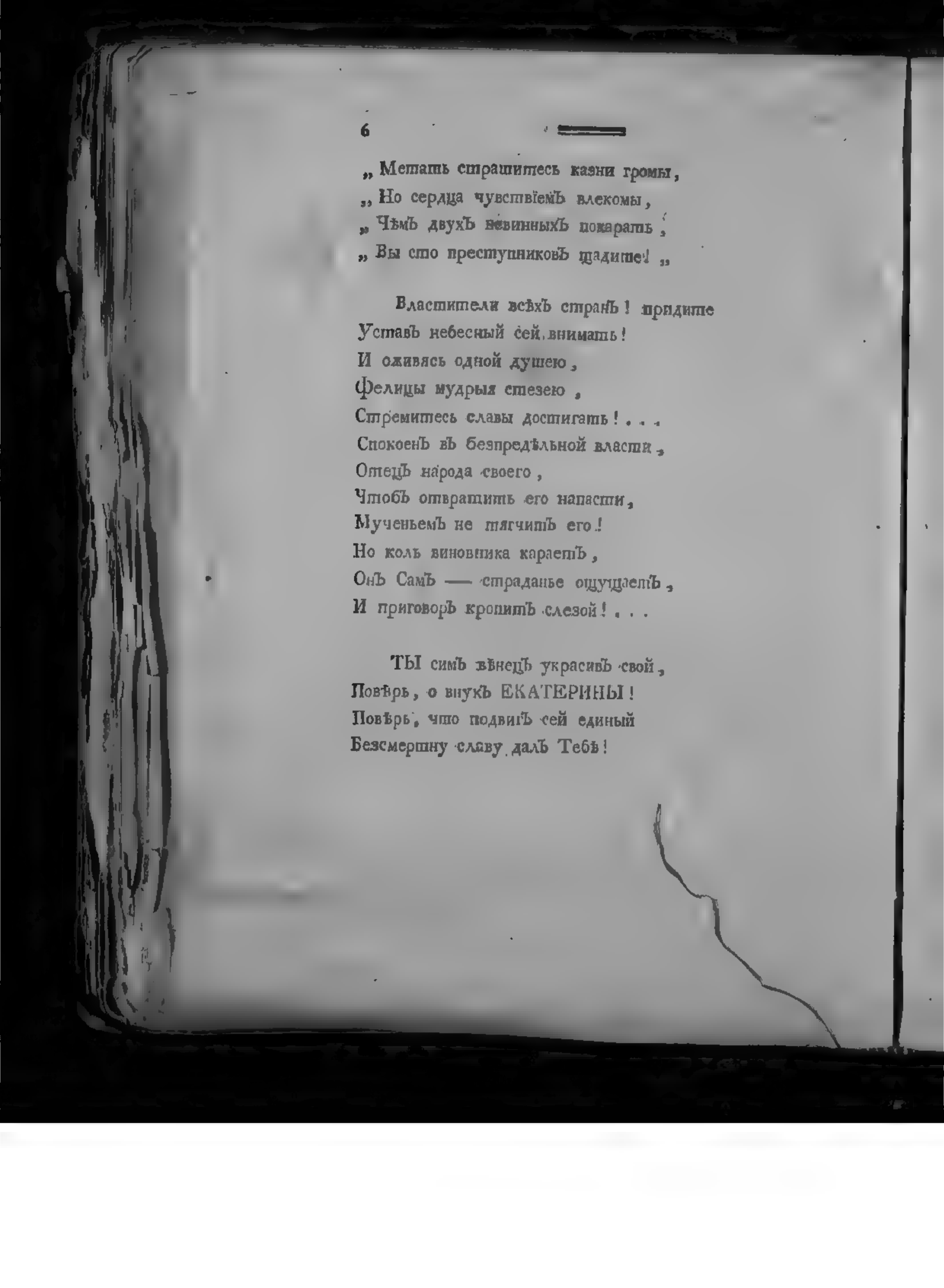
А

Исторгшись старецъ изъ цѣпей,
Тобой внезапно оживленный,
Къ Творцу мiровъ взносясь душей,
Гласитъ въ восторгѣ чувствъ: „О, Боже!
„ Мнѣ мигъ блаженной сей дороже,
„ Прошедшей жизни всей моей!
„ Я зрю моихъ въ преклонность дней,
„ Я Внука зрю ЕКАТЕРИНЫ,
„ Залогъ Онъ вѣрный отъ судьбины —
„ Блаженства всей страны своей! . . .

Онъ рекъ! и въ сладкомъ восхищенье,
Слезъ радостныхъ потоки льетъ!
Онъ рекъ! и чувствъ сихъ изъявленье —
Звучащая молва несетъ,
Въ предѣлы царствъ Твоихъ обширныхъ! . . .
Какъ житель областей Ефирныхъ,
Слетая въ дольныя страны,
Небеснымъ все живитъ воззрѣньемъ!
Такъ всѣхъ сердца оживлены,
Единымъ устъ Твоихъ рѣченьемъ!
Нещастныхъ скорбной стонъ изчезъ,

И радостныхъ потоки слезъ
Изъ душъ лїются возхищенныхъ!
Отсюда — чувствїемъ влеченныхъ;
Ты видишь подданныхъ своихъ!
Ты голосъ сердца внемлешь ихъ!
ЦАРЯ — ОТЦА именованье
Въ душѣ отозвалось Твоей!
МОНАРХЪ! одно сїе вѣщанье,
Похвалъ гремящихъ всѣхъ сильнѣй!

Взносись нелестной сей хвалою,
Преемникъ Росскаго вѣнца!
Клянутся гдѣ уста съ душою,
Тамъ Тронъ Царя, стрегутъ сердца!
Владѣй! — и мудрыя Фелицы,
НАКАЗЪ Божественный вѣщай:
Владѣй! — и отъ своей десницы —
Ея намъ благо изливай!
Спасительны ея законы,
Вели ко щастью милїоны!
Она подобяся Богамъ,
Земнымъ вѣщала судїямъ.



„ Метать страшитесь казни громы,
„ Но сердца чувствїемъ влекомы,
„ Чѣмъ двухъ невинныхъ покарать,
„ Вы сто преступниковъ щадите! „

Властители всѣхъ странъ! придите
Уставъ небесный сей внимать!
И оживясь одной душею,
Фелицы мудрыя стезею,
Стремитесь славы достигать! . . .
Спокоенъ въ безпредѣльной власти,
Отецъ народа своего,
Чтобъ отвратить его напасти,
Мученьемъ не тягчитъ его!
Но коль виновника караетъ,
Онъ Самъ — страданье ощущаетъ,
И приговоръ кропитъ слезой! . . .

ТЫ симъ вѣнецъ украсивъ свой,
Повѣрь, о внукъ ЕКАТЕРИНЫ!
Повѣрь, что подвигъ сей единый
Безсмертну славу далъ Тебѣ!

ВЪ сей нашей радостной судьбѣ,
Фелица! сЪ областей ЕфирныхЪ,
Зри! щастье странЪ ТвоихЪ обширныхЪ!
Зри! намЪ даетЪ его Твой ВнукЪ! . . .
ТакЪ! Ты еще все существуешЪ,
Ты живо вЪ немЪ изобразуешЪ,
Твой разумЪ, чувствїе и духЪ! . . .

Сергѣй Глинка.

ЧУВСТВОВАНІЕ РОССІЯНИНА

ПРИ

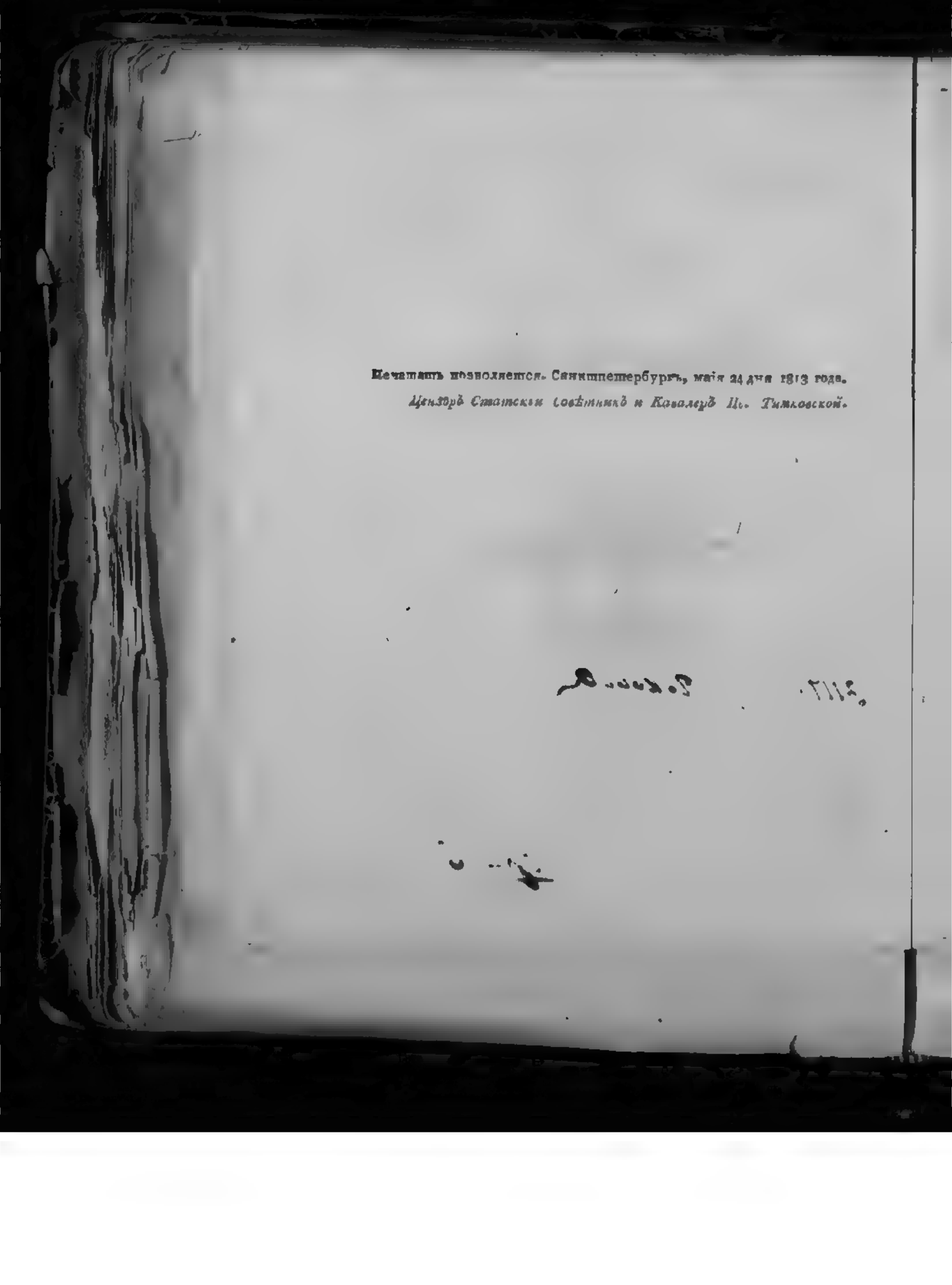
ВСТРѢЧѢ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ТѢЛА

Покойнаго Г. ГенералЪ - Фельдмаршала
Князя Михаила Ларіоновича
Голенищева-Кутузова-Смоленскаго,

Іюня 11го дня, 1813 года.

Въ Санктпетербургѣ.
Въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Типографіи, 1813 года.

25.
26.
27.
28.
29.
30.



Печатать позволяется. Санктпетербургъ, маія 24 дня 1813 года.

Ценсоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Ив. Тимковской.

ЕЯ СВѢТЛОСТИ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

СТАТСЪ-ДАМѢ

И ОРДЕНА СВЯТЫЯ ЕКАТЕРИНЫ БОЛЬШАГО
КРЕСТА КАВАЛЕРУ

КНЯГИНѢ

КАТЕРИНѢ ИЛЬИНИШНѢ

ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ-СМОЛЕНСКОЙ.

Усерднѣйшее приношеніе.

Проснись Петрополь! что ты дремлешь?
Оставь пріятной свой покой!
Уже ли трубный глас не внемлешь?
Побѣда, честь и Богъ съ тобой.
Се гость грядетъ со ратна поля,
Судила такъ Всевышня воля,
Чтобъ въ нѣдрѣ онъ твоемъ почилъ.
За васъ Петрова града чады,
Принесъ онъ въ жертву жизнь отрады,
И все, что Богъ ему вручилъ.

* * *

Грядетъ драгой вашъ гость Смоленскій,
Во славѣ, словно ясный лучь;
Отгналъ онъ сонмъ враговъ продерзскій
Отъ васъ, какъ солнце мрачность тучь.
Ликуй Россія, имъ спасенна,
Въ безсмертье славой вознесенна;
Но что почуствуешъ въ сей часъ?
Воспой, о муза; пѣснь плачевну!
Утѣшь Россію огорченну;
Богъ взялъ Смоленскаго отъ насъ.

* * *

Остались лишъ его заслуги,
Царю, Отечеству всему;
Сберитесь всѣ о Россы, други,
Съ слезой во срѣтенье ему.
Облекшись въ скромну власяницу,
Почтите сердцемъ колесницу,
Везущую любезный прахъ,
Какъ день зарницѣ лучезарной,
Послѣдній долгъ свой благодарной
Отдайте съ чувствами въ слезахъ.

* * *

„А ты, Княгиня огорченна,
„Спокой свой нѣжно-кроткій духъ;
„Лишь вспомни, съ кѣмъ была сопряженна,
„Смоленскій, былъ тебѣ супругъ.
„Скрѣпись, срази печалей лаву,
„Возми за щитъ супружню славу,
„Сей щитъ пробить никто не могъ.
„Сердцами жъ Россовъ ублажайся,
„Монаршей милостью вѣнчайся,
„Твое утѣшитъ сердце Богъ„.

* * *

О мужъ! во славѣ жизнь скончавшій!
Прими отъ насъ священный долгъ,
Европу, свѣтъ весь удивлявшій,
Ты сдѣлалъ все, что сдѣлать могъ.
Тобой народы всѣ спасенны,
Отъ насъ, до крайнихъ мѣстъ вселенны
Трепещетъ врагъ, встрѣчая страхъ.
Твое жъ гдѣ тѣло провозили,
Тамъ всѣ къ нему съ почтеньемъ были,
И гробъ несли твой на рукахъ.

* * *

Нѣмѣетъ умъ, вся кровь хладѣетъ,
Перо въ рукѣ моей дрожитъ:
Чья мысль то выразитъ посмѣетъ,
Чтобъ съ кѣмъ Смоленскаго сравнить?
Отечество лишь знаетъ цѣну,
Избавясь имъ отъ тяжка плѣну,
Соорудитъ ему олтарь.
Ему въ честь жертвы воскурятся,
Слезой сердечной окропятся,
И фиміамъ возжетъ самъ Царь.

П. Гокоповъ.

25

C.17.478 - 8

ПРЕВОЗНЕСЕННОМУ МОНАРХУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ,

НА РАДОСТНОЕ ИЗВѢСТІЕ

О

ЗАНЯТІИ ПАРИЖА

Апрѣля 13 дня 1814 года.

сердечная дань

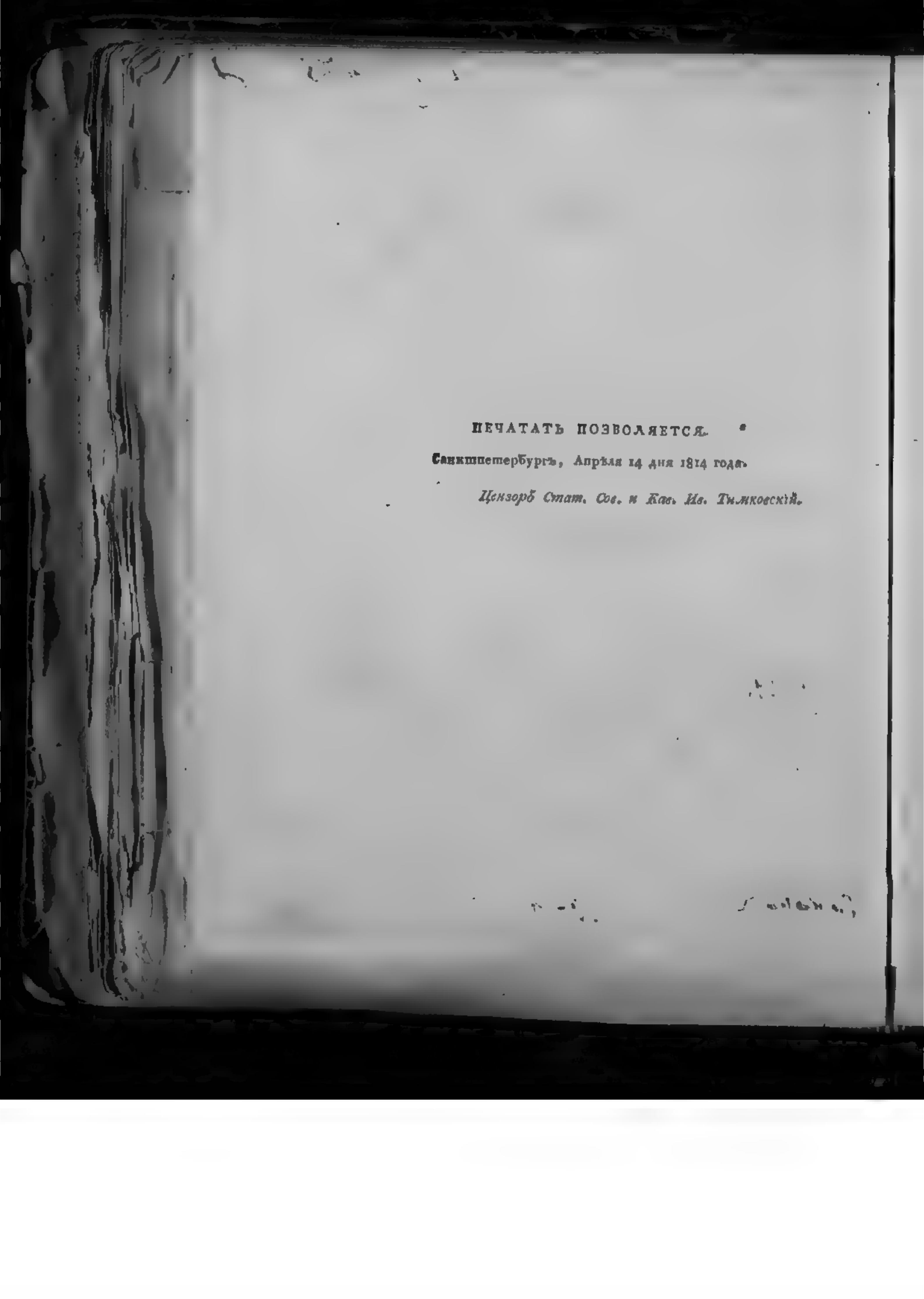
подданнаго.

2729.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ императорской типографіи.

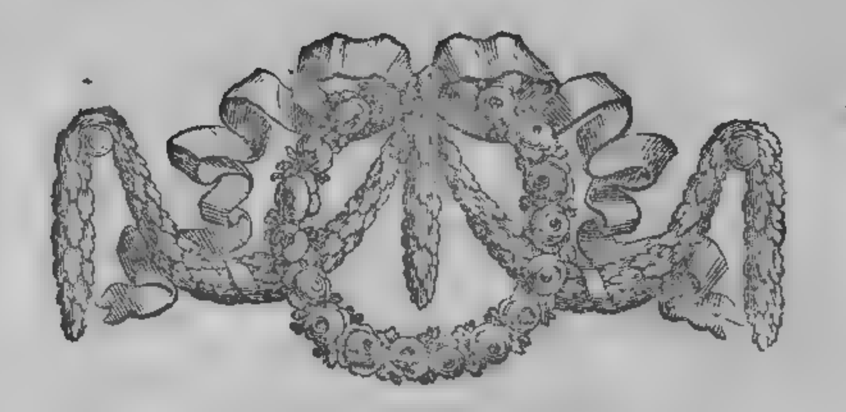
1814 года.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, Апрѣля 14 дня 1814 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кав. Ив. Тимковскій.



Паряща муза мнѣ вѣщаетъ,
Настрой свой слухъ, внимая мнѣ:
Уже вселенна зацвѣтаетъ —
Во славѣ, въ силѣ, въ тишинѣ.
Отъ сѣвера (о! чудо въ мірѣ),
Чрезъ западъ въ лаврахъ Марсъ въ порфирѣ —
Чудесный вводитъ періодъ.
Алкавшій гибели вселенны
Злоглавъ весь кровью упоенный........
Дрожитъ зря тартаръ — въ него входъ.

* *

*

Изъ вѣчностижъ грядуща время,
Несетъ надежда тьму отрадъ.
Тяжелое со свѣта бремя
Катится съ шумомъ прямо въ адъ!
Но кто колоссъ сей опрокинулъ?
Кто тяжесть съ мѣста сію сдвинулъ?
Добра надъ зломъ зри перевѣсъ. —
Законъ народныхъ правъ попранный
Узрѣвъ Царь Богомъ пред-избранный!
Пришелъ — отеръ всѣмъ токи слезъ.

* *
*

Се Царь! драгая вѣтвь ПЕТРОВА,
О ближнихъ сердцемъ ОНЪ скорбѣлъ;
Врага подсолнечной всей злова,
Попрать всѣ козни ОНЪ умѣлъ.
Какъ вихрь пронесся надъ волною,
Въ Европѣ твердой сталъ ногою,
Простерлъ лишь длань — изчезъ злоглавъ.
Изчезли всѣ его химеры,
Мучители и лицемѣры . . . .
Низверглись въ бездну съ нимъ стремглавъ.

* *
*

Познай, въ Европѣ что творится,
У всѣхъ огнь ужаса погасъ;
Лишь єиміамъ въ сердцахъ курится,
Гремитъ народовъ общій гласъ:
„Такъ Богъ міръ новый созидаетъ,
„Всему прилично назначаетъ
„Мѣста звѣздамъ, планетамъ ходъ.
„Подобно царствы обновились,
„МОНАРХИ славой озарились,
„Блаженъ для насъ предтекшій годъ„.

* *
*

Возставъ народы полумертвы,
Стеная сжаты бывъ въ когтяхъ,
Злоглаву долго бывши жертвы,
Свободу ощутивъ въ сердцахъ,
Рекли, пріявъ бальзамъ толикій:
Да будетъ АЛЕКСАНДРЪ — Великій!
Одинъ лишь ОНЪ спасти насъ могъ.
Нося въ себѣ духъ Божій кроткій,
МОНАРХЪ нашъ гордости далёкій
Вѣщаетъ имъ: „Великъ есть Богъ!“

* *
*

„Мои же днесь дѣла свершенны,
„Ни что предъ силою Его!
„Мои молитвы лишъ смиренны
„И духъ народа Моего
„Явили чудо для вселенны,
„Смиривъ кичливу злость гіенны,
„Мечтавшей кровь пить, цѣлый вѣкъ.
„Даю вамъ миръ — не жажду брани;
„Омой Мои, о Боже! длани, ...
„Не Я виной кровавыхъ рѣкъ„.

* *
*

Вѣщай мнѣ муза восхищенна
(Прервавши повѣсть рекъ я ей)
Видала ли когда вселенна
Такой имѣвшихъ духъ мужей?
Велики мужи древле были,
Но славы блескъ только любили,
Имѣвъ надменныя сердца.
Хоть всѣхъ собой и удивляли,
Себяжъ не побѣдивши — пали . . . . . .
Имъ нѣтъ въ безсмертіи вѣнца!

* *
*

Но сей есть брани Богъ смиренный,
Имѣвъ въ рукахъ побѣды громъ!
Спаситель цѣлыя вселенны
Терзаемой тиранства зломъ.
Владѣя избранной державой
Не льстится тителомъ ОНЪ, ни славой!
Сама за нимъ она летитъ.
Дивяся скромности толикой,
Несетъ предъ НИМЪ титулъ Великой
Но Царь! лишъ благо смертныхъ чтитъ.

* *
* *

Стройте, стройте музы лиру,
Греми вездѣ побѣдный гимнъ,
Да возвѣстится всѣму міру:
Что палъ ужъ гордый счастья сынъ.
Великъ есть Богъ! Великихъ славитъ!
Великъ въ томъ духъ, кто скромнѡ ставитъ
Предъ Нимъ всю славу на олтарь.
Цвѣти МОНАРХЪ превознесенный!
Безсмертной славой осененный!
Цвѣти о! АЛЕКСАНДРЪ! нашъ Царь.

П. Гоконовъ.

ОДА

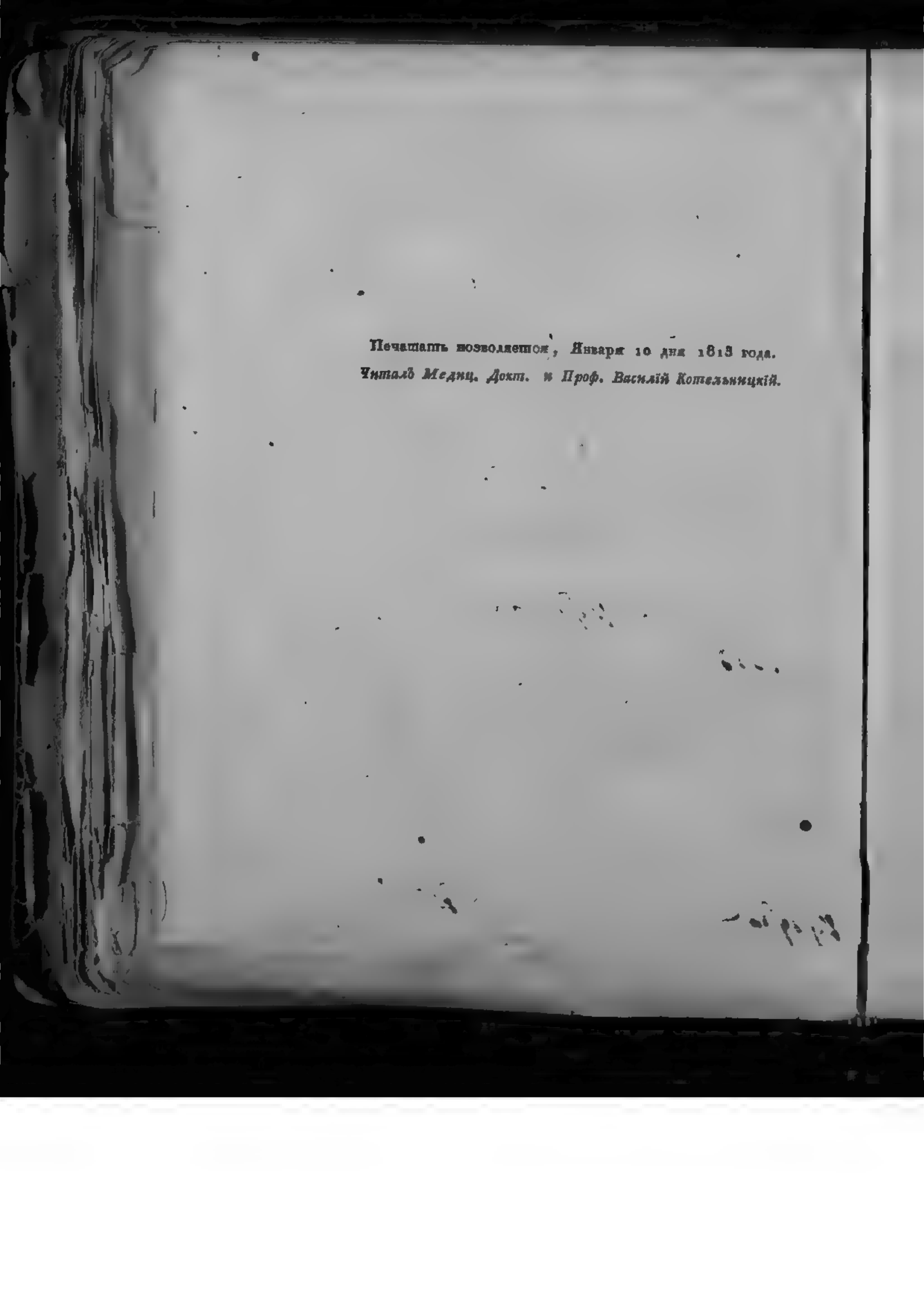
НА ИСТРЕБЛЕНІЕ ВРАГОВЪ И ИЗГНАНІЕ ИХЪ ИЗЪ ПРЕДѢЛОВЪ ЛЮБЕЗНАГО ОТЕЧЕСТВА.

2. Кутузов

1339.

МОСКВА, 1813.
Въ Университетской Типографіи.

Кутузов



Печатать позволяется, Января 10 дня 1813 года.
Читалъ Медиц. Докт. и Проф. Василій Котельницкій.

Возстань, о Муза вдохновенна,
Ко солнцу очи возведи;
Дѣлъ громкихъ звукомъ возбужденна
Дерзай — и въ Пинду вновь гряди!
Настрой златыя лиры струны,
Гласи: что Россіе перуны
Врага сразили, стерли въ прахъ;
Скажи Европѣ изумленной,
Что Россъ, побѣдой возвышенный,
Хранитъ судьбу ея въ рукахъ!

❖

Въ насъ силы духа упадали,
Скорбѣлъ встревоженный Парнассъ;
Ужь звуки лирные молчали,
Печалей раздавался гласъ!
Годъ новый — съ нимъ и чувства новы!
Среди снѣговъ — вѣнцы лавровы! —
Свободнѣй бьются въ насъ сердца!
Повѣдай Муза, какъ Россія
Разрушила навѣты злыя,
Какъ врагъ изчезъ съ ея лица!

❖

Я вижу страшнаго дракона,
Парящаго въ огнистой мглѣ;
На немъ желѣзная корона,
Смерть, ужасъ носитъ на челѣ;
Въ чреслахъ онъ тартаръ весь вмѣщаетъ,
Реветъ и пламень изрыгаетъ,
Крылами воздухъ онъ мрачитъ;
Въ стремленіи неизмѣримомъ
Клубяся въ искрахъ съ черным дымомъ,
На Полночь съ Запада паритъ.

❖

Такъ гнѣвомъ, яростью горящій
Сынъ адской тьмы, Наполеонъ,
Идетъ съ десницею грозящей,
И мнитъ Россіи дать законъ;
Въ ея вторгается предѣлы:
Коварства ядъ и лести стрѣлы
Отъ смрадныхъ устъ его летятъ;
Имъ грады, веси разорились,
Имъ храмы Божьи осквернились:
Всѣ бѣдства въ слѣдъ за нимъ спѣшатъ.

Но что я вижу? — Духъ крылатый
Летитъ на рдяныхъ облакахъ!
Блеститъ броня и шлемъ пернатый,
Перунъ и огнь въ его рукахъ;
Онъ ихъ въ дракона злобы мещетъ,
Кичливый сонмъ его трепещетъ,
Низверженъ съ горъ, стремглавъ упалъ,
И въ ярости своей безмѣрной
Въ кипящей адской безднѣ сѣрной
Добычей лютой смерти сталъ.

Такъ Богомъ избранный чудесно
Великій храбрыхъ Россовъ Вождь
Свершаетъ мщеніе небесно,
Какъ громъ, какъ вихрь, какъ градъ, какъ дождь,
Какъ туча грозна налетаетъ,
Враговъ разитъ и сокрушаетъ;
Персть, кости только видны ихъ
Среди побѣдъ, трофеевъ дивныхъ; —
Не такъ ли злыхъ духовъ противныхъ
Съ небесъ каралъ Архистратигъ!

Гдѣжъ адски скрылись исполины,
Мечтавши стать на верхъ небесъ?
Гдѣжъ мнимые полки орлины,
Производители чудесъ?
Какъ мгла, изчезли легïоны;
Вдали оставшковъ слышны стоны:
Какъ прахъ, васъ всѣхъ развѣялъ Россъ!
Но гдѣ вашъ вождь, покрытъ кровями?
Какъ робкiй звѣрь, бѣжитъ лѣсами;
Гдѣ ты, тягчившiй всѣхъ, колоссъ?

Не ты ль возмнилъ себя прославить
Подрывомъ всѣхъ Кремлевыхъ стѣнъ!
На камнѣ камня не оставить
Твой злобный духъ былъ устремленъ:
Подвелъ подкопы неприятны;
Но чтожъ? Твои всѣ ковы тщетны:
Ты жегъ Москву — оставилъ смрадъ;
Но цѣлы древности почтенны:
Не всѣ тобою сокрушенны,
Не ты ли новый Геростратъ?

Кремлевы стѣны знамениты!
Тебѣ ль, тебѣ ль ихъ колебать?
Онѣ кровьми Дворянъ омыты,
На нихъ священная печать
Блаженства нашего и славы;
Кровьми начертанны уставы
Любви и вѣрности къ Царямъ;
Москва, какъ фениксъ, обновится,
Изъ пепла въ блескѣ возродится,
Главу возвысить къ облакамъ.

А ты бѣжишь, о врагъ вселенной!
Почувствовавшій Россовъ громъ;
Явись Европѣ удивленной
Покрытый срамомъ и стыдомъ,
Явись поруганный съ тоскою
Къ Царямъ, обманутымъ тобою,
Скажи, каковъ есть Россійскій мечь,
Скажи, какъ онъ карать умѣетъ:
И ктожъ изъ нихъ теперь посмѣетъ
Рабовъ къ предѣламъ нашимъ влечь?!

Царь Россовъ! Царь сердецъ, полсвѣта!
ТЫ нашихъ радостей вина:
Не ТЫ ли мудростью совѣта
Прославилъ наши знамена!
Всѣхъ благъ ТЫ красная денница!
Не твоюль Божія десница
ТЕБѢ побѣды лавръ дала?
Не ТЫ ли съ благостью прощаешь,
Любовью, милостью вѣнчаешь
Геройски славныя дѣла?

ТОБОЙ Европа ограждена,
Избѣгнетъ козней и коварствъ;
ТЕБѢ самимъ Творцемъ вручена
Судьбина и Царей и Царствъ;
ТЫ укротишь свирѣпства брани,
Простреть къ нещастнымъ щедры длани,
Избавишь страждущихъ отъ золъ;
И кто къ ТЕБѢ главу приклонитъ,
Изъ сердца скорьбь и мракъ изгонитъ:
Тамъ радость, миръ, гдѣ ТВОЙ Престолъ.

Россіи честь, краса Героевъ!
Мечь Божій! Витязь Михаилъ!
Надежда, щитъ Россійскихъ строевъ!
Тобой самъ Богъ врага казнилъ!
Тебѣ единому прилично
Сражаться чудно, необычно,
Сбирая лавры и зимой,
Раждая огнь средь льда и хлада;
Ты Россовъ слава и ограда,
Ты будешь всѣхъ вѣковъ Герой!

■

Велики подвиги конечно
Страшить побѣдами Стамбулъ!
Намъ незабвенны будутъ вѣчно
Рымникъ, Силистрія, Кагулъ!
Но спасть Европу, спасть Россію,
Попрать ногою льва и змію,
Когда въ намъ въ сердце врагъ вошелъ:
Се подвигъ дивный, несравненный,
Отъ Бога силъ благословенный,
Всѣхъ вышшій громкихъ Россовъ дѣлъ!

■

А вы, лишенные войною
Супруговъ, братьевъ и дѣтей!
Не рвитесь горестію злою,
Отрите слезы отъ очей;
Самъ Богъ вамъ будетъ утѣшитель;
Онъ всѣхъ судебъ единъ Правитель:
И жизнь и смерть въ Его рукахъ;
Въ Немъ сирые найдутъ подпору:
Предстаньте только Царску взору,
Изчезнутъ въ васъ печаль и страхъ.

*

Россія! Богомъ ограждена,
Предъ Нимъ колѣна преклони:
Ты Имъ избавлена, спасенна,
Ты Имъ вкушаешь сладки дни,
Ты паки шествуешь къ покою,
Низверженъ врагъ Его рукою;
Не Богъ ли стеръ кичливый рогъ? —
Не Онъ ли слезы отиретъ?
Не Онъ ли Россовъ утѣшаетъ?
Благословенъ Господь нашъ Богъ!!

Павелъ Г. Кутузовъ

ОДА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ

НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ ЕГО

НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ.

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

Павелъ Голенищевъ Кутузовъ.

Марта въ 12 день, 1804 года.

МОСКВА,
въ типографіи платона бекетова.
1804.

О Д А.

Въ сей день три года совершилось
Какъ Ты Царемъ полночныхъ странъ;
Всеобщимъ гласомъ подтвердилось,
Что Ты къ блаженству Россамъ данъ;
Что милость нами обладаетъ;
Зефиръ, намъ мнится, повѣваетъ
И солнце грѣетъ теплотой;
Въ толь сладкомъ нашемъ восхищеньѣ,
Твое намъ кажется правленье
Любезной, радостной весной.

Подъ скиптромъ кроткимъ, благодатнымъ,
Забыли имя мы рабовъ;
Гордимся именемъ пріятнымъ
Покорныхъ, ревностныхъ сыновъ
Отца сѣдящаго на тронѣ;
Намъ сладко жить въ Твоемъ законѣ;
Ничто сердецъ не тяготитъ;
Мы сномъ покойнымъ засыпаемъ;
Съ сей мыслью очи отверзаемъ:
Нашъ мирный Ангелъ насъ хранитъ.

Въ Петрополь духомъ обращаюсь,
Въ претекше время мысль впера:
Весельемъ новымъ восхищаюсь,
Мнѣ зрится красная заря
Въ краю полночномъ возстающа,
Румяный, ясный свѣтъ ліюща
На Невскій токъ, на весь Ефиръ:
И вскорѣ солнце, царь природы,
Всходя златитъ лучами воды,
Живитъ, питаетъ, грѣетъ міръ.

Такъ сталъ Ты царствовать надъ нами
О кротко солнце нашихъ странъ!
Восхитилъ Ты надеждъ лучами
И Днѣстръ и льдистый Океянъ.
Ты Бельту, Оби и Босфору,
Щедротъ блестящую Аврору
И дни златые возвѣстилъ;
Міръ цѣлый сталъ тогда свидѣтель,
Что воплощенну добродѣтель
Творецъ въ Тебѣ на тронъ вмѣстилъ.

Свершилось то, чего мы ждали:
Къ намъ правда, миръ съ небесъ сошли;
Мы дней полета не видали,
И какъ три лѣта протекли
Среди отрадъ, среди покою;
Намъ то казалось бы мечтою
Когда бъ не зрѣли каждый день,
Что мы воистинну блаженны,
Твоей порфирой покровенны;
Что въ ней прохлада намъ и сѣнь.

Обширный кругъ Твоей державы
Твой духъ великій могъ пройти:
Даруешь мудрые уставы
И къ просвѣщенію пути;
Въ Твоемъ пареніи высокомъ
Объемлешь Ты орлинымъ окомъ
Брега и Лены и Днѣстра;
Зря чадъ въ народахъ толь различныхъ
Въ трудахъ къ ихъ благу необычныхъ
Душа Твоя всегда бодра.

Когда къ странѣ холодной, мрачной,
Гдѣ льды, снѣга лежатъ средь горъ,
Гдѣ камнемъ сталъ потокъ прозрачный,
Съ лучами Фебъ прострётъ свой взоръ,
Вдругъ бѣлы ризы изчезаютъ,
Изсохши вѣтви оживаютъ,
Зимы не видно и слѣдовъ.
Отъ сна природы возбужденна,
Ковромъ блестящимъ покровенна
Сіяетъ множествомъ цвѣтовъ.

Такъ Ты чудесной теплотою
Въ полуночи раждаешь свѣтъ;
Парнассъ ущедренный Тобою
Уже вѣнцы Тебѣ плететъ;
Тобою музы оживленны,
Тобой науки ободренны;
Ты новы храмы зиждешь имъ;
Таланты скромны отличаешь,
Въ Піитахъ бодрый духъ раждаешь
Однимъ воззрѣніемъ Твоимъ.

218.

Алкавшій браней побѣдитель
Гремитъ во ужасъ всѣмъ вѣкамъ;
Но Царь, Парнасса покровитель,
Любезенъ, дорогъ всѣмъ сердцамъ:
Потомствомъ онъ благословится;
Косой времянъ не сокрушится
Въ сердцахъ воздвигнутый олтарь.
Падутъ града, изсохнутъ рѣки,
Но будетъ жить — и жить во вѣки
Премудрый, кроткій, добрый Царь!

Въ тебѣ такова зря владыку,
Возможно ль лирѣ не гремѣть?
Какъ душу кротку и велику,
И какъ щедротъ твоихъ не пѣть?
Россія вся поетъ со мною,
Коликихъ радостей виною
На тронъ пресвѣтлый Твой восходъ;
Сей день мрачитъ всѣ дни другіе;
Сей день принесъ намъ дни златые;
Онъ будетъ славенъ въ родъ и родъ!

Продлись безчисленные годы
Правленье кроткаго Царя;
Да удивляются народы
И скажутъ щастье наше зря:
"Гдѣ зло такъ слабо и безсильно?
Гдѣ благо такъ течетъ обильно?
О Россы! кто щастливѣй васъ?"
Уже сей звукъ вездѣ несется,
Въ горахъ Рифейскихъ раздается;
Прерви, о Муза, слабый гласъ!

Съ одобр. нія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для округи
Императорскаго Московскаго Университета.

Рук.

ОДА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

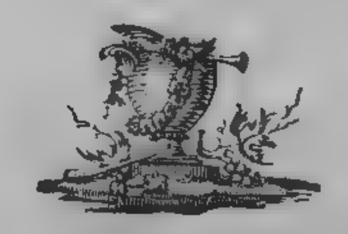
ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,

на всерадостное Его на Престолъ

ВСТУПЛЕНІЕ.



МОСКВА,

Въ Губернской Типографіи
у Андрея Рѣшетникова,
1801 года.

Прими ОтецЪ и Царь! сiе мое творенье,
Превыше мнѣ всего одно Твое воззрѣнье,
Любовью подданныхЪ! Великiй во ЦаряхЪ
МОНАРХЪ и БогЪ Земный! и вЪ мысли и вЪ сердцахЪ
Тебя какЪ Ангела — послала намЪ судьбина
И словомЪ, Ты нашЪ ТитЪ, или ЕКАТЕРИНА.

Усерднѣйше подноситЪ
Подполковникъ
Князь Алексѣй Голицынъ.

29.
30

О Д А.

На понтѣ голубомъ блестящемъ
Прекрасный столпъ въ огнѣ стоитъ,
Съ златымъ Крестомъ въ рукѣ держащемъ
Великій Невскій Князь сидитъ;
Не тлѣнну книгу Россъ читаетъ
Божественно чело сіяетъ
И съ радостнымъ глядитъ лицемъ.
Царей достойныхъ вѣчной славы
Вѣнчаетъ лики, и уставы,
И въ твердьи озарилъ лучемъ.

А

Явилъ на небѣ *Іоанна*,
И съ Понта перстомъ показавъ,
На Тронъ Романова избранна
Явилъ *Петра* на облакахъ;
Къ *Петру* Онъ очи обращенны,
Се рекъ Ему слова Священны:
„О Ты что славой красотою.
„Россію вѣчно одарилъ,
„Къ наукамъ къ чести и къ покою
„Народъ трудами обратилъ. —

„Тебя Творецъ благословляетъ,
„Взгляни на родъ безсмертный Твой!
„Онъ вѣчной славой дочь вѣнчаетъ
„И слава — звучною трубой.
„Ея побѣды возвѣщала
„И дальнымъ Царствамъ прославляла
„Достойною ЕЛИЗАВЕТЪ.
„Вотъ здѣсь — жилъ Россъ средь райска крина,
„Когда была ЕКАТЕРИНА,
„Ее Великой — прозвалъ свѣтъ. —

„ Се та — кѣмъ Россъ одушевленный
„ На смерть съ улыбкою ходилъ;
„ Средь бурей, пропастей — Геенны
„ Къ побѣдѣ Богъ полки водилъ.
„ При ней Румянцовъ и Суворовъ
„ Среди войны, среди раздоровъ
„ Съ побѣдой на крылахъ паритъ.
„ Се та — что днесь еще съ слезами
„ Всякъ чувствомъ, сердцемъ и устами,
„ Какъ бы про Бога говоритъ!

„ Тебѣ во всемъ соревновала,
„ И чтила всѣ Твои труды;
„ Надеждой Внука называла —
„ И въ Внукѣ зримъ ЕЯ плоды.
„ Реку! явитъ — златые годы,
„ Безчисленны его народы
„ Узря — величїе чудесъ,
„ Моимъ любимцемъ пораженны
„ Воскликнутъ — кротостью плененны:
„ Не Царь ли мїра сшелъ съ небесъ? —

„Уже темницы отворились,
„Коль скоро Онъ на Тронъ возшелъ,
„У Россовъ души озарились
„И Гулъ всерадостной гремѣлъ!
„Вознаградитъ Онъ раззоренныхъ,
„И ободряя оскорбленныхъ,
„Не злобно — винныхъ Царь проститъ.
„Онъ вѣрныхъ наградитъ заслуги
„Вселенну съ сѣверной округи
„Отецъ народу удивитъ! —

„Тебѣ, премудрый Царь, науки
„Дороже были, чѣмъ покой;
„Къ художествамъ простеръ Ты руки
„И Россовъ удивилъ Собой. —
„Я чувствы АЛЕКСАНДРА знаю,
„И съ удивленьемъ обрѣтаю
„Души изящность тѣхъ красотъ.
„Онъ имя вновь мое прославитъ
„Твои труды трудомъ заставитъ
„Съ твоими соравнять народъ. —

„ Гдѣ добродѣтель процвѣтаетъ,
„ Премудрость истинну хранитъ ;
„ Тамъ солнце правды озаряетъ,
„ Народу щастїе даритъ !
„ Царь кроткїй! Сынъ Небесъ въ коронѣ!
„ Блаженно Царство; Онъ на Тронѣ
„ Въ дары Ему несутъ сердца ;
„ Къ законамъ очи обращаетъ ,
„ Путь кроткїй къ онымъ возставляетъ
„ И Россы зрятъ! уже Отца. —

„ Вдругъ бѣдныхъ пременясь судьбина !
„ Сумволомъ кротость Онъ беретъ.
„ Сынъ зритъ отца — отецъ зритъ сына,
„ Мнѣ сихъ часовъ прїятнѣй нѣтъ : —
„ ЕЛИЗАВЕТИНЫ щедроты
„ Его любезные доброты
„ Не можно будетъ описать !
„ Не тщася АЛЕКСАНДРЪ въ порфирѣ
„ Искать съ мечемъ злой славы въ мїрѣ ,
„ Великимъ будутъ называть.

„ Когда же громы возсїяютЪ ,
„ Или принудятЪ кЪ брани вдругЪ ;
„ Пусть Россы кЪ Богу прибѣгаютЪ ,
„ Я имЪ помощникЪ , Я имЪ другЪ.
„ Притупить рогЪ войны суровой ,
„ Вручу Царю вѣнецЪ Лавровой ,
„ ОнЪ буйность покарать ступай :
„ Се тучи неба потрясутся ,
„ Туманы мраки нанесутся
„ И врагЪ погибель ожидай.

И се прорекЪ , и вЪ тверди скрылся ,
Огонь мелькнулЪ на облакахЪ ;
НародЪ сЪ весельемЪ удивился ,
Зря ликЪ Монарха вЪ небесахЪ ,
СЪ ЕЛИЗАВЕТОЮ сїяетЪ „
ОнЪ Мать любезну утѣшаетЪ,
Ура ! вскричали — се МонархЪ
ОнЪ будетЪ — ПЕТРЪ , ЕКАТЕРИНА ,
МАРІИ всѣхЪ утѣхЪ причина :
ВсѣмЪ бѣднымЪ другЪ — а гордымЪ врагЪ.

29

ЕГО

СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГРАФУ

АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ

Господину ГенералЪ Фельдмаршалу, ЛейбЪ Гвардіи Преображенскаго полку Подполковнику, Фаногорійскаго Гарнодерскаго Шефу начальствующему надЪ войсками вЪ ПольшѢ расположенными, Кавалеру орденовЪ: св. Андрея первозваннаго св. Александра Невскаго св: Георгія и св: Равно-Апостольнаго Кн. Владимира первыхЪ степеней и Св: Анны.

Усерднѣйше подноситЪ

ПодполковникЪ

Князь Алексѣй Голицынъ.

737.

ОДА.

По выспреннимъ мѣстамъ парящей
Орелъ изъ нашихъ глазъ летитъ,
Россіи славу представлящей
Собою смертныхъ всѣхъ дивитъ:
Подобно духъ свой устремляя
И смѣлость дивну принимая,
Стремлюсь ко небу возлетѣть
Съ трубой въ предѣлы незнакомы
Гласить Россійской славы громы
Или *СУВОРОВА* воспѣть.

Уже не я теперь вѣщаю
Самъ Марсъ, Беллона, Аполлонъ,
Я звуку лиры ихъ внимаю
СУВОРОВЪ (Ферьзенъ нашъ Сципіонъ.
Я бодрость вѣку ощущаю
Къ Альсиду Росса подобляю,
Грядетъ, гдѣ громъ войны гремитъ,
Туда, гдѣ знамя брани вѣетъ
Гдѣ смерть ужасна сѣмя сѣетъ
Земля дымится и дрожитъ.

Десницу вышняго лобзая
Благословляетъ онъ съ высотъ,
Онъ насъ единой укрѣпляя
Ліетъ обиліе щедротъ.
Россію въ красотѣ являетъ,
Орелъ на знаменахъ лѣтаетъ
Уже спѣшатъ діомиды въ бой
Съ улыбкой къ смерти всякъ подходитъ
На память то себѣ приводитъ,
Что сердцемъ мужъ, что всякъ герой.

Сію союзницу лукаву
Какъ можемъ мы не побѣдить?
Прославимъ вновь твою державу
Враговъ потщимся сокрушить.
Прорцы намъ мать изъ устъ лишь слова
Злодѣевъ всѣ карать готова
Рекла!... и се на брань текутъ;
Теку?.. полночны Марсы смѣло
Едина грудь едино тѣло
Едину душу всѣ несутъ.

Изъ нѣдръ пучинъ своихъ престрашныхъ
Вопитъ къ Сармату быстрой Бугъ;
Изъ волнъ своихъ онъ столь ужасныхъ,
Желаетъ Росса на свой лугъ.
Его онъ славой удивленной
Ему быть хочетъ покоренной;
Ты Польша жди своихъ судьбинъ,
Ту гибель, что вы сготовляли,
Что противъ насъ востать дерзали,
Накажетъ скоро Марсовъ сынъ.

30

Въ другой странѣ намъ крылась буря,
Сверкалъ на небѣ грозный лучь,
Покрылась черьнью вся лазурь,
Ударилъ громъ изъ мрачныхъ тучь.
Ни гдѣ невидно намъ спасенья,
Вездѣ лишь гибель, смерть, крушенья.
Вся бездна ярости кипитъ,
Громады камней съ ревомъ мещутъ.
Кипячу смолу въ Росса плещутъ,
Рука коварная дивитъ.

Какъ въ Термопилахъ погибали
Во брани лютой за друзей;
Ужасность смерти презирали
И ждали гибели своей;
Подобно въ безднѣ буря носитъ
Пловцовъ, отъ низу когда броситъ
Въ морскія купно глубины,
Уже безъ мачты безъ кормила
Гребцовъ изчезнетъ духъ и сила,
И сильной бурей сражены.

Колико зрю смертей различныхЪ,
Иной безЪ ногЪ стремится встать
Увидя воиновЪ отличныхЪ
ЖелаетЪ хоть конца познать.
Иной, упавши на колѣни
ПокрытЪ завѣсой смертной тѣни,
Еще разитЪ врага презрѣвЪ;
Иной, вЪ мгновенье онѣмѣвши
И лютой смерьти овЪ доспѣвши,
ВЪ лицѣ еще являетЪ гнѣвЪ.

О! ты сЪ небесЪ намЪ мужЪ посланный!
ОтецЪ всѣхЪ воиновЪ своихЪ,
ВѣнцомЪ лавровымЪ увѣнчанный,
Подпора нашЪ, надежда ихЪ:
МОНАРХИНѢ вѣнки сплѣтая
Себѣ безсмерьтья доставая,
Имѣя острый мечь вЪ рукахЪ,
Гордыню варвара смиряешь
За ковы жестоко караешь
И сыплешь трепетЪ, громЪ и страхЪ.

30

Какъ вдревлѣ Кодръ вездѣ ужасный
Незнаешь роскоши и нѣгъ,
Врагамъ Россiи столь опасный,
Ты огнь и воды пренебрегъ.
Летишъ къ сраженью Марсъ кровавой,
Къ тебѣ Беллона съ громкой славой
Спѣшитъ со звучною трубой;
Туда, гдѣ шагъ, суть шагъ кончины.
Она съ тобой рѣшитъ судьбины,
И грянешъ громъ твоей рукой.

Едва заря лишь возсiяла,
Взмахнула смерть свою косу,
Вспрянувъ, ударивъ, возблистала
Въ томъ страшномъ ужасномъ часу.
Грядутъ безсмертны полубоги,
Какъ въ мирны брачные чертоги;
Уже огнемъ трясется Понтъ,
И грознымъ копiемъ Царицы
Низверженъ будетъ съ колесницы
Тотъ Польскiй буйный Фаетонъ.

Уже весь воздухѣ погустился,
Ужасный дымѣ мѣста повилѣ
Страхѣ, трепетѣ, шумѣ вездѣ разлился
И Польскій лагерь воспалилѣ:
Картечи ядры засвистали,
И жерлы мѣдныя взыграли
Подобно бурямѣ подѣ землей
Сѣ стреиленьемѣ все опрокидавши
На воздухѣ сѣ трескомѣ возлетавши
Во всей свирѣпости своей.

Какѣ тигры кровью разьяренны
Отѣ гнѣва вѣ ярости бѣгутѣ
Вождемѣ Поляки побужденны
Ужасну смерть сѣ собой несутѣ.
Но Росса то неустрашаетѣ
Онѣ ихѣ свирѣпству невнимаетѣ,
Штыкомѣ разитѣ вездѣ своимѣ,
Огнемѣ геройскимѣ лишь палится
Какѣ снопѣ, Полякѣ вездѣ валится
Неможетѣ совладѣть онѣ сѣ нимѣ.

30

По всюду смерть уже лѣтаетъ,
Коситъ, срѣтаетъ себѣ жертвъ,
Мечь пламенный вездѣ сверькаетъ,
Вездѣ изъявленъ врагъ, иль мертвъ.
Внезапно ужасомъ произенны
Стремятся вспять всѣ пораженны
Враги чрезъ долы и луга
Подобно съ горъ лучи стекаютъ
Коль въ жарки дни когда растаютъ
Весной глубокіе снѣга.

Уже Костюшка самъ уходитъ
Не зря надежды никакой,
Спасенья въ бѣгствѣ онъ находитъ
Постыдно оставляетъ бой.
Увидя то Полякъ страшится,
Въ отчаяньи за нимъ стремится
Бѣжишь ты самъ лишенный силъ.
Теперь ты зри плоды обмана
Твоя надежда вся попранна,
Себя ты коей обольстилъ.

Тогда сей громъ въ лѣсахъ раздался,
Завыли буйные лѣса
По дебрямъ, холмамъ умножался,
Сомкнулись въ тугу небеса.
Послѣдни силы напрягаешъ,
Весь воздухъ крикомъ наполняешъ.
Но тщетно стонъ свой испускалъ,
Желая казни удалиться,
Въ мгновенье воинъ нашъ стремится:
Мечемъ сраженъ ты въ плѣнъ попалъ.

Мы чтимъ героя и въ злодѣя
Какъ молнія съ мечемъ блисталъ
Въ бою защитниковъ имѣя
Рукой своей онъ всѣхъ сражалъ.
Но съ нами ангелъ изстребитель,
Божественныхъ судебъ вершитель,
Вездѣ повергъ своихъ враговъ
Блаженства онъ вездѣ повѣялъ,
ЦАРИЦЫ славу вновь посѣялъ,
Избавилъ Россовъ отъ трудовъ.

30

Кто вонинъ сей неустрашимый
На Ангела похожій днесь,
Голицынъ славой возносимый,
Плѣняетъ правдою всѣхъ здѣсь.
Онъ жаромъ ревности разженный,
Сыскалъ народу часъ блаженный,
Мечемъ и рѣчію своей
Измѣнниковъ вездѣ плѣняетъ,
Щедроту, милость предлагаетъ,
Владычицѣ седьми морей.

Воззримъ, сколь твердо непреклонно
Въ Россіи щастіе цвѣтетъ;
Въ ней вѣрность всякъ хранитъ законно
Надежда вѣтвь... а Богъ предмѣтъ.
И преходя изъ славы въ славу,
Крѣпитъ Россійскую державу,
Готовя миръ всѣмъ и покой.
А чтобъ прославить себя болѣ
ЕКАТЕРИНА на престолѣ
Законы подаетъ рукой.

Ты насъ собою оживляешъ
И днесь межъ насъ какъ кринъ цвѣтешъ
Трудомъ какъ манною питаешь,
Изъ насъ себѣ плодъ вѣчной жнешъ.
На зыблемыхъ пескахъ вселенной
Тобою Россъ одушевленной,
Во четырехъ земли концахъ
Дивитъ народы повсечасно
Бросаетъ онъ перунъ ужасно
Гласитъ, умри!.. Россіи врагъ.

Все славитъ здѣсь ЕКАТЕРИНУ
Всякъ тщится отчеству служить
Въ ней зримъ величества причину
Готовы полубогомъ чтить.
Ей посвященъ законъ любови
Щедрота, милость, узы крови
Въ злодѣяхъ.... зришъ уже рабовъ.
Они ничто!.... ты ихъ прощаешъ
Велика есть!.. но ты незнаешъ
Какъ истить! наказывать враговъ.

30/

Уже стыдятся тѣ народы,
Себя считавши вышѣ насЪ
Открыты тайны, намЪ природы
Ея тобой познали гласЪ.
Тебѣ мы слѣдовать готовы
Тобою стали... новы, новы!
ВЪ теченьи крѣпость подаешЪ,
ПутемЪ священнымЪ насЪ ты водишь
КЪ блаженству нашему предходишь,
И ты кЪ безсмертiю ведешь.

Со: К: А: Г:

30

Городъ Умань

фамилия [illegible]

Ф — 7

1918

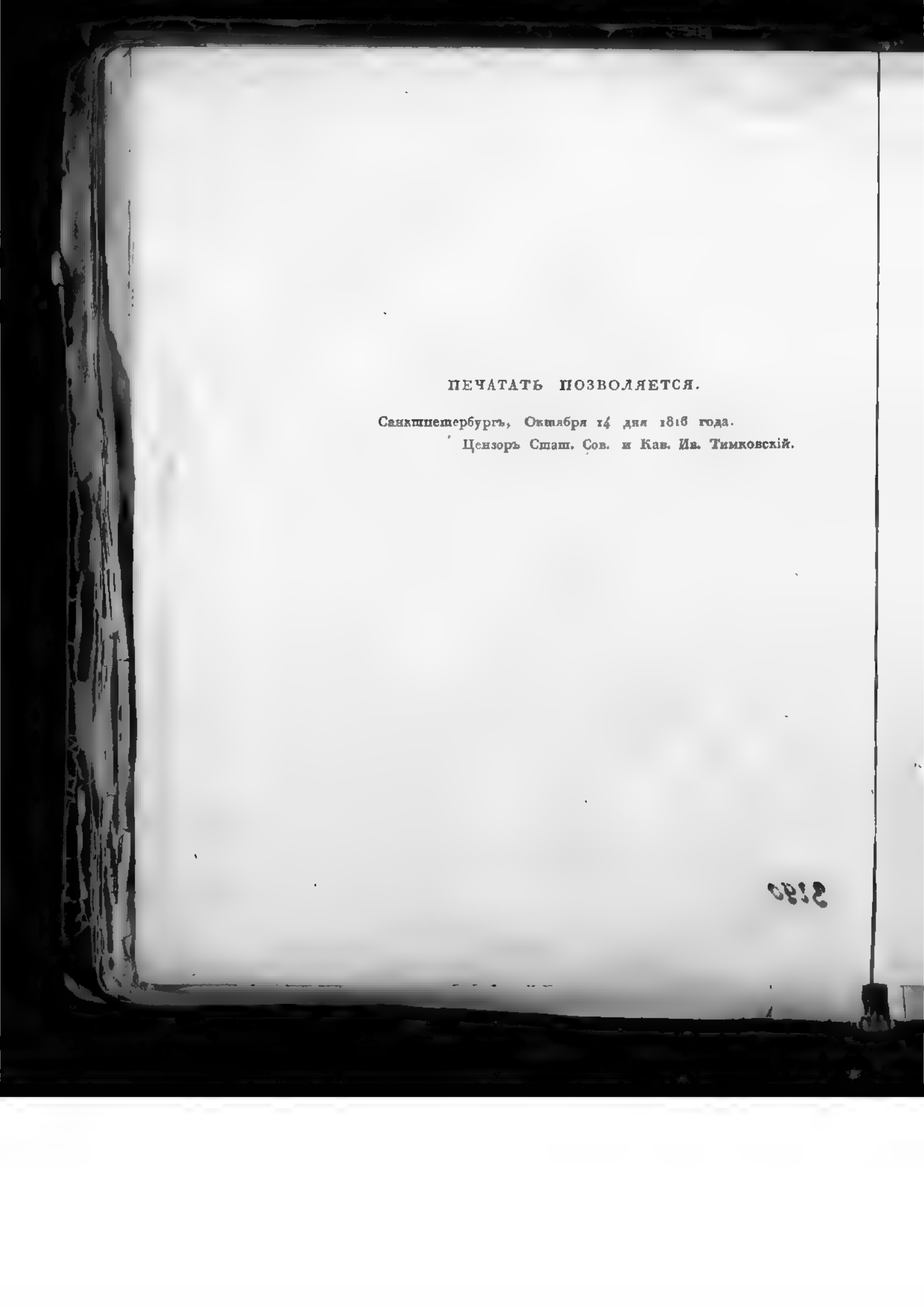
8

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

НА МОГИЛУ

БЛАГОТВОРИТЕЛЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ Морской Типографіи 1816 года.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, Октября 14 дня 1816 года.

Ценсоръ Стат. Сов. и Кав. Ив. Тимковскій.

ДРУЗЬЯМЪ ДЕРЖАВИНА.

И вы его любили,
И дружества слезой
Вы прахъ его почтили;
Вамъ стихъ печальный мой
Я посвятить желаю;
Въ немъ чувства моего
Я тѣнь изображаю;
Пріймите вы его.

Гдѣ ты!—Мужъ Богомъ вдохновенный,
О добрый благодѣтель мой!
Державинъ!—ты ли палъ сраженный
Подъ лютой роковой косой?
И надъ твоею ли могилой
Звукъ лиры моея унылой
Печально вторитъ скорбь мою?—
Увы!—Ударъ уже свершился!
Державинъ въ вѣчность преселился,
И я надъ прахомъ слезы лью.

Пѣть радости..... Легко, отрадно,
Пѣть горесть....,Лиры звонъ молчитъ.—
Сколь въ мірѣ счастіе превратно,
И сколь его премѣнчивъ видъ!
Державинъ! я вчера съ тобою
Добра плѣнялся красотою,
Тебѣ внимая,—счастливъ былъ.....
Но радость смѣжна со слезами:
Сего дни Волхова струями
Тебя къ могилѣ проводилъ (*).

* *
*

Ни что судьбы неизбѣгаетъ,
Всему здѣсь положенъ предѣлъ;
Не вѣчно счастье насъ ласкаетъ,
Увы!—и я осиротѣлъ!.....
Цвѣтокъ растущій на долинѣ
Не долго въ счастливой судьбинѣ
Красой и запахомъ плѣнялъ;.....
Лучь солнца къ югу уклонился,
Вѣтръ дунулъ, льдами токъ стѣснился,
И гдѣжъ цвѣтокъ?—Цвѣтокъ увялъ.—

Но солнце снова возсіяетъ,
Цвѣтокъ, быть можетъ,—оживетъ;
Лишь мнѣ надежда измѣняетъ,
Мое лишь солнце не взойдетъ.—
Сокрылся лучь меня хранящій!
За часомъ часъ во слѣдъ летящій
Лишь кладъ душѣ моей несетъ;
Мнѣ въ сердцѣ горесть поселилась,
Мысль мрачнымъ облакомъ покрылась,
И смерть во гробъ меня зоветъ.

* *
*

О смерть!—послѣдняя отрада!
Скажи:—почто щадишь меня?—
Скажи:—ты казнь или награда?—
Тебя достойналь жертва я?—
Скажи:.....Коль смертнымъ знать то можно,
Желать иль трепетать намъ должно
Прихода твоего часа?....
Но ты молчишь—и пожинаешь!
Ты тайну въ вѣчности скрываешь,
И всѣмъ грозитъ твоя коса.

Молчишь.....Но сердца гласъ вѣщаетъ
Что ты однимъ злодѣямъ страхъ;
Что мужъ благій тебя желаетъ,
Что рай его лишь въ небесахъ.—
Путь жизни сей—путь испытаній;
Чрезъ цѣпь всѣхъ золъ, чрезъ цѣпь страданій
Онъ къ свѣтлой вѣчности ведетъ.—
Державинъ смерти не страшился;
Онъ смертью къ славѣ возродился,
Его прельщалъ лишь вѣчный свѣтъ.

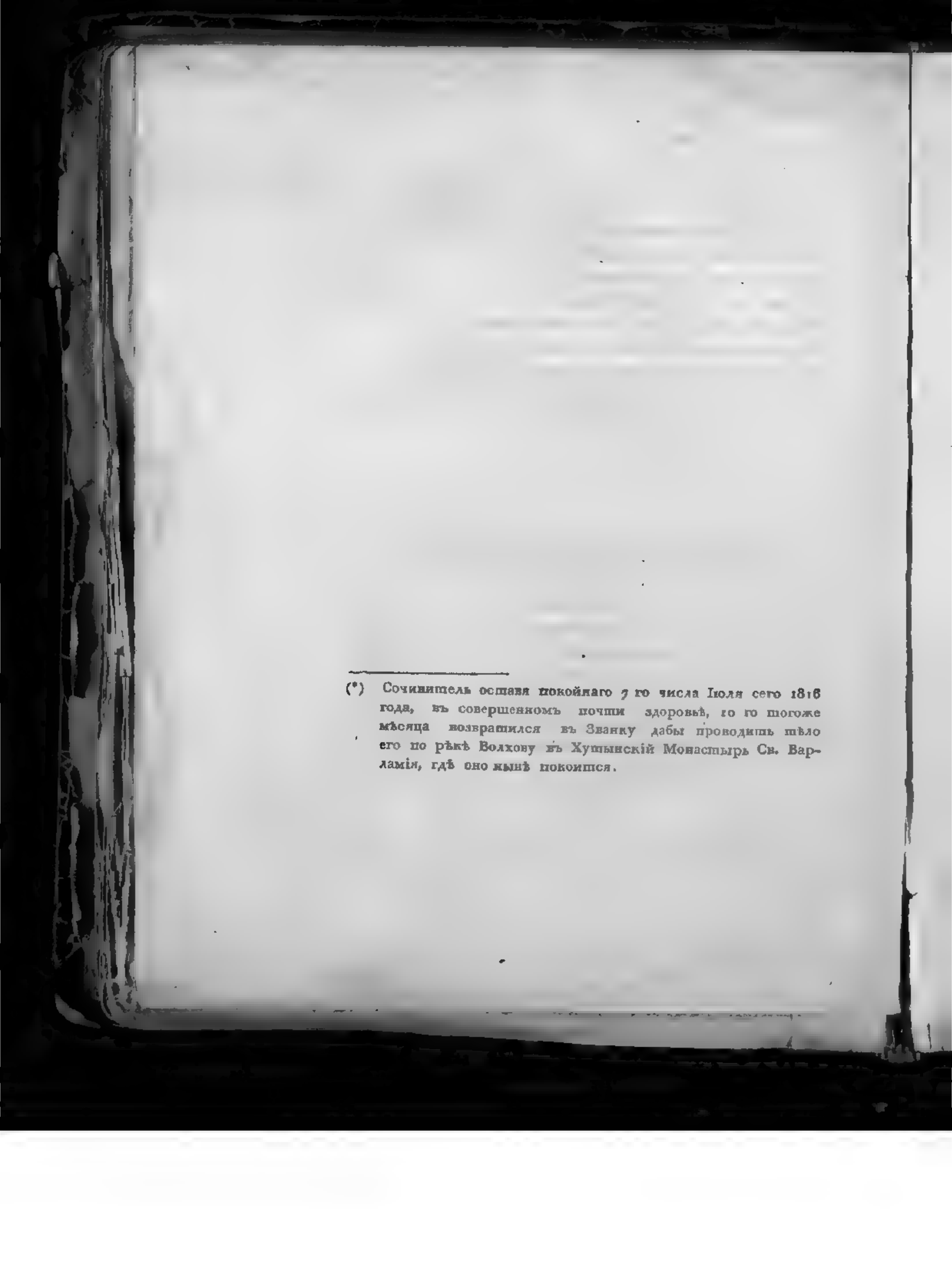
*   *

Кто мыслью съ Богомъ съединился
Дерзнувъ непостижимость пѣть;
Кто съ самыхъ юныхъ дней учился
Покорствуя судьбѣ—терпѣть;
Кто съ скорбнымъ слезы проливаетъ,
Сиротъ лелѣетъ и питаетъ,
Несчастному отраду льетъ,
Всякъ часъ добро творить стремится,
Тотъ смерти вѣрно нестрашится,
И вѣчно смертью не умретъ.

Ликуй! дражайша тѣнь!—въ чертогѣ
Творца и Бога твоего;—
Ты мыслить здѣсь дерзалъ о Богѣ,
А тамъ, ты предъ лицемъ его.—
Но мы, во тьмѣ блуждать остались,
И въ прахѣ, гдѣ по днесь скитались
Не сыщемъ мѣста отдохнуть;—
Пока оконча путь страданій,
Испивши чашу слезъ, рыданій,
Мы удостоимся заснуть.

* *
*

Но ты заснулъ.....и всѣмъ ли можно
Тебѣ подобно кончить вѣкъ?
Блаженъ, блаженъ стократъ неложно
Кто такъ какъ ты свой путь протекъ.—
Ты жизнь небесную вкушаешь,
Ты живъ,—ты съ нами обитаешь!
Тобой въ сей мигъ внушенный я
Твой стихъ здѣсь повторить дерзаю;
Въ восторгѣ чувства восклицаю:
„Живъ Богъ!—жива душа твоя.“



(*) Сочинитель оставя покойнаго 7 го числа Іюля сего 1816 года, въ совершенномъ почти здоровьѣ, 10 го тогоже мѣсяца возвратился въ Званку дабы проводить тѣло его по рѣкѣ Волхову въ Хутынскій Монастырь Св. Варламія, гдѣ оно нынѣ покоится.

38 31

ПѢСНЬ

НА ОПОЛЧЕНІЕ РОССОВЪ ПРОТИВЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

На голосъ: Громъ побѣды раздавайся.

Гласы трубны раздалися
Звукъ оружій загремѣлъ;
Стѣны градовъ потряслися
Часъ на рать итти пришелъ.

АЛЕКСАНДРЪ Отецъ нашъ нѣжный!
Сердцемъ мы горимъ къ Тебѣ!

Непріятель подступаетъ
Съ сильнымъ войскомъ подъ Москву;
Взять Россію угрожаетъ,
Гордую вознесть главу [illegible].

АЛЕКСАНДРЪ Отецъ нашъ нѣжный!
Сердцемъ мы горимъ къ Тебѣ!

2020.

Россовъ громъ врагамъ опасный
Потрясетъ и Галловъ Тронъ.
Отъ руки его ужасной
Врагъ падетъ Наполеонъ.

АЛЕКСАНДРЪ Отецъ нашъ нѣжный!
Сердцемъ мы горимъ къ Тебѣ!

АЛЕКСАНДРЪ, Богъ правды, мещетъ
Молнїю уже и громъ;
Злость мятется и трепещетъ,
Месть воспримѣтъ подѣломъ.

АЛЕКСАНДРЪ Отецъ нашъ нѣжный!
Сердцемъ мы горимъ къ Тебѣ!

Грозный Россъ *Кутузовъ* съ нами
Поражать врага идетъ;
Платовъ громкїй похвалами
Тьмы Козацкихъ силъ ведетъ.

АЛЕКСАНДРЪ Отецъ нашъ нѣжный!
Сердцемъ мы горимъ къ Тебѣ!

Витгенштейнъ неустрашимый,
Корпусы разбивъ враговъ;
Нынѣ вождь не побѣдимый,
Насъ на брань вести готовъ.

АЛЕКСАНДРЪ Отецъ нашъ нѣжный!
Сердцемъ мы горимъ къ Тебѣ!

Храбро съ нами ополчится
Славный Князь *Багратіонъ*
Прахомъ каждый сокрушится
Сопротивныхъ легіонъ.

АЛЕКСАНДРЪ Отецъ нашъ нѣжный!
Сердцемъ мы горимъ къ Тебѣ!

Огнь и мечь Россійскихъ Воинствъ
Злыхъ Вселенной истребитъ;
Царства нечестивыхъ сонмищъ
АЛЕКСАНДРУ покоритъ.

АЛЕКСАНДРЪ Отецъ нашъ нѣжный!
Сердцемъ мы горимъ къ Тебѣ!

Громъ побѣды раздавайся
Воспоемъ мы наконецъ.
Торжествуй Россія слався
Зри побѣдъ твоихъ вѣнецъ.

АЛЕКСАНДРЪ Отецъ нашъ нѣжный!
Сердцемъ мы горимъ къ Тебѣ!

Янъ Демынскій.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.
Санктпетербургъ, Августа 27 дня 1812 года.
Ценсоръ Ив. Тимковскій.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
въ Типографіи В. Плавильщикова
1812 года.

72

32

СРѢТЕНІЕ ОРФЕЕВО СОЛНЦА

ГИМНЪ И ДИѲИРАМБЪ

ВЪ ГРЕЧЕСКОМЪ ВКУСѢ,

ПРЕПРОВОЖДАЕМЫЕ ЛИРОЮ.

Музыка Г. Бортнянскаго.

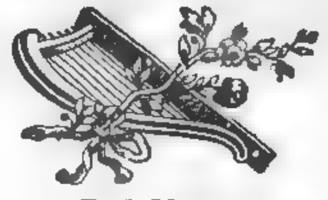
Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

2705.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ
1811 года.

Державин



ГИМНЪ.

(Строфа.)

Оставь багряный одръ, — гряди,
О златокудрый! вѣчно юный
Богъ свѣта! дѣвъ парнасскихъ вождь,
Гряди и приведи съ собою
Весны и лѣта ясны дни;
И цвѣто-благовонну Флору,
И въ класахъ блещущу Цереру
И Вакха гроздовъ подъ вѣнцомъ:
Да въ срѣтенье Тебѣ изшедши,
Воскликнемъ Гимнъ.

(Антистрофа.)

Вспылалъ румяный огнь въ водахъ,
Вздымились горы, засверкали!
Се зрю, се зрю, — грядетъ, грядетъ,
И свѣтлое чело возноситъ
Изъ синихъ волнъ на небеса! —
Ужъ тихой арфы звуки
Бѣгутъ со струнъ лучами въ долъ,
Безмолвны наклонились кедры,
Вся внемлетъ тварь.

Эподъ (хоръ.)

Пришелъ, пришелъ Любитель Музъ,
Олимпа Царь, источникъ знаній. —
Сердецъ Ему несемъ
Благоуханну дань.
Прими и озари съ престола
Тебя поющихъ Піеридъ!

ДИѲИРАМБЪ.

(Строфа.)

Тяжелой съ неба стопой
Мракъ отступаетъ,
Тонетъ, блѣднѣетъ во мглѣ,
И съ роскошью лѣнь
Тучныя вѣжды подъемля,
Вставъ, идутъ къ трудамъ.
Зрятъ честью плѣнны умы
Къ лаврамъ и славѣ.

(Антистрофа.)

Слава! — что зрю въ восхищеньи?
Боги, Богини и Ѳивъ!
Се они! — сердце трепещетъ!
Очи летятъ на красы!
Льются съ раменъ волны злашы!
Розы средь устъ и ланитъ!
Голуби, лебеди, пава,
Вѣщая птица при Нихъ. *) —
Слава! — зрѣлъ свѣтлаго Ѳива!
Видѣлъ! — Вѣрь мнѣ потомство.

Эподъ (хоръ.)

Слава! слава! Музы, скорѣе
Теките, бѣгите ко мнѣ
Ѳива воспѣть. — Холмы и рощи,
Рѣки шумящи ужъ слышу!
Прядаютъ звѣзды! громы гремятъ!
Пестрые тигры! львы желтогривы!
Кротко у ногъ Ѳива легли! —
Вьются орлы! — Ѳиву въ вѣкъ слава!

Державинъ.

(*) *Голуби* принадлежность Венеры. — *Лебеди* Аполлона. — *Пава* Юноны. — *Вѣщая птица* (Сова) Минервы.

ДВА ПСАЛМА

сочиненныя

Г. Р. ДЕРЖАВИНЫМЪ.

положенныя на музыку

и

посвященныя

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ

С. Д. НЕЙКОМОМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Печатано при Императорской Академіи Наукъ
1808 года.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

Ж10.

НАДЕЖДА

НА

БОГА. *)

Богъ намъ прибѣжище и сила,
Помощникъ въ скорбѣхъ, средь враговъ. —
Хотябъ вселенная грозила
И горы двигтись съ береговъ
Въ сердца морскія прелагались,
Не убоюсь, — Защитникъ Онъ!

Пусть громъ гремитъ, бурюютъ бури
И до небесъ восходятъ понты, 34.
Сверкаютъ молньи по лазури 35.
И рдѣетъ черный горизонтъ;
Но рѣкъ кипящихъ устремленье 36.
Увеселитъ лишь Божій градъ.

*) Изъ псалма по нашей Псалтыри 45го, а по иностранной 46

Богъ посреди, — священны стѣны
Не двигнутся Его никѣмъ. —
Со утромъ придутъ перемѣны:
Смятутся вражески тьмы темъ;
Уклонятся престолы, царствы;
Дастъ Вышній гласъ, — вздрогнетъ земля.

Господь Помощникъ мой, Спаситель. —
Придите, зрите чудеса!
Заступникъ, жезлъ и покровитель,
Моя и слава и краса.
Онъ хощетъ, — и враждебны сонмы
Оцѣпенѣютъ вкругъ меня.

Съ концевъ земныхъ сотхнетъ Онъ брани,
Лукъ сокрушитъ и копіе;
Блаженныхъ мирныхъ пожеланій
Исполнитъ наше житіе;
Щиты желѣзны переплавитъ
Въ плуги, серпы и косы Онъ.

И упразднится злоба ада,
И разумѣетъ человѣкъ,
Что небо тѣмъ покровъ, ограда,
Кто въ правдѣ свой проводитъ вѣкъ.
Такъ, — Богъ, Господь мой мнѣ заступникъ,
И на Него надѣюсь я.

СѢТОВАНІЕ *)

Услышь, Творецъ! моленье
И вопль моей души;
Сердечно сокрушенье,
Вздыханіи внуши,
И слезъ моихъ отъ тока
Не отврати лица.

Но въ день, въ который стражду,
Зову Тебе стеня,
Твоихъ щедротъ какъ жажду,
Воззри Ты на меня,
И съ высоты небесной
Скорѣй меня услышь.

*) Изъ псалма по нашей Псалтыри 101; а по иностранной 102.

412.

Ты видишь, изчезаютъ
Всѣ дни мои, какъ дымъ;
Всѣ силы умираютъ,
Какъ злакъ подъ зноемъ злымъ
Склонясь блѣднѣешъ, вянешъ:
Изсохло сердце такъ.

Сожженна грудь слезами,
Хлѣбъ, сонъ забытъ, покой;
Плоть ссохлася съ костями,
Какъ оставъ образъ мой,
И гласъ отъ воздыханій
Въ устахъ моихъ изчезъ.

Какъ птица въ мглѣ унывна 34.
Оставленна на здѣ, *)
Иль схохленна, пустынна 35.
Сѣдяща на гнѣздѣ 36.
Въ нощи, въ лѣсу, въ трущобѣ,
Лію я стономъ гулъ.

*) На кровлѣ.

Друзья днесь уклонились,
Враги меня тѣснятъ;
И тѣ, что мной хвалились,
Клянутъ меня, бранятъ,
За то, что пища пепелъ
А слезы мнѣ питье.

И все сіе отъ гнѣва,
Увы! Твоихъ очесъ,
Что Ты, Создатель неба,
На высоту вознесъ
И внизъ меня низвергнулъ. —
Увялъ, изсохъ мой цвѣтъ.

Воззри же на смиренну
Молитву Ты мою,
И жертву воскуренну
Не уничтожь сію!
Да въ роды возвѣстится
Твое спасенье мнѣ.

ГЛАСЪ

Санктпетербургскаго Общества по случаю Высочайшаго благоволенія, объявленнаго ему главнокомандующимъ Ноября 29 дня.

Stimme des Publikums

von St. Petersburg

bey Gelegenheit des Allerhöchsten Gefallens, welches demselben durch den Oberbefehlshaber den 29 November bekannt gemacht worden.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ.

Небесъ зерцало, въ коемъ ясный
Мы видимъ отблескъ Божества,
О Ангелъ нашихъ дней прекрасный
Благаго образъ Существа,
Который, какъ весна Сапфиромъ,
Глядитъ на насъ, дышитъ Зефиромъ,
И багряницей зарь, цвѣтовъ,
Отъ дальныхъ странъ благоухаетъ,
Насъ помнитъ, любитъ, утѣшаетъ,
Взаимную родя любовь!

Любовь. — любимаго народа,
Се перло Царскаго вѣнца!
Не санъ, не клятва, не порода
Творятъ отечества Отца,
Любовь; — она всѣ Царства зиждетъ:
Велитъ горѣ, — и съ мѣста идетъ;
Речетъ, — и тихнетъ шумъ морей.
Ты зришь днесь САМЪ на ратномъ полѣ,
Чѣмъ всѣхъ Царей ТЫ въ свѣтѣ болѣ,
И чѣмъ народъ ТВОЙ всѣхъ храбрѣй.

Bild des Himmels, worin der Gottheit Abglanz wir schauen

Engel unserer Zeit!

Gütevollestes Bild! Du blickst uns an, wie der Frühling,

Sein beseelender Hauch

Weht von weitem zu uns, durchwürzt mit Düften der Blumen?

Also wehet der Hauch

Deiner Liebe von fern uns an; beglückterer lieben

Wir Dich, grosser Monarch!

Lieb' und Treue des Volks, des guten, — dies ist die wahre

Perl' im fürstlichen Kranz!

Nicht der Stand, noch der Eid, nicht Abkunft fürstlicher Würde

Macht zum Vater des Volks;

Nein, nicht dieses — die Lieb'! Sie gründet Reiche; kaum heist sie

Berge weichen — sie thuns;

Spricht — und das Weltmeer schweigt, die Stürme wüthen nicht, ruhen.

Jetzo siehest Du selbst

Странѣ чуждыхъ хвально чтишь искуство,
И ихъ любя благотворить;
Но Росса сердце, сына чувство,
ОТЕЦЪ! чѣмъ можешь замѣнить?
Пусть предаютъ полки тамъ, грады;
Но мы, — мы всѣ ТЕБѢ ограды,
Ты только будь у насъ Главой.
Какъ Богъ въ подобьи Исполина
Шагни, — и свѣта половина
Другая будетъ подъ ТОБОЙ.

Мы слышимъ, полнъ къ ТЕБѢ любовью
Летитъ тамъ Россъ на трубный гласъ,
И увѣнчался уже кровью;
Но дѣти есть еще у насъ. —
Возьми ихъ всѣхъ и насъ на жертву,
И прежде ТЫ Россію мертву
Узришь всю трупомъ предъ СОБОЙ,
Чѣмъ измѣнимъ ТЕБѢ и вѣрѣ,
Смѣняемъ Оръ польстя химерѣ
Отцовъ съ доскою гробовой.

Im Gefilde der Schlacht, warum die Fürsten Europa's

Dir nachstehen, Monarch!

Und warum auch Dein Volk so tapfer ist, wie ein Eines.

Billig ehrst Du die Kunst

Fremder Völker, belohnst sie billig; aber womit wirst

Du belohnen Dein Volk.

Vater? dieses Gefühl, das Dir zum Opfer sich bringet?

Lass dort Truppen und Land

Uebergeben dem Feind: wir sind Dir Stütze und Mauer;

Sey Du unser nur Haupt.

Schreit gigantisch einher — und Dein ist gänzlich die Erde!

Einer Gottheit Gestalt.

Wir vernehmen es hier, dass Russjens Söhne schon eilen.

All zu bluten für Dich;

Lass sie bluten! wir haben Kinder: nimm sie Dir alle!

Eher siehest Du ganz

Russland, Vater! Dein Volk in einen Leichnam verwandelt

Als Dir untreu und feig;

Пусть вождь, Тиранъ тамъ гордый, бранный
Средь хитростей своихъ, коварствъ,
Куетъ мечи, — и умыслъ тайный
Плететъ на плѣнъ сосѣднихъ Царствъ. —
Но ты владѣтель бывъ полсвѣта,
Благотворящая планета
Обширныхъ странъ и тьмы сердецъ,
Не посягнешь безъ нуждъ на брани;
ТЕБѢ приятнѣе нѣтъ дани,
Какъ миротворческій вѣнецъ.

Коль подвигъ славенъ, благороденъ!
Что бы враждующихъ смирять;
Но коль великъ, Богоподобенъ,
Что бъ Царства падши поднимать!
Посредникъ плачущей Европы!
Отъ Чукчей въ знойны Ефіопы
Какъ отъ сверкнетъ ТВОЙ славы громъ.
Мы видимъ небо растворилось
И надъ Петрополемъ явилось
Царей сословье, звѣздъ какъ сонмъ! —

Eher todt, als verblend't von allen Schätzen des Indus!
Lass den stolzen Tyrann
Waffen schmieden der List, und sinnen, wie er die Fürsten
Alle um sich bezwingt.
Dir, Dir steht zu Gebot mehr als die Hälfte der Erde;
Dich vergöttert Dein Volk:
Nie, nie wirst Du umsonst der Kinder Leben verspenden!
Dein ist der friedliche Kranz.
Ruhmvoll, edel ist es, empörte Völker bezähmen!
Aber göttlicher ist's
Reich' im Fallen erhöhn! O Mittler traur'ger Europa's!
Deines Ruhmes Getön
Schallt vom Tschuktschen Gefild, bis nach der Lybier Wüsten.
Was, was sehen wir da?
Ha! der Himmel geht auf, und alle Fürsten in Schaaren
Glänzen wie das Gestirn!
Mitten unter der Schaar glänzt PETER, strahlt KATHARINA
Stolz auf ihre Nation!

Межъ ими ПЕТРЪ, ЕКАТЕРИНА.
(О Россамъ радостный Соборъ!)
„Благопріятна намъ судьбина,
„ПЕТРЪ рекъ къ ней, осклабляя взоръ:
„Трудовъ мы сколько прилагали,
„Чтобъ Европейцы насъ узнали
„И допускали въ ихъ союзъ; —
„Теперь Праправнукъ торжествуетъ,
„Ихъ Царствамъ равный вѣсъ даруетъ,
„И бережетъ ихъ всѣхъ отъ узъ.

Какъ святъ восторгъ, душъ горнихъ радость!
Что видятъ насъ на сей чредѣ;
Подруга истинны есть храбрость
Мзда добродѣтель во трудѣ.
Они насъ всѣ благословляютъ;
Во АЛЕКСАНДРА духъ вливаютъ:
Миръ общій, вѣчный міру дать; —
Цари колѣна преклоняютъ,
Народы, Царства прибѣгаютъ
Стопы Спасителя лобзать.

„Günstig ist das Geschick, spricht dieser Held zu der Heldin,
„Uns; wir waren bemüht,
„Nur Europen bekannt und zugelassen zu werden
„Zu dem Fürstlichen Bund:
„Jetzo sieget und schenkt das Gleichgewichte der Uhrsohn
„Allen Reichen durch sich.
O wie freun sie sich, jezt auf dieser Höhe zu schauen
Ihr geliebtestes Volk!
Segnen unsere That, und ALEXANDERS erhabene
Seele feuren sie an
Frieden allen, der Welt ewigen Frieden zu geben
Fürsten knien vor Ihm.
Ganze Völker und Reiche eilen, werfen sich nieder
Vor dem Retter in Staub. 35.
Gleich der reizenden Braut erwartet Russland im Kranze 36.
Ihren Bräut'gam zu sich;
So wie jene nach ihm nur forscht und horcht und ersteiget
Berge, früher zu sehn

Россія нынѣ какъ невѣста
Ждетъ съ брачнымъ жениха вѣнцомъ;
Повсюду ищетъ время, мѣста,
Что бы навѣдаться о нёмъ;
То клонитъ слухъ, то выситъ взоры,
То всходитъ на высоки горы
Зрѣть Солнца своего восходъ;
ТЕБЯ такъ Сѣверъ ожидаетъ,
ТВОЕЙ блескъ тѣни примѣчаетъ;
Приди свой радовать народъ!

Предстань, Любезнѣйшій народу!
(Какъ рекъ,) любезному ТЕБѢ;
Воздвигни къ торжеству природу
ТЫ всю во срѣтенье СЕБѢ. —
Ѳимьямы въ храмахъ воскурятся,
Чертоги славой озарятся,
И нашъ воспламенится духъ.
О есть либъ въявь онъ засвѣтился!
Въ подобномъ блескѣбъ ТЫ явился,
Какъ тотъ, кто правитъ солнцевъ кругъ.

Г. Державинъ.

Ihre Sonne: so, so erwartet Dich Dein getreues
Volk; erfreu' es und komm.
Komm, Du Wonne des Volks! Dir lieben Volks (wie Du's sagtest)
Komm! die ganze Natur
Wartet feyrlich nach Dir: Gerüche steigen im Tempel
Dann zum hohen Olymp.
Herrlich glänzt der Pallast, und unser Geist wird entflammet;
O wenn sichtbar es wär'!
Gleich dem Wesen erschienst Du dann im Glanze, der aller
Sonnen Kreise regiert.

Aus dem Russischen von Carl Woldemar von Brümmer.

ПѢСНЬ БАРДА

НАДЪ ГРОБОМЪ СЛАВЯНЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Посвящается неустрашимымъ защитникамъ Отечества.

Съ дозволенія
С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.
При Морской Типографіи 1807 го года.

36.

Si quelquefois la flatterie
A deshonoré nos chansons,
Plus souvent nos sublimes sons
Font respecter les lois, font cherir la patrie.
Le Barde belliqueux couroit de rangs en rangs
Echauffer la jeunesse aux combats élancée.
- -
- - - Ne profanons point le feu qui nous anime!
Laissons la des plaisirs les chants voluptueux
Et leur lyre pusillanime!
Célébrons l'homme magnanime'
Célébrons l'homme vertueux!

Delille, Dithyrambe sur l'immortalité de l'ame.

ПѢСНЬ БАРДА

НАДЪ ГРОБОМЪ СЛАВЯНЪ—ПОБѢДИТЕЛЕЙ

„ Ударь во звонкій щитъ! стекитесь, ополченны!
„ Умолкла брань! враги утихли разточенны!
„Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой!
„ Лишь вырвавшись на ловъ, сокрытый нощи мглой,
„ На трупы мчится волкъ, сверкаючи очами!
„ Зажжемъ костеръ дубовъ! изройте ровъ мечами!
„ Сложите на щиты пожатыхъ ратной прёй!
„ Да путникъ видитъ холмъ, въ долинѣ гробовой!
„ Да камень возвѣститъ, гдѣ сильныхъ прахъ священ-
ной!"
Гремитъ!..отгрянулъ громъ въ дубравѣ пробужденной!
Стеклись! вождей и ратныхъ сонмъ!
Глухой полнощи тьма кругомъ!
Предъ ними Бардовъ вождь со лирою златою,
И падшихъ страшный рядъ простертыхъ на щитахъ!
Объяты думою! съ поникнутой главою!
На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ!
Склонились на щиты, средь нихъ костеръ пылаетъ,
И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри воздымаетъ!
И се...воздвигся холмъ и камень водруженъ,
И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,
Склонилъ главу на дернъ, потокомъ орошенъ!
И се...,могущими перстами

Пѣвецъ ударилъ по струнамъ;
Одушевленны забряцали,
Воспѣлъ....дубравы возстенали,
И гулъ помчался по горамъ.

О сладкихъ пѣсней мать, пѣвица битвъ священна!
О Бардовъ лира вдохновенна!
Проснись! да оживетъ хвала въ твоихъ струнахъ!
Да тѣни бранныя низринутыхъ во прахъ,
Скитаясь при лунѣ по тучамъ злато-рунымъ,
Сойдутъ на мрачный долъ, гдѣ миръ надъ пепломъ их̆ъ,
Обвороженныя бряцаньемъ тихострунымъ!
Какъ пали сильные! Какъ сильныхъ громъ утихъ!
Гдѣ вы, сыны побѣдъ? гдѣ славныхъ воевъ сила?
Отвѣтствуй, мрачная безтрепетныхъ могила!
Какъ орлій со скалы пустившійся птенецъ,
Впервые возшумѣвъ отважными крилами,
Близъ солнца зря трудовъ и поприща конецъ,
Паритъ, превыспренній, и вдругъ небесъ громами
Сожженный посреди стремленья въ высотамъ,
Въ гремящихъ тучахъ исчезаетъ:
Такъ палъ съ побѣдой Россъ; паденье—страхъ врагамъ!

Но что? не битвалъ тамъ пылаетъ?
Се мчатся! грудь на грудь! дружинъ сомкнутыхъ сонмъ!
Средь дымныхъ вихрей бой и громъ!
По шлемамъ звукъ мечей! коней пронзенныхъ ржанье!

И трубъ стозвучный трескъ! Отъ топота копытъ,
Отъ пренія бойцевъ, отъ криковъ и стенанья
Смятенный воетъ боръ и долъ гремя дрожитъ!
О страшный видъ попранныхъ боемъ!
Тотъ зыблется въ крови, съ глухимъ кончаясь воемъ!
Тотъ, вихремъ мчась, погибъ безстрашныхъ впереди!
Тотъ шуйцей рану сжавъ, десной, изнеможенный,
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди! (1)
Тотъ страшно возопилъ, на копья восхищенный,
И сверженный во прахъ, дымясь, оцѣнѣлъ!
О мужество Славянъ! о витязей предѣлъ!

Хвала на жертву принесеннымъ
За рождшихъ, братій и супругъ!
Хвала отечества хранителямъ священнымъ!
Хвала, хвала тебѣ, о падшій славы другъ!
Пускай безвѣстный погибаетъ,
Сей житель праха, червь душой,
Пустъ въ дольномъ мракѣ жизнь годами исчисляетъ:
Безсмертья сынъ, твой рокъ громовой течь стезёй!
Пари, блистай, превознесенный!
Погибнешь въ высотѣ? весь міръ твой мавзолей!
Безславный ждетъ томясь кончины вялыхъ дней,

(1) Извѣстный поступокъ солдата Емельянова. Покойный Императоръ ПАВЕЛЪ наградилъ его чиномъ Подпоручика и тѣмъ самымъ знаменемъ, котораго спасеніе такъ много ему стоило. Графъ Ѳ. В. Растопчинъ, имѣвшій случай видѣть сего почтеннаго воина, приказалъ списать съ него портретъ, который выгравированъ и продается.

Заранѣ въ вѣчной мглѣ могилы погребенный!
Равны концемъ и часъ и вѣкъ!
Разлука съ жизнью мигъ! заутра или нынѣ!
Перуномъ ли угасъ, незримый ли протекъ,
Царемъ или рабомъ судьбинѣ!

Блаженъ почившій на громахъ,
Въ виду отчизны благодарной,
И въ гробѣ сопротивнымъ страхъ!
И въ гробѣ озаренъ денницей лучезарной!
Блаженъ погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ!
О юноша, о ты, безсмертью пріобщенный! (2)
Коль быстро совершенъ твой выспренній полетъ!
Се онъ, низринутый на щитъ окровавленный,
Поникъ геройскою главой!
Надъ нимъ кончины часъ! ужъ взоръ недвижный тмится;
Но къ кровнымъ, но къ друзьямъ, но къ родинѣ святой,
Еще съ лучемъ любви, еще съ тоской стремится!
Не сѣтуй, славы сынъ! оставь сей жизни брегъ!
Ты смерть предупредилъ, на одръ честей возлегъ!
Ты спутникъ въ гробъ неустрашимыхъ!

---

(2) Здѣсь Авторъ думалъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, Новосильцовѣ, которой въ прошедшую войну былъ израненъ на сраженіи и умеръ отъ ранъ, разлученный съ своимъ отечествомъ, разлученный съ родными, которые и теперь оплакиваютъ его потерю. Авторъ желалъ бы наименовать всѣхъ нашихъ героевъ, столь недавно принесшихъ въ даръ отечеству и кровь свою и жизнь, но ихъ имена извѣстны, и благодарность сохранитъ объ нихъ вѣчное воспоминаніе.

Увы! завидналь часть веригой лѣтъ томимыхъ!
Герой, одряхшій подъ вѣнкомъ,
Приникшій въ костылю израненнымъ челомъ,
Могущихъ переживъ, оставленный друзьями,
Отвсюду окруженъ возлюбленныхъ гробами,
Усталый ждетъ конца, и смерть ему покой!
Блаженъ, коль славный путь со славой довершаетъ;
Когда вѣнки и честь беретъ во прахъ съ собой;
И въ лаврахъ посѣдѣвъ, на лаврахъ угасаетъ!
Здѣсь, братья, вѣчно мирны вы!
Почійте сладко, незабвенны!
О вы, ловца пожравъ, въ сѣтяхъ погибши львы!
О спутники побѣдъ, коварствомъ низложенны!
Безстрашныхъ персть-потомству даръ!
О васъ сей будетъ холмъ бесѣдовать съ вѣками!
Онъ сильнымъ возвѣститъ, какъ пали вы съ громами!
Онъ въ чадахъ вашихъ чадъ родитъ ко славѣ жаръ!

Здѣсь Бардъ грядущихъ лѣтъ, объятъ глубокой думой—
Въ тотъ часъ, какъ всюду мракъ полуночи угрюмой,
Когда безмолвенъ долъ, и мѣсяцъ изъ-за тучь
Повремянно свой ликъ задумчивый являетъ;
И серна, прискакавъ на шумный въ камняхъ ключь,
Недвижно, робкая, журчанью струй внимаетъ—
Къ протекшимъ воспаритъ вѣкамъ,
Пробудитъ звономъ струнъ насупленну дубраву,
И мыслію стремясь Великихъ по слѣдамъ,
Изъ персти воззоветъ давно-почившихъ славу!

Здѣсь въ сумракѣ возсѣвъ,
Пришедъ изъ края дальна,
Краса Славенскихъ дѣвъ,
Задумчива, печальна,
Тоску прольешь въ слезахъ;
И грудью воспаленной
Припавъ на хладный прахъ,
Могилы миръ священной
Рыданьемъ возмутишь.
Увы! здѣсь въ сонмѣ падшихъ
Герой прелестный спитъ;
Здѣсь радостей увядшихъ
Ея послѣдній слѣдъ.
Воскреснутъ вспоминанья
О благахъ прежнихъ лѣтъ,
О дняхъ очарованья,
О дняхъ любви святой;
Воскреснетъ часъ разлуки,
Когда, летящій въ бой,
Пріемля громы въ руки,
Другъ сердца, сильный Спракъ,
Красою образъ Дида,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Съ блистаньемъ Свѣтовида,
Сказалъ: прости на вѣкъ!
Шеломъ надвинулъ бранной,
Вздохнулъ, какъ вихрь понесъ,

И съ сонмомъ ратныхъ силъ исчезъ въ дали туманной.
Сюда придетъ отчизны сынъ,
Героевъ племя, Славянинъ,
Дѣлами предковъ распаленный;
Обыметъ падшихъ гробъ и внеметъ гласъ священный,
Къ нему изъ глубины рекущій: будь великъ!
Предстанутъ предъ него протекшихъ ратей бои,
И въ молнійныхъ браздахъ вождей побѣды ликъ! . . .
Почійте! мирный сонъ! о братья! о герои!

Умолкъ . , . . . и струнъ исчезъ въ пустынномъ небѣ звонъ—
И отзывъ по горамъ и дебри усыпились.
Сонмъ бранныхъ скорбью осенёнъ;
Ихъ взоры на курганъ недвижные вперились;
Безгласны! въ грозной тишинѣ!
На лицахъ мщенья жаръ! Ихъ груди гнѣвъ спираетъ,
И ярости нѣмой въ зѣницахъ огнь пылаетъ!
Молчатъ ..... окрестъ покой .....надъ ними въ вышинѣ
Изъ тучь, влекущихся грядою,
Бросая тихій блескъ на дебрь, и долъ и лѣсъ,
Луна невидимой стезёю,
Среди полунощныхъ небесъ,
Свершаетъ, мирная, свой токъ уединенный!...
Но се! таинственнымъ видѣніемъ во мглѣ
Пѣвецъ воспрянулъ пораженный!
Сѣдины дыбомъ на челѣ,
Смятеніе въ очахъ, во членахъ трепетанье!...

36.

Какъ вихорь на курганъ онъ съ лирой возлетѣлъ;
Волшебной раздалось бряцанье
И снова мощный гласъ пророка возгремѣлъ:
Не выль низверженныхъ полунощные лики?
Не вы ли призраки могущихъ предо мной?
Они! средь бурныхъ тучь! сплелись рука съ рукой!
О страшный сонмъ! о страшны клики!
Куда ихъ строгій взоръ столь грозно устремленъ?
Надъ кѣмъ воздушный мечь вождя ихъ вознесенъ?
Надъ кѣмъ гремятъ цѣпями?
Внимай.....внимай! горѣ пѣснь гибели поютъ!
Отмщенья! крови!—вопіютъ,
Сверкая изъ-за тучь ужасными очами.
Пойдемъ! отмщенья! громъ во длань!
Воздвигнись, духъ Славянъ! воздвигнись, месть и брань!
Се ярый исполинъ, побѣдами надменный:
„Постигну, поражу, разсыплю ихъ полки!
Имъ рабство даръ моей руки!"
Гремитъ на гибель ополченный!

Друзья, се часъ побѣдъ! Славяне, возгремимъ!
Простирте взоръ окрестъ....лишь дебри запустѣлы!
Гдѣ пышный видъ полей? гдѣ радостныя селы?
И гдѣ Герулловъ мощь, низринувшая Римъ?
Тамъ матерь гладная изсякшими сосцами,
Простертая на прахъ, въ младенца кровь ліетъ;
Тамъ къ пеплу хижины приникшій сѣдинами,

Недугомъ изнуренъ, кончины старецъ ждетъ;
Тамъ чада нищеты—убійство и хищенье;
Тамъ рабства первенецъ, неистовый развратъ!
О ясный миръ семей! о нравовъ оскверненье!
О доблесть прежнихъ лѣтъ!—Лишь цѣпи тамъ звучатъ,
Лишь хищниковъ бичи, подъяты надъ рабами!—
Сокрылись Германа послѣдніе сыны;
Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами!
Въ пустынихъ! очеса въ землѣ преклонены!
Надъ прахомъ падшаго отечества рыдаютъ.

О братья! о сыны возвышенныхъ Славянъ!
Воспрянемъ! вамъ перунъ для мщенья свыше данъ.
Отмщенья! подъ ярмомъ народы восклицаютъ;
Да въ прахъ, да въ прахъ падутъ погибели творцы!
Воззрите вспять.....тамъ сонмъ священный;
Тамъ щастья нашихъ дней залоги драгоцѣнны;
Тамъ матери въ слезахъ, тамъ чада и отцы;
Тамъ лавроносная отчизна въ ожиданьѣ!
О витязи, за вами въ слѣдъ
Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ желанье,
Да боги ихъ души, съ трофеями побѣдъ,
По браняхъ притекутъ, отмстивъ, непосрамленны!
За вами ихъ мольбы летятъ воспламененны;
Вонмите и супругъ, и чадъ и юныхъ дѣвъ,
Вонмите, воины, моленье!

Воззрите на отцовъ колѣнопреклоненье!
Во славѣ, посреди могущихъ, посѣдѣвъ,
Подъемлютъ къ небесамъ трепещущія длани
И молятъ: Царь судебъ! за нихъ, за нихъ во брани!
„О сколь возвышенны спасающіе насъ!“
    Въ восторгѣ сердца восклицаютъ
Возлюбленны, узрѣвъ на бой текущихъ васъ.
Какія молніи во взорѣ ихъ блистаютъ!
    Коль грозенъ ополченныхъ сонмъ!
О коль плѣнительны, неся во дланяхъ громъ!
Они ль не полетятъ на крыльяхъ мести въ бою;
Они ль, оставивши всѣ блага за собою!
О незабвенные! о слава нашихъ дней!
Грядите! благодать самихъ Небесъ надъ вами!
    Враги да будутъ снѣдь мечей!
    Да вскорѣ браиными вѣнками
Священныя главы отмстившихъ обовьемъ!
    О часъ блаженнѣйшій свиданья!
Летятъ...въ крови, въ пыли! тѣснятся въ отчій домъ!
    Благословенья! лобызанья!
    Восторгъ души, лишенный словъ!
Супруги, въ Божій храмъ! встрѣчайте жениховъ
    Въ одеждѣ брачной, обрученны!
Да льется слёзъ бальзамъ на раны ихъ священны!
    Отремъ съ ланитъ геройскихъ прахъ!
Да видомъ не страшатъ, ни грозными бронями
Отцы, на колыбель склоненны надъ сынами!

А вы, недвижные предъ нами на щитахъ,
Безгласные среди молитвъ и ликованій,
О падшіе друзья! о прахъ полубоговъ!
Примите скорбный даръ и стоновъ и лобзаній
Отъ женъ рыдающихъ, отъ рождшихъ и сыновъ!

Могущественный гласъ! мы ль хладны предъ тобою!
Бери копье! воздвигни щитъ!
Впередъ! на огнь и мечь громовою стѣною!
Ужъ горній нашъ орелъ перунами гремитъ;
Ужъ гордо распростеръ крилѣ передъ полками!
Внимайте!....Сопостатъ съ погибелью течетъ!
Земля трясется подъ конями!
„Попру стопою!" вопіетъ!—
Ударимъ! упредимъ! не Россу посрамленье!
Кто жизнію дерзнетъ купить порабощенье?
Кто сограждант и стыдъ и плѣнъ?
Отъ родины святой бѣглецъ отриновенъ;
Страшись онъ отческія сѣни!
Ему ли осязать родителя колѣни?
Ему ли старца грудь израненну лобзать?
Онъ врагъ своихъ друзей; онъ дерзкій жизни тать!

Нѣтъ! нѣтъ! всей мощью пораженье
Низринемъ, Россы, на враговъ!
Не намъ, не намъ стенать подъ бременемъ оковъ;

36.

Не намъ предать и женъ и чадъ на развращенье!
Отчизнѣ ль нашей быть добычей ихъ когтей!
Иль диво намъ карать надмѣнныхъ!
О Россъ, о ужасъ дерзновенныхъ!
Пусть смѣютъ испытать, гдѣ мощь руки твоей!
Уснулиль полчища орлины,
Которыхъ громъ возжегъ Эвксинскія пучины
И Скандинавскаго на прахъ повергнулъ льва!...
Явись, сразившая Сарматовъ булава!—
Умолкъ—и сонмы всколебались;
Щитами грянули! чрезъ холмъ, сквозь дебрь и лѣсъ
Воспламененные помчались.....
И праха черный вихрь вознесся до небесъ!

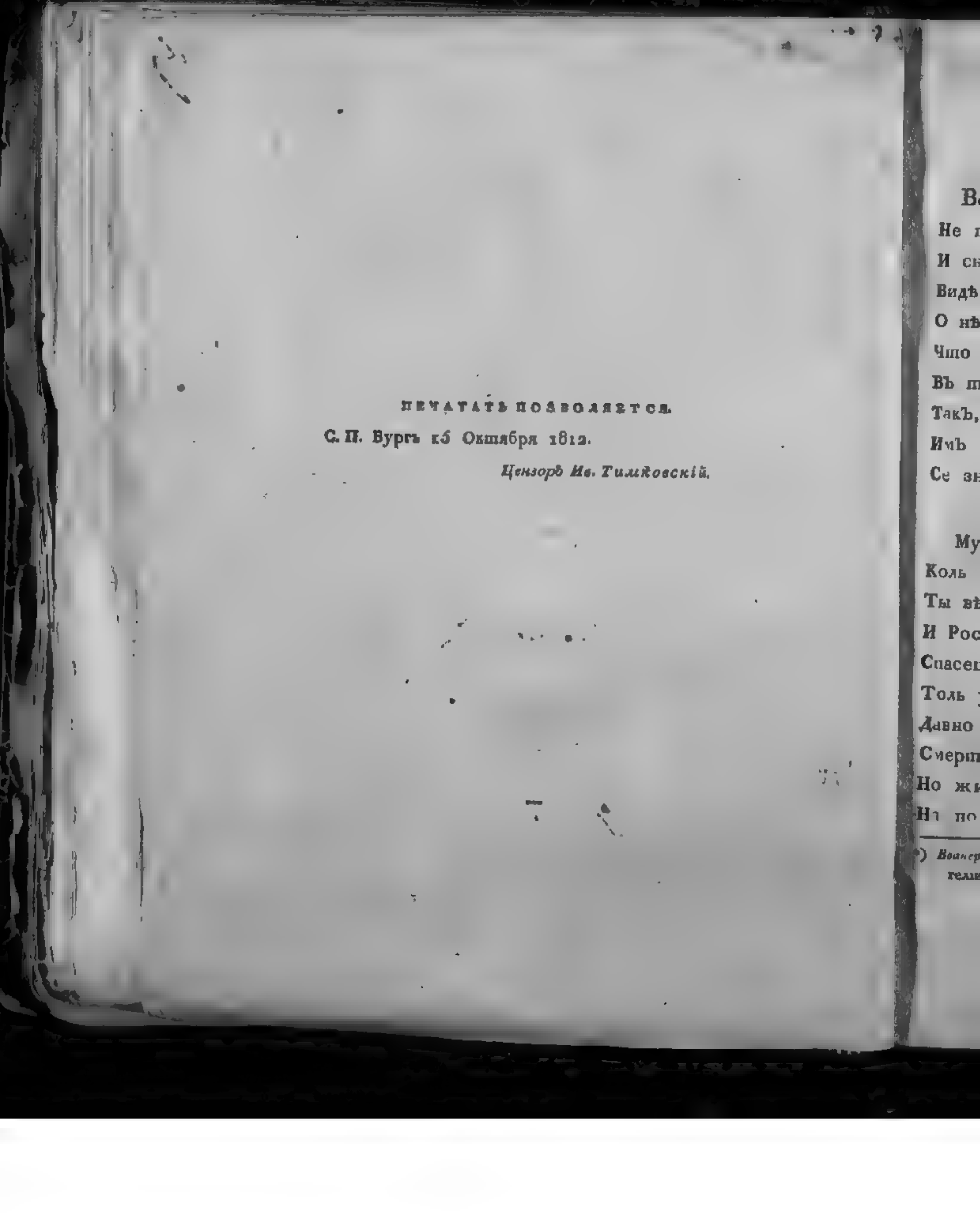
В. Жуковскій.

О Д А

по случаю паренія орла надъ Россійскою Арміею, подъ предводительствомъ Князя Кутузова, при селѣ Бородинѣ, 1812 года въ Августѣ.

Державин

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ медицинской типографіи
1812 года.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. П. Бургъ 26 Октября 1812.

Цензоръ Ив. Тимковскій.

О Д А

Воанергесъ! *)—Орелъ, сынъ грома,
Не тыль на высотахъ паришь,
И сновъ святыхъ Патмоска холма
Видѣнья—бытіемъ рѣшишь?
О нѣтъ!—Судебъ проречь не смѣя,
Что Агнецъ одолѣетъ змѣя,
Въ тебѣ я зрю, лишь духъ Петровъ.
Такъ, онъ надъ войскомъ Росскимъ вьется,
Имъ громъ и лавръ Вождю несется.
Се знакъ:—Мы побѣдимъ враговъ!

■

Мужайся, бодрствуй, Князь Кутузовъ!
Коль надъ тобой былъ зримъ орелъ:
Ты вѣрно побѣдишь Французовъ
И Россовъ защитя предѣлъ,
Спасешь отъ узъ и всю Вселенну.
Толь участь славой озаренну
Давно тебѣ судилъ самъ рокъ.
Смерть сквозь главу твою промчалась,
Но жизнь твоя цѣла осталась;
На подвигъ сей тебя блюлъ Богъ!

---

*) *Воанергесъ* слово Сирское, значитъ сынъ громовъ; симъименемъ нареченъ въ Евангеліи Іоаннъ Богословъ.

Въ покровъ Его предавшись сильный,
Тебѣ что можетъ Люциферъ? —
Ты шелъ — и пройдешь чрезъ ехидны.
Овномъ абодешся лютый звѣрь.
Нога наступитъ Александра
На жруща пламямъ Саламандра;
Страшитъ ты молньи Михаилъ.
Ты подъ своимъ зря руководствомъ
Рать тверду духа превосходствомъ,
Сдхнешъ Галловъ тьмы. — Съ тобой Богъ силъ.

Державинъ.

ХОРЫ

Пѣтые въ торжественномъ собраніи Бесѣды любителей Рускаго слова. Декабря 30 дня 1815.

Хоръ начальный.

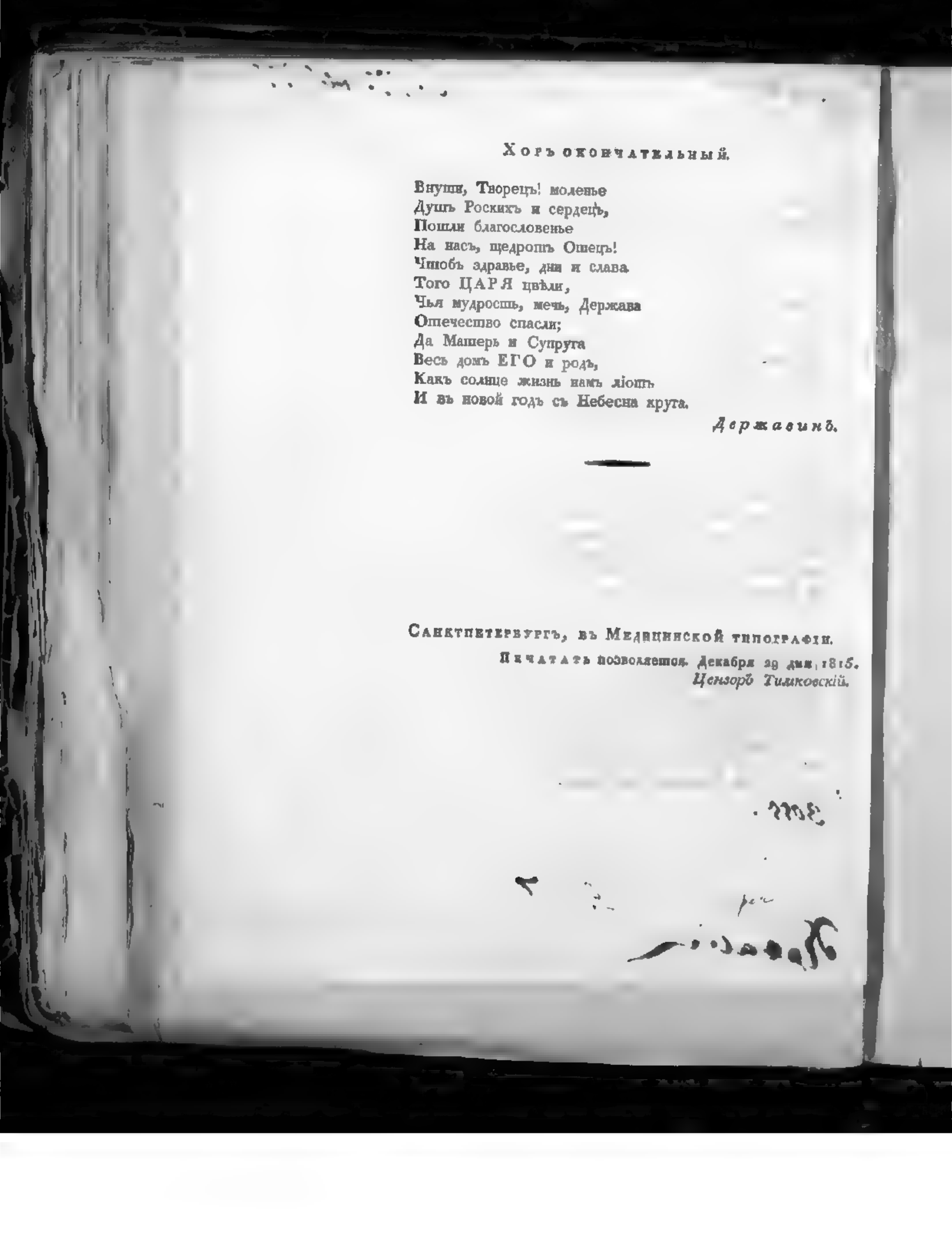
Взведи окрестъ твой взоръ Россія,
И виждь среди твоихъ трофей,
Твой ЦАРЬ смиря страны чужія,
Даруетъ миръ душѣ твоей,
И хощетъ *благомъ Онъ заняться*
Своихъ днесь чадъ, Своимъ добромъ.
О Радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы Отцемъ!

*

Какъ въ небѣ свѣтится планета
Съ сіяніемъ сліясь зарницъ,
Такъ слава многихъ Царствъ одѣта.
Въ кругу родныхъ Царей, Царицъ
Не можетъ Мать налюбоваться
На Сынѣ доблестей вѣнцемъ.
О Радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы Отцемъ!

*

Зря Мать Царицу и Супругу
И благодатнаго ЦАРЯ,
Да прозвучитъ земному кругу
Хоръ Музъ нашъ, ревностью горя,
Что къ намъ благоволятъ склоняться
Они какъ Фебъ съ небесъ лицемъ.
О Радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы Отцемъ!



Хоръ окончательный.

Внуши, Творецъ! моленье
Душъ Роскихъ и сердецъ,
Пошли благословенье
На насъ, щедропъ Отецъ!
Чтобъ здравье, дни и слава
Того ЦАРЯ цвѣли,
Чья мудрость, мечь, Держава
Отечество спасли;
Да Матерь и Супруга
Весь домъ ЕГО и родъ,
Какъ солнце жизнь намъ ліютъ
И въ новой годъ съ Небесна круга.

Державинъ.

Санктпетербургъ, въ Медицинской типографіи.

Печатать позволяется. Декабря 29 дня, 1815.
Цензоръ Тимковскій.

СВЫШЕ БЛАГОСЛОВЕННОМУ

ПРИНОШЕНІЕ.

Державин.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Военнаго Министерства.
1814 года.

По разсмотрѣнію Ценсурнаго Комитета учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи, къ напечатанію нѣтъ препятствій.

Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Иннокентій.

1814 года
Марта 24 дня.

ХРИСТОСЪ.

Никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо мною.

Іоан. Гл. 14. Ст. 6.

О Сый! *) — Котораго перомъ, 1)
Ни бреннымъ зрѣніемъ, ни слухомъ; 2)
Ниже витійства языкомъ
Не можно описать; — а духомъ 3)
И вѣрой пламенной молить!
Твоею Благодатью плѣненный,
Какъ бы на Небо восхищенный, 4)
Тебя дерзаю я гласить. — 5)

Тебя; — но Кто же Сущій Ты,
Что человѣкомъ чтимъ и Богомъ?
Лице, — какъ солнца красоты! 6)
Хитонъ, — какъ снѣгъ во блескѣ многомъ!
Изъ ребръ нетлѣнныхъ — льется кровь! 7)
Лучи — всю плоть просіяваютъ!
Небесный взоръ, уста дыхаютъ —
Сладчайшимъ благовѣстьемъ словъ!

*) Всегда вездѣ пребывасти.

Кто Ты? — что къ намъ сходилъ съ Небесъ
И паки въ нихъ вознесся въ славѣ. — 8)
Во вѣкъ живый и тамъ и здѣсь,
Несмѣтныхъ царствъ Своихъ въ державѣ, 9)
Въ округѣ и срединѣ сферъ.
Хлѣбъ жизни и Животъ струй вѣчныхъ. 10)
Самъ Святъ, Безгрѣшенъ; а всѣхъ грѣшныхъ
Единая къ спасенью дверь! 11)

■

Кто Ты? — Кого изъ древнихъ лѣтъ
Сивиллы, Маги и Пророки 12)
Приходъ предвозвѣстили въ свѣтъ:
Полкъ горнихъ силъ сквозь блескъ далёкій 13)
Дивился съ трепетомъ Кому,
Что Бога и Царя Небесна
Безсмертна суща, Безтѣлесна,
Сходяща видятъ смерти въ тьму.

■

Кто Ты? — въ Которомъ сквозь эфиръ 14)
Съ горы низпадшій зрѣлся камень,
Кѣмъ міра сокрушенъ кумиръ;
Тотъ лѣпый Юноша, что пламень 15)
Внутрь пещи въ росу претворилъ,
И прежде чѣмъ на свѣтъ явился,
Во тмѣ чудесъ предъобразился
И чаяньемъ языкомъ былъ. 16)

Кто Ты? — Котораго звѣзда 17)
Часъ возвѣстила въ міръ явленья,
Казала путь къ Кому ведя
Царямъ, Волхвамъ для поклоненья.
Чей тронъ не въ златѣ, средь порфиръ —
Въ вертепѣ, въ ясляхъ былъ возвышенъ, 18)
Надъ Кѣмъ ликъ Ангеловъ былъ слышенъ:
Сошелъ во человѣки миръ!

*

Кто Ты? — вспять Іорданъ бѣжалъ 19)
Кого омыть съ стремленьемъ шумнымъ,
Въ пустынѣ свѣтъ осіявалъ;
Гласъ Агнцемъ проповѣдалъ чуднымъ, 20)
Могущимъ всѣхъ грѣхи подъять.
Таинственнымъ страша всѣхъ слухомъ,
Что не родясь водой и Духомъ, 21)
Небесъ не можно достигать.

*

Кто Ты? — что отверзалъ слухъ, взоръ,
Глухимъ, слѣпымъ — прикосновеньемъ; 22)
Кротилъ свирѣпость бурь и морь 23)
Единымъ перста мановеньемъ. —
И не Тебѣ ль былъ сонмъ духовъ 24)
Послушнымъ, всякая стихія,
И гласъ не Твой ли изъ земныя
Взывалъ утробы мертвецовъ? 25)

Не Ты ль Величественный Мужъ
Во славѣ, въ блескѣ несказанномъ 26)
Между живыхъ и мертвыхъ душъ 27)
На холмѣ зрѣлся лучезарномъ,
Какъ нѣкій дивный Властелинъ
И днешня и грядуща міра?
Надъ Коимъ громъ гремѣлъ съ эфира:
„Се Мой Возлюбленнѣйшій Сынъ!„ 28)

Какъ!—Неба Сынъ Ты?—ужасъ, мракъ
Мои всѣ пробѣгаютъ кости!
Ты Богъ?—но Твой поруганъ зракъ
Отъ человѣческія злости!
Окровавленны красоты!
Съ злодѣями на древѣ крестномъ 29)
Виситъ въ томленьи скорбномъ, смертномъ,
Блѣдъ, Бездыханенъ, Мертвъ!—Кто жъ Ты?—

Кто Ты?—и какъ изобразить
Твое величье и ничтожность,
Нетлѣнье съ тлѣньемъ согласить,
Слить съ невозможностью возможность?
Ты Богъ;—но Ты страдалъ отъ мукъ! 30)
Ты Человѣкъ;—но чуждъ былъ лести! 31)
Ты Смертенъ;—но истлилъ скиптръ смерти! 32)
Ты Вѣченъ; но Твой издше Духъ! 33)

О тайнѣ глубокихъ океанъ!
Пучина дивъ противоборныхъ!
За чѣмъ сходилъ Ты съ звѣздныхъ странъ
И жилъ въ селеніяхъ юдольныхъ?
Творецъ Ты — могъ все съ высоты;
Ты Тварь — почто же трепетала 34)
Вся твердь, какъ жизнь Твоя увяла?
Открой, открой Себя мнѣ Ты!

*

Открой Себя, открой, молюсь!
И се — гласъ слышу сердца въ дверяхъ:
„Доколѣ вопію, доколь толкусь 35)
„Воскреснуть въ хладныхъ маловѣрахъ?
„О свѣта сынъ! о рабъ днесь тмы!
„Совлеки съ себя покровъ твой бренной
„И мыслью, вѣрой воскрыленной
„Мой промыслъ о себѣ вонми:

*

Премудрость, Сила и Любовь,
Богъ Духъ, въ трехъ Свѣтахъ Свѣтъ въ вѣкъ живый, 36)
Единствомъ Тройчнымъ до вѣковъ
Въ своемъ Совѣтѣ положивый
Свою въ немъ славу проявить,
Воззвать изъ безднъ созданье ново
Послалъ Единородно Слово, 37)
И Словомъ: — тма — вселенной быть. 38)

Изобразилось естество,
Незримое все зримымъ стало,
И въ человѣкѣ Божество
Какъ солнце въ морѣ возсіяло!
Все покорилося ему, 39)
Что благъ былъ, кротокъ, чистъ, незлобенъ,
И во зерцалѣ какъ подобенъ
Творцу Безсмертну своему. 40)

*

Но поелику созданъ онъ 41)
Съ свободною душей изъ персти;
То обаялъ мечтаній сонъ
Его и ухищренье лести: 42)
Онъ въ красоту свою влюбясь
Возмнилъ быть Богъ — и возгордился,
Отъ Единицы отклонился
И отблескъ въ немъ Ея погасъ. —

*

Погасъ, палъ въ тму вселенной Царь,
Нетлѣнье превратилось въ тлѣнье; 43)
Ему совоздыхая тварь, 44)
До днесь страстей своихъ въ боренье —
Вѣкъ будетъ въ прѣ — не утолитъ,
Доколѣ гнѣвъ Отчь сей низкой долей, 45)
Что волей палъ, и той же волей
Себя къ Нему не возвратитъ, —

И плоти не отвергнетъ тахъ: 46)
Ничто, чтобъ духъ не отягчало;
Но палъ какъ — въ толь глубокій мракъ,
Что силъ его возстать не стало; 47)
То тутъ Любовь, временъ въ исходъ, 48)
Сошла смирить страстей злыхъ ревы:
Сый возсіялъ отъ чистой Дѣвы,
Какъ солнца лучъ отъ чистыхъ водъ!

■

Имъ пробудилось *) Божество
Уснувше чувствъ отъ обольщенья,
Духовно свѣта существо,
Какъ искра камня отъ біенья,
Встрянуло, — и явился Богъ,
Въ плоти его страданьемъ Слова:
На свѣтъ Имъ Трисвятый зрѣть снова
Адамъ сподобиться возмогъ.

■

Адамъ бы падши не возсталъ,
Когда бъ въ Христѣ не воскресился,
Не воскресясь — не возсіялъ,
Не возсіявъ — не возродился
Въ блаженство первородно вновь. —
Се, какъ смиреніемъ, терпѣньемъ,
Страданьемъ, скорбью, умерщвленьемъ
Возводитъ всѣхъ къ Себѣ Любовь!

*) По Богословски понимать должно, вмѣсто пробудилось, — возродилось.

Такъ подлинно, безъ плоти духъ
Не могъ въ плѣнъ пасть. — Безъ духа жъ силы
И плоть слаба духовъ внечь въ кругъ
Къ землѣ съ прикованными крылы:
То по Совѣту Трисвяту,
Скудель въ санъ Серафимскъ возставить,
Безсмертьемъ смертнаго прославить
Предоставлялося Христу. —

*

И Имъ со славой, съ торжествомъ
Явилась міру Божья сила:
Какъ западъ насъ златымъ лучомъ 49)
Святая кровь Его покрыла,
И освѣтила благодать,
Давъ область въ чадъ Его вчиняться, 50)
Младенцевъ смысломъ умудряться 51)
И разумъ вѣрѣ покорять. —

*

Что бы, надѣясь на Его
Одну мы благость милосердья
Могли искать себѣ того
Наслѣдия, прежня озаренья,
Имъ кое только можно зрѣть:
Святымъ внутрь Духомъ очищаясь,
Живясь, свѣтлѣясь, возвышаясь,
Любовью къ Божеству горѣть.

Се, что есть Сый, что есть Христосъ,
Что Бого-человѣкъ, что Слово:
Онъ самый Тотъ, Который вознёсъ
Духовно и тѣлесно въ ново
Тѣмъ бытіе, что страждя Самъ,
Всѣмъ подалъ ясные примѣры, 52)
Какъ силой доблести и вѣры
Всходить возможно къ Небесамъ.

*

Такъ, Онъ Единъ, ни кто другой,
Слѣпца привесть не можетъ къ свѣту
Потерянному чувствъ стезёй;
Лишь словомъ устъ Его согрѣту
Внутрь вскрыться могутъ очеса: —
Поитъ струёй Онъ вѣчной жизни
И сладость древнія отчизны
На землю сводитъ Небеса.

*

Онъ сшедша Истинна съ Небесъ,
Онъ Добродѣтель воплощенна,
Отерша токи съ смертныхъ слезъ. —
Въ лицѣ подобострастна плѣна
Сходилъ Онъ къ смертну естеству, 53)
Отъ узъ грѣховныхъ міръ избавитъ,
На прежней степени поставитъ
И уподобитъ Божеству.

Такъ, безъ Него ни кто къ Отцу 54)
Его приближиться не можетъ. —
Безъ Сына дверь наградъ къ вѣнцу
Таинственную не престоржетъ. —
Живетъ въ Отцѣ, Отецъ же въ Нёмъ; 55)
Безднъ, Неба и земли посредникъ,
Ходатай, Вождь, всѣхъ благъ Наслѣдникъ 56)
И Подвигоположникъ Онъ.

Предвѣчной Правдѣ, Трисвятой
Противно бъ было безконечно,
Чтобъ смертный за проступокъ свой
Предъ Вѣчнымъ не былъ виненъ вѣчно. —
Кто жъ Бога удовлетворитъ?
Лишь Сынъ Его изъ милосердья,
Взявъ на Себя всѣхъ преступленья 57)
Возмогъ міръ миромъ примиритъ. 58)

Се есть Христовыхъ цѣль заслугъ:
Да благость сблизитъ съ правосудьемъ,
Да воцаритъ надъ тѣломъ духъ, —
И сихъ великихъ дѣлъ орудьемъ
Онъ пребылъ Самъ, что Самъ страдалъ. —
Онъ могъ призвать въ защиту громы;
Но волею на казнь ведомый
Своей Онъ смертью смерть попралъ. —

И чрезъ примѣръ явилъ сей Свой,
Что не мірскія наказанья
На лобномъ насъ врачаютъ хулой, 59)
Равно и не Коронъ сіянья
Богоподобными творятъ;
Но правда, вѣра, добродѣтель
Въ вѣкъ провозвѣстникъ и свидѣтель
И блескъ неложный Свѣта чадъ.

*

Се тако Іисусъ всѣхъ спасъ,
И познанъ Человѣкобогомъ,
Что такъ ни чей покоитъ гласъ
И сладость въ насъ лишь въ бѣдствѣ строгомъ
Не сыщемъ, какъ Его единъ. —
Бывъ выше всѣхъ, — училъ быть низшимъ, 60)
Любитъ враговъ, и сердцемъ чистымъ 61)
Молилъ за нихъ лишь Божій Сынъ.

*

Онъ Царь, Законодатель Тотъ,
Что устъ Своихъ однимъ глаголомъ
Ко благу общу всѣхъ ведётъ,
Равняетъ хижину съ Престоломъ:
Просящему, речетъ Онъ: — дай, 62)
Болящаго — призри въ больницѣ,
Печальнаго — утѣшь въ темницѣ,
Голодна, жадна — напитай.

Первосвященникъ Онъ, Пророкъ, 63)
Кой вѣрующимъ въ Него любовью
Себя далъ вѣры ихъ въ залогъ,
Запечатлѣвъ завѣтъ Свой кровью; 64)
И такъ его тѣмъ утвердилъ,
Что имъ обѣщанный, Небесный
Въ языкахъ огненныхъ чудесный 65)
Излилъ Свой Духъ и научилъ:

*

Былинки злобно не сломитъ; 66)
Но быть всѣмъ кроткимъ, всѣмъ радушнымъ,
Лишь по себѣ другихъ судить, 67)
И не чрезъ раны Себѣ послушнымъ
Быть міру, но чрезъ рыбъ-ловцовъ 68)
Простыхъ велѣлъ,— и Синагоги,
Ареопагъ, имъ палъ предъ ноги: 69)
Се силенъ какъ законъ Христовъ!

*

Христосъ весь Благость, весь Любовь,
Блескъ свойствамъ даже Трисвященнымъ;
Весь кругъ бы безъ Него міровъ 70)
Не полнымъ былъ, не совершеннымъ.—
Богъ Умъ,— могъ всё предначертать,
Богъ Мощь,— всё создать.— Любви жъ безъ Бога
Могли ль премудрость, сила строга
Горѣ къ себѣ сердца воззвать?

Такъ, Богъ и дивенъ и великъ
Намъ паче воплощеньемъ Сына,
Могъ плоть и духъ создать Онъ въ мигъ;
Но связь сихъ крайностей едина
Всѣхъ удивительнѣй чудесъ!
Адамъ пусть волею палъ злою;
Но вознесся плотью онъ святою
Въ Христѣ, превыше всѣхъ небесъ!

Отецъ и Сынъ и Духъ Святый,
Незримый Свѣтъ, Трiѵпостасный;
Но въ плоти Сынъ прiявъ черты,
Какъ человѣкъ подобострастный,
Открылъ въ Себѣ и научилъ
Чтить Бога истинной и духомъ. 71)
Кумировъ свергъ Своимъ Онъ слухомъ,
Какъ силу ада сокрушилъ: 72)

Христосъ насъ Искупитель всѣхъ 73)
Отъ первороднаго паденья.—
Онъ Свѣтъ,—той необъемлемъ въ вѣкъ; 74)
Но тмится внутрь сердецъ невѣрья, 75)
Свѣтясь на лонѣ у Отца.— 76)
Христа наследникъ—всё находитъ 77)
Эдемъ свой за собою водитъ,
И храмъ Его—святы сердца. 78)

О Всесвятый! Превѣчный Сый!
Свѣтъ тихій Божескія славы!
Пролей Свои, Христе! красы
На духъ, на сердце и на нравы
И жить во мнѣ не преставай;
А ежели и уклонюся
Съ очей Твоихъ, и затемнюся,
Въ слезахъ моихъ вновь возсіяй! 79)

Услышь меня, о Богъ любви!
Отецъ щедротъ и милосердья!
Не презрь преклонышейся главы,
И сердца грѣшна дерзновенья 80)
Мнѣ моего не ставь въ вину,
Что изъяснить Тебя я тщился, —
У ногъ Твоихъ коль умилился
Ты, зря съ маслтикою жену. 81)

Державинъ.

Примѣчанія.

1) Іоанн. гл. 1 ст. 18: *Сый въ лонѣ отча.*

2) Тамъ же: *Бога никтоже видѣ, нигдѣже.*

3) Къ Коринѳян. первое Послан. Павла гл. 12 ст. 3: *ни кто же можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ.*

4) Къ Коринѳ. второе Послан. гл. 12. ст. 2: *Восхищена бывша до третіяго небесе.*

5) Послан. первое Іоан. Богосл. гл. 2. ст. 27: *Помазаніе въ васъ пребываетъ, и оно учитъ вы о всемъ.*

6) Матѳ. гл. 17. ст. 2: *Лице его яко солнце.* — Марка гл. 9. ст. 3: *Ризы блестящи яко снѣгъ.*

7) Іоан. гл. 20. ст. 27: *Принеси руку и вложи въ ребра моя.*

8) Іоан. гл. 3. ст. 13: *Никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе.*

9) Іоан. гл. 14. ст. 2: *Въ дому Отца моего обители многи суть.*

10) Іоан. гл. 6. ст. 51: *Азъ есмь хлѣбъ животный.* — Тамъ же гл. 7. ст. 37: *Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ, и піетъ.*

11) Іоан. гл. 10 ст. 9: *Азъ есмь дверь, мною аще кто внидетъ, спасется.*

12) Царица Никавля и она же Сивилла Савская, увидя въ Іерусалимѣ у Соломона негніючее древо, на коемъ около тысячи лѣтъ послѣ распятъ Христосъ, въ изступленіи возгласила: *Се древо, на немже Богъ облеченный плотію умретъ въ Воскресеніе.* — Такъ же Ерифрейская, Куманская и прочія Сивиллы и Трисмегистъ въ Египтѣ предвѣщали о Христѣ. — Смотри Лактанція въ 4 кн. Магъ Сирійской Валаамъ 4 книги числъ Моисея гл. 24. ст. 17: сказалъ: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и востанетъ человѣкъ отъ Израиля.* — Пророкъ Аввак. гл. 3. ст. 1: *Господи, услышахъ слухъ твой и убояхся* и проч.

13) Іова гл. 38. ст. 7: *Восхвалиша мя гласомъ велїимъ вси Ангели мои.*

14) Даніилъ гл. 2. ст. 34: *Отторжеся камень отъ горы безъ рукъ, и удари тѣло въ нозѣ желѣзны и скудельны, и стри ихъ до конца.*

15) Дан. гл. 3. ст. 92: *И зракъ четвертый подобенъ Сыну Божію.*

16) Псал. 117. ст. 25. и 26: *О Господи! поспѣши же.* — *Благословенъ грядый во имя Господне.* — И прочіе Пророки предвѣщали о Мессіи или Помазанникѣ Божіемъ Христѣ.

17) Матѳ. гл. 2. ст. 2: *Видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ и пріидохомъ поклонитися ему.*

18) Луки гл. 2. ст. 7: *И положи его въ яслѣхъ.*

19) Псаломъ 113. ст. 5: *И тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять.*

20) Іоан. гл. 1. ст. 29: *Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.*

21) Іоан. гл. 3. ст. 5: *Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе.*

22) Іоан. гл. 9. ст. 6: *Помаза очи бреніемъ слѣпому.* И Луки гл. 7 ст. 22: *Слѣпіи прозираютъ, хромии ходятъ, прокаженніи очищаются, глусіи слышатъ, мертвіи возстаютъ, нищии благовѣствуютъ.* — О сихъ чудесахъ Іисуса доносилъ и Понтійскій Пилатъ Императору Тиверію.

23) Матѳ. гл. 8. ст. 26: *Тогда возставъ запрети вѣтромъ и морю, и бысть тишина велія.*

24) Матѳ. гл. 8. ст. 32: *И рече: (бѣсамъ) идите.*

25) Іоан. гл. 11. ст. 43: *И воззва: Лазаре, гряди вонъ.*

26) Матѳ. гл. 17. ст. 1 и 2: *И возведе ихъ на гору высоку едины и преобразися предъ ними.*

27) Тамъ же ст. 3: *Се явистася имъ Моисей и Илія,* (изъ коихъ вторый по преданію святыя Церкви живъ и донынѣ.)

28) Тамъ же ст. 5: *Гласъ изъ облака глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленный.*

29) Исаія гл. 53. ст. 12: *И со беззаконными вмѣнися.* Матѳ. гл. 27. ст. 38: *Тогда распяша съ нимъ два разбойника: единаго одесную, и единаго ошуюю.*

30) Матѳ. гл. 27. ст. 30: *Пріяша трость, и біяху по главѣ Его.*

31) Луки глав. 23. ст. 34: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ.*

32) Къ Евреемъ послан. гл. 2. ст. 14: *Да смертію упразднитъ имущаго державу смерти.*

33) Луки гл. 23. ст. 46: *И сія рекъ издше.*

34) Матѳ. гл. 27. ст. 51. и 52. *И земля потрясеся, и каменіе распадеся* — По описаніямъ путешественниковъ и нынѣ видима разсѣлина въ каменной горѣ Голгофѣ.

35) Апокалипс. гл. 3. ст. 20: *Се стою при дверехъ и толку.*

36) Іоан. гл. 4. ст. 24: *Духъ есть Богъ.* — И его же первое послан. гл. 1. ст. 5: *Богъ свѣтъ есть.*

37) Іоан. гл. 1. ст. 14: *И Слово плоть бысть.*

38) Бытія кн. 1. гл. 1. ст. 3: *И рече Богъ: Да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ.*

39) Ко Евр. гл. 2. ст. 8: *Вся покорилъ еси подъ нозѣ его.*

40) Бытія гл. 1. ст. 26: *И рече Богъ: Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію.*

41) Бытія гл. 2. ст. 7: *И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни.*

42) Тамъ же гл. 3. ст. 5. *И рече змій: и будете яко Бози.*
43) Тамъ же ст. 20: *Яко земля еси, и въ землю отъидеши.*
44) Къ Римлян. гл. 8. ст. 22: *Вѣмы бо, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ.*
45) Къ Колоссаемъ. гл. 1. ст. 20: *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ.*
46) Посланіе второе къ Коринө. гл. 5. ст. 4: *Воздыхаемъ, да пожерто будетъ мертвенное животомъ.* — И къ Колос. гл. 3. ст. 5: *Умертвите уды ваша яже на земли.*
47) Посланіе второе къ Коринө. гл. 12 ст. 9: *Сила бо моя въ немощи совершается.*
48) Къ Галат. гл. 4. ст. 4: *Егда же пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына своего единороднаго.*
49) Вечерняя пѣснь Св. Софронія Патріарха Іерусалимскаго: *Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній.*
50) Іоан. гл. 1. ст. 12: *Даде имъ область чадомъ Божіимъ быти.*
51) Матѳ. гл. 11. ст. 25: *Яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ.*
52) Къ Евреемъ гл. 12. ст. 2: *Взирающе на начальника вѣры, и совершителя Іисуса.*
53) Первое посланіе къ Тимоѳ. гл. 3. ст. 16: *Богъ явися во плоти.*
54) Іоан. гл. 14. ст. 6: *Никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо мною.*
55) Тамъ же ст. 10: *Яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ.*
56) Къ Евр. гл. 8. ст. 6: *И лучшаго завѣта есть ходатай.*
57) Исаія гл. 53. ст. 11: *И грѣхи ихъ той понесетъ.*
58) Къ Колоссаемъ гл. 1. ст. 20: *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ.*
59) Къ Галат. гл. 6. ст. 7: *Богъ поругаемь не бываетъ.*
60) Матѳ. гл. 11. ст. 29: *Научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ.*
61) Матѳ. гл. 5. ст. 44: *Любите враги ваша.*
62) Матѳ. гл. 25. ст. 35 и 36: *Взалкахся бо, и дасте ми ясти* и проч.
63) Къ Евр. гл. 5. ст. 10: *Нареченъ отъ Бога Первосвященникъ, по чину Мелхиседекову.*
64) Къ Евр. гл. 7. ст. 27: *Единою (жертвою) себе принесъ.*
65) Дѣян. Апост. гл. 2. ст. 3: *И явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни.*
66) Исаія гл. 42. ст. 3: *Трости сокрушены не сотретъ.*
67) Къ Римлян. гл. 2. ст. 1: *Имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши.*
68) Матѳ. гл. 4. ст. 19: *Грядита по мнѣ, и сотворю вы ловца человѣкомъ.*
69) Дѣян. Апост. гл. 17. ст. 22: *Ставъ же Павелъ посредѣ Ареопага.* — Тамъ же гл. 18. ст. 4: *Стязашеся же на сонмищахъ,* (или въ Синагогахъ.)

70) Іоан. гл. 1. ст. 3: *Вся тѣмъ быша: и безъ него ни что же бысть, еже бысть.* — Къ Ефес. гл. 4. ст. 10: *Сшедый и возшедый предыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая.* — Къ Колос. гл. 1. ст. 18: *Яко да будетъ во всѣхъ той первенствуя.*

71) Іоан. гл. 4. ст. 23 и 24: *Егда истинни поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истинною.*

72) Исаія гл. 11. ст. 4. *И духомъ устенъ убіетъ нечестиваго.*

73) Къ Галат. гл. 3. ст. 13: *Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя.*

74) Іоан. гл. 1. ст. 5: *Свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ.*

75) Второе посланіе къ Коринѳ. гл. 4. ст. 3: *Благовѣствованіе наше въ гибнущихъ есть покровено.*

76) Іоан. гл. 1. ст. 18: *Единородный сынъ; сый въ лонѣ Отчи.*

77) Матѳ. гл. 6. ст. 33: *Ищите прежде Царствія Божія, и правды его, и сія вся приложатся вамъ.*

78) Послан. второе къ Коринѳ. гл. 6. ст. 16: *Вы есте церкви Бога жива,*

79) Псаломъ 6: *Слезами моими постелю мою омочу.*

80) Послан. 2. Пав. къ Тим. гл. 3: ст: 16. *Всяко писаніе Богодухновенно и полезно есть къ ученію.*

81) Матѳ. гл. 26. ст. 7: *Приступи къ нему жена стклянницу мура имущи многоцѣннаго.*

НА ПОКОРЕНІЕ ПАРИЖА.

Сердце плѣняюща лира!
Геній восторга взносись!
И обтекая вкругъ міра,
Свѣтлый твой голосъ возвысь. —
Пой Того — крѣпость, мощь львину
Агнца, — что кротость явилъ,
Другую Кто половину
Свѣта — Парижъ покорилъ!

Милостью больше, чѣмъ гнѣвомъ
Въ славѣ блестящъ тамъ какъ Богъ
И провожденъ Ты вшелъ Небомъ
Въ древній Бурбоновъ чертогъ;
Духъ къ нимъ народа, любовью
Возжегъ, и ихъ воскресилъ;
Бѣдствы Московскія не кровью,
Благомъ злодѣямъ отмстилъ!

Здравъ АЛЕКСАНДРЪ
Царь будь Царей,
Что безъ наградъ
Твердой Твоей
Свергъ злость Ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо Герой!
Слався симъ днесь. (*)

(*) Подобныя стихи пѣты были въ Парижѣ Французами, въ честь нашего Государя, при вступленіи Его въ сію Столицу.

2758

Державин

Ф—7

40

Слава Тебе днесь какая
Въ мірѣ обширномъ звучитъ,
Что щастьемъ, сладостьми рая
Вкругъ доблесть, — духъ Твой поитъ:
Взглянешь на грады, — спасены,
На Храмы ли зришь, — жертвы курятъ;
Дѣти ль отцамъ возвращенны, —
Всѣ ихъ Спасителя чтятъ.

Сколько жъ отрадно, пріятно
Быть Россіяниномъ днесь!
Что Ты насъ такъ благодатно
Славой и честью вознесъ. —
Вся насъ теперь ужъ вселенна
Своею защитою чтетъ;
Европа узъ свобожденна
Хвальными пѣсньми поетъ.

Здравъ АЛЕКСАНДРЪ.
Царь будь Царей,
Что безъ наградъ
Твердой Твоей
Свергъ злость Ты душой.
Доблесть вознесъ,
Прямо Герой!
Слався симъ днесь.

Сладкія слезы восторга
Съ радостныхъ льются очесъ;
Ангела ль кротка, иль Бога,
Сына ль, Любимца ль Небесъ
Зримъ въ Тебѣ, иль Исполина,
Маньемъ смирилъ что руки
Міръ весь? — ПЕТРЪ, ЕКАТЕРИНА
Стольколь какъ Ты Велики?

Мудростію, честью, геройствомъ
Чудный стяжалъ Ты вѣнецъ. —
Съ Богоподобнымъ къ намъ свойствомъ
Царь возвратись и Отецъ!
Къ Матери нѣжной скорѣе
Въ славѣ побѣдныхъ лучей,
Солнце весной какъ свѣтлѣе,
Дай жизнь Россіи такъ всей.

Здравъ АЛЕКСАНДРЪ,
Царь будь Царей,
Что безъ наградъ
Твердой Твоей
Свергъ злость ты душой
Доблесть вознесъ,
Прямо Герой!
Слався симъ днесь.

Державинъ.

Печатать позволяется.
Цензоръ Стат. Совѣт. и Кавалеръ Ив. Тимковскій.
17 Апрѣля 1814 года
въ Медицинской Типографіи.

СОЛДАТСКОЙ,

или

НАРОДНОЙ ДИѲИРАМБЪ

по торжествѣ надъ Франціею.

Печатать позволяется Санктпетербургъ Іюля 20 дня 1814 года.
Ценсоръ Г. Яценковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Іос. Іоаннесова 1814 года.

Спесь мы Францiи позбили,
Ей кудерки пообрили,
Убаюкана Она! —
Ужъ не будетъ безпокоить,
Штуки разныя намъ строить: —
Дайте чашу намъ вина!

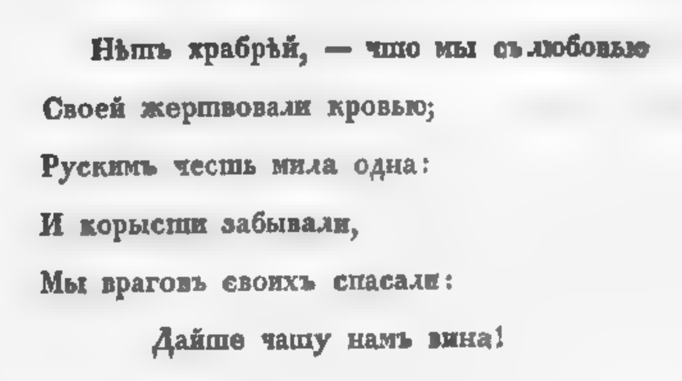
* *
*

Веселися Царь блаженный,
АЛЕКСАНДРЪ благословенный!
Земля Русская сильна:
О Тебѣ она радѣла,
Груди, жизни не жалѣла: —
Дайте чашу намъ вина!

Дайте чашу пьяной браги:
Генераловъ въ честь отваги
Выпьемъ мы ее до дна;
За козачью хитрость, збойство,
За солдатское геройство, —
Дайте чашу намъ вина!

* *
*

Дайте меду намъ братину,
Что явили мочь мы львину. —
Гдѣ пылала зла война:
Сотней тысячи сражали;
Нѣтъ храбрѣй насъ — доказали:
Дайте чашу намъ вина!



Нѣтъ храбрѣй, — что мы съ любовью
Своей жертвовали кровью;
Рускимъ честь мила одна:
И корысти забывали,
Мы враговъ своихъ спасали:
Дайте чашу намъ вина!

* *
*

Успокоили мы царствы:
Бонапартовы коварствы
Свергли въ бездну адска дна, —
Пусть воюютъ тамъ съ чертями. —
Царь, Отецъ! Ты здравъ будь съ нами. —
Дайте чашу намъ вина!

41

Ивану Аѳанасьевичу Дмитревскому,

Игравшему роль Усердова въ Героическомъ представленіи Ст. Ив. Висковатаго, называемомъ Всеобщее ополченіе 1812 *года Августа 30 дня.*

Всѣ ополчаются — Россъ каждый въ бой летитъ,
Цвѣтущей юностью у старцевъ кровь кипитъ.
Являя на главѣ и снѣгъ и лавръ зеленый,
Нашъ Гаррикъ говоритъ: о сердцу гласъ священный!
Я Россъ, спокойствія оставя мирну сѣнь, —
Я ополчаюся, вновь АЛЕКСАНДРА въ день.

•••••

Ф. Ѳ. Яковлева, актера

Печатать позволяется:
Санктпербургъ Августа 29 дня 1812 года.
Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Тимковскій.

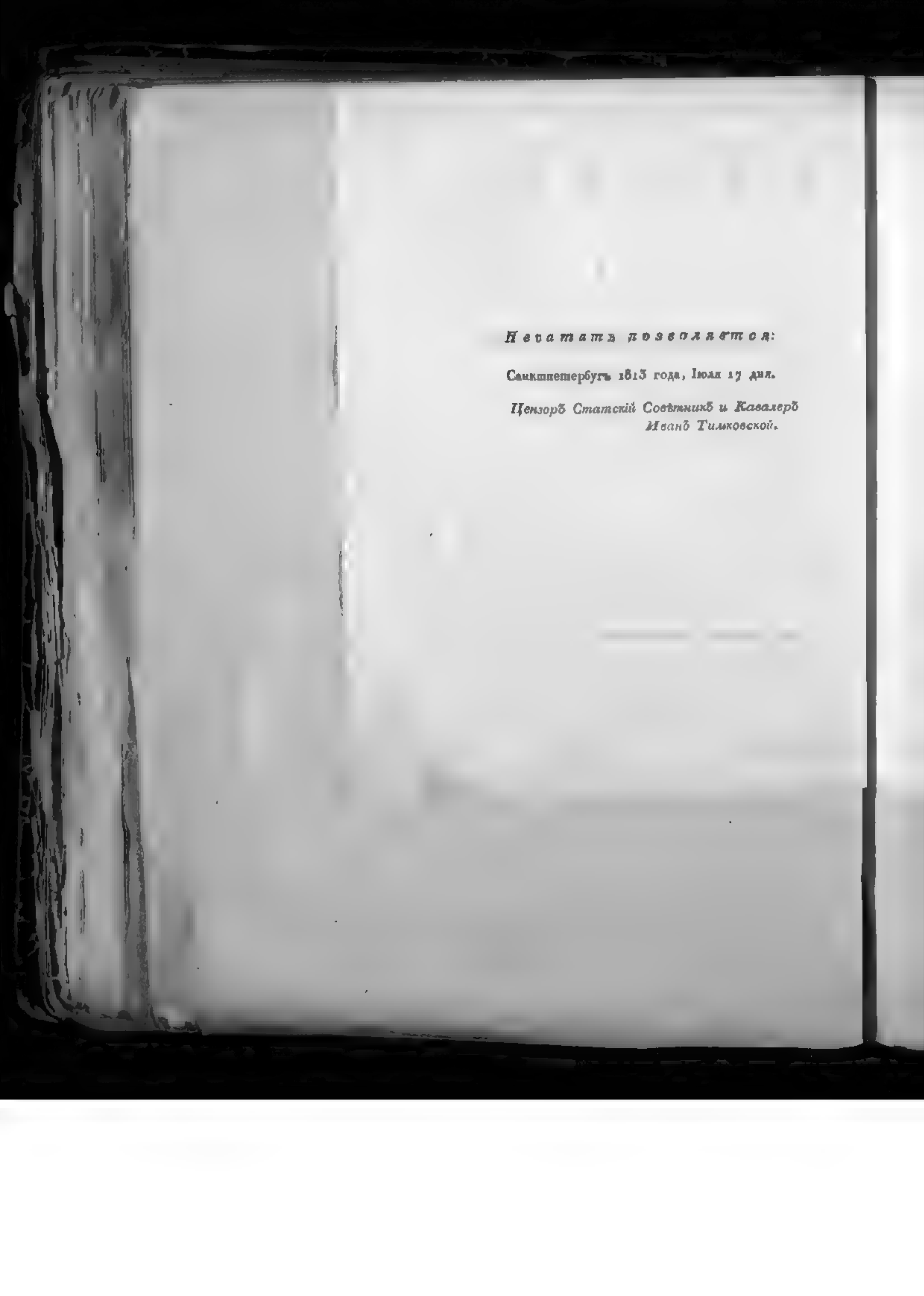
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Типографіи 1812 года.

ЦИНТІЯ,

ИЛИ

МЫСЛИ ПРИ СВѢТѢ ЛУНЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Императорскаго Театра.
1813 года.



Печатать позволяется:

Санктпетербургъ 1813 года, Іюля 17 дня.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковской.

* *
*

Уже темнѣетъ даль лазурна,
И вранъ сѣчетъ лѣниву мглу.
Нева, какъ сѣтующа урна,
Стоитъ въ граненомъ берегу —
Ея чело повито мракомъ.

*

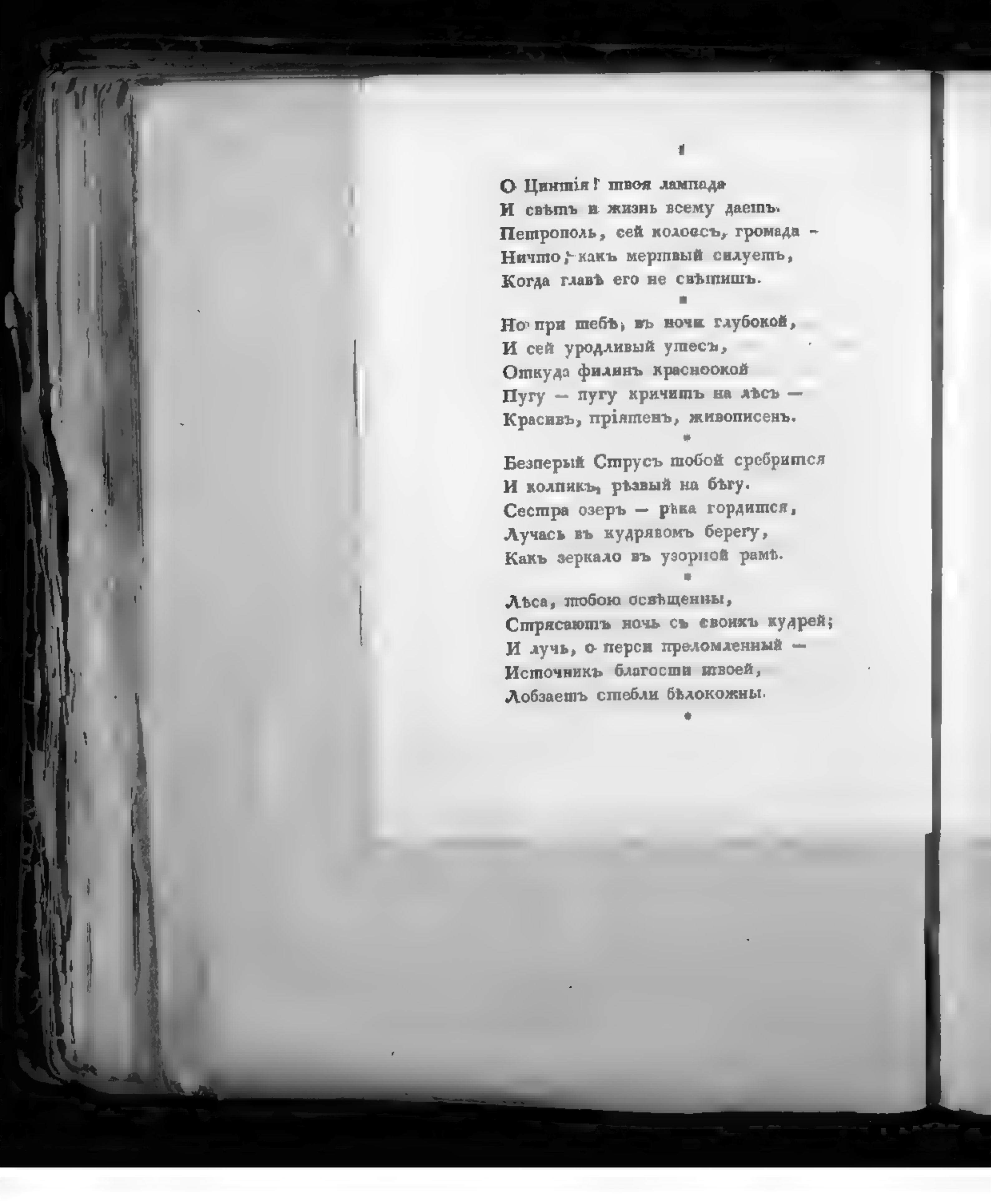
Стоитъ — и ель темнозелена,
Подруга синяго ключа,
Съ кудрей до корня потоплена,
Какъ тѣнь вечерняго луча,
Какъ сумракъ — черновласа дремлетъ.

*

Стоитъ — и Невскій, златоглавый
Погаснулъ въ кущахъ монастырь;
Молчатъ священныя дубравы —
Лишь рѣетъ сѣрый нетопырь,
И въ купалы его глядится.

*

43.
44.
45.
46



О Цинтія! твоя лампада
И свѣтъ и жизнь всему даетъ.
Петрополь, сей колоссъ, громада —
Ничто,- какъ мертвый силуетъ,
Когда главѣ его не свѣтишь.

Но при тебѣ, въ ночи глубокой,
И сей уродливый утесъ,
Откуда филинъ красноокой
Пугу — пугу кричитъ на лѣсъ —
Красивъ, пріятенъ, живописенъ.

Безперый Струсъ тобой сребрится
И колпикъ, рѣзвый на бѣгу.
Сестра озеръ — рѣка гордится,
Лучась въ кудрявомъ берегу,
Какъ зеркало въ узорной рамѣ.

Лѣса, тобою освѣщенны,
Стрясаютъ ночь съ своихъ кудрей;
И лучь, о перси преломленный —
Источникъ благости твоей,
Лобзаетъ стебли бѣлокожны.

Поля тобою зеленѣютъ —
И въ пряныхъ, дышущихъ травахъ
Уснувшіе цвѣты пестрѣютъ;
А перлы блещутъ на листахъ —
На ткани ихъ роса слезится.
*

Ловецъ, тобою пробужденный,
Исходитъ въ путь — на промыслъ свой.
Его колчанъ, и лукъ согбенный,
И рогъ на поясѣ кривой
Осіяваются тобою.
*

А гость, соскучивъ на чужбинѣ,
Спѣшитъ въ свою домашню сѣнь —
Къ божницѣ, къ первенцу, къ дружинѣ.
И ты, какъ ясный, полный день,
Ему лицемъ своимъ сіяешь.
*

Свѣти ему, свѣти предтеча!
О, какъ онъ радъ, восторженъ всемъ!
Завидя теремъ издалече,
Считаетъ стадіи путемъ,
И жадно дымъ родной глотаетъ.
*

43.
44.
45.
46

Смотрю — и мысль мнѣ представляетъ,
Не нашъ ли Ангелъ — свѣтовидъ
Сію луну изображаетъ —
Сѣдиной мудрости маститъ,
А сердцемъ — отрокъ непорочный?

*

Онъ соль земли; онъ свѣтитъ міру
И днемъ и ночью и всегда.
На тихую смиренну лиру,
На пажить, на свои стада,
На все — дождитъ свѣтъ благодатной.

*

Умъ медлѣнной, обыкновенной,
Которой рѣдко гдѣ блеснетъ,
Подобясь искрѣ сокровенной —
Какъ радуга во кругъ планетъ,
Блистаетъ, вкругѣ его вращаясь.

*

Заслуга, потомъ орошенна,
Оставленна себѣ самой;
И внучатна, но не призрѣнна,
Бездомна старость — свой покой
И жезлъ въ его сѣни находятъ.

*

Такъ маслины новосажденны
И многолѣтну матерь ихъ —
Нагорный старецъ, кедръ священный
Покоитъ у корней своихъ —
Подъ сѣнію гостепріимной.

*

А, гдѣ отъ дерева роднова
Оторванъ, сломанъ, збитъ сучецъ:
Сія добыча вихря злова,
Сиротства жалкій образецъ,
Имъ привитъ — снова зеленѣетъ.

*

О рѣдкая, душа святая!
Посланникъ Божій на земли!
Кого душею обожая
Я, червь во мракѣ и пыли,
Я Цингіей назвать дерзаю.

*

Твои доброты несравненны;
Ты образъ благости самой;
Ты сердце агнче, духъ смиренный.
Тебя псалтырь и органъ мой
Не премолчатъ благохвалити.

Свящ. І. Добронравинъ.

43.

44.

45.

46.

ПѢСНЬ

на случай

Введенія ботика ПЕТРА Великаго, хранившагося въ городѣ Переславлѣ-Залѣскомъ при озерѣ Плещовѣ на мысу Гремячь съ 1722 года,

въ новое каменное зданіе, тутъ же усердіемъ Переславскаго Дворянства воздвигнутое, для сохраненія его въ цѣлости до позднѣйшаго потомства;

сочиненная

Владимирскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ,

КНЯЗЕМЪ

ДОЛГОРУКИМЪ,

въ знакъ благоговѣнія его къ сему отечественному подвигу

ДВОРЯНСТВА ПЕРЕСЛАВСКАГО

ему же

усердно посвящаемая 1803 года, Августа 1 дня.

Печатано

Въ Университетской Типографіи,

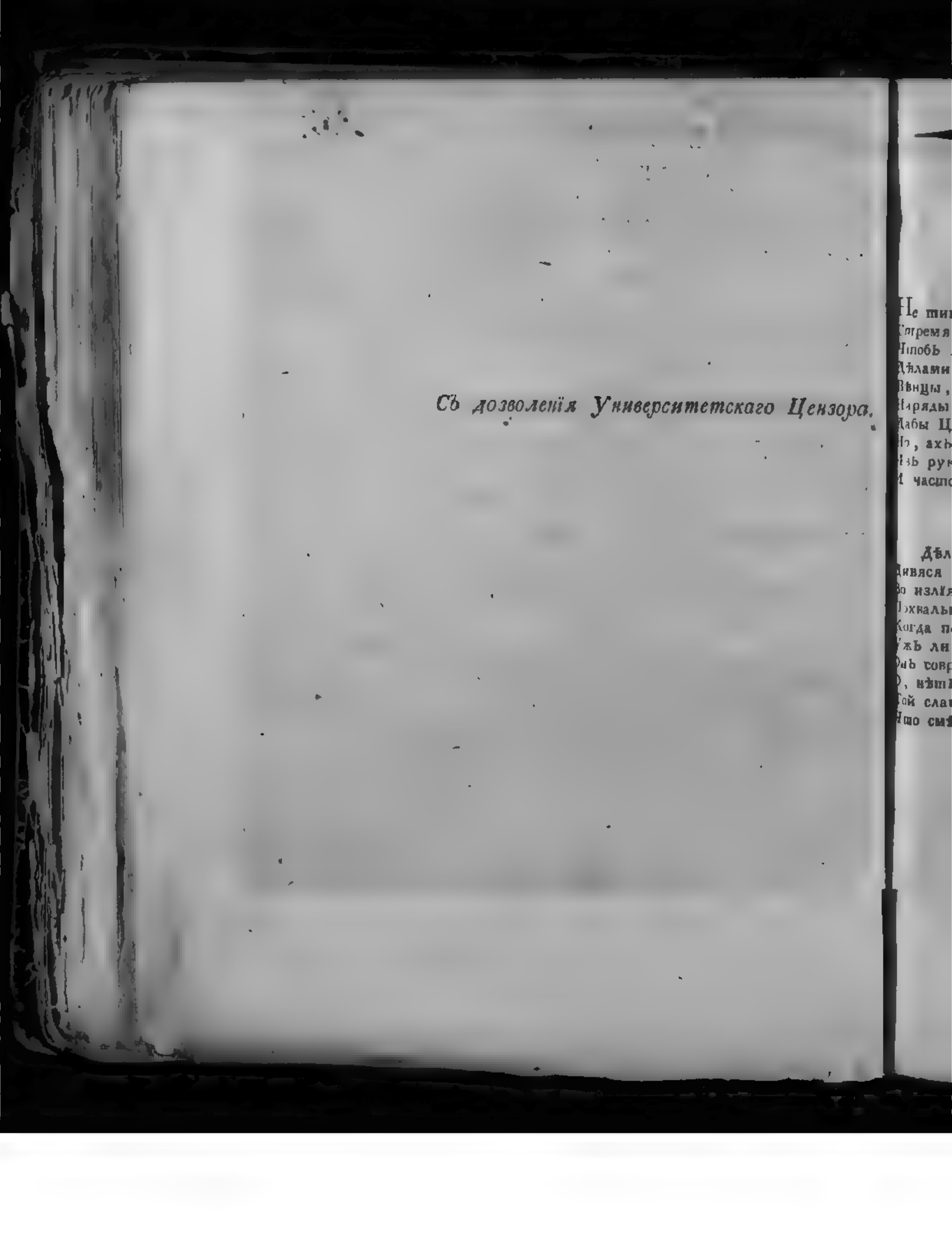
у Любія, Гарія и Попова.

286.

44.

45.

46



Съ дозволенія Университетскаго Цензора.

Не тщиламъ грозкимъ человѣки
Стремятся жертвы приносить;
Чтобъ жить въ потомствѣ долги вѣки,
Дѣлами должно изумить.
Вѣнцы, порфиры, діадимы,
Наряды суть необходимы,
Дабы Царевъ украсить санъ;
Но, ахъ! судьба и скипетры коситъ,
Изъ рукъ ихъ въ руки переноситъ —
И часто рветъ его тиранъ!

Дѣла не мрутъ, и имъ народы,
Дивяся поздо послѣ насъ,
Въ изліяніяхъ свободы
Похвальный возсылаютъ гласъ. —
Когда потомокъ предка хвалитъ,
Ужъ ли симъ подвигомъ умалитъ
Онъ современниковъ своихъ?
О, нѣтъ! — для Мудрыхъ на престолѣ
Той славы быть не можетъ болѣ,
Что смѣло хвалятъ — и другихъ.

*

44.
45.
46

Дерзнитежъ нынѣ, Переславцы,
Весь сонмъ сыновъ своихъ собрать;
Геройскимъ духомъ, Петрославцы,
ПЕТРУ спѣшите дань воздать. —
ПЕТРОМЪ Россія вся гордится,
Ему *ПРАПРАВНУКЪ* самъ чудится;
ОНЪ чтитъ всѣ подвиги Его;
Усердно память ихъ вѣнчаетъ,
И тѣмъ отечеству являетъ
Великость духа СВОЕГО.

Великій ПЕТРЪ! — ЕКАТЕРИНА!
Богоподобные Цари!
Сугуба нашихъ благъ причина —
Имъ всюду зиждутъ олтари.
Не лесть въ сей день воскликновенья,
Наполнивъ души восхищенья,
Намъ Ихъ внушаетъ имена.
Не лесть — исчезла ихъ награда;
Не рабій страхъ — уже досада
Владыкъ умершихъ не страшна.

О ПЕТРЪ! коль Ты изъ странъ небесныхъ
Возможешь долу бросить взоръ,
Поверхность струй Тебѣ извѣстныхъ
Окинь имъ, Росскій Чудотворъ!
Еще Твой ботъ здѣсь обитаетъ,
Народъ усердной восхищаетъ,

Онъ града здѣшняго краса;
Ладья Твоя не обветшала,
Ее разрушить не дерзала
И острая временъ коса.

■

И ты волна, ПЕТРУ любезна,
Плещова озера гордись!
Россіи цѣлой бывъ полезна;
Пловцу Великому дивись;
Играй сребристыми струями
И купно съ нашими устами
Провозвѣсти Его дѣла;
Его ты юность забавляла,
Его фрегаты колебала,
Подъ флагами его текла.

■

На зыбя водъ твоихъ незлобныхъ
Онъ мѣрилъ страшный Океанъ;
Къ геройству подданныхъ способныхъ
Готовилъ плыть вокругъ всѣхъ странъ.
Онъ рекъ — и флотъ единымъ словомъ
Россіи въ элементѣ новомъ
Примѣромъ сильнымъ доказалъ,
Что въ мірѣ все тому подвластно,
Чье сердце подвигами страстно,
Кто пылко славы вожделалъ.

■

Сей первой шагъ въ водахъ стѣсненныхъ
Казался юноши игрой;
Но плодъ забавъ толь просвѣщенныхъ
Умѣлъ предвидѣть нашъ Герой;
Онъ зналъ, веслами управляя,
Безстрашно бури побѣждая,
Что флотъ Россійскихъ кораблей
Во времена ЕКАТЕРИНЫ
Преодолѣетъ всѣ пучины,
Уроки дастъ вселенной всей.

■

Се день благопріятный нынѣ!
Восторжествуй его народъ!
Благодареніе судьбинѣ,
Ты долгъ соблюдъ тѣхъ Воеводъ,
Которымъ ПЕТРЪ своей рукою
Въ Указѣ рѣзкою чертою
Самъ заповѣдь здѣсь начерталъ,
Дабы суда Его любимы
Оберегались невредимы —
Успѣхъ Твой трудъ въ томъ оправдалъ!

*

Блаженны предковъ тѣхъ потомки,
Законъ Монаршій сохранивъ!
Вы даже стѣнъ спасли обломки,
Въ которыхъ, ПЕТРЪ Великій живъ,
Отважной мыслью занимался,
Пылая славой, не гнушался
У плотника принять совѣтъ.

288.

Въ рукахъ Того, на комъ порфира,
Мнѣ мнится слышать, какъ сѣкира
Ударомъ звуки раздаетъ.

■

Воззрите, древніе Дворяне,
Съ восторгомъ на сіи брега!
Сто лѣтъ тому, какъ Россіяне
Здѣсь зрѣли юнаго ПЕТРА.
Въ сей день, для здѣшнихъ странъ блаженный,
Когда съ крестами ходъ священный
На лодкахъ былъ носимъ волной,
Онъ самъ своимъ путь судномъ правилъ,
Полки вокругъ и пушки ставилъ,
Чесмы прообразуя бой.

■

Воспламени воображенье,
Сынъ мужественныя земли!
И сердца въ сладкомъ упоеньѣ
ЕКАТЕРИНЫ вспомни дни.
Жена, всѣхъ выше женъ на свѣтѣ!
Тебя въ таинственномъ совѣтѣ
Назначилъ перстомъ самъ Творецъ
На то, чтобъ міръ плѣнить войною,
Стяжать отечество душою,
Умомъ привлечь мильйонъ сердецъ.

■

44.
45.
46.

Любить Царей, есть добродѣтель,
Есть долгъ отечества сыновъ.
Коль Царь народа благодѣтель,
Онъ образъ истинный Боговъ.
Намъ въ отраслѣ ЕКАТЕРИНЫ,
Въ *ПРАПРАВНУКѢ* ПЕТРА судьбины
Щедротъ умножили залогъ;
Нашъ духъ почувствовалъ блаженство,
Позналъ дней мирныхъ совершенство;
Враги, бѣгите! — съ нами Богъ! —

■

Для громкихъ дѣлъ, но безполезныхъ,
Одна минута часто вѣкъ;
А дѣлъ благихъ и свойствъ любезныхъ
Забыть не можетъ человѣкъ.
Сто лѣтъ тогда какъ мигъ проходятъ,
И въ свѣжей памяти находятъ
Цари у подданныхъ себя.
Такъ ПЕТРЪ и намъ вообразился;
Но Твой не призракъ здѣсь явился,
ПРАПРАВНУКЪ воскресилъ Тебя.

*

Прїими, о ПЕТРЪ! посильну жертву,
Котору жители сихъ странъ [illegible]
Тебѣ приносятъ, уже жертву [illegible]
Но живу въ сердцѣ Россїянъ:
Сей домъ, не зодчествомъ надменный,
Усердїемъ [illegible]оруженный

На то, чтобъ ботикъ Твой вмѣстилъ,
Тебѣ да будетъ столь угоденъ,
Сколь былъ Твой подвигъ превосходенъ,
Сколь онъ насъ славой озарилъ.

■

Тщеславье здѣсь не укорится —
Не для него сей созданъ храмъ.
Тотъ малъ, кто жертвуя стремится
Себя возвысить только самъ.
Дворянство цѣль предполагало,
(Апраксинъ сдѣлалъ къ ней начало)
Чтобъ инвалидовъ помѣстить,
Изъ мореплавателей взявши,
ПЕТРУ сугубо тѣмъ воздавши,
Отъ зла ихъ дряхлость оградить.

■

Успѣхъ въ томъ будетъ всеконечно —
Мнѣ вѣдомъ Переславцовъ духъ; —
Отечество любя сердечно,
Въ нихъ всякой сынъ ему и другъ.
Уже я зрю въ близи то время,
Когда, сложивъ доспѣховъ бремя,
Матросъ, опершись о костыль,
Дѣтей вокругъ себя сбирая,
На волны быстрой взоръ кидая,
Разскажетъ имъ чудесну быль.

*

284

44.
45.
46

Дѣла ПЕТРОВЫ вспомнивъ ясно,
Иль отъ преданья сохранивъ,
Въ своихъ разсказахъ безопасно,
Не устрашась быть справедливъ:
„Вотъ здѣсь-то, скажетъ, Царь-надежа,
„Не на боку лишь только лежа,
„Трудился самъ и строилъ ботъ!
„Вотъ тутъ Онъ имъ изволилъ править,
„Умѣлъ-ста родину прославить,
„Стоять гораздъ былъ за народъ!"

Сказалъ — и слезы покатились
Изъ-подъ сѣдыхъ его рѣсницъ;
Геройски чувства возродились,
Въ восторгѣ палъ на землю ницъ. —
О Россовъ племя безподобно!
Во всѣхъ вѣкахъ тебѣ удобно
Собой вселенную дивить,
Къ дѣламъ отважнымъ воскрыляться,
Въ гражданскихъ свойствахъ отличаться,
Царямъ, отечеству служить.

И ты, подъявъ чело кичливо;
Названьемъ славящійся тысъ!
Сіе хранилище, какъ диво,
Предъ любопытными возвысь —
И въ ясны дни, и въ свѣтлы ночи,
Да будутъ всѣхъ проѣзжихъ очи

240.

Стремиться бросить взоръ сюда;
Да узрятъ домъ сей, и вѣщаютъ:
Се тако Переславцы знаютъ
Царямъ усердствовать всегда!

Олтарь сей славы не погибнетъ —
Его Всесильный соблюдетъ;
Не всуе памятникъ воздвигнетъ,
Кто Бога въ помощь призоветъ; —
Монаршимъ къ намъ благоволеньемъ
И подданныхъ благоговѣньемъ
Какъ нынѣ, будетъ вѣчно новъ.
Придутъ еще ПЕТРУ дивиться,
Дворянствомъ Рускимъ похвалиться,
Сто лѣтъ спустя, сыны сыновъ!

44.
45.
46

СТИХИ

На кончину господина Брегадира Горича убитаго на сраженіи подъ Очаковымъ сего 1789 году. Декабря 6 дня.

Когда гласъ радости повсюду раздается,
О благѣ Россіянъ вездѣ несется слухъ.
Невольно изъ очей моихъ потокъ слезный льется.
Изъ радости въ печаль преходитъ вдругъ мой духъ.

*

Очаковъ взятъ . . . . . ! сіе всѣ чувства восхищаетъ;
Въ немъ Горичъ умерщвленъ, сіе зоветъ къ слезамъ.
Сей истинный Герой въ землѣ опочиваетъ,
Лишенъ отрады внять сплетаемымъ хваламъ.

*

Среди юнѣйшихъ лѣтъ во бранѣхъ навыкая,
Не титловъ лишь однихъ военныхъ онъ искалъ.
Прямымъ Героемъ стать всѣхъ паче благъ желая,
Врагамъ Россіи мстить онъ яростно пылалъ!

Без-

Безстрашно Горичъ днесъ къ Очакову стремялся,
Принесъ Россіи въ даръ, храниму жизнь для ней.
И крѣпость одолѣвъ на ней лишь утвердился,
Какъ рокъ пресѣкъ его теченье хвальныхъ дней.

Любя оружіе, любилъ и добродѣтель;
Былъ доброй человѣкъ, коварствъ гнушался онъ.
Я лично зналъ его, и самъ тому свидѣтель,
Что честности ему всегда былъ святъ законъ.

Хоть смерть его славна, а жаль его неложно.
Повсюду слышенъ гласъ сей истинны прямой.
Но жизни возвратить ему уже не можно.
А звуку торжества противенъ стихъ такой.

*

Пусть любящій его печаль тѣмъ облегчаетъ,
Что Горичъ смертію безсмертье получилъ
Пріятно плачущимъ объ немъ, что всякъ вѣщаетъ:
Онъ славной вѣкъ провѣлъ, и славну смерть вкусилъ.

Князь И. М. Долгоруковъ.

45.
46

ода

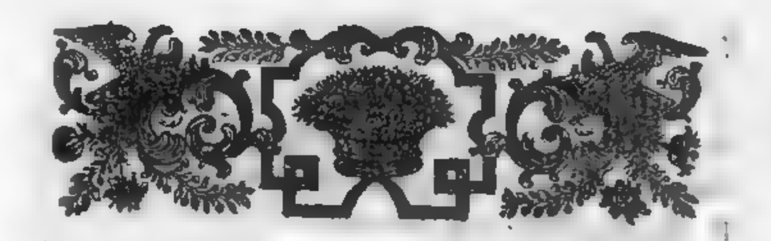
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦѢ
И
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

НА ДЕНЬ
КОРОНОВАНІЯ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА,
И
Установленія Кавалерскаго ордена
Св. равноапостольнаго Князя Владиміра,
Сентября 22

Благоговѣйно приноситъ

Вѣрноподданный
С. Д.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ
1794 года.



Настрой священну, Муза, лиру,
Воспой благословенный день:
ЕКАТЕРИНА днесь въ порфиру
И Россъ во славу облеченъ;
Низпосланъ новый лучъ отрады;
Отличныя за труды награды
Торжественно предложены.
Красуйтесь, сынове Россіи;
И кротки преклоняйте выи;
Сосѣдни, дальнія страны.

Еще народъ обуревался
Въ безвластіи крамольной мглѣ,
Какъ Скиптръ въ десницѣ показался
И Діадима на челѣ:
Израильтянамъ перстъ всесильный,
Изливъ щедроты рогъ обильный,
Въ премудрости Царя даетъ:
Да разумѣетъ вся вселенна,
Что власть Небесъ пріосѣненна
Изъ власти Царской мещетъ свѣтъ.

* * *

Великій вѣры покровитель,
Благочестивыхъ верьхъ Царей,
Максентія преоборитель
Зритъ въ небѣ рокъ судьбы своей;
Клубящіесь шары безмѣрны
Въ превыспреннихъ гласъ пишутъ вѣрный:
Въ семъ знаменіи побѣдитъ,
Небесны колебались своды,
Законы рушились природы,
Чтобъ царство правды утвердить.

* * *

Предстаньте днесь въ прекрасномъ чинѣ,
Ряды свѣтообразныхъ лѣтъ,
Со дней, какъ Богъ ЕКАТЕРИНѢ
Вручилъ во власть полнощный свѣтъ;
Когда на Росской гемисферѣ
Сердцамъ горящимъ въ чистой вѣрѣ
Блеснуло имя краше звѣздъ;
Пророчество то было славы:
Въ рукахъ священный знакъ Державы,
И на главѣ Вѣнецъ и Крестъ.

* * *

Судьбы превѣчны сокровенны
Отъ смертныхъ близкозрящихъ глазъ;
Но въ слѣдствіяхъ, въ дѣлахъ явленны
Нелестно просвѣщаютъ насъ.
Событіе драгой надежды
И мрачны озаряетъ вѣжды,
И хитроумныхъ въ стыдъ ведетъ:
Блистанье солнца восходяща,
Шумъ въ воздухѣ орла паряща
Ко ожиданію зоветъ.

* * *

Блаженны очи, кои зрѣли
Всходящую Тебя на тронъ;
Сердца любовію горѣли,
Пріемля сладкій Твой законъ.
Грядущей въ храмъ Тебѣ престольной,
Веселія все было полно;
Желаній вѣрныхъ былъ то плодъ.
Отцы и матери счастливы,
Сколь въ васъ предчувствія правдивы!
Въ томъ вамъ свидѣтель новый родъ.

* * *

Оставь книги и расказы,
Ты пѣснотворный нынѣ духъ;
Не внемлешь ли, какъ громки гласы
Съ небесъ, съ земли разятъ твой слухъ?
Куда ни обратиши зрѣнье,
Повсюду узриши твореньe
ЕКАТЕРИНИНА ума.
Что вобразить не смѣли предки,
Что времена не тронутъ ѣдки,
Она то здѣлала Сама.

* * *

Дерзнешь ли трудною дорогой
Направить свой, Муза, бѣгъ?
Дерзнешь ли слѣдовать строго
Теченью дѣлъ, теченью рѣкъ?
Я зрѣлъ межъ грозными валами
Корабль несущійся крылами,
Прошелъ . . . . и слѣдъ его изчезъ;
Не видны такъ и не примѣтны
Пѣвцы, писатели несчетны
ЕКАТЕРИНИНЫХЪ чудесъ.

* * *

Поэзія, небесъ рожденье,
Земныхъ наставница умовъ!
Тебя невѣжи во презрѣнье
И въ тяготу влекутъ оковъ,
Ласкатели твой гласъ, тесняютъ;
Тебѣ однако боги внемлютъ,
Тогда и Зевсовъ громъ молчитъ:
Берегися съ чернью сообщаться,
Потщися скромности держаться;
Одно усердіе прельститъ.

* * *

Пространно, необъятно поле
Побѣдъ Россійскихъ предлежитъ;
Но мысль равняется ли волѣ,
Чтобъ въ стихъ величіе вмѣстить?
Пускай трепещутъ *Дарданеллы*,
И *Готоски* да дрожатъ предѣлы;
То многи вѣки будутъ пѣть:
Не хвалимся мы сей судьбиной;
Россійскій родъ съ ЕКАТЕРИНОЙ
Повергнетъ предъ собой весь свѣтъ.

* * *

Еще есть врагъ враговъ старѣйшій,
Противникъ, клеветникъ боговъ;
Низверженъ, стрѣлы мещетъ злѣйши
На божіихъ до днесь сыновъ:
Какъ нѣдро адово зіяетъ,
Когда Везувій изрыгаетъ
Густой, клокощущій огонь,
Брега кремнистые трясутся,
И волны въ глубинѣ мятутся;
Такъ дѣйствуетъ, такъ страждетъ онъ.

* * *

Въ вертепахъ дикихъ, въ безднахъ темныхъ,
Между скорпіями рожденъ,
Отъ устъ хищеньемъ обагренныхъ
Онъ *безначальствомъ* нареченъ.
Подъ тихимъ именемъ свободы,
И землю возмутивъ и воды,
На мѣстѣ святѣ, мерзость, сталъ.
Но ослѣпленные умами,
И жертвою ставъ и жрецами,
Лiютъ сей ядъ вблизи и вдаль.

* * *

Почто шатаетесь языки,
На Господа подъемля рогъ?
Злобуйны ваши слыша крики,
Живый межъ звѣздъ смѣется Богъ.
Онъ жезлъ вручилъ ЕКАТЕРИНѢ;
Вы вострепещете отнынѣ,
ЕЙ въ самы души путь отверстъ;
Вы примете ЕЯ законы;
Или . . . пуская тяжки стоны,
Враги ЕЯ полижутъ персть.

* * *
* *

Но отвратитъ спущенны очи
Отъ пагубныхъ явленій сихъ;
Пучиною глубокой ночи
Покроются всѣ дѣйства злыхъ.
Защитница у насъ не дремлетъ,
И, гдѣ лишь звукъ малѣйшій внемлетъ,
Готова къ оборонѣ встать:
Орловъ питомцы солнцезрачныхъ
Отъ шума совъ, филиновъ мрачныхъ,
Не устрашась, горѣ парятъ.

* * *

Восприиму опять начало
Спокойныхъ, радостныхъ временъ,
Когда блаженство возсіяло
Россійскихъ тысящныхъ племенъ,
Когда во всѣ вселенной части
Намѣстница Всесильной власти
Лучи надежды разлила;
Во образѣ ЕЯ *Астрея*
Со возліяніемъ Елея
Съ небесъ на землю къ намъ снишла.

* * *

Иль сонъ, иль то видѣнье право;
Полсвѣта вдругъ въ моихъ глазахъ:
То крикъ звѣрей, то токъ кровавой
Въ густыхъ лѣсахъ, въ крутыхъ горахъ.
Едва Она свой взоръ простерла,
Колоссы страховъ низпровергла
И варварства разгнала духъ:
Поля покрылися градами,
Вскурились всюду онміаны,
Хребты Кавказски рѣжетъ плугъ.

* * *

Царей велико совершенство
МОНАРХИНЯ, являешь намъ;
Сугубишь подданныхъ блаженство,
Дая свѣтъ мыслямъ, жаръ сердцамъ;
Непостижимыми стезями,
Какъ матерними насъ руками,
На высоту ведеши Ты.
Земля обиліемъ тучнѣетъ,
Растущее потомство зрѣетъ,
Готовя въ цѣлый вѣкъ плоды.

* * *

46

Твоя премудрость назначаетъ,
И сила средства подаетъ;
Твоя все благость утверждаетъ
И въ вѣчность дѣйствія блюдетъ,
Царица Росскаго Сіона!
Отверзъ хранилища закона,
Ты всѣмъ открыла къ щастью путь:
Безвѣстное добро доселѣ!
Богатъ и нищъ подобны въ дѣлѣ
Подобный воспріемлютъ судъ.

* * *

Кто дастъ мнѣ кисть животворящу,
Едемъ прекрасный написать,
Всю тварь пріятностью дышащу,
Всю перьву лѣпоту обьять?
Прелестнѣй въ свѣтѣ нѣтъ картины;
Се есть душа ЕКАТЕРИНЫ!
Се точный человѣковъ другъ!
Какъ судъ и милость сопрягаетъ,
Такъ щедро ревность украшаетъ
Благихъ Поборница заслугъ.

* * *

Взнесися въ отдаленны вѣки,
О Муза! стань и обозри:
Какъ бранноносны человѣки,
Прехрабры витязи, цари
Въ поляхъ за славою летали,
Моря и горы прескакали,
Дерзали къ небу и во адъ;
Враговъ и аспидовъ трофеи,
Добычи львовъ нося на шеи,
Во ужасъ приводили взглядъ.

* * *

Но мыслей ново благородство
Явило новой славы путь;
Не дикое уже господство,
Полезнѣй предпріяли трудъ.
Не Лабиринты, не крутизны,
Но защищеніе отчизны
Лавровы понесло вѣнцы:
Отсюда *Персы* пораженны,
Низпали *Кареагенски* стѣны,
Албански вознеслись отцы.

* * *

Великій *Карлъ* дѣла велики
Изъ нѣдръ забвенія извлекъ;
Героевъ просвѣщенныхъ лики
Его обогатили вѣкъ;
За изліянну кровь на брани
Украшенны вожди избранны,
Сіяла златомъ храбра грудь.
Европа вся до днесь свидѣтель,
Какъ мечоносну добродѣтель
Порфирныя награды ждутъ.

* * *

Премудростью превосходяща;
Оружіемъ чудяща свѣтъ,
Законовъ славою греняща
Примѣръ днесь новый подаетъ.
У ней геройство вознесенно,
И почестьми преукрашенно
Числомъ подобится звѣздамъ;
Но матерня Ея доброта
Для благоденствія народа
Творитъ героевъ новыхъ намъ.

Преславно дѣло, защищати
Отечество, враговъ разить;
Но вящше ли, какъ сохраняти,
И внутренній покой родить,
Сограждан въ вѣрности управить,
Въ законѣ, въ истинѣ наставить,
Воздати каждому свое,
Изгнати буйные пороки,
Умножить всѣмъ богатства токи.
Всѣхъ ощасшливить бытіе?

* * *

Такіе подвиги вѣнчаетъ
Богиня Росская въ сей день;
Всякъ за труды мзду получаетъ,
Герой и гражданинъ почтенъ.
Награды знакъ и покровитель,
Владимірь странъ сихъ просвѣтитель
Украсилъ именемъ своимъ
Украшенныхъ ЕКАТЕРИНОЙ.
Не Ей ли Россы вы единой
Одолжены блаженствомъ симъ?

* * *

Благослови, Отецъ Небесный!
Всѣ начинанія Ея;
Труды для всѣхъ, труды полезны
Помазанницы твоея.
Да вознесетъ ти жертву славы,
Да утвердитъ свои уставы,
Она тебѣ создала храмъ:
Когда за ревность награждаетъ,
Тебѣ принесть повелѣваетъ
Въ немъ благодарность, оиміамъ.

* * *

Не храмъ ли се *Юстиніана*
Отъ *Византіи* пренесенъ?
Но, ахъ! вся слава въ томъ попранна,
Свѣтильникъ вѣры помраченъ;
Оттолѣ слышны токмо вздохи,
И башни онаго высоки
Отъ Россовъ избавленья ждутъ.
Здѣсь тоже имя украшаетъ,
Но вящша лѣпота сіяетъ
И рукъ достойнѣйшихъ здѣсь трудъ.

* * *

Однимъ Россіянамъ прилично
На славныя дѣла смотрѣть;
Другимъ велико, необычно:
Насъ всякій день къ тому зоветъ.
О храмъ! премудрости созданный,
Какихъ похвалъ и восклицаній
Тыбъ въ чуждыхъ былъ предметъ странахъ?
Мы Зиждителя лишь прославляемъ,
МОНАРХИНЮ благословляемъ,
Молясь о Ней въ твоихъ стѣнахъ.

* * *

Любовь къ Творцу нелицемѣрна,
То всякій устъ Ея глаголъ;
Любовь къ народу безпримѣрна,
То скиптръ Ея, вѣнецъ, престолъ.
Та зиждетъ храмы благолѣпны,
Сія всѣ средствія потребны
Намъ къ просвѣщенью подаетъ:
Се мудрости Ея степени,
Которыми отъ заблужденій
Насъ въ благодатный вводитъ свѣтъ.

* * *
* * *

Я зрю, безводные туманы
Предъ солнцемъ изчезаютъ днесь,
И суевѣрій истуканы
Дрожатъ предъ властію Небесъ.
Отъ Трона истина сіяетъ,
Безбожну гордость потребляетъ,
И буйство строптно разитъ.
Подъ сѣнію ея спокойныхъ,
Великихъ, славныхъ, цѣлыхъ, стройныхъ
Кто можетъ Россовъ возмутить?

* * *

О! вы, украшенные нынѣ
Гражданскихъ почестей вѣнцемъ,
Поборствуйте ЕКАТЕРИНѢ
Всякъ въ чинѣ, въ званіи своемъ.
Держа въ рукахъ Ея уставы,
Народные управьте нравы,
Устройте щастье всѣхъ; покой;
Причастники Ея щедротамъ,
Послѣдуйте Ея добротамъ,
Учитесь жертвовать собой.

* * *

Прославленная во вселенной,
Царица нашихъ душъ, сердецъ!
Воззри, какъ въ вѣчности нетлѣнной
Готовится Тебѣ вѣнецъ;
Народы, племена, языки,
Согласны составляя лики,
Твои возносятъ похвалы.
Усердна Муза! преклонися,
Сей дерзости своей чудися,
Умолкни; свѣтъ гремитъ, внемли.

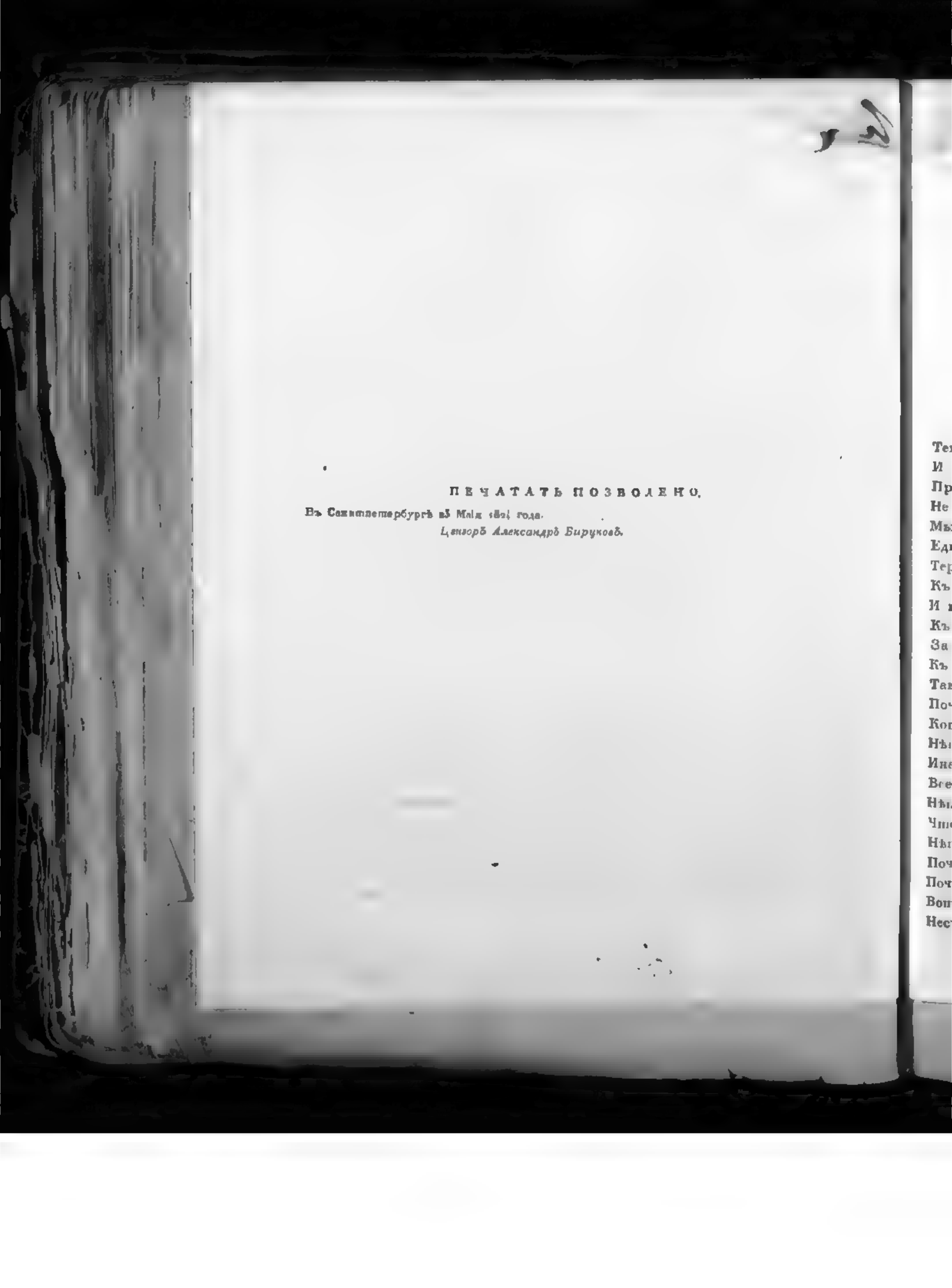
НАУКА

БЫТЬ ЩАСТЛИВЫМЪ.

Сочиненіе *Духовскаго.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома.
1824 года.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО.

Въ Санктпетербургѣ 23 Маія 1824 года.

Ценсоръ Александръ Бируковъ.

НАУКА
БЫТЬ ЩАСТЛИВЫМЪ.

I.

Прекрасна роза! Но — какъ скоро увядаетъ!
Теперь прельщаетъ насъ, а завтра потеряетъ
И прелесть, и красу. — Не такъ ли подъ луной
Проходитъ красота, веселіе, покой?
Не такъ ли прелести, надежда, восхищенье?
Мы ищемъ щастья въ нихъ, а ловимъ ослѣпленье.
Едва касаемся мы розы на кустахъ,
Терпъ колетъ дерзкій персты и остается — прахъ!
Къ чему же было намъ за розами стремиться
И щастія искать, чтобъ щастія лишиться?
Къ чему гоняться намъ за славой, за мечтой,
За блескомъ почестей, богатствомъ, красотой?
Къ чему? — Въ нихъ щастья нѣтъ, въ нихъ щастья не бывало! . .
Такъ! такъ! Но все безъ нихъ чего-то сердцу мало! . .
Почто бы на землѣ, почтобы намъ и жить,
Когда бы не могли мы радостей ловить?
Нѣтъ! есть здѣсь щастіе! Насъ сердце увѣряетъ;
Иначе для чего насъ чувство возбуждаетъ
Всегда къ нему летѣть, всегда его искать?
Нѣтъ щастья на землѣ, чтожъ щастіемъ назвать?
Что имъ именовать привыкли всѣ народы?
Нѣтъ, не таковъ законъ всещедрыя природы.
Почтожъ и рабъ, и царь его боготворятъ?
Почто же жизнію такъ люди дорожатъ?
Вотъ смертнаго девизъ: живи и наслаждайся.
Несчастливъ? Потерпи, дней ясныхъ дожидайся.

Быть можетъ, щастіе безъ зву къ тебѣ придетъ,
Богатство, почести и славу принесетъ,

II.

И такъ насъ щастіе въ *богатствѣ* ожидаетъ?
Вотъ отъ чего насъ такъ богатство привлекаетъ!
Какимъ же волшебствомъ и перлы, и алмазъ,
И злато, и сребро прельщаютъ взоры въ насъ?
Прекрасной видъ, когда надъ сердцемъ у прелестной
Гирлянды жемчуговъ льютъ свѣтъ и блескъ чудесной,
Иль вкругъ толпится чернь, толпятся вкругъ рабы!
Какъ лестно всякому любимцемъ быть судьбы,
Быть первымъ въ обществахъ и изумлять всѣхъ взгляды
И съ каждымъ днемъ мѣнять наряды на наряды! —
И такъ, кто золотомъ богатъ, то щастливъ сталъ?
Ахъ! нѣтъ! мнѣ кажется, не то я испыталъ:
Я видѣлъ, иногда и тамо слезы льются,
Гдѣ плески радости и пѣсни раздаются.
Нерѣдко дерзкою, невидимой стопой
Угрюма, злая грусть безвременной порой
Ходя изъ дома въ домъ, тамъ дольше остается...
Гдѣ злату и сребру и щета не ведется.
Нерѣдко въ тишинѣ и сумракѣ ночей
Она шипитъ, какъ змѣй, у ложа богачей . . .
Видалъ я, ту же грудь вздымали огорченья,
Надъ коею вокругъ блистали украшенья.
Межъ тѣмъ какъ селянинъ средь хижины своей
Спокойно хлѣбъ-соль ѣстъ съ веселою семьей.
Захочетъ, отдохнетъ; захочетъ, потрудится
И счастливъ, счастливъ онъ: въ немъ злоба не гнѣздится,
Благословеніе на нивахъ у него.
Запасшись нужнымъ, онъ не ищетъ ничего.
Когда луна взойдетъ надъ ближнею рѣкою,
Въ свой челнъ садится онъ и крѣпкою рукою.
Бросаетъ въ воды сѣть, и сѣть его полна!
Свидѣтель щастія лишь самъ онъ и луна.
И два-три, можетъ быть, иль брата, иля друга,
Или, подъ часъ, его усердная супруга.

Потомъ вложивъ весло дубовое въ свой челнъ
Съ добычею своей онъ ѣдетъ съ чистыхъ волнъ
Подъ кровомъ прадѣдовъ покоемъ насладиться.
Покоемъ? А богачъ потѣетъ и трудится,
За чѣмъ же? Можетъ быть, за картою въ рукахъ!
Тутъ ни пріязни нѣтъ, ни радости въ сердцахъ!
Одинъ готовитъ ковъ, другой предупреждаетъ:
Ищижъ тамъ счастія, гдѣ счастья не бываетъ.
Куда взошла корысть, тамъ щастья не найдешь!

III.

Гдѣ жъ ты, о щастіе безцѣнное, живешь?
Скажи, какими намъ дойти къ тебѣ путями;
А мы, мы пламенно горимъ къ тебѣ сердцами.
Ты не въ чертогахъ ли вельможей и князей?
Не въ титлахъ ли, чинахъ, и множествѣ честей?
Иначе для чего искать вельможамъ *славы?*
Въ ней блескъ, въ ней щастіе? — Вельможи точно правы!
Конечно, тотъ щастливъ, кто титла заслужилъ
Трудомъ и правдой, кто для блага міра жилъ:
Но слава безъ заслугъ Славянамъ незавидна.
Ужомъ и жабою искать наградъ имъ стыдно.
Намъ лучше почестей совсѣмъ не получать,
Чѣмъ рабски у вельможъ поклоны раздавать,
И то, что говорятъ, оправдывать изъ лести.
Нѣтъ! Въ почестяхъ такихъ немного людямъ чести.
Напрасно пилигримъ, родной оставя край,
За моремъ думаетъ найти блаженный рай.
Вездѣ одинъ уставъ премудрыя природы;
И въ Сейнѣ, и въ Невѣ не медъ течетъ, а воды.
Въ Парижахъ хорошо; конечно, все тамъ есть,
Но въ маскѣ дружества тамъ часто ходитъ лесть,
Тамъ мода ложный блескъ показываетъ свѣту,
Тамъ суетность манитъ и бѣднаго въ карету . . .
И какъ же можно намъ тамъ щастіе найти,
Гдѣ надобно идти по скользкому пути?
Мы, кажется, хотимъ жить тамъ — надъ облаками;
Но что жъ? Семь тысячь лѣтъ мечты текутъ мечтами.

И для чего бы намъ отличій здѣсь искать?
Не всѣмъ ли общая земля сія намъ мать?
Не всѣ ли мы равно родимся, умираемъ?
Не всѣ ли равныя могилы ожидаемъ?
Напрасно, другъ — богачь, возносишь ты чело:
Смотри — и дерево для гроба возрасло.
Пусть шпилы начертятъ тебѣ на мавзолеѣ;
Тамъ шпіля ненужны; не спросятъ, кто знатнѣе?
Тамъ добрыя дѣла, не золото блеститъ,
И пышный монументъ лишь прахъ отяготитъ.
Вотъ гордыхъ счастіе, вотъ все ихъ утѣшенье!
Вотъ все, что можетъ міръ отдать имъ въ награжденье!
Вотъ все, что суетность даритъ имъ на земли! —
И вы, дипломы, гнить останетесь въ пыли!

IV.

Пей, ѣшь и веселись, коль хочешь жить щастливо:
Такъ *роскошь* говоритъ съ улыбкой прихотливой.
То правда, веселъ, смѣлъ роскошный на пиру.
Я въ немъ участіе сердечное беру
И щастья въ немъ найти, мнѣ кажется, возможно.
Ахъ! ясно видятъ всѣ, что щастье это ложно!
Того ни въ пышности, ни въ нѣгѣ сладкой нѣтъ,
Что прочнымъ щастіемъ вселенная зоветъ.
Теперь роскошный бодръ, теперь съ нимъ все смѣется,
А завтра и ему знать скуку приведется.
Теперь при немъ друзей числа и мѣры нѣтъ,
А завтра первый другъ его же осмѣетъ.
Теперь онъ вина пьетъ Бургунды и Шампаны,
Теперь летаетъ онъ на облакѣ мечтаній,
А завтра призраки разсыплются какъ прахъ.
И что жъ придумала намъ роскошь на пирахъ?!
Какіе странные распространились нравы!
Какія новыя мы вздумали забавы!
Чѣмъ другу вѣрной другъ желаетъ угодить?
Чтобъ сокомъ Вакха въ немъ разсудокъ затемнить!
Что жъ выгоды имѣть намъ менѣе разсудка?
Сходнѣе быть съ скотомъ? Невыгодная шутка!

Я симъ усердія хозяевъ не виню,
Но на безуміе разсудка не смѣню.
Намъ лучше за большимъ веселіемъ не гнаться,
Лишь только бы съ своимъ разсудкомъ оставаться.
Но вина, скажутъ мнѣ, для вкуса хороши? —
Для вкуса? Сладки! такъ! но горьки для души!
Мы сами для себя готовимъ симъ напасти
И новыя во всемъ выдумываемъ страсти.
Мы множествомъ затѣй потомковъ удивимъ
И наши прихоти загадкой будутъ имъ.
Склони къ разврату слухъ: ты въ голосѣ Сирены
Услышишь лесть, обманъ, коварство и измѣны.
Что сластолюбіе? Оно есть алчный змѣй,
Который пестротой прелестною своей
Влечетъ къ себѣ и умъ, и сердце, и желанья.
Пріятенъ свистъ его, пріятны ожиданья;
Но подойди, и онъ смертельно уязвитъ,
И язвы сей ничто, ничто не изцѣлитъ,
А что ужаснѣе, мы сами забываемъ,
Когда сей язвою опасною страдаемъ.
Мы сами ищемъ зло, когда его кленемъ,
И гдѣ огонь горитъ, мы масло тамо льемъ.
Безуменъ, кто себя питаетъ нѣгой, страстью:
Онъ въ лабиринтъ зашелъ, идти мечтая къ щастью.
Когда на немъ лѣта морщины начертятъ,
Надежды отъ него мгновенно отлетятъ
И въ сердцѣ пустота останется и скука.
Гдѣ жили прихоти, жить будутъ грусть и мука,
И Парка ранѣе желѣзомъ пресѣчетъ
Нить жизни у того, кто въ роскоши живетъ.
Коль щастье въ роскоши, то щастіе забудемъ,
Такому щастію завидовать не будемъ,
Такое щастіе нелестно никогда.
Не лучше ли цѣной полезнаго труда
Купить себѣ добро нельстивое, прямое
И между тѣмъ прожить сей краткій вѣкъ въ покоѣ,
За быстрый часъ утѣхъ годами не платить
И въ призракахъ, въ мечтахъ тѣнь щастья не ловить?

V.

Воздвигнемъ же, друзья, алтарь всемощной *модѣ*.
Извѣстно намъ ея владычество въ народѣ,
Извѣстны всѣмъ ея и сила, и законъ.
Передъ ея златой, великолѣпной тронъ
И бѣдный, и богачъ, юродивый и мудрый
Несутъ посильный даръ богатый или скудный.
Что жъ у богини сей хотятъ они просить?
Чтобъ щастіемъ блеснуть, что бъ въ щастіи прожить!
И такъ бѣжимъ и мы, дары свои приносимъ;
Быть можетъ, щастія и мы себѣ испросимъ.
Какъ лестно передъ ней колѣна преклонять
И подъ ея законъ убранства покорять!
Намъ скажутъ: лучше быть никакъ уже не можно!
Въ послѣднемъ вкусѣ все: прекрасно! Такъ и должно! —
Въ послѣднемъ вкусѣ? Такъ! послѣдній это вкусъ,
Когда за прихоти взялась святая Русь!
Питомецъ нѣжности пусть будетъ жить по модѣ,
Пусть лавры жнетъ себѣ отличія въ народѣ,
Пусть сердце и языкъ по модѣ у него;
Избавь васъ Богъ, друзья, отъ щастія сего!
На что намъ тысячи учтивостей примѣрныхъ?
Ихъ лучше пять-шесть словъ нельстивыхъ, но усердныхъ.
Что будетъ, естьли всѣ по модѣ станутъ жить
И моднымъ дружествомъ за дружество платить?
Не такъ у насъ отцы и дѣды наши жили;
Они змѣевъ съ собой сосѣдямъ не носили,
Не цѣловали ихъ лобзаніемъ льстецовъ . . .
Не дай Богъ видѣть мнѣ, чтобъ градъ моихъ отцовъ
Подобные себѣ присвоить вздумалъ нравы!
Когдабъ въ немъ стали всѣ чтить модные уставы,
Тогда бы отъ гробовъ отцевъ моихъ отсель
Я первый убѣжалъ за тридевять земель!

VI.

Гдѣжъ намъ искать тебя, любезнѣйшее щастье!?
Вездѣ на свѣтѣ есть и ведро, и ненастье.

Въ чертогахъ, въ хижинахъ, во храмахъ, въ шалашахъ,
Повсюду бѣдствія разносятъ скуку, страхъ,
Печаль, отчаянье, рыданіе, смущенье.
Мы сѣемъ радости, а зрѣетъ огорченье.
Духъ злобы распростеръ повсюду мракъ и тьму,
Разставилъ сѣть коварствъ и сердцу и уму,
И мы, безумные, самихъ себя терзаемъ;
Лобзая сѣть сію, мы съ нею утопаемъ.
Смотри, какъ жадный Кронъ въ обманахъ суеты
Льетъ на вселенную свѣтъ ложный и мечты;
Смотри, какъ цѣпь временъ онъ грозно сотрясаетъ
И роковымъ жезломъ утесы сокрушаетъ,
Смѣняя ночью день и днемъ смѣняя нощь,
Снѣдаетъ блескъ земной, величіе и мощь,
И зыблетъ небеса десницею своею.
Увы! падемъ и мы подъ тяжестію сею!
Что жизнь? Мечта! что міръ? Онъ машина страстей!
Съ друзьми веселись; а тайно слезы лей!

VII.

Тогда какъ суетность міръ вихритъ съ грозной властью,
Есть тайный талисманъ, чтобъ путь найти по щастью.
Не порошокъ ли то волшебной, золотой?
Нѣтъ! нѣтъ! но *миръ души, довольство и покой.*
Пусть громы въ пламени горъ ребра потрясаютъ;
Небойся: небеса неправду въ нихъ караютъ.
Пусть врагъ твой роетъ ровъ погибели тебѣ;
Не проклинай его, оставь его судьбѣ;
Онъ самъ въ него падетъ коварствомъ отягченный;
А ты въ молчаніи, ты съ сердцемъ откровеннымъ
Безбѣдно проживешь; любовь тебѣ во слѣдъ
Съ пріязнью, дружествомъ и щастіемъ пойдетъ.
Тогда какъ жадному и всей вселенной мало,
Ты будь доволенъ тѣмъ, что небо ниспослало.
Чего на свѣтѣ нѣтъ? Всего не соберешь!
Коль нагъ ты въ міръ пришелъ, то нагъ и отойдешь;

VIII.

Щастливъ, кто многаго не ищетъ подъ луною,
Невинныхъ не тѣснитъ, и чистъ своей душою
И въ Зевсовы вѣсы неправды не кладетъ.
Онъ истиннымъ путемъ до щастія дойдетъ.
Щастливъ, кто не такъ подъ грудью злобы змія,
Чье сердце не тѣснятъ заботы роковыя,
Кто бѣдныхъ за звѣрей на свѣтѣ не щиталъ,
Но съ ними въ нужный часъ всѣ нужды раздѣлялъ.
Щастливъ, кто никого лить слезы не заставилъ
И зло своихъ враговъ безъ мщенія оставилъ.
Пусть сферы рушатся, но онъ неколебимъ:
Онъ выше міра тьмы, Богъ свѣта ходитъ съ нимъ.

Щастливъ, кто руку далъ испытанному другу,
Кто по сердцу нашелъ разумную супругу,
Кто тихо, безъ громовъ, подъ тѣнью въ свѣтѣ жилъ:
Богатъ иль небогатъ, всегда онъ щастливъ былъ!
Пусть черный клеветникъ чернитъ его въ народѣ;
Кто можетъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ природѣ,
Тотъ не заботится, какъ думаютъ объ немъ.
Какимъ бы кто ни шелъ невиннѣйшимъ путемъ,
Языкъ злорѣчія всегда найдетъ причину.
Онъ перечислитъ все: умъ, нравы, поступь, мину
И въ пяту уязвитъ. — Побѣда изъ побѣдъ!
Но станетъ правота, главу змія сотретъ;
Предъ ней и адъ, и смерть, и злоба постыдится.
Вотще коварство здѣсь надъ щастіемъ трудится:
Коварство никогда въ храмъ щастья не взойдетъ.
Одинъ лишь путь — прямой ко щастію ведетъ.

ЭЛЕГІЯ

на поминовеніе

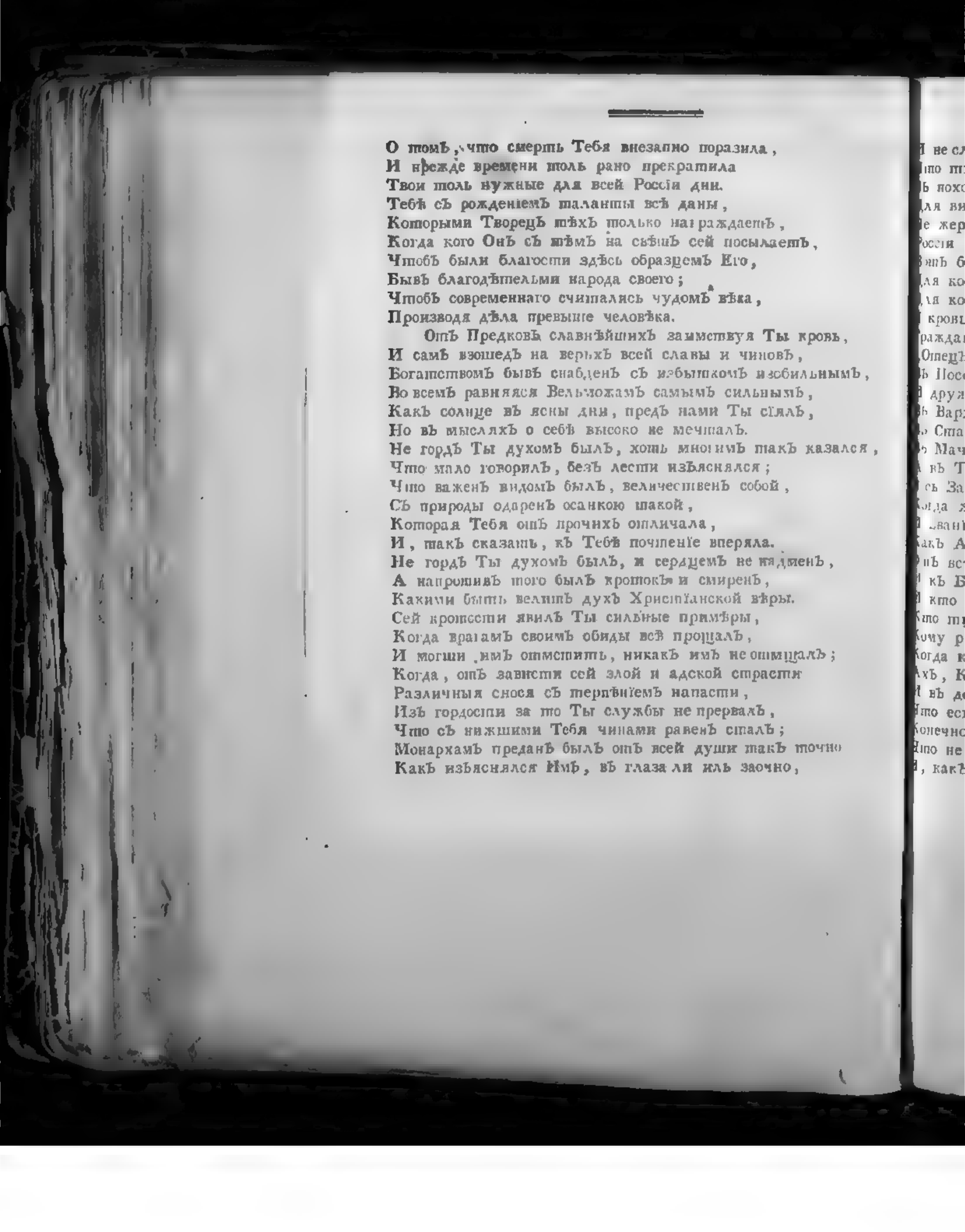
КНЯЗЯ

ИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

РЕПНИНА,

по прошествіи перваго года послѣ кончины его

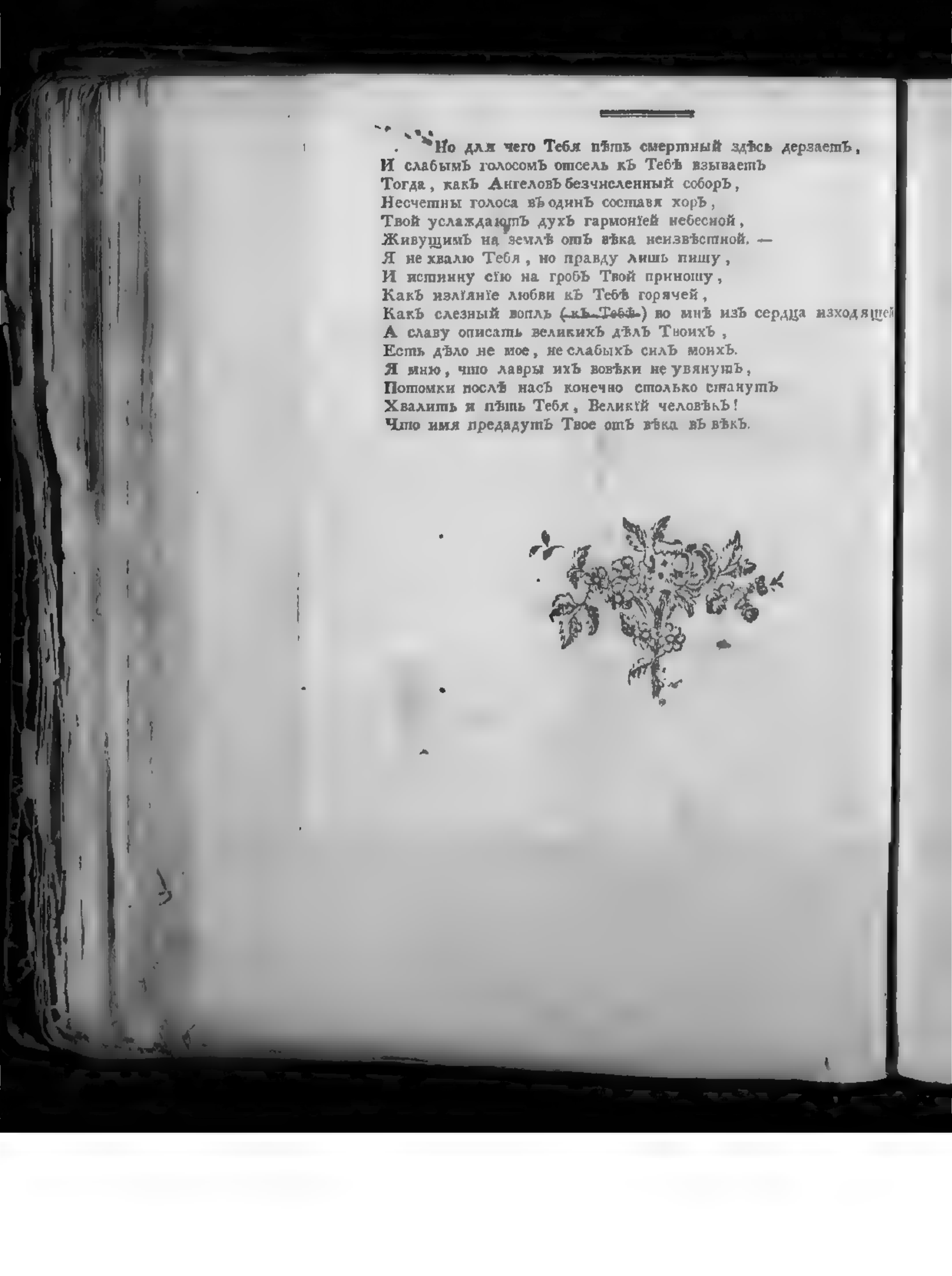
Когда, исполнивши долгъ Христіанской вѣры,
На лонѣ первенца Твоей любимой дщери
ы, Князь, вздох..увъ на вѣкъ глаза свои закрылъ.
ъ нещастію тогда я самовидцемъ былъ
ѣхъ ужасовъ и сценъ безмѣрной той печали,
ъ какою долгъ Тебѣ послѣдній отдавали
е только ближніе, — окрестной весь народъ,
бравшись у дверей и у Твоихъ воротъ,
вою оплакивалъ смерть горькими слезами. —
вы! ужь годъ минулъ, какъ Ты разстался съ нами!...
се — собравшись мы при гробѣ здѣсь Твоемъ,
вой лобызаемъ прахъ, и горьки слезы льемъ



О томъ, что смерть Тебя внезапно поразила,
И прежде времени толь рано прекратила
Твои толь нужные для всей Россіи дни.
Тебѣ съ рожденіемъ таланты всѣ даны,
Которыми Творецъ тѣхъ только награждаетъ,
Когда кого Онъ съ тѣмъ на свѣтъ сей посылаетъ,
Чтобъ были благости здѣсь образцемъ Его,
Бывъ благодѣтельми народа своего;
Чтобъ современнаго считались чудомъ вѣка,
Производя дѣла превыше человѣка.
Отъ Предковъ славнѣйшихъ заимствуя Ты кровь,
И самъ взошедъ на верьхъ всей славы и чиновъ,
Богатствомъ бывъ снабденъ съ избыткомъ изобильнымъ,
Во всемъ равняяся Вельможамъ самымъ сильнымъ,
Какъ солнце въ ясны дни, предъ нами Ты сіялъ,
Но въ мысляхъ о себѣ высоко не мечталъ.
Не гордъ Ты духомъ былъ, хоть многимъ такъ казался,
Что мало говорилъ, безъ лести изъяснялся;
Что важенъ видомъ былъ, величественъ собой,
Съ природы одаренъ осанкою такой,
Которая Тебя отъ прочихъ отличала,
И, такъ сказать, къ Тебѣ почтеніе вперяла.
Не гордъ Ты духомъ былъ, и сердцемъ не надменъ,
А напротивъ того былъ кротокъ и смиренъ,
Какими быть велитъ духъ Христіанской вѣры.
Сей кротости явилъ Ты сильные примѣры,
Когда врагамъ своимъ обиды всѣ прощалъ,
И могши имъ отмстить, никакъ имъ не отмщалъ;
Когда, отъ зависти сей злой и адской страсти
Различныя снося съ терпѣніемъ напасти,
Изъ гордости за то Ты службы не прервалъ,
Что съ нижшими Тебя чинами равенъ сталъ;
Монархамъ преданъ былъ отъ всей души такъ точно
Какъ изъяснялся Имъ, въ глаза ли иль заочно,

И не словами лишь, дѣлами доказалъ,
Что ты Ихъ искренно любилъ и почиталъ.
Въ походахъ ли бывалъ противъ враговъ извѣстныхъ,
Для видовъ собственныхъ и для себя лишь лестныхъ
Не жертвовалъ людьми, водимыми Тобой.
Россія щастіе, Европы всей покой —
Вотъ были для Тебя предметы тѣ любезны,
Для коихъ проходилъ крутизны горъ и бездны;
Для коихъ не щадилъ Ты никакихъ трудовъ,
И кровь свою пролить былъ завсегда готовъ.
Гражданскіе ли гдѣ Ты надзиралъ законы,
„Отецъ Ты былъ!„ гласятъ народовъ милліоны.
Въ Посольствахъ ли бывалъ? — Россіи дѣлалъ честь,
И дружбу недруговъ умѣлъ ей пріобрѣсть.
Въ Варшавѣ усмирилъ мятежные раздоры,
Въ Стамбулѣ почитать заставилъ договоры;
Въ Мачинѣ прекратилъ кровавую войну;
А въ Тешенскихъ стѣнахъ возставя тишину,
Весь Западъ отъ нее и бѣдъ ея избавилъ. —
Когда же наконецъ дѣла Ты всѣ оставилъ,
И званія съ себя публичныя сложилъ,
Какъ Ангелъ въ небесахъ, въ безмолвіи Ты жилъ;
Отъ всѣхъ мірскихъ суетъ и злобы уклонился,
И къ Богу одному всемъ сердцемъ прилѣпился.
И кто не испыталъ Твоей души добротъ?
Кто тщетно отходилъ, прося Твоихъ щедротъ?
Кому рука Твоя на помощь не спѣшила?
Когда кого иль злость или бѣдность тяготила —
Ахъ, Князь! Ты сердцемъ такъ былъ добръ, такъ щедръ рожденъ,
И въ добродѣтели толико утвержденъ,
Что естьли бы Тебѣ такъ сдѣлать было можно,
Конечно бъ сдѣлалъ Ты, — и тотчасъ, неотложно,
Что не было бъ межъ насъ нещастныхъ николи,
И, какъ на небесахъ, мы жили бъ на земли!

Но для чего Тебя пѣть смертный здѣсь дерзаетъ,
И слабымъ голосомъ отсель къ Тебѣ взываетъ
Тогда, какъ Ангеловъ безчисленный соборъ,
Несчетны голоса въ одинъ составя хоръ,
Твой услаждаютъ духъ гармонїей небесной,
Живущимъ на землѣ отъ вѣка неизвѣстной. —
Я не хвалю Тебя, но правду лишь пишу,
И истину сїю на гробъ Твой приношу,
Какъ излїянїе любви къ Тебѣ горячей,
Какъ слезный вопль (~~къ Тебѣ~~) во мнѣ изъ сердца изходящей
А славу описать великихъ дѣлъ Твоихъ,
Есть дѣло не мое, не слабыхъ силъ моихъ.
Я мню, что лавры ихъ вовѣки не увянутъ,
Потомки послѣ насъ конечно столько станутъ
Хвалить и пѣть Тебя, Великїй человѣкъ!
Что имя предадутъ Твое отъ вѣка въ вѣкъ.



етъ,

заходящ

48.

49.

50.

51.

52.

Елегия на [illegible].
[illegible]стопа. Автор - А6 [illegible]
[illegible] [illegible]ов 3710.

ЕЛЕГІЯ.

ELEGIA.

НА МОИСЕЯ ЕПИСКОПА СМЕРТІЮ НАСИЛЬСТВЕННОЮ УБИТАГО.

IN MOSEM EPISCOPUM, MORTE VIOLENTA PEREMTUM.

Тебя, который являлся съ жезломъ блистающимъ обыкновенно
Te, qui conſpicuus baculo fulgente ſolebas
    Христіанскія священныя устами созывалъ стада,
    Chriſtiadum ſacros ore ciere greges,
Послѣдняя изъ проповѣдниковъ, и тебя проповѣдника неба,
Ultima praeconum, praeconem te quoque coeli,
    Смерть восхищаетъ, и званія не щадитъ сама своего. —
    Mors rapit, officio nec favet ipſa ſuo. —
Смерть жестокая! не довольно ли, что свирѣпыя чувствуетъ гнѣвы
Mors fera! nonne ſatis, ſaevas quod ſentiat iras
    На земли древо каждое гордое твои;
    In terris arbor quaeque ſuperba tuas;
И что повѣянныя твоимъ увядаютъ лилеи смертоносіемъ
Quodque afflata tuo marceſcant lilia tabo,
    И шафранъ, и красной Венерѣ посвященная роза;
    Et crocus, et pulchrae Cypridi ſacra roſa.
Что подъ тобою падаетъ, которая по жидкомъ пресвободно небѣ
Quod tibi ſuccumbit, liquido quae plurima coelo
    Возносится на крылахъ, хотя предвѣщательница, птица;
    Evehitur pennis, quamlibet augur, avis;

И кои въ тысячныхъ дремучихъ бродятъ животныя лѣсахъ,
Et, quae mille nigris errant animalia ſylvis
    Не убѣгаютъ никогда печальныхъ правъ твоихъ? —
    Effugiunt nunquam triſtia jura tua? —

Завистливая! толикая когда тебѣ дозволена власть,
Invida! tanta tibi cum ſit conceſſa poteſtas,
    Какое удовольствіе человѣческимъ омочать пораженіемъ руки?
    Quid juuat humanâ tingere caede manus?

Какое удовольствіе грудь небесную твоими поразить стрѣлами,
Quid pectus caeleſte tuis feriiſſe ſagittis,
    И полубожную душу убійствомъ изгонять своимъ?
    Semideamque animam caede fugaſſe tua?

Такъ то священное все ты смерть безвременная опорочиваешь!
Scilicet omne ſacrum mors importuna profanas!
    И даже изъ храмовъ въ дупловатые струбы влечешь!
    Atque vel a templis in caua buſta trahis!

Свирѣпая! . . . но почто я на свирѣпость твою жалуюся?
Saeva! . . ſed ecquid ego ſaevam te conqueror eſſe?
    Моисей! и смерть для тебя несвирѣпа была.
    Moſes! mors etiam non tibi ſaeua fuit —

Серпы она свои хотя натягаетъ на всѣхъ,
Falces illa ſuas quamuis intendit in omnes,
    Однако она тебя погубила, серпъ употребивъ не свой.
    Non te falce tamen perdidit vſa ſuâ.

Тебя, увы! убійствомъ жестокимъ пораженнаго смерть восхитила мрачная,
Te, proh! caede ferâ ſtratum mors abſtulit atra,
    Но отъ убійства руки удержала она свои.
    Sed de caede manus abſtulit illa ſuas.

То есть, что и та, которая ни чѣмъ, какъ токмо погибелію утѣшается,
Scilicet haec etiam, quae nil niſi perdere gaudet,
    Погубить тебя, Моисей, сама принуждена была.
    Perdere te, Moſes, ipſa coacta fuit.

Кт

Кто убо столь зловреденъ, смерти зловреднѣе самой,
Quis fuit ergo nocens tam, morte nocentior ipsa,

Которой принудилъ и смерть зловредствовать тебѣ?
Compulit et mortem qui nocuiffe tibi?

Какая рука то была, Фурій только достойная лютыхъ,
Quae manus illa fuit, Parcis modo digna feveris,

Кровію которая не убоялася омочиться твоею?
Sanguine non timuit quae maduiffe tuo?

Кто не великимъ зломъ наречетъ пасть подъ смертію;
Quis non grande malum dicat, fuccumbere morti;

Видя вражеская жизнь похищаетъ рука?
Hoftili vitam praeripiente manu?

Но колико тяжчѣй, когда тебя злобно погубилъ другій,
At quanto gravius, dum te male perdidit alter,

И самому осуждену быть вездѣ въ убійствѣ своемъ?
Ipfum damnari caedis vbique fuae?

Есть сіе великое зло, коего нѣтъ болѣе зла:
Eft hoc grandē malum, quo non eft grandius vllum:

Ибо кто такъ умираетъ, умершимъ по всему почтенъ будетъ.
Nam qui fic moritur, mortuus omnis erit.

Моисей! во горніе ты нынѣ вознесенъ страны,
Mofes! aethereas qui nunc elatus ad oras,

Веселяся въ нихъ радости несумнительныя чувствуешь,
Exultans in ils gaudia certa capis,

Столь жестокое зло недавно тебѣ приключилося оное:
Tam crudele malum nuper tibi contigit illud:

Ты убійства самъ своего причиною наименованъ.
Tu necis ipfe tuae caufa vocatus eras.

Жизнь у тебя погибла, но что и жизни болѣе,
Vita tibi periit; fed quod vitâ quoque majus,

Непорочности честь уже погибнуть имѣла.
Integritatis honor jam periturus erat.

Жизнь у тебя погибла, и слухъ разглашалъ несправедливый,
Vita tibi periit, rumorque fonabat iniquus,

Что самъ ты жизнь предвосхитилъ свою.
Ipfum te vitam praeripuiffe tuam.

Слухъ горестный молчи, и не продолжай злодѣйствомъ вымышленнымъ
Rumor acerbe tace, nec pergas crimine ficto

Неповиннаго мужа имя уже марать!
Innocui nomen jam maculare Viri.

Тотъ ли, который другихъ довольно отъ вреда отвращалъ всякаго,
Js ne, alios noxâ bene qui prohibebat ab omni,

Самъ нынѣ восхотѣлъ столь зловредствовать себѣ?
Ipfe nunc voluit tam nocuiffe fibi?

И который рукою собственною себя убившихъ осуждалъ самъ,
Quique manu propriâ caefos damnaverat ipfe,

И преисподнимъ ихъ посвящалъ самъ Богамъ,
Tartareifque illos vouerat ipfe diis;

Тотъ ли, который обличалъ, могъ содѣлать преступленіе,
Jfne, quod arguerat, poterat committere crimen,

Тотъ ли могъ собственною себя заклать рукою?
Js potuit propriâ fe jugulaffe manu?

Тотъ ли, который спасая другихъ велъ къ звѣздамъ,
Ille ne, qui fervans alios ducebat ad aftra,

Самъ въ воды могъ себя опровергнуть адскія?
Se fub aquas potuit praecipitaffe Stygis?

Слухъ горестный молчи, и не продолжай преступленіемъ вымышленнымъ
Rumor acerbe tace, nec pergas crimine ficto

Неповиннаго мужа имя уже марать.
Innocui nomen jam maculare Viri!

Когда представляется онаго убійства печальнѣйшій образъ,
Cum fubit illius triftiffima caedis imago,

Коимъ благочестивая жизнь у тебя столь злодѣйственно отнята:
Quâ pia vita tibi tam malè demta fuit;

Ахъ!

Ахъ! духъ воспомянуть ужасается, и отъ плача спрятывается,
Heus! animus meminiffe horret luctuque refugit;

Но не можетъ онъ духа не воспомянуть твоего.
Sed nequit ille animi non meminiffe tui.

Се алчущіе безчестной добычи и убійства разбойники
En avidi turpis praedae caedifque latrones,

На твои стремительно перси честные нападаютъ.
In Tua praecipites pectora cafta ruunt.

И бѣсняся чрезмѣрно трясутъ страшные мечи,
Bacchantefque nimis agitant horrentia tela,

Уже тебя, уже жестокимъ убійствомъ убить готовятся:
Iam te, jam durâ caede necare parant:

И одинъ лютѣе прочихъ, съ ворчаніемъ свирѣпымъ,
Et quidam ferior reliquis, en murmure faeuo,

Изъ жестокихъ устъ таковыя испустилъ слова:
Crudeli tales mitit ab ore fonos:

Будь ты хотя невиненъ, нашимъ однако мечемъ погибнешь:
„Sis licet innocuus, noftro tamen enfe peribis:

Такъ повелѣваетъ волнующая перси наша ярость.
„Sic jubet exagitans pectora noftra furor.

„*Но ежели злѣ не хощешь ты раны многія подъять,*
„Sed malè fi nolis tu vulnera multa fubire,

И твои члены уже растерзанные убійству предать:
„Et tua membra neci jam laniata dari:

Прежде, нежели въ твоей груди вонзено будетъ остріе,
„Ante, tuo fuerit quam condita pectore cufpis,

Самъ ты злодѣйство наше именемъ скрой своимъ,
„Ipfe scelus noftrum nomine conde tuo,

И кои убійствомъ твоимъ осквернимъ, ты омый руки,
„Et quas caede tuâ maculabimus, ablue dextras,

Притворяя, что ты нашего преступленія виновенъ.
„Te fimulans noftri criminis effe reum:

Сотвори,

Сотвори, чтобъ твоя десница подписала бумагу, и обманула бы подписанiемъ,
,,Fac tua dextra notet chartam, fallatque notando

Что она смочена убiйствомъ господина своего.
,,Se tinctam domini caede fuiſſe ſui.

Такъ онъ говоритъ, и повторяетъ угрозы, и мысль трепещущею
Sic fatur, repetitque minas, mentemque tremente

Боязнiю возмутить силится онъ твою.
Conturbare metu nititur ille tuam.

Ты однако непоколебимъ пребываешь и смѣешся грозящему,
Tu tamen immotus remanes, rideſque minantem,

И разсматриваешь, какъ имя защитить свое;
Et cernis, nomen quî tueare tuum;

Разсматриваешь, какъ бы ты себя очистить отъ преступленiя возмогъ,
Cernis, quî purgare necis te crimine poſſis,

И въ молчанiи съ собою таковые слова творишъ:
Et tacitus tecum talia verba facis:

,,*Да убiенъ буду я нещастливый, ежели мнѣ такъ судьбы опредѣлили,*
,,Occidar infelix, ſi ſic mihi fata tulerunt:

,,*Противу завистныхъ кто устоять судебъ можетъ?*
,,Inuida quis contra ſiſtere fata poteſt?

,,*Да убiенъ буду я нещастливый, но дабы у меня злодѣянiемъ убiйства*
,,Occidar infelix, ſed ne mihi crimine caedis

,,*Имя и честь вмѣстѣ отяготившись нынѣ не пали.*
,,Nomen honoſque ſimul nunc onerata cadant.

,,*Пиши рука! — насильственная рука тебя писать принуждаетъ. —*
,,Scribe manus! — violenta manus te ſcribere cogit. —

,,*Но берегись господина ты замарать своего.*
,,Sed caveas dominum tu maculaſſe tuum.

О семъ размышляя, напослѣдокъ ты пишешь; и писанное такъ прочитывается:
Haec meditans, tandem ſcribis; ſic ſcripta leguntur,

Уже я умираю, однако я въ томъ не виноватъ. —
Iam morior, nec ego ſum tamen ipſe reus. —

Ты

Ты еще не кончилъ писать; а уже разбойникъ кровожаждущій
Nec dum finieras fcriptum; jam latro cruentus

Свирѣпствуетъ, и мечемъ онъ лютый тебя убиваетъ своимъ.
Saevit et enfe ferus te necat ille fuo.

И не медленно: слава твою смерть разноситъ поспѣшно по градамъ,
Nec mora: Fama tuam mortem fert promta per urbes,

Притомъ разноситъ, что собственною себя ты убилъ рукою.
Fert quoque, fert, propiâ te periiffe manu.

Который вину смерти своея самъ у себя отъялъ,
Qui culpam mortis propriae fibi fuftulit ipfe,

Тотъ своея смерти почитается быть виновнымъ?
Ille fuae mortis dicitur effe reus?

Удержи слухъ безразсудный, удержи свои языки,
Comprime Fama tuas temeraria comprime linguas,

Ты стремительный вымышлять умолчи и только истинну разглашай.
Ficta tace praeceps, & modo vera canas.

И ты свирѣпая клевета не разширяй свои зѣвы:
Nec tu faeva tuos extende Calumnia rictus:

Надъ чистымъ отъ беззаконія нимало тебѣ, гадкая! власти нѣтъ.
In purum fceleris nil tibi foeda licet.

О вождь вѣчныя жизни и учитель спасенія,
O dux perpetuae vitae doctorque falutis,

Самъ однако жизни лишенный ты!
Ipfe tamen vita qui fpoliatus eras!

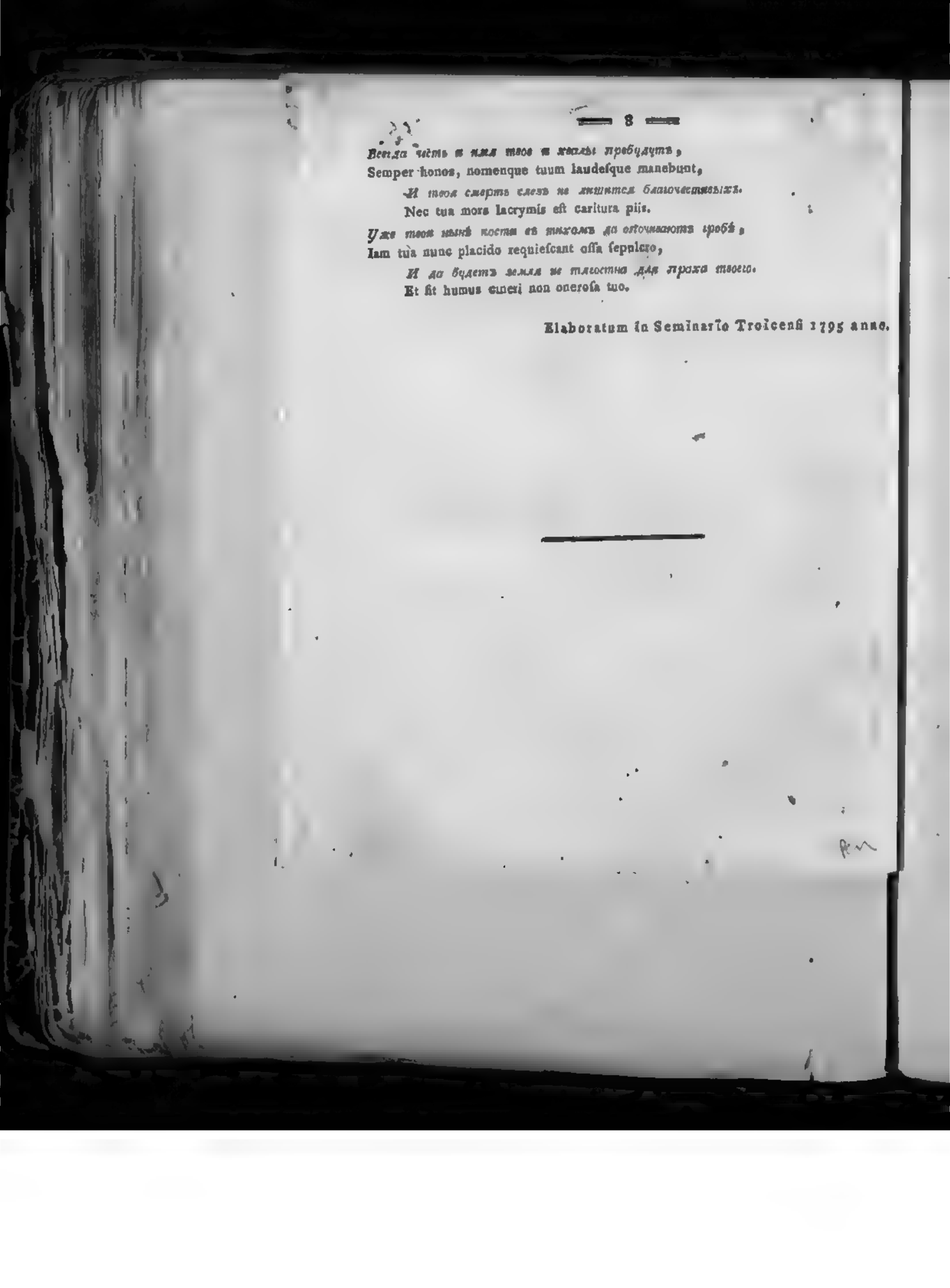
О священнаго твердый столпъ и защита рода,
O facrae firmum columen tutelaque gentis,

Самъ однако пораженный нынѣ убійствомъ лежишъ!
Ipfe tamen ftratus qui modo caede jaces!

Уже ты духомъ живешъ никогда не имѣя умереть на небеси,
Jam tu animo vivis, nunquam moriturus in aftris,

Всегда и на земли именемъ живъ будешъ.
Semper & in terris nomine vivus eris.

Всегда



Всегда честь и имя твое и хвалы пребудутъ,
Semper honos, nomenque tuum laudeſque manebunt,

И твоя смерть слезъ не лишится благочестивыхъ.
Nec tua mors lacrymis eſt caritura piis.

Уже твои нынѣ кости въ тихомъ да опочиваютъ гробѣ,
Iam tua nunc placido requieſcant oſſa ſepulcro,

И да будетъ земля не тягостна для праха твоего.
Et ſit humus cineri non oneroſa tuo.

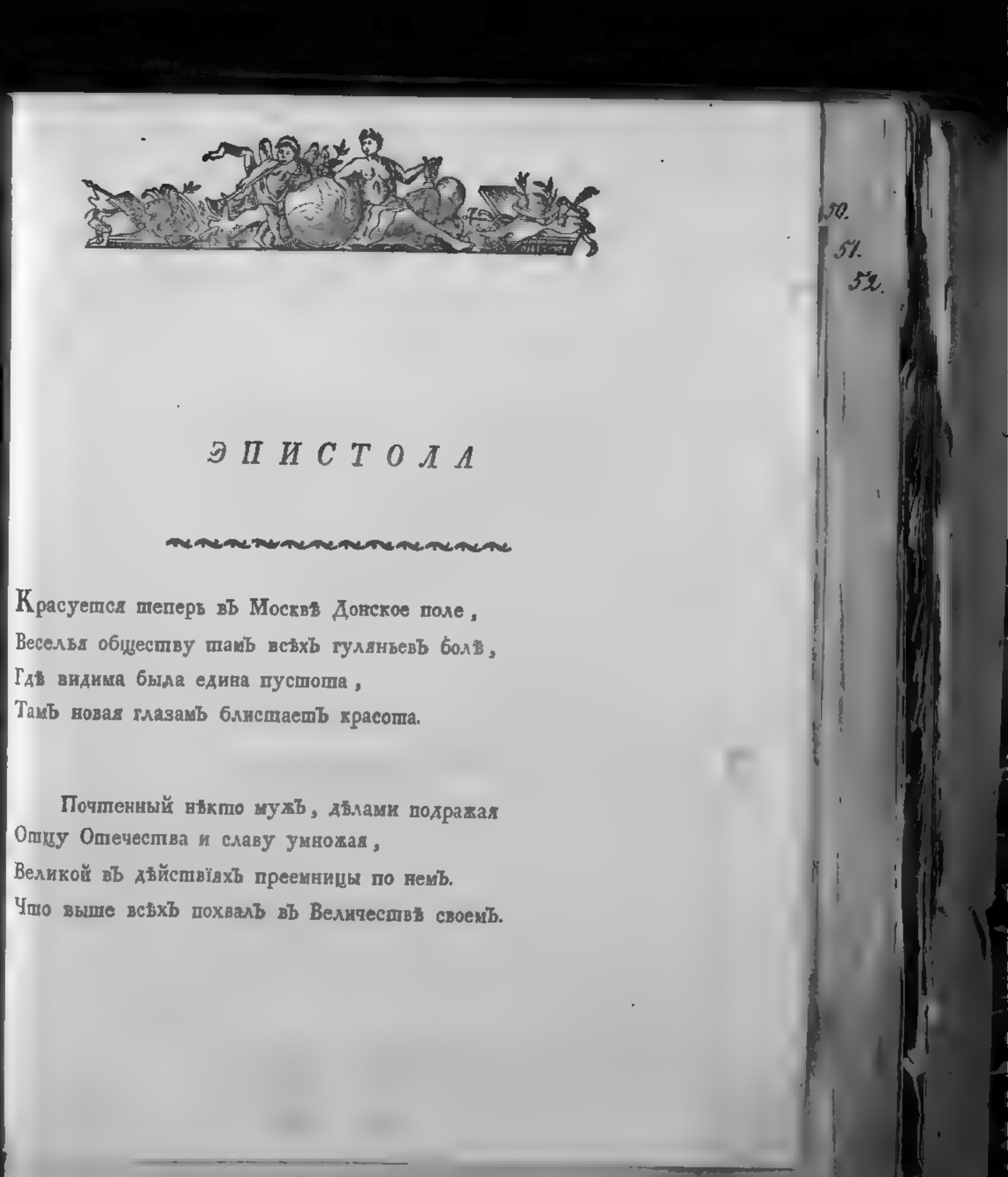
Elaboratum in Seminario Troicenſi 1795 anno.

ЭПИСТОЛА.

ЕГО
ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ
АЛЕКСѢЮ ПЕТРОВИЧУ

САВЕЛОВУ.

1795 года.



ЭПИСТОЛА

Красуется теперь въ Москвѣ Донское поле,
Веселья обществу тамъ всѣхъ гуляньевъ болѣ,
Гдѣ видима была едина пустота,
Тамъ новая глазамъ блистаетъ красота.

Почтенный нѣкто мужъ, дѣлами подражая
Отцу Отечества и славу умножая,
Великой въ дѣйствїяхъ преемницы по немъ.
Что выше всѣхъ похвалъ въ Величествѣ своемъ.

Не тщетное воздвихъ тамъ мѣсту украшенье,
Но пользы истинной Геройско утѣшенье,
Въ пріятность обратилъ тотъ праздный поля лугъ!
Рыстанья конскаго возстановившїй кругъ,
Радя о благѣ всѣхъ трудами и забавой,
Чтобъ каждой Россовъ шагъ сопровожденъ былъ славой,
И сдѣланное имъ въ предметѣ семъ начало.
Благоволенїе Минервы увѣнчало.
Она съ желаніемъ на то простерла взоръ,
Въ Россіи утвердить достоинствъ всѣхъ соборъ,
И мысль свою къ его усердью обратила,
Для поощренія щедротой озлатила.
Дабы межъ множества текущихъ благъ при ней,
Всѣ тщились заводить надеждныхъ силъ коней;
И такъ охотники счастливо веселитесь.
МОНАРШЕЙ благости вы свѣтомъ озаритесь.
И въ видѣ таковыхъ полезнѣйшихъ утѣхъ,
Явите обществу желаемой успѣхъ.

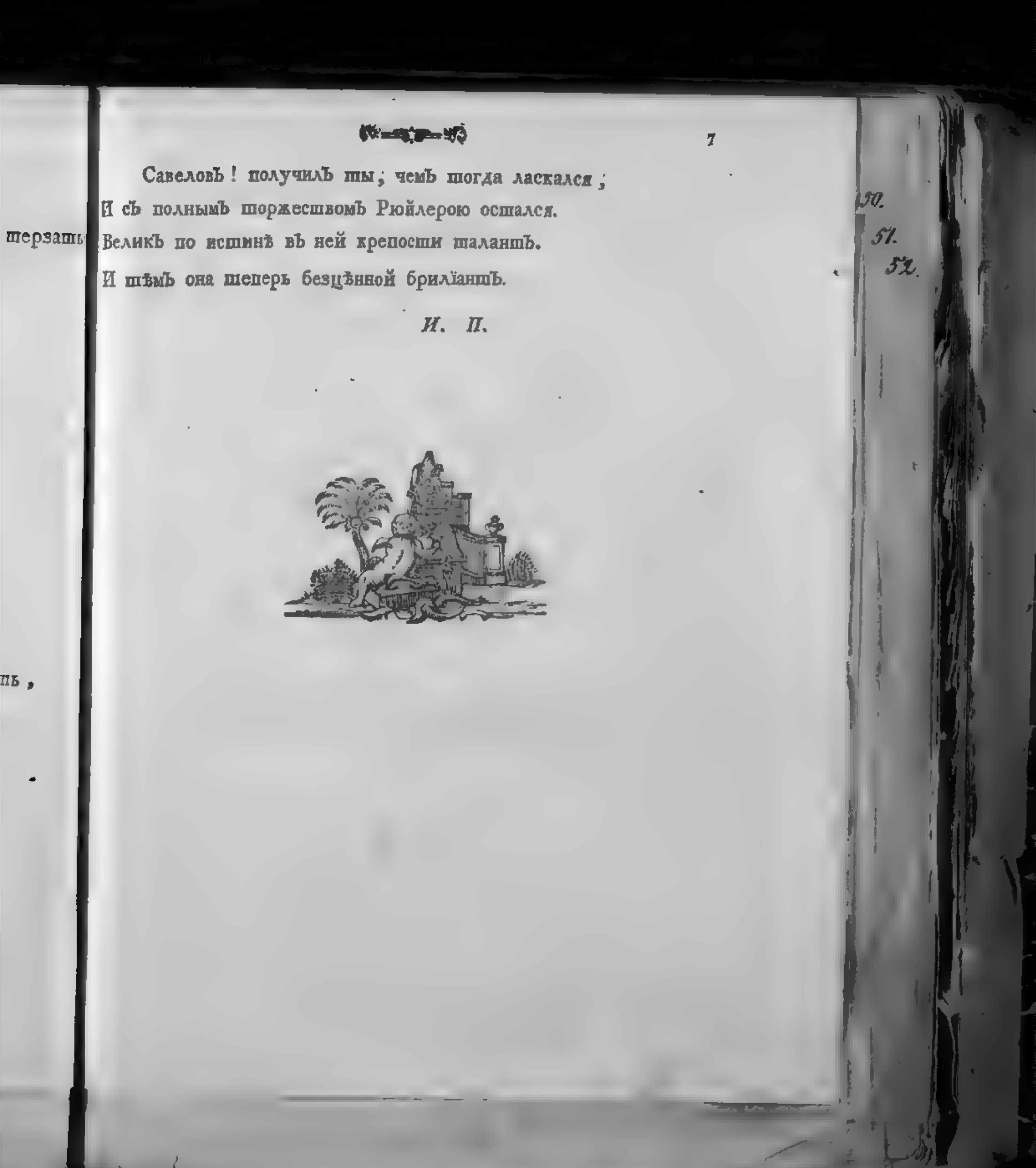
Савеловъ! рѣчь мою теперь къ тебѣ склоняю,
Хвалу Тебѣ воздать за долгъ себѣ вмѣняю;

Рюйлера конь твой здѣсь прославила себя,
И столькожъ принесла утѣхи для тебя.
Два раза вдругъ она была съ побѣдой къ ряду,
Два кубка принялъ ты въ достойную награду.
Она то скоростью умѣла пріобрѣсть,
Что множитъ въ существѣ твоей охоты честь;
Съ двумя конями разъ, потомъ съ шестью скакала,
Но въ резвости себѣ подобной не сыскала.
И кто хоть мало мнилъ у ней быть въ переди,
Тотъ съ мыслью тою былъ мгновенно позади.
Взять тѣхъ круговъ конецъ, начало и средину.
То зрѣли въ ней тогда прелестную картину.
Какъ ратный вождь она въ преди у всѣхъ текла,
И скачущихся съ ней какъ плѣнниковъ влекла.
То правда, что хвалы желать всѣмъ обычайно,
Но взять у ней передъ, то былобъ чрезвычайно?
Она какъ молнія мелькала кругъ за кругъ,
Надежду всѣхъ въ тщету преобратила вдругъ.
Оставя четырехъ безъ выскачки за флагомъ,
Смущенно вышедшихъ изъ круга тихимъ шагомъ;
И всѣ желатели тогда себѣ побѣдъ,
Дивясь и сѣтуя взирали ей во слѣдъ.

Льзяль тѣ изъобразить критически минуты,
Сколь радостны они охотнику и люты?
Ни что въ насъ страстныхъ чувствъ не можетъ такъ терзать
Какъ лѣстна мысль когда вдругъ станетъ исчезать.
Лишь двѣ соперницы съ ней нѣсколько равнялись,
И прыткостью своей одна съ другой мѣнялись.
Тамъ Вишня конь взяла въ одномъ кругу перїодъ,
Какъ предъ Рюйлерою заборъ свалилъ народъ.
Хоть та нечаянность въ побѣдѣ ей и льстила,
Но взять Рюйлера верьхъ ни какъ не допустила,
И дѣло довѣла совсѣмъ въ другой конецъ,
Не Вишнѣ былъ Сужденъ торжественной вѣнецъ,
Въ великой разницѣ у нихъ по скачки мѣра,
Чѣмъ первенство взяла предъ ней тогда Рюйлера;
Въ комъ силъ природныхъ нѣтъ, не льзя ихъ прикупить,
Такъ слабой твердому повиненъ уступить,
Когда Рюйлерины стопы въ кругахъ мелькали,
То зрители ей всѣ хвалой рукоплескали,
И такъ же всѣми былъ хвалимъ ее сѣдокъ,
Что въ родѣ есть своемъ искуснѣйшїй ѣздокъ.

Савеловъ! получилъ ты, чемъ тогда ласкался;
И съ полнымъ торжествомъ Рюйлерою остался.
Великъ по истинѣ въ ней крепости талантъ.
И тѣмъ она теперь безцѣнной бриліантъ.

И. П.



ЖЕРТВА ХВАЛЕНІЯ,

которую

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ,

ВСЕАВГУСТѢЙШЕМУ

и

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ,

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ

ВСЕЯ РОССІИ,

ВѢНЧАННОМУ и ПРЕВОЗНЕСЕННОМУ,

во благознаменитый и всерадостнѣйшій для Церкви, Отечества и Музъ день Коронаціи и Священнаго Мѵропомазанія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВО БЛАГОДАРСТВЕННОМЪ ИСПОВѢДАНІИ

со всеподданнѣйшимъ усердіемъ и благоговѣніемъ привѣтствуя

приноситъ

Московская Славено-Греко-Латинская Академія,

1801 года Сентября дня.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА,

въ Университетской Типографіи,

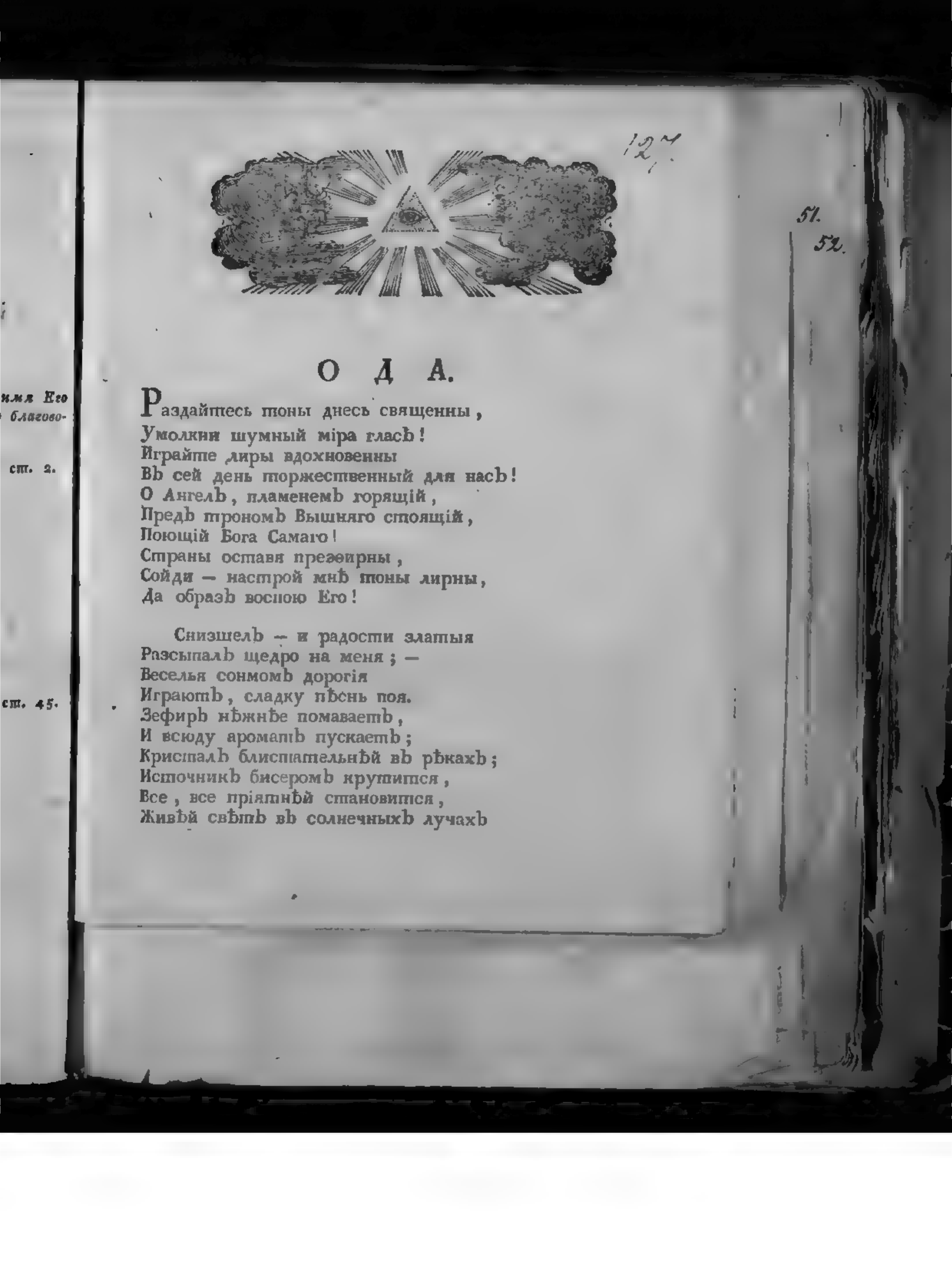
у Хр. Клаудія.

И сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ, да восхвалятъ имя Его въ лицѣ, въ тимпанѣ и Псалтырѣ да поютъ Ему, яко благоволитъ Господь въ людѣхъ своихъ.

Псал. 149. ст. 2.

Отъ избытка сердца уста глаголютъ.

Лук. гл. 6. ст. 45.



127

О Д А.

Раздайтесь тоны днесь священны,
Умолкни шумный міра гласъ!
Играйте лиры вдохновенны
Въ сей день торжественный для насъ!
О Ангелъ, пламенемъ горящій,
Предъ трономъ Вышняго стоящій,
Поющій Бога Самаго!
Страны оставя преѳирны,
Сойди — настрой мнѣ тоны лирны,
Да образъ воспою Его!

Снизшелъ — и радости златыя
Разсыпалъ щедро на меня; —
Веселья сонмомъ дорогія
Играютъ, сладку пѣснь поя.
Зефиръ нѣжнѣе помаваетъ,
И всюду ароматъ пускаетъ;
Кристалъ блистательнѣй въ рѣкахъ;
Источникъ бисеромъ крутится,
Все, все пріятнѣй становится,
Живѣй свѣтъ въ солнечныхъ лучахъ

Такъ чувство, радостью священной
Упившись, рай повсюду зритъ;
Такъ духъ, любовью воспаленной,
Восторгъ питаетъ и живитъ! —
МОНАРХЪ, отъ Вышняго избранный,
Рукой Небесъ самихъ вѣнчанный!
Ты нашихъ всѣхъ утѣхъ виной.
Тобой мы сердце наполняемъ,
Тобой блаженство обрѣтаемъ,
Ты намъ даешь миръ и покой.

Какъ Ты сіяешь на Престолѣ,
Еще полшара Фебъ протекъ:
Но сколько благъ излилъ оттолѣ!
Онѣ числу подобны рѣкъ,
По всей подсолнечной текущихъ,
Лугамъ обиліе дающихъ.
Не столько Фебъ лучей своихъ
На землю каждый день пускаетъ,
Колико щастія вкушаетъ
Всякъ отъ щедротъ, Отецъ! Твоихъ.

Всевышній, царствъ земныхъ Владѣтель,
Любилъ Россію искони;
Узрѣвъ безсмертну Добродѣтель,
Измѣривъ доблести Твои,
И нынѣ въ знакъ благоволенья
Къ ней Скиптръ вручилъ Тебѣ Правленья;
Чтобы дивился цѣлой свѣтъ
Людей, какъ многимъ миліонамъ
Блаженство мудрымъ по законамъ
Единый юный Царь даетъ.

Избралъ Богъ древле Моисея,
Чтобъ быть Израилю вождемъ;
Небеснымъ свѣтомъ умъ одѣя,
Велѣлъ Премудрости жить въ немъ;
Верхи Синайскіе дымились,
И блески молній въ тучахъ вились,
Какъ Богъ законъ ему вручалъ;
Пророкъ, Всевышнимъ наученной,
Снизшелъ на долъ съ горы священной,
И свѣтъ вокругъ его блисталъ.

Не могши снесть сего сіянья,
Израиль ужасъ ощущалъ,
И слыша Вышняго вѣщанья,
Ихъ слышать больше не желалъ.
Ему былъ страшенъ гласъ небесный,
Хотѣлъ внимать глаголъ лишь смертный
И такъ къ Пророку говорилъ:
„Вѣщай устами къ намъ твоими,
„Чтобъ Богъ глаголами Своими
„Во громѣ насъ не поразилъ!„

Но, АЛЕКСАНДРЪ, пріявъ Державу,
Ставъ горнимъ блескомъ осіянъ,
Всему даруетъ нову славу,
И радость льетъ на Россіянъ,
Его правленію врученныхъ.
Колико благъ неоцѣненныхъ
Пріялъ чрезъ Скиптръ Его народъ!
Вездѣ пріятности разлились,
Сердца весельемъ оживились,
Сталъ теплымъ Югомъ хладный Нордъ.

Глаголы Мудрости небесной
Россъ слыша чрезъ уста Его,
Восторговъ въ море погруженной,
Въ Царѣ зритъ Бога Самаго,
Гласитъ: „Монархъ! вѣщай къ народу,
„Да Богъ, глаголяй къ древню роду,
„Тобой глаголетъ нынѣ къ намъ;
„Да миръ на землю возвратится,
„Да мечь на рало премѣнится,
„Да жизнь живетъ по всѣмъ мѣстамъ!„ —

О Царь! глаголешь — всѣ соплещутъ,
Къ Тебѣ усердіемъ дыша;
Всѣ полный взоръ любови мещутъ,
Во всѣхъ одна къ Тебѣ душа! —
Иной, полвѣка управляя,
Предѣлы царства расширяя,
Бываетъ только лишь Царемъ;
Но что для подданныхъ милѣе,
Предъ Богомъ болѣе, святѣе? —
Ты сталъ намъ Другомъ и Отцемъ.

Превыше ставъ другихъ добротой,
Превыше сталъ Ты и Себя.
Подобенъ Богу кто щедротой,
Того Всесильный возлюбя,
Изъ человѣка Богомъ ставитъ,
Да человѣкъ Его прославитъ,
Зря истый Образъ предъ Собой
Его Державы безпредѣльной,
Его Любови несравненной,
И Правоты Его Святой.

Какъ въ теплы майски дни прекрасны
Подъ тѣнью миртовыхъ древесъ,
Гдѣ ручейки бѣгутъ прозрачны,
Пернатые, оставивъ лѣсъ,
Пріятно, нѣжно воспѣваютъ,
Играютъ, рѣзвятся, порхаютъ:
Такъ днесь всѣ зря Тебя, МОНАРХЪ,
Вѣнцемъ, какъ солнце, украшенна,
Ликуютъ! — Мысль въ нихъ восхищенна,
Любовь пылаетъ въ ихъ сердцахъ.

ВЪ ЕЛИСАВЕТѢ вѣнценосной,
Въ сей Собесѣдницѣ Твоей,
Луны сіянье зрится полной,
Котора ясностью своей
Дни тихи міру обѣщаетъ. —
Вѣнецъ МАРІИ изливаетъ
Какъ солнце благотворный свѣтъ,
И въ Чадахъ, Ею въ свѣтъ рожденныхъ,
Въ Полубогахъ сихъ несравненныхъ,
Желаній зрится всѣхъ предметъ.

Средь сихъ восторговъ вожделѣнныхъ
Несусь къ началу я временъ...
Зрю первый клубъ сѣмянъ смѣшенныхъ,
Изъ коихъ міръ сей сотворенъ;
Когда ничтожество преспало,
Ничто вещественность пріяло,
Надъ начинаньемъ симъ вещей
Духъ Божій жизненный носился,
Которымъ хаосъ оживился,
Разлился свѣтъ въ природѣ всей.

Тогда невидима вселенна,
Пріявши стройность, красоту,
Звѣздами стала испещренна,
Одѣлась въ нову лѣпоту;
Полна явилась чудесами,
И воды сладкими рѣками
Изъ чистыхъ нѣдръ ея текли.
Безсмертный, Ангеламъ подобный,
Правдивый, искренній, незлобный,
Тогда былъ смертный на земли.

Се духъ сугубый днесь снисходитъ
На Россовъ мудраго Царя;
Небесный свѣтъ въ Него низводитъ,
Его помазаннымъ творя!
Се сила Духа благодатна,
Незрима намъ и необъятна,
Свои дары въ Него ліетъ,
Да Онъ, украсившись дѣлами,
Какъ небо новое звѣздами,
Собой украситъ цѣлый свѣтъ!

Колики чудеса въ Немъ зрятся,
Достойны памяти вѣковъ!
И рѣки милостей катятся,
Поящи Росскихъ всѣхъ сыновъ.
Въ Немъ духъ владычній, духъ правдивый,
Духъ кроткій, духъ миролюбивый,
Живѣйшій Образъ Божества.
Его дѣлами удивленна,
Увидитъ цѣлая вселенна
Въ Немъ дивно чудо естества.

Премудрость Богу присѣдяща,
Просилъ съ небесъ что Соломонъ,
Народамъ въ правдѣ судъ гласяща,
Живетъ въ Немъ — ею дышетъ Онъ. —
Ея въ коронѣ блескъ сіяетъ;
Она Державу утверждаетъ,
Чрезъ ону Скиптръ Его цвѣтетъ;
Порфира оной украшенна,
И духомъ Бога осѣненна,
Подъ кровомъ всѣхъ своимъ спасетъ.

Свѣтись, Іерусалимъ священный!
Красуйся, Росская страна!
Его лучами оживленный,
Какъ солнцемъ сребряна луна,
Блистайте, мраковъ, бурь не зная!
Главу скорпіи попирая,
Гоните гордость и развратъ;
Любови пламенникъ усердной,
Имѣя предъ Царемъ возженной,
Вкушайте щастіе стократъ!

Блаженствуйте спокойны села!
Играйте долы и луга! —
Не зная радости предѣла,
Плещите веселы брега! —
Вы рѣки радостью крутитесь
И мирно въ Океанъ катитесь;
Пріявъ начало въ тишинѣ,
Морскимъ пучинамъ вы скажите;
И тѣмъ ихъ ярость укротите,
Что въ нашей миръ цвѣтетъ странѣ! —

Дожди! довольство изливайте
Долинамъ нашимъ и полямъ! —
Весело молніи блистайте,
Дая растеніе плодамъ! —
Гремите радостію, громы! —
Вы, снѣги, вихрями несомы,
Кидайте подъ стопами пухъ,
И благу нашему радѣя,
Поля скрывайте отъ Борея,
Храните отъ Эола лугъ.

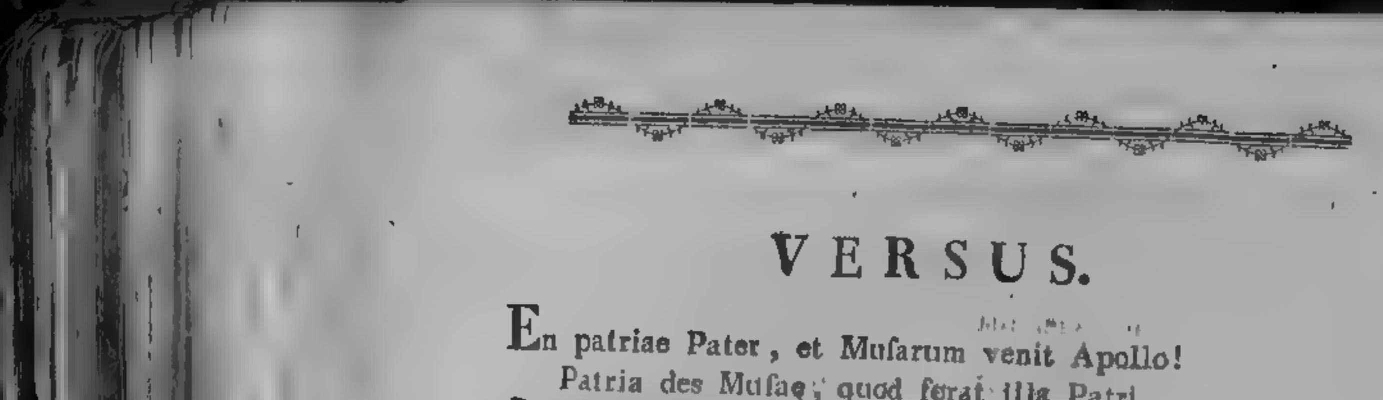
А ты; планетъ о вождь небесной,
О Фебъ! почто отъ насъ бѣжишь?
Почто другой ты полвселенной
Свой теплый свѣтъ излить спѣшишь?
Ужель стыдишься, зря краснѣе
У Россовъ солнце и теплѣе?
Теки — насъ не обьиметъ хладъ; —
Въ МОНАРХѢ солнце мы имѣемъ,
Къ Нему любовью пламенѣемъ —
Даетъ Онъ тысящи отрадъ; —

Отрадъ, вѣнчающихъ блаженствомъ
Народовъ многи племена,
Отрадъ поящихъ благоденствомъ
Людей, что Росская страна
Въ себѣ содержитъ и питаетъ.
Онъ ихъ живитъ и согрѣваетъ. —
Они щастливы; — щастьемъ ихъ
Тому не льзя не восхищаться,
Даетъ кто онымъ наслаждаться
По множеству щедротъ Своихъ.

181.

МОНАРХЪ, всѣхъ радостей начало,
О Царь любезный Небесамъ!
Въ Тебѣ намъ солнце возсіяло,
Еще дающе жизнь сердцамъ.
Возрадуйся, зря неизчетны
Тобою племена блаженны!
Ты столько льешь на всѣхъ щедротъ,
Что мы, числомъ ихъ удивленны,
Не можемъ, какъ бы изумленны,
Представить всѣхъ Твоихъ добротъ.

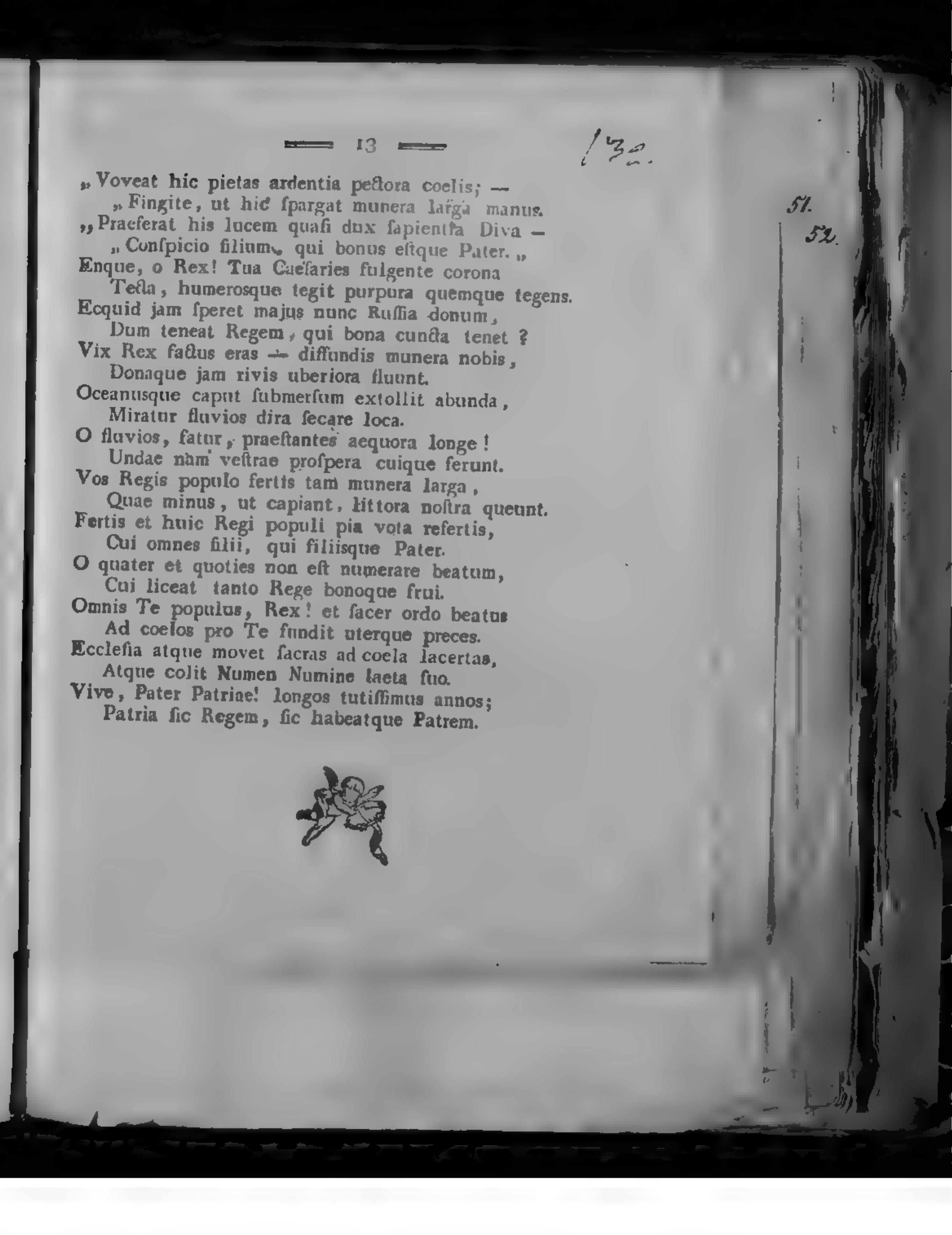
Творецъ! умножь лѣта драгія
МОНАРХА, нашего Отца;
Онѣ да будутъ всѣ златыя,
Какъ блескъ драгій Его вѣнца;
Да въ вѣкъ живетъ ЕЛИСАВЕТА,
Какъ роза, къ украшенью свѣта!
Да весь Всеавгустѣйшій Домъ
Незыблемъ будетъ безконечно —
И Россовъ благоденствво вѣчно
Да возгремитъ вездѣ, какъ громъ! —



VERSUS.

En patriae Pater, et Musarum venit Apollo!
Patria des Musae, quod ferat illa Patri.
Des Ei, quiquo Tuo crescunt sub pectore flores,
Quos mittat Patri, qui illius estque Pater.
Atque tuos misce Musae simul ignibus ignes,
Flammas cum flammis ut ferat ipsa suis.
Advenis atque moves, o Rex! pia corda Tuorum,
Non secus atque Deus corda movere solet.
Tu datus es nobis summo de Numine Numen,
Magna ut sis magni Numinis effigies.
O Rex, quem Deus in celsa sede ipse locavit,
Et cum justitia sceptra tenere dedit!
Tu quoniam Patriae Rector dicare Paterque:
Utere more Dei nomen adeptus idem.
Uteris, o Rex! et nullus moderatius unquam
Imperii potuit frena tenere sui.
Viderat hoc Deus — et populos de Rege precantes,
Qui bona vult populo, Cui bona vult populus;
Vidit — coelicolasque urget sic vocibus: „Ite
„Cui coeli nondum gloria honosque datus;
„Ite modo Regique meos committite honores;
„Quoque caput tangit sidera, serta ferat;
„Brachia, quae certae recti sanctique columnae
„Purpurea niteant sidereaque toga.
„Splendeat hic virtus vario depicta colore;
„Splendeat hic rectum junctum animo facili;

„ Voveat hic pietas ardentia pectora coelis; —
„ Fingite, ut hic ſpargat munera larga manus.
„ Praeferat his lucem quaſi dux ſapientia Diva —
„ Conſpicio filium, qui bonus eſtque Pater. „
Enque, o Rex! Tua Caeſaries fulgente corona
Tecta, humerosque tegit purpura quemque tegens.
Ecquid jam ſperet majus nunc Ruſſia donum,
Dum teneat Regem, qui bona cuncta tenet ?
Vix Rex factus eras — diffundis munera nobis,
Donaque jam rivis uberiora fluunt.
Oceanusque caput ſubmerſum extollit abunda,
Miratur fluvios dira ſecare loca.
O fluvios, fatur, praeſtantes aequora longe!
Undae nam veſtrae proſpera cuique ferunt.
Vos Regis populo fertis tam munera larga,
Quae minus, ut capiant, littora noſtra queunt.
Fertis et huic Regi populi pia vota refertis,
Cui omnes filii, qui filiisque Pater.
O quater et quoties non eſt numerare beatum,
Cui liceat tanto Rege bonoque frui.
Omnis Te populus, Rex! et ſacer ordo beatus
Ad coelos pro Te fundit uterque preces.
Eccleſia atque movet ſacras ad coela lacertas,
Atque colit Numen Numine laeta ſuo.
Vive, Pater Patriae! longos tutiſſimus annos;
Patria ſic Regem, ſic habeatque Patrem.



ὝΜΝΟΣ.

Κῦδος ἢ Θεῷ ὑψίςῳ! —
"Ἔντροφοι χθονὸς Ῥωσσίας!
Στοναχῶν πάυεσθε πάντων —
Μὴ θοβεῖσθε πώποτ' ὔμμες —
Δάκρυσιν μὴ τέγγετ' ὄσσε!
Πολυγήθεα θροεῖτε! —
Νῦν ἌΝΑΞ εγέρθη κλέυς,
Σωφροσύνης ζαθέης τέ,
Εἰκὼν ἀρετῆς — ἐλέυς —
Ἄνθος ἄγλαον χαρίτων —
Κρυνὸς ἐυποιίης πᾶσι.
Θεῖον ἔδος ἐυσεβίης —
Κλάδος ἄξιος ῥὰ ΠΕΤΡΟΥ·
Καὶ Μεγάλης ἐν Ἀνάσσαις
Τῆς Σοφῆς ΑἸΚΑΤΕΡΙΝΗΣ
Κόσμημ' — ἀληθὲς δὴ ἦθος. —
Ἄνθει ἐν Ῥοσσία! — ἄνθει! —
"Ἤνθης ἐυοδὲς Σὺ ἄνθος,
Παλαιόθεν ὄγε τόσῳ
Πόθῳ ἐπρόσμεινες. — Μόσχα!
Κροτεῦσα Σ' ἐθρόοισιν
Νῦν καὶ ἐυφραδέσσιν ὕμνοις
Κελαδῦσα συνάντησον·
Σῆσιν ἄνθει χαιρομένη;

Ἀγκάλησω — ἀποδέχου
Βασιλῆα Σου — Προςάτην,
Ὅς ἀφ᾽ ἐδράνου σεβάςου
Κλῆρον πᾶσιν ὑπογράφει
Κ᾽ εὐρηχόρου ὅςις χθονὸς
Καὶ θαλάσσης ἔυ ἀνάσσει.
Οὗτος ἔρχεται ἐς ἄςυ,
Ὅςις Σκήπτρῳ — ξίφει — μῆτει
Πάντ᾽ ἔδειξε κόσμῳ Αὐτοῦ
Εὔνοιαν, Θεῖόν δὲ πνεῦμα.
Οὗτος ἔρχεται ὑψῶθεν
Στεφανῆσθαι ἀφ᾽ Ὑψίςου,
Στεφανῆσαι Ῥώσσων πάλον,
Καὶ λαχεῖν πάλων ἄριςον.
Οὗτος ςέφανον τ᾽ ἔλαβε
Ὑπικόων ὅςις οἶκτον
Ὧς Πατὴρ δὴ οἰκτηρίζοι
Τέκνων ἄυτου μυρίαις
Καθ᾽ ἑκάςην εὐποιίαις. —
Βασιλεῦ Φιλόςεργ᾽ ἡμῶν!
Διάδημα Σοῦ κραδίας
Ῥώσσων πάντων — διανοίαν
Πολλῷ μᾶλλον Ἡελίου
Ἀκτίνοι περιαυγάζει
Καὶ πάντ᾽ Ἱερὰ Μουσεῖα
Παράδεισον μεταποιεῖ·

Κεῖνος τ' ἔξω γὰρ θερμαίνει·
Μόνη ὄψις Σοῦ ἐμπνέει
Νέας αἰσθήσεις — δυνάμεις
Ἡμῖν — πάντας ζωοποιεῖ —
Ἐνέργει κ' εὐτυχεστάτους
Τί ἂν Σοι θύσωμεν; οὐχὶ
Κιθάρα προσαρμόσαντες
Λιγυρωτάτας ἀοιδὰς
Ἀναβάλλωμεθα Σοίγε.
Ἀλλὰ ποσσὶν αὐτομάτως
Ὑποτίθεμεν κραδίας —
Υἱικὴν εἰλικρινείαν
Ἀβεβήβλους καὶ θελήσεις
Ἄνω τὰς ἀναπετώσας·
Ἀφθιτ'! οἴηκα Φιλάσσων
Νωϊτέρου αἰεὶ βίου
Ῥώσιν ἕνεκα Ῥωσσίας
ἈΝΆΚΤΟΣ Φιλοσόργοιο
Ἐπιτήρησον, ὡς κόρην
Ὀφθαλμοῖο· ποίησόν τε
Ἵνα κράτος Αὐτοῦ εἴη
Ὅσον ἐπικίδναται ἠώς.
Λάμψη εὖχος, οἷον ἀστὴρ
Λαμπρὸς, οὐδὲ οἴδη δύσιν. —
Μέγα Κράτεσ' ΑΛΕΞΑΝΔΡΕ!
Ἀλεξήσεις κλῆρον Ῥώσσων.

Διάδημα Σ' ἀτρεκὴ
Καὶ Σοφία ἐςι λάμψεις
Ἄρα· ὐδὲ δύσιν ἔξεις. --
Λάμψεις θαῦμα Ῥώσσων Ἔργοις!
Ἔργα· ΣΟΥ -- ἀμῶν κραδίαι --
Στέφανος Σ' ἰδὲ ἄφθαρτος ! --
Ὅπλα -- Κάρτος -- Σοῖο Ῥώμη! --

51.

52.

S C H I R.

Mofkeva ir Eleon broffiah mikol ir nazir.
Ajanta encba afcher bet ma keciot becha jacicu.
Gadol PETER ban chachmato alecha demuto tov.
EKATERINA nazid becha ceruv chemla lakol ifch.
Alecha atad melech meod jatir ALEKSANDER
Mijad eleah noheg malchut veketer lacach.
Al kol lanu tana etna lekol mitchanen ofcher.
O chedva gadola o jomin jaterim.
O jom afcher tov min lo haja lo jehi.
Hajom et ascher ad olam kore lanu chov.
Hajom chadasch meod dame larischon jom brefchit.
Matai enoscfi haja bekol et im iah betoch gan.
Haiom gadol hajom mekalil meod kabed.
Hu aldi baschamaim· kedem iheu maljachim lael.
Al ze kol holechim rabim echad oschebim hos.
Ad jehova natan colo lachem lacachtem sebadim.
Nicartem ad aschmia la chem picudim dabar pakach.
Pakach febed lakol ascher di haja vekol tamah
Uelo jodeim ladi titen enehem kol ban neged.

Larischon haja gadola chochma reschit vejam choref.
Im scheni pahak bahir cedec mijad ladi di nosche chov.
Baschelischi marjeah jatir chabjon tanot ila uchelcha.
Rebii nimgid kevod ve kevod bekol goim u lejumim,
Chamischi gadola gevura uribo rav meascher ireu.
Laschischi ipateach -chedva vihedva zot latov lora.
Od ele lakol laascher ma natan jehova pakach.
Achar ken merea vajomeru aldi abinu ze ſebed.
Dibre pi meain nibra eretz elef bazot hava,
Scham rabot mamlachot vegoim rabim iheu scham.
Rossiah jehi baze breschit meat malchut
Et di achor asitti gadola micol malchut gadola.
Et zot irjm kol umikol makom itenu sebed —
Scham keter scham esra scham oscher chedva
ALEKSANDER melech scham chacham vechacham meleſch.
Ue hinne ze ladi ſebadim titen tzabatti bajom
Bajom matai vaikach keter malchut ulibot.
Atta ALEKSANDER lakach keter malchut ulibot,
Schamaim bachedva vesebed notenim ma nachnu.
Ma bachedva gadola matai kol eretz vajoda zot —
Neranenna jachad kol lagadol av melech abinu.
O melech chai chava olam olamim oschrenu.
Jehi lecha col tov chedva kavod chalam.

135.

Herzens Empfindung der Musen.

Steigt Alexander — kommt das Glücke,
Er gießt auf breite Welt die Ruh,
Er kehrt die seegenreiche Blicke
So sanft, so mild, als Vater, zu.

Den Staat, die Kirch' und übrig's pflegen;
Was Ehr' und Nutzen fordern, thun;
Den Grund zum Glück der Nachwelt legen —
Geschäfte — die bey Ihm nie ruhn.

Es klingt so herrlich in den Ohren;
Was auch in Herzen wiederhallt:
„Zum Kaiser ist Er nur gebohren,
„Von Dem so Recht als Gnade strahlt."

Er bleibt der Herzen voller Meister,
Und keins von diesen Ihn verläßt; —
Die Milde fesselt Ihm die Geister
Und Seine Weisheit hält sie fest.

Ihm jeder kniet mit Freuden-Thränen,
Die er Flußweise niedergießt. —
Ja andre Völker sehn mit Sehnen
Den Kaiser, Der ein Vater ist.

Die Krone, so wie auf Ihm sehen,
Zu unserm Glück, zu Gottes Ruhm —
Ihm ist von Gott geschenkte lehen —
Besitzung deren — Eigenthum.

B 2

51.
52.

Des Herrn Sein unbeschränkt Gemüthe,
Das für so viele Reiche wacht,
Hat auch für scheue Musen Güte
Den Krönungs Tag so groß gemacht.

Eilt Musen, gießt Freud' vor dem Throne
Des Großen, — zünd't der Liebe Licht —
Singt seegnend Ihn im Demuths Tone,
Der sanft, laut schallt und schweiget nicht.

V E R S.

Il vient — Celui, Que Son ame peint mieux
Que tous les traits qui l'offrent à nos yeux . . .
Je dirai tout; Il permet ce que j'ose.
Son sceptre est beau comme au printems la rose;
L'amour du peuple est Son autorité:
Sa loix — croit-on? c'est notre liberté.
Grand ALEXANDRE! ah — je Te vois sourire.
[Le beau moment où ma Muse m'inspire,]
Au dernier trait d'un si brillant tableau . . .
Ce doux sourire nous charme de nouveau.

Va, va porter l'honneur du Diademe!
Le monde entier croit adorer Dieu même,
Qu'il reconnoît sous les traits d'un bon Roi . . .
Le monde viendra s'arranger sous Ta Loi!

Vient-il du Ciel, amis, cet ALEXANDRE?
Juge, il ressent la pitié pure et tendre;

Héros Monarque, Il n'aime que la paix:
Son beau triomphe eſt celui des bienfaits.
Vivons en paix ſous ces heureux auſpices,
Et de nos cœurs offrons — Lui les premices.
Nos bons ayeux vouloient des beaux momens;
Le nouveau Czar donne plus d'agrémens.
„Sert-on ailleurs, dit-il, le Roi-deſpote;
„J'aime où l'on ſert la patrie . . . „quelle note!

Viens, viens, Grand Czar, nous vaincre au premier jour!
Car ce triomphe ajôute à notre fête . . .
Tiens, tiens nos cœurs, le fruit de Ta conquete:
On ne prendrait la conquete à retour! —

Toi, Que l'on ſert — Qu'on ne ſauroit comprendre, —
Dieu, repands-Toi ſur Ton Chriſt, ALEXANDRE!
Il remplira nos voeux, grace à Ta loi;
Il en ſera, Lui — Qui eſt plein de Toi!

КАНТЫ.

КАНТЪ 1 й.

Внидите предъ Нимъ въ радости, увѣдите, яко Господь Той есть Богъ нашъ.

Псал. 99. ст. 2 и 3.

Не Ангела ли зримъ съ эѳира
Снизшедшаго во славѣ къ намъ?
Онъ дышетъ кротостью зефира,
Величественъ душею Самъ.

Ты Ангелъ нашъ — МОНАРХЪ любезный!
Твой духъ являетъ то небесный;
Ты кротокъ, благъ, великъ душей;
Богъ движетъ мыслію Твоей.

Твоя десница разсыпаетъ
Блаженство всюду и покой.
Гдѣ Ты — Марсъ бранный не дерзаетъ
Миръ сладкій возмущать войной.
Ты здѣсь — и милость съ правотою
Срѣтаются между собою,
Какъ двѣ зари съ Тобой грядутъ,
И свѣтъ свой на Москву ліютъ.

Гряди, МОНАРХЪ нашъ — Ангелъ мирной!
На градъ ликующій воззри;
Какъ Фебъ отъ высоты эѳирной
Его сіяньемъ озари!
Передъ Твоимъ, МОНАРХЪ, приходомъ,
Какъ передъ солнечнымъ восходомъ,
Ликуетъ и играетъ все
Во всей блистательной красѣ.

Главу вѣнчанну воздымаетъ
Узрѣвъ Тебя престольный градъ,
Верхъ посѣдѣлый преклоняетъ,
Зря тысящи въ Тебѣ отрадъ.
Порфирородны окружаютъ
Тебя, и небо намъ являютъ,
Текутъ какъ звѣзды солнцу въ слѣдъ; —
Въ нихъ Твой, МОНАРХЪ, сіяетъ свѣтъ.

137

51. 52.

Колико ты, Москва, блаженна
МОНАРХОМЪ кроткимЪ и благимЪ!
Добротою Его плѣненна,
Хвалися щастіемЪ своимЪ!

МОНАРХА зря благоговѣйна,
КЪ Творцу любовью вспламененна,
Послѣдуй ты Его стопамЪ,
Пролей мольбы сЪ НимЪ кЪ небесамЪ!

По сердцу нашему Избравый
Царя, о Царь земныхЪ Царей!
Внемли о НемЪ, Царь вѣчной славы!
Моленію Россіи всей:

Да АЛЕКСАНДРОВЫХЪ дѣлЪ слава,
Его вѣнецЪ, СкиптрЪ и Держава
Вселенну блескомЪ удивятЪ
И вЪ РоссахЪ будутЪ вЪ вѣкЪ сіять!

КАНТЪ 28.

Излійте предЪ НимЪ сердца ваша, поклонитеся Ему во дворѣ святѣмЪ Его!

Псал. 61. ст. 9. Псал. 95. ст. 9.

Твои моленья востекали
Отсель кЪ эѳирнымЪ небесамЪ;
Они сводЪ неба проницали,
ИхЪ воспріялЪ Зиждитель самЪ.

Гряди днесь окруженъ сынами
Въ чертогъ Твой, иль гряди въ сердца: —
Они отверсты предъ Царями,
Отверсты для Тебя Отца!

Ты къ намъ пришелъ — узрѣлъ — прославилъ,
Какъ чадъ отецъ любя своихъ;
На верхъ блаженства насъ поставилъ
Воззрѣнiемъ очей Твоихъ.

Какъ дѣти предъ отцемъ играютъ,
Такъ мы ликуемъ предъ Тобой;
Отца какъ дѣти лобызаютъ,
Такъ мы лобзаемъ образъ Твой.

Едва лице Твое узрѣли,
И восхотѣли вѣчно зрѣть;
Къ Тебѣ сердца воспламенѣли,
И будутъ вѣчно пламенѣть.

Живи, о Царь нашъ! — мы съ Тобою
Вездѣ блаженство обрѣтемъ; —
Водимы мудростью святою,
Молитвы о Тебѣ лiемъ:

138.

Блюди, Творецъ незримый нами!
Царя, Твой образъ на земли,
Дабы, имѣя предъ очами
ЕГО, мы зрѣть Тебя могли!

51.
52.

КАНТЪ 32.

Готовъ престолъ Твой! Боже!

Псал. 92. ст. 2.

Небесным свѣтомъ осіянный,
Се Россовъ Царь, какъ Богъ, грядетъ,
И Геніевъ соборъ избранный
Ему текутъ ликуя въ слѣдъ.

Небесны Ангелы! слетите
Съ священной горней высоты,
МОНАРХА кроткаго примите
Грядущаго во храмъ святый!

Его Россія провождаетъ
Съ пылающимъ въ сердцахъ огнемъ;
Его вся церковь ожидаетъ
Съ блистающимъ изъ звѣздъ вѣнцемъ.

Творецъ невидимой рукою
Съ Державой Скиптръ Ему вручалъ;
Днесь возхотѣлъ, чтобы святою
Онъ церковью вѣнецъ пріялъ.

Врата отверзитесь священны,
Да щастья нашего Творецъ,
Отецъ — МОНАРХЪ нашъ вожделѣнный,
Пріиметъ отъ Небесъ вѣнецъ!

Творецъ поставленна Тобою
Царя, избранна отъ людей,
Владѣти Росскою страною,
Храни десницею Твоей!

Ты Скиптръ вручилъ Ему съ Державой,
Надъ нами царствовать избралъ:
Прославь Его Твоею славой,
Чтобъ Онъ Тобою къ намъ сіялъ! —

КАНТЪ 4й.

Положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ отъ камени честна, живота просилъ есть у Тебе, и далъ еси Ему въ долготу дни во вѣкъ вѣка.

Псал. 20. ст. 4 и 5.

Не Моисей ли верхъ Синайской
Оставивъ, лѣпотою райской
Одѣянный низходитъ къ намъ,
Подобенъ солнечнымъ лучамъ?

Не сей бесѣдовавшій съ Богомъ,
При страшной молніи со громомъ
Израилевыхъ вождь людей;
То Царь — Отецъ Россіи всей.

Небесъ сіяньемъ окруженный,
Священнымъ мvромъ умащенный,
На коемъ Божій Духъ почилъ,
Который въ храмѣ съ Богомъ былъ.

Подобясь утренней денницѣ,
Сіяя въ свѣтлой багряницѣ,
Се Онъ грядетъ въ златомъ вѣнцѣ,
Являя Божество въ лицѣ.

Святая Церковь — вся Россія
Въ Немъ видятъ дни свои златыя —
Ликуютъ предъ Его лицемъ,
Какъ чада предъ своимъ отцемъ.

Зря мудрость въ Немъ Царя достойну,
Зря кротость — милость безподобну,
Мы веселимся предъ Царемъ,
Поемъ ее народамъ всѣмъ.

51.
52.

Взирая на Христа Господня,
Въ доброшахъ небесамъ подобна,
Къ Творцу моленія прольемъ
Мы о Царѣ — Отцѣ своемъ.

Творецъ! Ты избранныхъ Тобою
Престолы крѣпкою рукою
До самыхъ солнцевъ возносилъ,
Ихъ дни, какъ неба дни хранилъ.

Днесь, коего Ты Самъ прославилъ,
Превыше смертныхъ всѣхъ поставилъ,
Царей всѣхъ выше сотвори,
Его власть всюду распростри!

149.

52.

ЖЕРТВА

всерадостныхъ чувствованій

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ и ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

и

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ,

во всевожделѣннѣйшій день

Торжественнаго Вѣнчанія и Священнѣйшаго Мѵропомазанія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

на Всероссійскій Прародительскій Престолъ,

со всеподданнѣйшимъ благоговѣніемъ

приносимая отъ Казанской Академіи

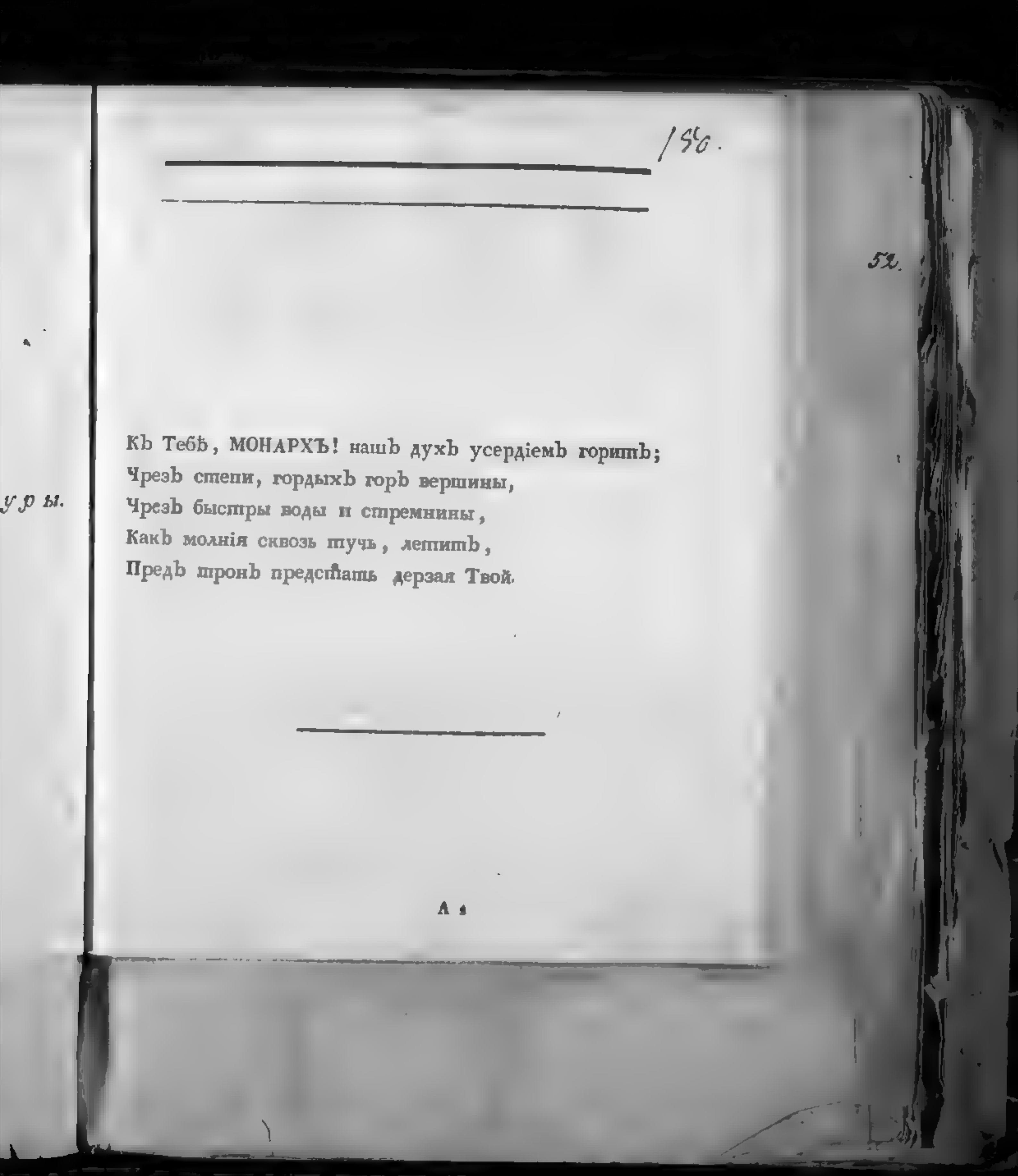
1801 года Сентября дня.

МОСКВА, 1801.

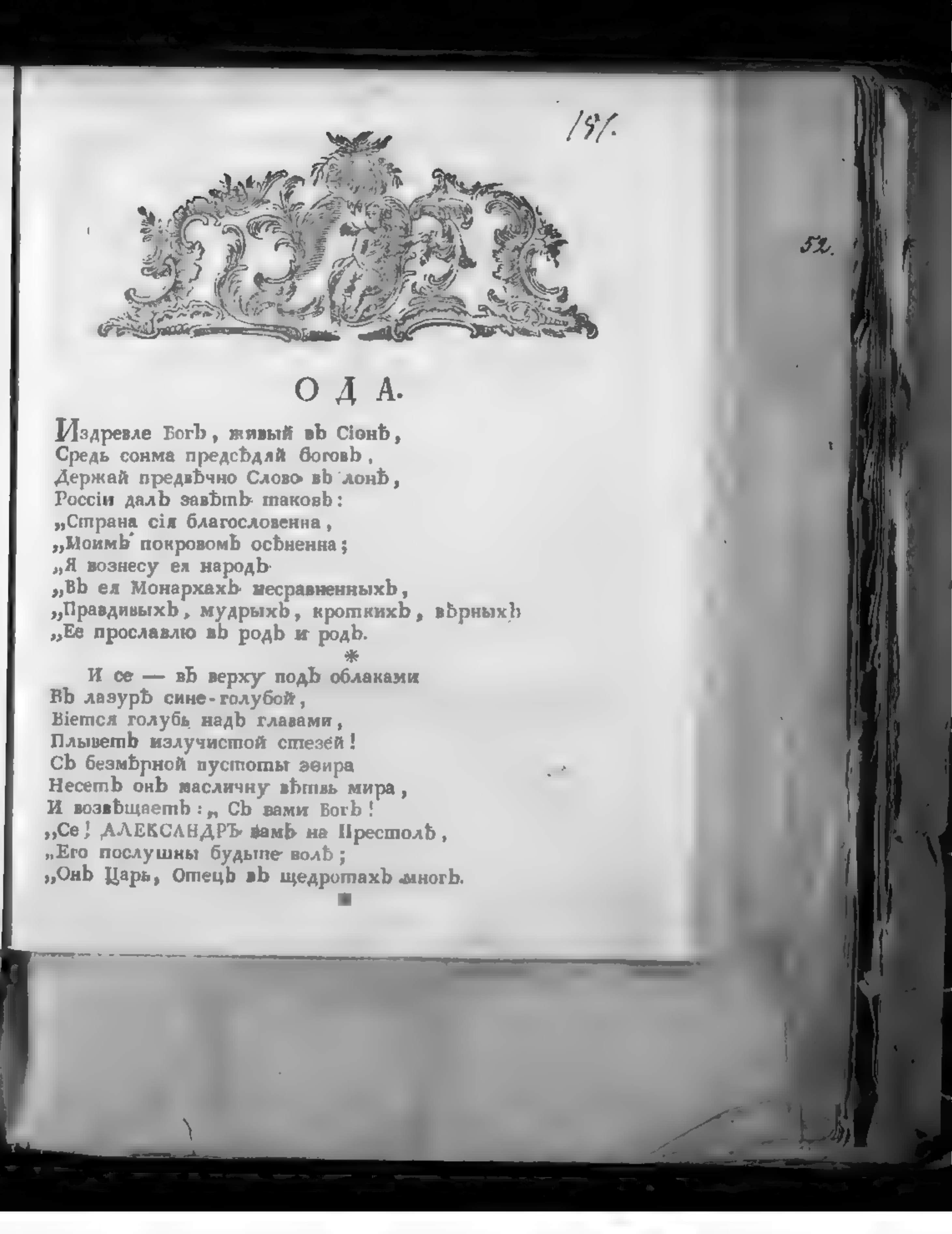
Въ Университетской Типографіи,

у Христофора Клаудія.

Съ дозволенїя Московской Цензуры.



Къ Тебѣ, МОНАРХЪ! нашъ духъ усердіемъ горитъ;
Чрезъ степи, гордыхъ горъ вершины,
Чрезъ быстры воды и стремнины,
Какъ молнія сквозь тучь, летитъ,
Предъ тронъ предстать дерзая Твой.



52.

О Д А.

Издревле Богъ, живый въ Сіонѣ,
Средь сонма предсѣдяй боговъ,
Держай предвѣчно Слово въ лонѣ,
Россіи далъ завѣтъ таковъ:
„Страна сія благословенна,
„Моимъ покровомъ осѣненна;
„Я вознесу ея народъ
„Въ ея Монархахъ несравненныхъ,
„Правдивыхъ, мудрыхъ, кроткихъ, вѣрныхъ
„Ее прославлю въ родъ и родъ.

*

И се — въ верху подъ облаками
Въ лазурѣ сине-голубой,
Віется голубь надъ главами,
Плыветъ излучистой стезей!
Съ безмѣрной пустоты эѳира
Несетъ онъ масличну вѣтвь мира,
И возвѣщаетъ: „Съ вами Богъ!
„Се! АЛЕКСАНДРЪ вамъ на Престолѣ,
„Его послушны будьте волѣ;
„Онъ Царь, Отецъ въ щедротахъ многъ.

Орелъ, пернатыхъ Царь надмѣнный,
Любимецъ грома, торжества,
Въ полетахъ быстрый, дерзновенный,
Взлетѣлъ въ чертоги Божества;
Взявъ въ когти Скипетръ тамъ, Корону,
Принесъ къ Россійскому онъ Трону,
Предъ АЛЕКСАНДРОМЪ положилъ;
„Державствуй, рекъ, и правь странами,
„Возлюбленный Царь Небесами!
И самъ предъ Нимъ главу склонилъ.

*

На Тронѣ АЛЕКСАНДРЪ! внемлите,
О Россы! гласу вы сему;
Сердца въ подданство подчините,
Въ любовь МОНАРХУ своему.
Подъ сѣнію Его покрова
Не будетъ жребія инова,
Какъ щастья, радости, утѣхъ;
Вкушайте сладость безъ препоны,
И вмѣсто щастія Юноны
Не бойтеся обнять средь нѣгъ.

*

Воскресла въ Немъ ЕКАТЕРИНА,
Отечества любезна Мать;
Въ Немъ сердце съ Ней, душа едина:
Въ полахъ потухнетъ грозна рать.
Царь мира, кроткаго покоя
Вотще не водитъ бранна строя;
Небесной Ангелъ тишины!
Утишитъ внѣшни неустройства,
Онъ прекратитъ всѣ безпокойства,
И миръ поставитъ средь войны.

*

Онъ рекъ уже въ Своемъ совѣтѣ,
Что Бабки по слѣдамъ пойдетъ,
И что для человѣка въ свѣтѣ
Блаженство въ кротости найдетъ.
Скрѣпитъ ли смертный судъ десною?
Вдругъ смоетъ въ немъ слова слезою;
Онъ жизнь народу возвратитъ;
Всякъ будетъ участью доволенъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ;
Онъ милость съ правдой съединитъ.

*

Какъ ко гнѣзду птенцовъ сзываетъ
Благотворящій пеликанъ,
Крылами-ихъ пріосѣняетъ,
И точитъ кровь свою изъ ранъ,
Что юнымъ служитъ въ насыщенье,
Томящей жажды въ утоленье:
Такъ АЛЕКСАНДРЪ своихъ сыновъ
Къ себѣ отвсюду собираетъ,
Награду лестну обѣщаетъ,
Даритъ защиту и покровъ.

*

Въ чужія страны отдаленнымъ
Онъ рекъ отечества сынамъ:
„Отсѣль престаньте быть смущены:
„Я дарствую свободу вамъ.
„Стекайтеся въ Мою Державу,
„И въ прежню облекитесь славу,
„Примите мужественный духъ.
„Постыдно Россу пресмыкаться,
„Въ неволѣ дни влачить, терзаться,
„И къ рабству мысль склонять и слухъ.

*

Младыхъ еленей, нѣжныхъ, бодрыхъ,
Пасомо стадо на поляхъ,
Волковъ избѣгнувъ хищныхъ, злобныхъ,
Или охотниковъ въ степяхъ,
Рѣзвѣе прыгаетъ, играетъ,
Опасность прежню забываетъ;
По холмамъ скачетъ, по буграмъ;
То вихремъ въ рощи вдругъ несется,
То вольно на лугахъ пасется,
Иль къ чистымъ пить бѣжитъ ручьямъ:

*

Равно злощастьемъ угнѣтенный
Давно не знавъ утѣхъ прямыхъ,
Печалью, горестью стѣсненный,
Исторгнувшись отъ бѣдствій злыхъ,
Въ восторгѣ радостномъ ликуетъ,
Свое спасенье торжествуетъ,
Поетъ своихъ блаженство дней;
Поетъ МОНАРХА, прославляетъ,
Судьбу свою благословляетъ,
Сидя въ объятіяхъ друзей.

*

Вдова въ печали, въ грусти, въ скукѣ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Страдать не будетъ больше въ мукѣ,
Съ блестящею слезой въ глазахъ;
Призрѣнная Царя щедротой,
Обласкана Его добротой,
Забудетъ вздохи наконецъ,
И скажетъ въ жизни безмятежной:
„Люби Царя, младенецъ! нѣжно,
„Онъ Царь полсвѣта — твой Отецъ.

52.

Иль сирый, бѣдный, безпомощный
Судьбы оставленъ въ произволъ?
Покровъ найдетъ въ МОНАРХѢ прочный,
Не будетъ чувствовать тѣхъ золъ,
Которы бѣдность угнѣтаютъ,
Страдать отъ глада заставляютъ.
Увѣчный воинъ на бою,
И старецъ, дряхлостью согбенный,
Опершись на костыль желѣзный,
Благословятъ судьбу свою.

*

Сыны Минервины младые,
Питомцы девяти сестіоръ
Во АЛЕКСАНДРѢ дни златые
Узрѣвъ, составятъ стройный хоръ;
Науки Имъ распространятся,
Художества обогатятся,
Ремесла всюду процвѣтутъ;
Откроются умы высоки,
Небесъ, земли сквозь нѣдръ глубокихъ
Проникнутъ; быстро протекутъ.

*

По вѣтрамъ парусомъ несомы
Дерзнутъ въ пучину корабли,
Чрезъ яры, пѣнистыя волны
Достигнутъ въ мигъ тоя земли;
Гдѣ Темза горда протекаетъ,
Гдѣ Сена въ берегахъ играетъ,
Гдѣ Нилъ поля плодотворитъ,
Гдѣ Тигръ, Ефратъ въ волнахъ крушатся,
Гдѣ Лена съ Платою струятся,
Гдѣ Гангесъ жителей поитъ.

Уже сокровища Азійски
По Волгѣ къ сѣверу текутъ;
Алмазы съ златомъ Аравійскимъ
Чрезъ Черный понтъ къ Днѣпру плывутъ;
Персидски пурпуры огнисты,
Камчатскіе мѣхи пушисты,
Сибирски горы серебра,
Невѣдомыхъ земель богатства
Плодомъ торговли, блескомъ царства;
Суть славой Росскаго Орла!

О Ты, сѣдящій на престолѣ,
Господь Всесильный, Царь Царей!
Благоволи принять оттолѣ
Моленіе твоихъ дѣтей:
Храни МОНАРХА дни безцѣнны,
Россіи Твой залогъ священный
Храни до позднѣйшихъ Ты лѣтъ.
Какъ пальме въ раѣ насажденна,
Какъ маслина пріосѣненна:
Такъ жизнь Его да процвѣтетъ!

PHOEBUS

IDILLIUM.

MELIBOEUS, CORIDON.

MELIBOEUS.

Afficiunt animum, Coridon, florentia prata,
Et vallis facies vario veſtita colore
Me relevat, lætum revocans per membra vigorem.
Quocunque aspicio, ferunt mihi gaudia cuncta,
Cuncta voluptatis ſenſu perfundere dulci,
Mentem conspicio, ſæva ceſſante timore.
O vitam felicem terque quaterque beatam!

CORIDON.

Me quoque delectant, tibi quae nunc grata videntur,
Sorte fruor placida, nec ventus turbida torquens
Nubila, nec tempeſtas turbat gaudia mira;
Nec furit ex alto ſtridens et ſæva procella,
Nec unquam denſus ſupra caput imminet imber
Infeſtus ſaltanti per virgulta juvencæ;
Ingenti, Meliboee, ſcatent dulcedine cunctà.
En celebrandus noſtrarum rerum moderator
Priſtinos nobis placidos quoque reddidit annos,
Quos ſtatuit noſtræ ſapientia Palladis alta!
Non Titan rutilans curſum modo confecit anni,
Quam leges is dat populis et commoda jura;
Sed quam felices conceſſos effecit omnes,
Et nunc ingenti atque nouo ſplendore coruscans,
Grandia largiter effundit cunctis benefacta.

MELIBOEUS.

Quid faciemus perspicientes tempora grata?
Tityrus ingentes læto de pectore plauſus

Edidit, et, ſparſit tantæ modulamina vocis,
Laudibus eximiis tollens ad ſidera Phoebum;
Quod vitæ placidos ejus tum reddidit annos.
Quid nos, o Coridon! Phoebi ſunt munera ſumma?

CORIDON.

Incipe tu, Meliboee! Deum celebrare canoris
Laudibus, arguta cantando munera avena,
Incipe, coniunget lætum mea carmen arundo.

MELIBOEUS.

Quid tenui, Coridon, poſſum cantu gracilique?
Impar Virgilius, nec eſt potis altus Homerus
Propitium Phœbum modulari carmine tali,
Eſſet quod eius venerando nomine dignum.

CORIDON.

An neſcis divis non voces, corda placere?
Aſpiciunt animum ſemper, non carmina docta;
Quid fundunt lepidos cantus, niſi vota ſuperſunt?

MELIBOEUS.

Incipe tu, Coridon! divis tua ſvavis avena.

CORIDON.

Te, qui cuſtodis paſtores atque juvencas
Conſervas, placidam cunctis præbendo quietem,
Te, gracili modulor, Cruſtatum Numen! avena;
Quocunque aſpicio, Tua cerno munera ſumma,
Auspice Te ſumus felices atque beati;
Verna dies ridet ſemper, cœlumque ſerena
Luce nitens ornat fontes per prata fluentes,
Floribus acceptis ſplendeſcens vallis amoena
Recreat opiliones nos tenerasque juvencas.
Nec Boreas furiens, effuſis imbribus atris,

Fert animis summi nostris tormenta doloris,
Nec fracto ruptoque polo micat igneus æther,
Terroris complens oves timidasque capellas.
Vos, o Pierides! præcor, adspirate canenti!
Summa Deus cunctis nobis modo dona profundit,
Munera sunt Phæbi vivacis vita quieta
Et placidum quod ver floret per pascua nostra;
Munera sunt Phœbi, quod nunc fortuna sinistra
Longe pulsa est a nobis, splendente fecunda.

MELIBOEUS.

Ite disertæ Castalides nunc, pellite chordas,
Tollite laudibus eximiis ad sidera numen,
Luce serena quod comat Pindumque Heliconque,
Munifica dextra profundens munera vobis.
Utinam avena Diis possit mea fundere cantus
Ambrosios, mentis pergratæ sensa revelans;
Adveniente die Phœbum, labente canerem!

CORIDON.

Vos, o Moeonides! largum Phœbum celebrate,
Ferte canoris laudibus eximiisque sub astra:
Plena fecit tranquillitatis tempora vitæ
Vestræ præclara et præstanti mente nitescens.
Cur non Homeri suprema mente coruscam,
Ut valeam decorare Dei nunc munera cantu?

MELIBOEUS.

Munifico, Coridon, Phœbo nos corda feramus;
Victima dulcis ei, dixi, sunt pectora grata,
Aspicit is animum verum, non carmina docta.

СТАНСЪ.

Вступило солнце въ знакъ вѣсовъ;
Румяна осень улыбнулась;
Нѣтъ травъ зеленыхъ, нѣтъ цвѣтовъ,
Златыхъ сноповъ она коснулась,
И сыплетъ щедрою рукой
Плодъ спѣлый на Россію свой.
Россія, дщерь Небесъ святыхъ!
Прими дары благословенны
Отъ благодарныхъ чувствъ своихъ
Взложи ихъ на олтарь священный,
И АЛЕКСАНДРУ воскури.
Свое блаженство нынѣ зри.

Избранный Вышняго судьбой,
Онъ принялъ Отчеку Державу
Щастливить подданныхъ собой;
Днесь въ полну облекаясь славу,
Пріемлетъ скипетръ и вѣнецъ
МОНАРХЪ, отечества Отецъ.
Въ залогъ любви святой своей;
По непреложному совѣту,
И къ благоденству нашихъ дней
Вѣнчаетъ онъ ЕЛИСАВЕТУ;
Его духъ кроткій, правый судъ
Отъ злобы насъ, коварствъ блюдутъ.

Уже нѣтъ града, вѣси нѣтъ,
Гдѣбъ милостей струи обильныхъ
Не пролились, какъ яркій свѣтъ;
Гдѣбъ плачь сиротъ и вдовъ безсильныхъ
Не осушенъ былъ до конца
Царя щедротой и Отца.

Тамъ узникъ изъ темничныхъ вратъ
Идетъ уже не на мученья;
Душа его полна отрадъ,
Нѣтъ на чертахъ лица смущенья;
Онъ благодарны слезы льетъ,
МОНАРШИ милости поетъ.

Съ веселой радостной душой
Здѣсь селянинъ спѣшитъ на нивы,
И безъ усталости сохой
Земныя разсѣкаетъ жилы,
И плодъ сторичный отъ трудовъ
Пріемлетъ, зря въ Царѣ покровъ.
Тамъ безмятежный гражданинъ,
Свободно пользуясь правами,
Отечества усердный сынъ
Своими жертвуетъ дарами;
Доволенъ участью своей,
Благословляетъ радость дней.

Здѣсь родину любезну зритъ
Внезапнымъ рокомъ отчужденный;
Пріемлетъ прежней славы видъ,
Правъ, преимуществъ всѣхъ лишенный;
Поносный стыдъ его не жметъ,
Безъ робости онъ зритъ на свѣтъ.
Тамъ ликъ священный, вшедъ во храмъ
Со умиленною душою,
Куритъ усердный ѳиміамъ
Вечерней, утренней порою;
И внутрь Святаго олтаря
Величитъ кротость онъ Царя.

Здѣсь Музы строятъ нѣжный хоръ
Простымъ и не сплетеннымъ слогомъ;
И славныхъ зря торжествъ соборъ,
Свои сердца даютъ залогомъ;
На лирахъ возвышаютъ гласъ,
И съ ними весь поетъ Парнассъ:
„Благословенъ Господь міровъ,
Царя вѣнчавый Россамъ нынѣ!
Простри, Всесильный! Твой покровъ,
По неоскудной благостынѣ.
Храни его до позднихъ лѣтъ:
Да Имъ Россія процвѣтетъ!“

МАДРИГАЛЪ.

Уже лѣса покрылъ осенній желтый листъ,
Не слышенъ въ рощахъ птичій свистъ;
Но Россовъ лавры зеленѣютъ,
Премѣны времяни коснуться имъ не смѣютъ:
Се АЛЕКСАНДРЪ на Тронѣ
Въ блистающей коронѣ!
Весеннихъ радостей являетъ намъ соборъ,
Къ Себѣ влечетъ всѣхъ взоръ.

А кроткая ЕЛИСАВЕТА
Въ вѣнцѣ, составленномъ изъ звѣздъ,
Сіянье умножаетъ свѣта
Торжественныхъ Россійскихъ мѣстъ.

157.

52.

МОНАРХА кроткаго Царица Матерь нѣжна;
Полна любови, безмятежна
Вдовицъ покоитъ и сиротъ,
Краса имъ въ щастіи, а въ бѣдствіи оплотъ.

Единокровный братъ Царю, МАРІИ сынъ
Порфирородный КОНСТАНТИНЪ
Герой, великихъ дѣлъ ревнитель,
Блаженства общаго блюститель,
Своею доблестью Россію ободряетъ,
Отрадой лестной исполняетъ.

Но АННА Ангельской душею
Плѣняетъ духъ, сердца разитъ;
И благодатною струею
Льетъ милость простотѣ, коварству ставитъ щитъ.

Младая отрасль Царска трона,
Богоподобный НИКОЛАЙ
Поборникъ вѣры и закона,
Невѣрство истребивъ, прогонитъ свѣта въ край.

Юнѣйшій МИХАИЛЪ изъ чадъ Царевой крови
По крѣпости своей, по сердцу, по любови
Какъ мощный Исполинъ
Вселенны будешъ властелинъ.

Съ МАРІЕЙ кроткая ЕЛЕНА
Несутъ вѣтвь мира, тишины,
Спокойства, чемъ тверда вселенна,
Чемъ Россы славны и красны.

ЕКАТЕРИНЫ сердце нѣжно
Вѣ груди біясь,
Таинственно соединясь
Сѣ душей богоподобной АННЫ,
Сѣ моленіемѣ вѣ ееирны страны
Стремятся воспарить
И небо кѣ Россамѣ преклонить:
Да вѣ мирѣ, тишинѣ и вѣ ополченьи кѣ бою,
Ихѣ кровомѣ осѣнитѣ, гдѣ ступятѣ лишѣ ногою.

ДИѲИРАМВЪ.

Пойте, Россы! дни блаженны,
Пойте вѣкѣ щастливый свой;
Вѣ дни сіи благословенны
Льетѣ намѣ радость и покой
Царь вѣ порфирѣ
Вѣ діадимѣ
Щедрою рукой.
Какѣ дыханіе зефира
На поля прохладу льетѣ,
Такѣ Царь кроткій, Ангелѣ мира
Всѣмѣ отраду подаетѣ,
Мирнымѣ взоромѣ,
Кроткимѣ словомѣ
Россовѣ оживляетѣ.
Маркѣ Аврелій по щедротѣ
Вѣчну славу пріобрѣлѣ:
Кѣ вожделѣнной Россамѣ льготѣ
АЛЕКСАНДРЪ на тронѣ взошелѣ, —

52.

И блаженство
Благоденство
Полились рѣкою.
Узникъ въ семью возвращенный
Горькой чаши золъ не пьетъ,
Изъ темницы изведенный
Радостны лишь слезы льетъ;
Въ лонѣ щастья
Безъ ненастья
Жизнь его катится.
Бѣдный, сирый веселися;
Для тебя покровъ МОНАРХЪ.
Силъ лишенный ободрися;
Пищи ждать у вратъ въ слезахъ
Ты небудешь,
Позабудешь
Дни щитать бѣдами.
Какъ въ дни Майски теплотворны
Фебъ ефирный сводъ златитъ,
Съ высоты лучь благотворный
На лице земли блеститъ,
И росою
Теплотою
Жизнь даетъ природѣ.
Такъ МОНАРХА духъ блистаетъ
Благостью лучей своихъ,
И народы озаряетъ
Улучшая жребій ихъ,
Возставляя
Утверждая
Всѣ права въ Россіи.

Громы браней замолчите;
Злость! страшись ты строить ковЪ;
Россы! мечь и щитЪ блюдите
ВЪ наказанье лишь враговЪ;
Не жестокость
И суровость
ПишетЪ вамЪ законы.
ЛожЪ, неправда здѣсь не смѣетЪ
Святость, честность клеветать,
Хитрость средства не имѣетЪ
БеззаступныхЪ угнѣтать.
Лесть сокройся;
И небойся
Истинна святая!
По зарѣ спокойной ясной
Солнце разливая свѣтЪ,
Предвѣщаетъ день прекрасной:
ТакЪ МОНАРХЪ на тронЪ возшедЪ,
Мирно царство
И богатство
ДѣломЪ обѣщаетЪ.

157

АКРОСТИХЪ.

Астреинъ вѣкъ златой къ вамъ, Россы! возвратился:
Любезный небесамъ, сынъ ПАВЛА воцарился,
ЕКАТЕРИНА въ Немъ премудрая живетъ,
Которой по стопамъ въ правленьи Онъ идетъ.
Судъ, милость, истинна и правда на престолѣ;
А злость, нахмуривъ взоръ, и лесть бѣгутъ оттолѣ.
Невинность страждуща подъ бременемъ оковъ
Даетъ, МОНАРХЪ, тебѣ свободу и покровъ,
Рукой отеческой онъ слезы отираетъ,
Пороку правоту тѣснить, гнать возбраняетъ.
Его щедротами Минервинъ садъ цвѣтетъ
Размножится и плодъ сторичный принесетъ.
Вдовицу плачущу, гонимую судьбою
Избавитъ Онъ отъ бѣдъ МОНАРШЕЮ рукою,
Дѣтей ея младыхъ Онъ призритъ какъ отецъ,
Алчбу насытитъ ихъ, вздохъ прекратитъ сердецъ,
Законы мудрые въ Россіи Онъ возставитъ,
Державою своею Онъ подданныхъ прославитъ.
Раздоромъ ли дерзнетъ смутить врагъ нашъ покой?
Алкиды Росскіе съ геройствомъ вступятъ въ бой,
Сотрутъ врага, какъ ПЕТРЪ, полночна исполина:
Тамъ страшенъ мечь, гдѣ духъ и мысль у всѣхъ едина.
Вѣнчавый кроткаго МОНАРХА Царь Царей!
Умножи дни его для блага нашихъ дней;
Его дражайша жизнь, и домъ Его священный
Тобой, о Боже! вѣкъ да будутъ осѣненны.

52

ЭПИГРАММЫ.

I.

Прочь кисть волшебная Зевксиса и Апелла,
Которыхъ живопись во древности гремѣла!
Картинъ ихъ каждая была смѣсь ста другихъ;
То плодъ единственный воображенья ихъ,
Химера, пустота, ничтожество предмета.
Достойно хощетъ кто ко удивленью свѣта,
Всѣ свойства начертать Божественной души;
На АЛЕКСАНДРА зри — возьми кисть и пиши.

II.

Теченіемъ своимъ кругъ солнце совершая,
Пріятности не вдругъ на землю къ намъ ліетъ:
Гдѣ свѣтъ — гдѣ теплоту — гдѣ зорю воскрешая
По мѣсту, времени всѣмъ дары раздаетъ.
Кругъ дѣлъ Твоихъ, МОНАРХЪ! обильнѣе дарами;
ТЫ съ трона Своего льешь милость вдругъ рѣкой.
Не Фебъ животворитъ своими насъ лучами;
Но Ты намъ жизнь даешь отраду и покой.

ПОЛИДОРЪ,

ИДИЛЛІЯ,

въ которой разговариваютъ
КАЛЛІОПА, Муза,
ДАФНА, Волжская Нимфа.
ДАФНИСЪ, тамошній пастухъ

Калл. Оставя злачные Кастальски берега,
О Нимфа милая! къ вамъ прихожу въ луга.
Я взорами сіи долины измѣряю,
И въ изумленіи себѣ не довѣряю,

160.

52.

Не сонъ ли вижу я? — ужъ блекнетъ листъ въ лѣсахъ,
И сини облака темнѣютъ въ небесахъ;
А въ вашихъ я мѣстахъ какія зрю пріятства,
И сколько Флора здѣсь разсыпала богатства!
Ликуютъ пестрыя долины и брега,
Смѣются, кажется, и холмы и луга.
Ликуетъ старость здѣсь, ликуетъ нѣжна младость,
Все возвѣщаетъ мнѣ, что царствуетъ здѣсь радость.
Скажи мнѣ, Дафна, что причиной торжества!
Что значитъ все сіе? иль праздникъ Божества!

Дафна. Ты слышишь пастуховъ играющихъ въ свирѣли,
Пріятенъ голосъ ихъ, плѣнительны ихъ трели!
Что, думаешь, поютъ? щастливой жребій свой,
Блаженство, тишину, довольство и покой.
Того, кто имъ сіе блаженство доставляетъ,
Кто кротостью сіи долины управляетъ.
Ахъ! сколь плѣнителенъ, пріятенъ солнца лучь,
Когда разсѣются надъ нами мраки тучь!

Кур. О Полидоръ! съ тѣхъ поръ, какъ въ страны полуночи
Возвелъ Ты отъ Невы щедротой свѣтлы очи;
Съ тѣхъ самыхъ поръ края Славянскія земли
Во благоденствіи и щастьи процвѣли.

Калл. Мы съ вами щастіе единое имѣемъ,
И милостьми Его хвалиться купно смѣемъ:
Ахъ! сладостно, и намъ названье: Полидоръ.
О Нимфа! посмотри на верхъ Парнасскихъ горъ:
И тамъ вездѣ блестятъ души Его доброты
И тамъ обильныя отъ рукъ Его щедроты,
Какъ росу сладкую, верхи Парнасски пьютъ,
Испивши нѣжатся, красуются, цвѣтутъ.

А сестры тамъ мои при брегѣ водъ спокойныхъ
Сидя въ веселіи, поютъ на лирахъ стройныхъ
Его любовь къ себѣ. — Но зной меня томитъ.

Дафна. Ты видишь, у холма тѣнистой дубъ стоитъ:
Пойдемъ туда.

Калл. Пойдемъ и сядемъ тамъ подъ тѣнью,
При плескѣ ручейка, внимая птичекъ пѣнью.
Намъ Полидора пѣть теперь пристоенъ часъ.

Дафна. Ты, Муза, пѣснь начни.

Калл. Но чей я слышу гласъ?
Изъ рощи эхомъ къ намъ несутся сладки трели.

Дафна. Чей!.. это Дафнисовъ, и гласъ его свирѣли
Столь сладолъ для меня, что... что... въ восторгъ ведетъ.
Вотъ близко онъ и самъ изъ рощи къ намъ идетъ.

Калл. Пойдемъ. — Ахъ Дафнисъ! — какъ пріятно воспѣваешь!
Ты чувство, кажется, и въ дерева вливаешь.
Не давно ты ходилъ въ златопрестольный градъ;
Ты видѣлъ торжество при сонмѣ игръ, отрадъ,
И Полидора тамъ ты видѣлъ съ Амариллой
Его любезною супругой, нѣжной, милой.

Дафнисъ. Такъ! чтожъ?

Дафна. Я подарю тебѣ вѣночикъ свой;
Лишь только пѣсню намъ о Полидорѣ спой,
Котору ты вчера пѣлъ утренней порою.

Калл. Запой; я въ голосъ твой свирѣль свою настрою.

Дафна. Запой же; въ голосъ твой я буду припѣвать,
И пестрой въ даръ тебѣ вѣночикъ довивать.

*

Дафнисъ. О вѣтры! возвѣстите всѣмъ,
Сколь нынѣ восхищаюсь тѣмъ,
Что видѣлъ и уста и очи,
Изъ коихъ страны полуночи
Дафна. Свой свѣтъ свое блаженство пьютъ.

Калл. Верхи Парнасскіе цвѣтутъ.

*

Дафнисъ. Вчера лишь появился день,
Какъ изъ сосѣднихъ деревень
Вкругъ хижины моей обстали,
И съ любопытствомъ вопрошали:
Дафна. Скажи о Полидорѣ намъ?

Калл. Запой, запой, что видѣлъ тамъ.

*

Дафнисъ. Я имъ сказалъ: что Полидоръ
Къ себѣ всѣхъ привлекаетъ взоръ;
Младъ въ сонмѣ юныхъ, старъ въ совѣтахъ,
И мудрость въ немъ созрѣвша въ лѣтахъ.
О вѣтры! дайте по лугамъ
Развѣяться моимъ словамъ.

*

Я видѣлъ узниковъ, сиротъ,
Которымъ милость, званье, родъ
Отъ Полидора возвращенны.
Какимъ восторгомъ упоенны
Они стояли передъ нимъ!
Земля казалась небомъ имъ.

*

Я видѣлъ, какъ вдова одна
Томна, отчаянна, блѣдна,
Съ младенцемъ предъ него явилась,
Но боль свою еще скрыть тщилась.
Онъ руку щедру къ ней простеръ,
И токи слезъ ея отеръ.

*

Она воззрѣла къ Небесамъ,
И больше предалась слезамъ.
То были слезы восхищенья!
Съ ней плакалъ всякъ отъ умиленья,
И гласъ разнесся выше горъ:
Да здравствуетъ нашъ Полидоръ!

*

Я видѣлъ; какъ верховный жрецъ
Воспѣлъ, вручивъ ему вѣнецъ:
О ты, предъизбранный Судьбами!
Достоинъ царствовать надъ нами.
И гласъ разнесся выше горъ:
Да здравствуетъ нашъ Полидоръ!

*

Московскія

Дафнисъ. Тогда [illegible] струи
Калл. и Дафна. И Волжскія
Всѣ. Услышавши слова сіи,
Казалось, въ радости скакали;
Брега ихъ весело плескали.
И гласъ разнесся выше горъ:
Да здравствуетъ нашъ Полидоръ!

ὙΜΝΩΔΊΑ.

Ἰδοὺ ἐν θρόνῳ νῦν ΑΝΑΞ —
Πραΰς, ἐσθλὸς ζαθεός τε,
Ὁ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ Πρῶτος..
Μερόπεσσιν ἔχος ΑΥΤΟΥ̃,
Τοῖο Παρνάσσοιο κῦδος!
Μοῦσα, τί σιγᾷς; ἄνστον
ΑΥ̓ΤΕὈΝ τὰ τεῖο θυμῶν,
Στέψες ᾆσμα πλέξων ἄνξαι! —
Ἰδοὺ ἐςι καιρὸς αὖτις
Τοῖσιν ἀπέεσσι μέλπειν!

*

Ὧςε Φωσφόρου Φανέντος
Ἦμαρ ἄρχεται, καὶ πάντα
Τοῖο ἡλίοιο τῶτε
Τοιταίπερ ἀκτίνεσσιν
Λαμπρύνοντα, πληρέατε
Τῆς χαρᾶς καὶ γηθοσύνης·
Ὁμοίαστε, ὦ ΒΑΣΙΛΕΥ̃!
ΣΟΙ̃Ο ςέμμα ὑπέρτατον,
Το περιπόθητον ἡμῖν,
Ἐμπνέει τὸ χάρμα πᾶσι.

*

Χαῖρε Ῥῶς πιςὸς μάλιςα!
Παῖ χαῖρε — ἄνερ — γέρον —
Χῶρα — κῶμαι — πᾶσα πόλις!
Χαίρετε μεγιςᾶνες νῦν,

Ἡ'γέμον καὶ ςρατιῶτα,
Α'κλεέςτε ἐυγενέςτε,
Ἄπας ἐπιταττόμενε!
Γ'δὸν ἁμὲς Θεῖος ΑΝΑΞ
Τῆθος, ἰντυχὲς, βίηφι
Πᾶσι σήμερον διδῶτι.

*

Καὶ δενόμενος δυνάςης,
Καὶ ἀκέρατος κορετὸς,
Καὶ βαρσύμφορος μάκαρ νῦν.
Κρεττόνσι χερσ' ἔνοχοι,
Οἱ κρατήθετες τοῦ ὄλβου,
Δικαιέστε ἐυλογοῦσι
Δίκαιαν ΜΟΝΑΡΧ' ἀληθοῦς
Καὶ τι; ὄμματ', ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡ!
Ε'ν τεὶν ἀσφαλῆ ἔχει
Ε'υελπιςίαν ς'α πάνταν.

*

Κἂν δεκατε γλῶσσαι, τὲ
Κ'αν δέκα ςόματα εἶεν,
Οὐχ οἶοντε πάντα ποτια
ΣΟΓΟ, ΑΝΑΞ! ἐςγ' ἀείδειν.
Συγγίνοσκε δ' Ο'ττ' ἁμεῦσι
Σὲ ἀδειν θε;οῦμεν ἄμμες·
Δέξαι ἅττα ΣΟΙ' Σα ἐκ Σῶν
Προσφέρομεν ἐυχόμενοι
ΣΟΙ' βίοττεν εἰς αἰῶνας,
Τὸν μακαρα ἥσυχόντε.

L'ORAISON.

Si le bonheur des nations depend d'un gouvernement sage et fondé sur la justice, sous lequel elles vivent; ne devons nous pas, o Fils de la Russie! reconnoitre devant tout le monde les bienfaits ineffables du Toutpuissant envers nous? C'est Lui, qui forma et augmenta successivement le bonheur de notre Patrie par les très AUGUSTES MONARQUES; (mais ces bienfaiteurs de l'humanité ayant disparu par le sort commun à tous les hommes;) Voila c'est Dieu, Roi de tout l'univers, qui Vous a choisi, Vous, très AUGUSTE SOUVERAIN! pour regler nos destinées. Quel grand bonheur pour nous d'etre soumis au sceptre d'un MONARQUE, dont l'ame est ornée des plus brillans talents et des plus eminentes vertus. Seigneur! qui tenez en Vos mains les coeurs des Rois, et qui, selon le langage des Vos ecritures, donnez Votre salut aux Rois, comblez aujourd'hui NOTRE L'EMPEREUR ALEXANDRE premier de Vos graces, et faites, que Son trone soit affermi pour toujours.

Idylle.

An einem heitern Morgen, an welchem sanftere Zephyre weheten, und Vögel ihre reißenden Gesänge zwitscherten, spazierten zwey Hirten, Vater und Sohn an den mit Schilch bewachsenen Ufer, und liessen sich da auf weichen Grase nieder. Sanfte Ruhe blickte aus ihren Augen, und frohes Lächeln saß auf ihren Lippen.

Ach Vater! sagte der Sohn: in dieser Nacht ist mein Herz von den frohesten Empfintungen der Freude erfüllt worden. Ich muß es dir erzählen. Mir erschien in Norden ein hellglänzendes Licht. Ich sah gleichsam eine neue

Sonne an unserm Horizonte hervorgehen, und ihr warmes belebendes Wesen ließ ihre wohlthätigen Strahlen auf uns nieder. Sieh! Sieh! wie nun die trüben Wolken fliehen! wie ihr Glanz die Dunkelheit vertreibt, und wie alles aufs herrlichste erleuchtet ist. Dort sah ich um Ulmbäume blühende Rosenstauden, hier den schönsten Frühling erneuert, und verschiedene die Farbe der Unschuld tragende Lilien. Da ich so um mich herum sah, und frohe Heerden, Bäume voll tragenden Früchte, reiche Erndten erblickte, da entquollen Freudenthränen meinen Augen. Sage mir was dies bedeutet? Selbst kann ich mir es nicht erklären.

Mein Sohn, sagte der Vater: Es giebt in uns eine Vorempfindung des Herzens. Sie stellt uns die entferntesten Gegenstände in ihrer würcklichen Gestalt dar. Die von dir gesehene Sonne, ist die Sonne Rußlands. Sie, die weder auf Stand, noch auf Glück sieht, sendet ihre Strahlen über die Bösen und Guten.

Diese Worte, sagte der Sohn, durchdringen das Innerste meines Herzens, in allem wohlthätig zu handeln. O diese Sonne muß immer der Gegenstand unserer Lieder seyn! Geliebte Hirten! Freunde meiner Jugend! Kommt! theilet mit uns unsre Freude! Das Echo verbreite meine Worte bis zu den grünen Feldern und Haynen. Kommt um mit mir diese unser aller Glückseligkeit zu besingen. Er blickt auf den Vater, deßen Augenwimpern von Freudenthränen glänzten; hierauf wandte er sich gen Himmel, beugte die Knie und sang. Die Stimme des Vaters vereinigte sich mit dem Gesange des Sohns.

Ewig werde du wohlthätiges Licht gepriesen! Du erfreuest alles in der ganzen Schöpfung. Du schaust auf die Erde, und sie lächelt. Deine Strahlen dringen in unsre kleinsten Hütten ein, und verbreiten in ihnen frohen Scherz. Du bist unsre Freude und unser Glück. In unserm ganzen Leben werden wir dir Loblieder singen; dir Günstling der Gottheit. O mögten unsre Lieder dir

gefallen, dan, o dan! wollen wir dir errichten — ja auch jetzt schon errichten wir dir einen Altar in unsren Herzen, und bringen dir unsre Milch und Blumen zum Opfer.

So sangen die Hirten, und das Echo drang zum Himmel.

(*)

РѢЧЬ ЧЕРЕМИСКАЯ.

Кугу кугўжа!

Мемнàнъ яльсштè укè вóлгудо кнгà шинзивè укè тугè Кугý тынинъ пурò лиштèнъ кюлешь калáсашь мè онà кéрлъ, тудò куцё волгудòнъ коешь кéче цыляляàнъ шóнемь тынь Кугý Кугужá цыляялъ,— лань кидыште шкè онъ жоктèтъ шкéнжемъ Атлèмъ игешýбомъ яралтыше, мè юбертèнь тынимь кманъ юлене Кýгунь цéнде тынимь шонéна тугë игишýба шинзà дамо кiдрге цонлéне муралтюни ючā юрáлта сшмiляндамъ пѣшь саè Кугужа АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЕЙ владѣя немнáндане мè она людь оноmè саявлéмакште о! юмà ашнè Кугужамъ юкўмежъ.

Переводъ Черемиской рѣчи.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Въ нашемъ народѣ нѣтъ ни просвѣщенія, нѣтъ ни наукъ, ни знаній; и потому высокія Твои добродѣтели достойно прославить мы не можемъ: но онѣ, какъ бли-

(*) Рѣчи на Еврейскомъ и на Татарскомъ языкѣ, за неимѣніемъ въ Типографіи литеръ, не напечатаны.

стающіе лучи дневнаго свѣтила, для всѣхъ ощутительны. Вы, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ! ко всѣмъ народамъ въ державѣ Своей являете Себя Отцемъ чадолюбивымъ; а мы, радуяся о Твоемъ мѵропомазаніи, не иначе усердіе свое открываемъ, какъ дѣти, простымъ и нѣмотствующимъ языкомъ, взывая: Богъ любитъ Россію! *Милосердый Государь* АЛЕКСАНДРЪ Первый царствуетъ надъ нами; мы безопасны — мы блаженны. О! да хранитъ Богъ Его здрава вовѣки.

РѢЧЬ ЧУВАШСКАЯ.

Паяганъ Вырасъ Па́тша вѣнчать ле́. эзи́рь пить хибирде́тьперь. Вулъ пире́ юрада́ть атте́ бекъ, То́ра да онѣ юрадать. Ву́лъ Чухне пирде́ уйра́ тыраземь бо́лна чі́берь, сяра́нземъ ла́ихъ выйлехземь нумайла́нчесь, эбирь ха́ло борна́тпаръ пить чибе́рь. Тора! сана́ эби́рь чунданъ киль тува́ппаръ, усре́ онѣ жильдизене да о́нанъ сыва нума́й сюлъ авала́.

Переводъ Чувашской рѣчи.

Сегодня ГОСУДАРЬ Россійскій пріемлетъ Скипетръ и Корону. Коль велика наша радость! Онъ насъ любитъ, какъ Отецъ, за то и Богъ Его любитъ. При Немъ у насъ и жатва обильна, и луга лучше, и стада многоплоднѣе; теперь мы живемъ спокойно. Боже! мы Тебя въ простотѣ сердца просимъ, чтобы за то и въ домѣ Его всегда обитало здоровье и веселье.

РѢЧЬ ВОТЯТСКАЯ.

БАДЗИМЪ ЭКСЕЙ!

Дзѐцъ лэстэ̀нѐсъ тынàдъ мѝ понна̀ сò мында̀ бадзи̇мъ, кудзэ̀ мѝ озѝ кызи дышетэ̀мъ кайкъ, ýмъ шѐттыскэ кылзэ̀ вѐраны, кудынѐызъ унò возматы̀са̀лъ сò милякъ шумъ потонэ̀зъ. Кудызъ ми пучкàмъ сайкатѐ шудò тунънѐ тòнъ йра̀дъ пуктэ̀мъ венѝцезъ, мѝ Водя̀хъ лудэ̀нъ но, дынѝнъ но, милямъ праздникъ дырча но, церикынъ но, сюлмò вэсяскòмъ йньмирееъ, кудысъ тонэ̀ пуктызъ мѝ вылàмъ утины̀, соѝзъ шудо курдасьтэ̀мъ нò мэ̀дъ мѝ улòмъ, тонэ̀ таза̀ мэ̀дъ возма̀тосъ улонъдунье.

Переводъ Вотятской рѣчи.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Милости Твои для насъ столь велики, что мы по простотѣ своей не находимъ словъ, которыя могли бы довольно выразить ту радость, которую въ насъ возбуждаетъ благополучно совершившееся Твое Коронованіе. Мы всѣ на поляхъ, и въ домѣхъ, и на празднествахъ нашихъ, и во храмѣхъ всеусердно молимъ Бога, который Тебя оправдалъ надъ нами царствовать, чтобы Онъ къ щастію нашему сохранилъ Тебя здрава и долголѣтна!

РѢЧЬ МОРДОВСКАЯ.

ПОКШЪ-ИНЯЗАРЯ!

Сечкàсь тѐнь олятъ шòнъ, течà шутонàкъ вàлъ максынъ: стятанàкъ машанàкъ ломатиминекъ витетаряда сядѐи кулысь бабамъ мутренà ЕКАТЕРИНА, уже сядѐи тиминѐкъ сюмеедя шонъ вясядѐй монъ сяденѐмъ вечхтямъ, тейзевясѧ тейзе вяценѣ кудà зарà кедѐнь вачкà день. Течà пасьдà Покшъ макъ сазя венецъ путь; монъ валенйвъ ксаценйкъ, ирàсь мязѐкъ авяшàнь аярявя, течѐ анчàсь здороулизàнъ ознàнъ ламыникъ вятѐнь атеѐнь и роботàнь.

Переводъ Мордовской рѣчи.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Съ самой минуты царствованія Твоего, когда Ты произнесъ сіи слова: буду управляти народомъ Моимъ по законамъ и по сердцу покойныя Моей Бабки, Премудрыя ЕКАТЕРИНЫ, — уже сердца наши связалъ Ты единодушною къ Себѣ любовію, и произвелъ во всѣхъ насъ радостныя о Царствованіи Твоемъ рукоплесканія. Нынѣ Всевышній вручаетъ Тебѣ Скипетръ; и мы, будучи пронзены сею радостію до глубины сердца, ничего себѣ пожелать не можемъ, какъ только, чтобы Ты былъ всегда здоровъ и управлялъ бы нами чрезъ многіе годы.

КАНТЫ.

I.

Возпряните отъ печали мрачной,
О дѣти мощныя Россіи!
Хоть скрылось въ вѣчность солнце ваше,
Взгляните — новое Свѣтило
На Тронѣ Росскомъ возсіяло.
Подобно фениксъ Аравійской
Отъ жару солнечна стареетъ:
Но юный фениксъ возникаетъ
Изъ пепла въ красотѣ прелестной.
О Россы! торжествуйте нынѣ!
Вѣнчаннаго Царя Россіи
Въ весельи сердца лобызайте!

II.

Кто есть сей Царь? — Онъ Царь, Отецъ;
Такъ подданнымъ Себя являетъ,
И строить щастіе сердецъ
Себѣ за щастье поставляетъ.

Кто есть сей Царь? — струею льетъ
Свои щедроты бѣднымъ, сирымъ;
Заслугамъ должну мзду даетъ
И помощь злобою гонимымъ.

Кто есть сей Царь? — въ Немъ обрѣтутъ
Науки лестную отраду;
Ремесла больше процвѣтутъ,
Узрѣвъ достойную награду.

Кто есть сей Царь? Известна всѣмъ
ВЕЛИКАЯ ЕКАТЕРИНА.
Представьте тѣжъ доброты въ Немъ,
Тѣжъ свойства и душа едина.

III.

Россы! радостно плещите!
Кто въ порфирѣ? — вы воззрите:
Царь Россіи и Отецъ.
Сколько насъ Онъ восхищаетъ
Тѣмъ, что прежній возвращаетъ
Вѣкъ щастливый наконецъ.

Всѣ Его дѣянья зрите;
И законы разсмотрите:
Все въ нихъ съ правдой спряжено;
Все въ нихъ благостію дышетъ;
И Его десница пишетъ
Всѣмъ лишь щастіе одно.

Зрите — Онъ лишь воцарился,
И въ темницы свѣтъ пролился;
Бѣдный токи слезъ отеръ;
Падшій подъ рукой злощастій
Изъ краевъ далекихъ въ щастьи
Взоръ свой къ родинѣ простеръ.
Царствуй тако, Царь! надъ нами;
Будешь обладать сердцами.
Нѣтъ блаженства для Царей,
Какъ, любя народъ нелестно,
Быть любимымъ повсемѣстно
Отъ народа Своего.

IV.

Всещедры Небеса! внемлите
Моленьямъ пламеннымъ дѣтей;
Въ чистѣйшей радости продлите
МОНАРХА нашего нить дней
До позднѣйшихъ годовъ,
Да при Его Державѣ
Превознесется въ славѣ
Россія въ родъ родовъ!

52.

БРАТОУБІЙЦА.

БРАТОУБІЙЦА,

БАЛЛАДА

В. А. ЖУКОВСКАГО,

МУЗЫКА

Ѳ. С. Алферьева

Для пѣнія на одинъ или два голоса, для фортопьяно и гитары.

(по произволенію).

ПОСВЯЩАЕТСЯ АЛФЕРЬЕВЫМЪ

ДОБРОМУ ДРУГУ ЕГО

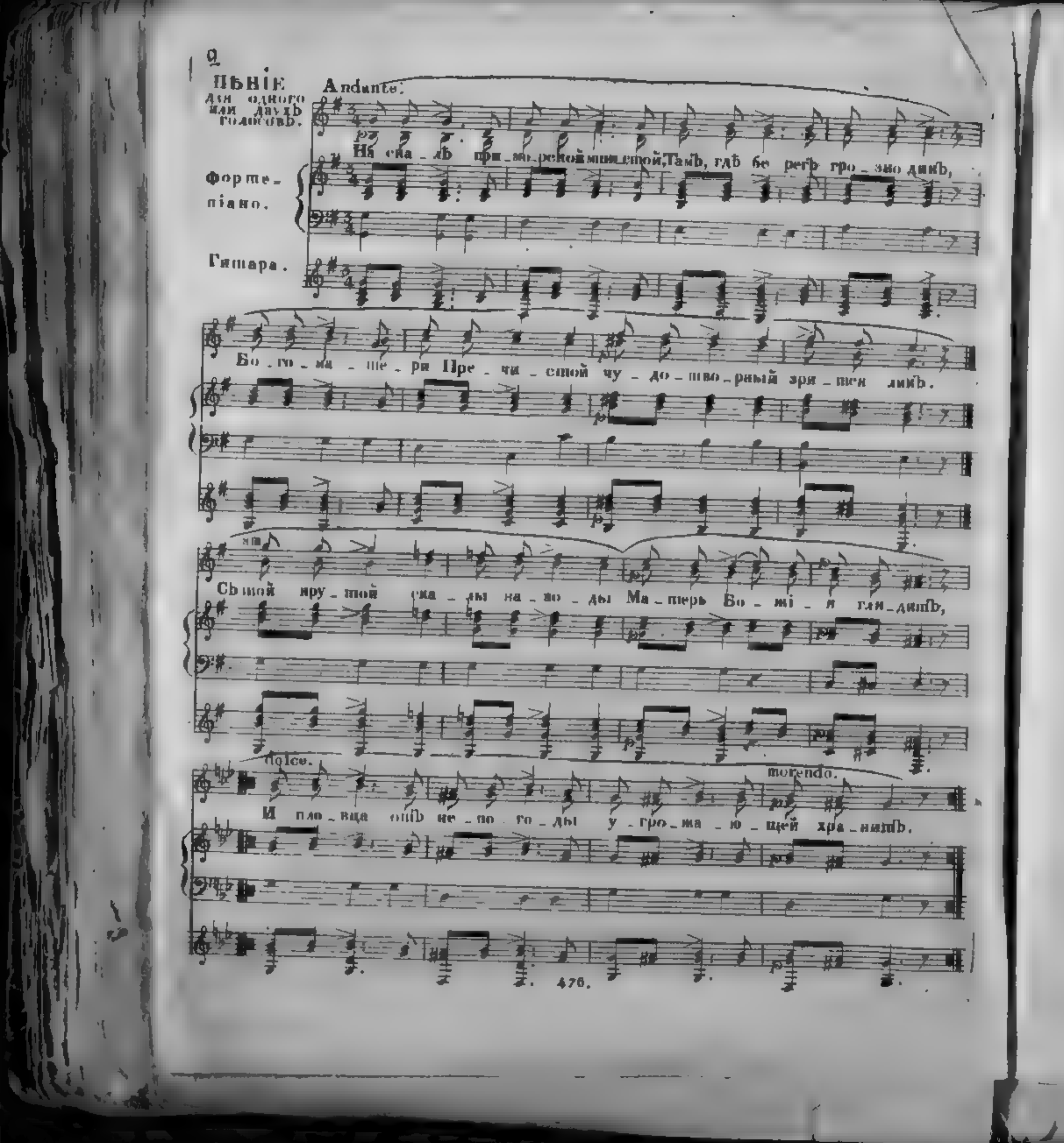
ЛЮДВИГУ АНТОНОВИЧУ

ГИЗЕТТИ.

(25 Іюня, 1834. Шклевиха).

Написана В. А. Жуковскимъ, въ 1833 году, въ Верне, на берегу Женевскаго озера, въ Швейцаріи.

Печатать позволяется. Москва. Іюля 13 дня, 1834 года. *Ценсоръ Н. Лазаревъ.*

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

ПѢНІЕ
для одного или двухъ голосовъ.
Andante.
Форте-піано.
Гитара.
Тамъ, гдѣ бе регъ гро _ зно дикъ,
Бо _ го _ ма _ те _ ри Пре _ чи _ стой чу _ до _ тво _ рный
Съ той кру _ той ска _ лы на _ во _ ды Ма _ терь Бо _ жі _ я гля _ дитъ,
dolce.
morendo.
И пло _ вца отъ не _ по _ го _ ды у _ гро _ жа _ ю _ щей хра _ нитъ.

БРАТОУБІЙЦА.

Баллада

I.

На скалѣ приморской, мшистой,
Тамъ, гдѣ берегъ грозно дикъ,
Богоматери Пречистой
Чудотворный зрится ликъ.
Съ той крутой скалы на воды
Матерь Божія глядитъ,
И пловца отъ непогоды
Угрожающей хранитъ.

II.

Каждый вечеръ, лишь молебный
На скалѣ раздастся звонъ,—
Гласъ торжественный, хвалебный
Возстаетъ со всѣхъ сторонъ.
Пахарь пѣньемъ освящаетъ
Дня и всѣхъ трудовъ конецъ;
И на палубѣ читаетъ
Ave Maria пловецъ.

Къ музыкѣ Алферьева.

III.

Благодатнаго Успенья
Свѣтлый праздникъ наступилъ;
Всѣ окрестныя селенья
Звонъ призывный огласилъ.
Солнце радостно и ярко;
Бездна водъ свѣтла до дна;
И Природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

IV.

Всѣ пути кипятъ толпами;
Все блеститъ вблизи, вдали;
Убралися вымпелами
Челноки и корабли;
И въ одинъ слiявшись крестной
Богомольно-шумный ходъ,
Вьется лѣстницей небесной
По святой скалѣ народъ.

V.

— Сзади въ грубыхъ власяницахъ,
Слезы тяжкiя въ очахъ,
Блѣдный постъ на мрачныхъ лицахъ,
На главѣ зола и прахъ,
Идутъ грѣшные въ молчаньи:
Имъ съ другими не вступить
Въ храмъ святый; имъ въ покаяньи
Передъ храмомъ слезы лить.

VI.

И отъ всѣхъ другихъ далеко
Мертвецемъ бредетъ одинъ:
Щеки впалы, тускло око,
Полонъ мрачный лобъ морщинъ.
Изъ желѣза поясъ ржавой
Тѣло чахлое гнѣтетъ,
И къ ногѣ прильнувъ кровавой,
Злая цѣпь ее грызетъ.

VII.

Брата нѣкогда убилъ онъ.
Изломавъ проклятый мечъ,
Сталь убійства обратилъ онъ
Въ поясъ; латы скинулъ съ плечъ,
И въ оковахъ, какъ колодникъ,
Бродитъ онъ съ тѣхъ поръ, и ждетъ,
Что какой нибудь Угодникъ
Чудомъ цѣпь съ него сорветъ.

VIII.

Бродитъ онъ, бездомный странникъ,
Бродитъ много, много лѣтъ;
Но прощенія посланникъ
Имъ не встрѣченъ; чуда нѣтъ.
Смутенъ день, безсонны ночи;
Скорбь съ людьми и безъ людей;
Видъ небесъ пугаетъ очи;
Жизнь страшна, конецъ страшнѣй.

IX.

Какъ путемъ колючихъ терній,
Тяжко къ храму всходитъ онъ;
Въ храмѣ все молчатъ, вечерній
Внемля благовѣста звонъ.
Сталъ онъ въ страхѣ предъ дверями.
Дѣвы ликъ, сквозь фиміамъ,
Блещетъ, облитый лучами
Дня, сходящаго къ водамъ.

X.

— И окрестъ благоговѣнья
Распростерлась тишина:
Мнится, таинствомъ Успенья
Вся земля еще полна;
И на облакѣ сіяетъ
Возлетѣвшей Дѣвы слѣдъ;
И она благословляетъ,
Исчезая, здѣшній свѣтъ.

XI.

Всѣ пошли назадъ толпами;
Но преступникъ не спѣшитъ
Имъ во слѣдъ; передъ дверями
Блѣденъ ликомъ онъ стоитъ.
Цѣпи все еще вкругъ тѣла,
Ими сжатаго, лежатъ;
А душа ужъ улетѣла
Въ градъ свободы, въ Божій градъ.

53

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ.

Стихотворение

Василія Жуковскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ѳ. ДРЕХСЛЕРА.

1815.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Воззрите съ благосклонностію на произведеніе стихотворца, уже имѣвшаго счастіе обратить на себя снизходительные Ваши взоры.

Посланіе къ Государю Императору, Вашему Величеству мною подносимое, есть выраженіе не однихъ чувствъ поэта, но вмѣстѣ и всего, что чувствуетъ теперь народъ Руской — языкъ свободной и простой, дань благодарности, дань безкорыстнаго удивленія.

Въ нынѣшнее время, столь славное для Рускаго народа, всякой Руской стихотворецъ также обязанъ славить своего Царя, какъ и всякой, имѣющій благодарное сердце, выражать свои чувства передъ своимъ благотворителемъ. Нынѣ хвала дѣлаетъ болѣе чести поэту,

исцели Царю, Которой не ищетъ ее, но творитъ добро потому, что иначе творить не можетъ: и не лесть приводитъ теперь стихотворца къ Престолу, не бѣдная надежда заслужить награду, но славное имя Рускаго, но честь — быть однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которые клялись въ вѣрности Великому Человѣку, за котораго жизнь отдать — есть наслажденіе.

Исполняю долгъ свой. Не думаю ласкать себя надеждою, что своими стихами выразилъ то величіе, которымъ мой предметъ блистаетъ; но я былъ уже счастливъ, стараясь изобразить его. Приношу мои хвалы не къ престолу моего Царя — Онъ ихъ не требуетъ; но сердцу Его Матери — и счастливъ буду, естьли Она найдетъ въ моихъ чувствахъ нѣкоторое сходство съ собственными.

Благодарность за то вниманіе, котораго Ваше Императорское Величество меня удостоили, котораго я не отваживался ни надѣяться, ни искать, поселило въ меня эту смѣлость. И теперь ни какой другой цѣли не имѣю, кромѣ этого ободрительнаго, столь сладостное чувство благодарности производящаго вниманія. Вашему Величеству угодно было удостоить меня награды — даръ священной руки Монаршей сохранится въ благодарной семьѣ, какъ памятникъ драгоцѣнной милости. Но теперь, Государыня, осмѣливаюсь сказать свободно, что, поднося мое посланіе Вамъ, Матери нашего Царя, Героя, Благотворителя, желаю заслужить одно только Ваше одобреніе. Какъ стихотворецъ, я сказалъ вслухъ и весьма слабымъ языкомъ то, что каждый изъ моихъ соотечественниковъ чувствуетъ въ тайнѣ души своей — дерзкое, но счастливое право поэзіи! — И если сердце Матери-Царицы, Той, Которая

уже сама съ престола склонила на меня взоръ милости, будетъ тронуто голосомъ поэта, если мои соотечественники скажутъ, что я не обезобразилъ своими стихами ихъ благодарности къ нашему Царю за Его Царскія добродѣтели, составляющія прямую честь и драгоцѣннѣйшую собственность народа — тогда, какой счастливѣйшей награды желать мнѣ остается?

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный
Василій Жуковскій.

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ Тебѣ зовутъ: Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
Который для Тебя вселенная сплетаетъ?
О Рускій Царь, прости! невольно увлекаетъ
Могущая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
Гдѣ благодарностью возженный ѳиміамъ
Стеклися въ даръ принесть Тебѣ народы міра,
И радости полна, сама играетъ лира!

Кто славныхъ дѣлъ Твоихъ постигнетъ красоту?
Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
До коей Ты достигъ по тернамъ испытанья!...
Когда, исполнены любви и упованья,

Мы шумною толпой тоть окружали храмъ,
Гдѣ вѣрнымъ быть Царемъ клянясь Творцу и намъ,
Ты клалъ на страшный крестъ державную десницу,
И юны рамена склонялъ подъ багряницу; —
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль Твоя была?
Скажи, когда вѣнецъ рука Твоя брала,
Что мыслилъ Ты, вблизи послышавъ клики славы,
А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Низпровергала, бичъ земныхъ народовъ, брань,
Какъ троны падали подъ хищникову длань?
Ужель, при слухѣ семъ, душей не возмущился?...
Нѣтъ! выше бурь вѣнца Ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужасъ проницалъ,
И въ сердцѣ Промысла судьбу Свою читалъ.
Смиренно приступивъ къ сосуду примиренья,
Въ Себѣ весь Свой народъ Ты въ руку Провидѣнья
Съ спокойной на него надеждой положилъ —
И Соприсутственный Тебя благословилъ!
Когдажъ священный храмъ при громахъ растворился, —
О сколь плѣнителенъ Ты намъ тогда явился
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ лицомъ,
Подъ Прародительскимъ сіяющій вѣнцомъ;
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!
Казалось, къ пламенной въ рукѣ Твоей державѣ
Тогда весь Твой народъ сердцами прилеталъ!
Казалось, въ ней обѣтъ души Твоей горѣлъ,

Съ которымъ Ты за насъ передъ олтарь явился..
О Царь, благодаримъ! обѣтъ сей совершился!..

И Призванный Тобой Тебя не измѣнилъ.
Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтозарную печать благотворенья:
Низпосылаемый имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена —
И обновленныя пышнѣе разцвѣтаютъ!
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ.
Давноль одряхшій міръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
Тамъ — въ прорицающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обветшалы,
Въ дремотѣ преклоня главы свои усталы;
Цари сей грозный сонъ считали за покой;
И, невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ хладны,
Лишь къ наслажденіямъ одной минуты жадны,
Подъ наклонившихся престоловъ Царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать стекалися толпами...
И первый ветхій тронъ у Галловъ надъ главами
Разгрянулся въ куски и вспыхнулъ какъ волканъ!
Съ его дымящихся развалинъ, великанъ,
Питомецъ ужасовъ, безвластія и браней,
Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки длани

И взорами на мiръ ужасно засверкалъ —
И предъ страшилищемъ весь мiръ затрепеталъ!
Сказавъ: нѣтъ Промысла! гигантскою стопою
Шагнулъ съ престола онъ, и слѣдомъ за звѣздою
Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ!
И Промыслъ, утаясь, послалъ предъ нимъ свой Страхъ;
Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ нимъ рядомъ,
И, раздробляющiй полки и грады взглядомъ,
Огромною рукой ту бездну покрывалъ,
Къ которой гордаго путемъ успѣха мчалъ.
Непобѣдимости мечтою ослѣпленной,
Онъ мыслилъ: „мой престолъ престоломъ будь вселенной!
„Порфиры всѣхъ Царей земныхъ я раздеру,
„И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу!
„Народовъ бѣдствiя ступени мнѣ ко счастью!
„Все, все въ развалины! на нихъ повсюду съ властью
„И буду царствовать, и мнѣ соцарствуй страхъ!
„Исчезни все опять — когда я буду прахъ, —
„Что изъ развалинъ брань и власть соорудила:
„Безсмертною моя останется могила!“ —
И къ человѣчеству презрѣньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабства плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани:
И стала Галлiя сокровищницей брани!
Тамъ все, и храмъ и весь и градъ, взывало: брань!
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило.

Оратай, на бразды склоняя взоръ унылой,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ,
И издой свою постель страданье выкупало!
И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасный цвѣтъ людей:
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцовъ минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ —
И юность ихъ была какъ на могилѣ цвѣтъ!
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя,
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой,
И бросилось на брань съ отважной слѣпотой;
И по слѣдамъ его за ратью рать летѣла!
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И хитростью подрытъ, измѣной потрясёнъ,
Добитый громами, за трономъ падалъ тронъ.
По нимъ свободы врагъ отважною стопою
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою.
Отъ Рейнскихъ твердынь до Нѣмана валовъ,
Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ,
Одна ужасная простерлася могила .....
Все смолкло! — Мрачная, съ кровавымъ взоромъ, Сила
На грудѣ падшихъ царствъ возсѣла, стражъ Царей!
Предъ симъ чудовищемъ — и доблесть прежнихъ дней,

И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренныхъ нравы,
Погибло все! — Окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ,
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ раздробить еще пріютъ свободы!
Унылость на сердца народовъ налегла —
Лишь Вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,
Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ лобзала,
И взоры на востокъ съ надеждой обращала.
И грозно возблисталъ спасенья страшный годъ!
За сей могилою народовъ, — цвѣлъ народъ —
О Царь нашъ! Твой народъ! — могущій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ Царю и въ славѣ тишиной!
Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы, —
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крилы,
На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ —
И злобой на него губитель закипѣлъ!
Въ несмѣтну рать сполня рабовъ ожесточенныхъ,
И на поляхъ, стопой врага неоскверненныхъ,
Ужъ въ мысляхъ взгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной...
О Провидѣніе! Твоя Россія встала,
Твой Ангелъ полетѣлъ, и брань твоя вспылала!
Кто, кто изобразитъ безсмертный оный часъ,

Когда, въ молчаніи народномъ, Царскій гласъ
Послышался, какъ вѣсть надежды и спасенья?
О гласъ Царя! о честь народа! Пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ:
Все бранью вспыхнуло! все ринулось къ мечамъ!
И грозно въ бой пошла съ Насиліемъ Свобода.
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ, и святость олтарей;
И древній гробъ отцовъ и колыбель дѣтей;
И старцевъ сѣдины и младость дѣвъ цвѣтущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ грядущихъ!
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары, Месть!
Стѣною рать! что шагъ—то бой! что бой—то честь!
Предъ нимъ ужасный рядъ дымящихся пустыней;
Кругомъ пустынь полки, и грозный сонмъ твердыней,
Летающихъ вездѣ крылатою грозой;
И Старецъ-вождь средь нихъ съ невидимой судьбой.
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Влача по гибельнымъ отмстителей слѣдамъ,
Грядетъ, грядетъ слѣпецъ, Москва, къ твоимъ стѣнамъ!
О радость — онъ вступилъ! Зажгись, костеръ свободы!...
Пылаетъ!... цѣпи въ прахъ! воскресните народы!
Вашъ стыдъ и плѣнъ Москва, обрушась, погребла,
И въ пеплѣ мщенія свобода ожила!
И при сверканіи Кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призракъ ужасный, Кара

Пошла по трепещущимъ губителя полкамъ;
И ужасъ пригвоздивъ къ смятеннымъ знаменамъ,
Надъ ними жалобно завыла: горе! горе!
И Гладъ, при кликѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Свирѣпый, кинулся на ратныхъ и вождей.
Тогда помчались вспять; — и грудами костей
И брошенными въ прахъ потухшими громами
Означили свой слѣдъ предъ Рускими полками,
И Нѣманъ льдистый мостъ для бѣгства ихъ сковалъ!
О сколь тогда великъ, нашъ Царь! Ты намъ предсталъ,
Сжимающій Вождю, въ виду полковъ, десницу,
И старца на Свою ведущій колесницу,
Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ въ слѣдъ врагамъ.
О часъ торжественный! за Нѣманъ знаменамъ
Ужъ указуешь путь властительной рукою!
Когда же двинулись дружины предъ Тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ,
И грозно брегъ покрылъ коней и ратныхъ рядъ,
Пріосѣняемый парящими орлами...
Сіе величіе окинувши очами,
Что ощутилъ, нашъ Царь, тогда въ душѣ Своей?
Передъ Тобой весь міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ растерзанный, еще взывать не смѣя;
И Человѣчество, изъ подъ стопы злодѣя
Къ Тебѣ подъемля взоръ, молило: ты гряди!
И судія Царей, Потомство впереди
Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:

„Дерзай! и нареку Тебя: Благословенный!“
И въ грозный между тѣмъ полки сліянны строй,
На все готовые, съ покорной тишиной,
На твой смотрѣли взоръ и ждали мановенья.
А Ты!... Ты отъ небесъ молилъ благословенья;
И ангелъ ихъ, грядя, на щитъ Твой низлетѣлъ,
И гибелью врагамъ Твой щитъ запламенѣлъ,
И руку Ты простеръ... и двинулися рати.
Какъ къ Возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенье Тебѣ народы потекли,
И вайями Твой путь смиренный облекли.
Привѣтственной толпой подвиглись веси, грады;
Къ Тебѣ желанія, къ Тебѣ сердца и взгляды!
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго Тебя впреди Твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногій ратникъ рвется;
Младая старику во грудь надежда льется:
„Свободенъ — мнитъ — сойду въ свободный гробъ отцовъ!“
И смотритъ, не страшась, на зрѣющихъ сыновъ.
И Ты средь плесковъ сихъ — не гордый побѣдитель,
Но воли Промысла смиренный совершитель —
Шелъ тихій, благостью великость украшалъ,
Блескъ утѣшительный окрестъ Тебя сіялъ,
И ликъ Твой ясенъ былъ, какъ ясный ликъ надежды!
И вождь нашъ, смертію отягощенны вѣжды
Поднялъ съ усиліемъ, чтобы на славный путь,
Въ который Ты вступалъ, уже не съ нимъ, взглянуть,

И угасая, дашь Царю благословенье.
Сколь сладостно его съ землею разлученье!
Когда, въ последній часъ, онъ рать тебѣ вручалъ,
И ослабѣвшею рукою прижималъ!
Къ нѣмѣющей груди Царя и друга руку —
О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти муку!
Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго открытъ;
Онъ весело приникъ сѣдинами на щитъ,
И смерть его криломъ надежды осѣнила.
И чуждый вождь *) — увы! судьба его щадила,
Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ правды палъ. —
Нашъ Царь, узнавъ Тебя, на смерть онъ не роптал;
Ты руку падшему, какъ братъ, простеръ средь боя,
И сердцу вѣрному вѣнчаннаго Героя —
Смягчившаго слезой его съ концемъ борьбу —
Онъ смѣло завѣщалъ отечества судьбу.
И лишь горѣ взлетѣлъ орелъ нашъ двоеглавый,
Лишь крикнулъ голосомъ давно молчавшей славы —
Какъ всколебалися Тевтоновъ племена:
Къ нимъ Германъ съ норда несъ свободы знамена,
И все помчалось въ строй подъ знамена свободы.
Въ одну слiялись грудь воскресшiе народы,
И всѣхъ Царей рука, нашъ Царь, въ рукѣ Твоей·
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней!
О славный Кульмскій бой! о доблесть Славянина!

---

*) Моро.

Вотще на нихъ рвались всѣ рати исполина,
Вотще за громомъ громъ на строй ихъ налеталъ; —
Все опрокинуто! — и Руской устоялъ!...
И строемъ роковымъ отмстителей дружины
Ужъ приближаются къ святилищу судьбины;
Ужъ видятъ тотъ рубежъ, ту цѣль, къ которой вёлъ
Ихъ Неиспытанный по темной безднѣ золъ,
Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою,
И тяжкой опыта ихъ бременя рукою.
Се мѣсто, гдѣ Себя во правдѣ Онъ явитъ;
Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшитъ:
Не быть, иль быть Царямъ; возстать иль пасть вселенной!
И все въ собраніи!... О часъ вѣкамъ священной!...
Народы всѣхъ племенъ, и всѣхъ племенъ Цари,
Подъ сѣнію знаменъ святые олтари,
Несмѣтный рядъ полковъ, вожди передъ полками,
И громы впереди съ подъятыми крылами;
И на холмѣ, въ бронѣ, на грозный щитъ склонёнъ,
Союза мстителей младый Агамемнонъ,
И тѣни всѣхъ вѣковъ внимательной толпою
Надъ свѣтозарною вождя Царей главою:
И въ ожиданіи священномъ все молчитъ!...
И тихо мгла еще на небѣ томъ лежитъ,
Отколь съ грядущимъ днемъ изыдетъ Вседержитель. —
И загорѣлся день... Богъ грянулъ... палъ губитель!
Бѣгутъ; — во прахъ и громъ, и шлемъ, и мечь, и щитъ.
Впреди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ Страхъ бѣжитъ,

И жадною рукой Погибель ихъ хватаетъ:
И небо тихое торжественно сіяетъ,
Надъ преклоненною отмстителей главой:
Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй,
И Рейнъ восплескалъ, послышавъ ликованья.
О старецъ водъ! о ты, съ минуты мірозданья
Незрѣвшій на брегахъ еще лица Славянъ,
Ликуй! и отражай въ волнахъ Славянскій станъ!
И погрузился крестъ при громахъ въ древни воды,
И Рейнъ, обновленъ, потекъ въ брегахъ свободы,
И заигралъ на немъ веселья звонкій рогъ.
И быстро ворвались кони во вражій страшный логъ,
Гдѣ, кроясь, хищникъ царствъ ковалъ имъ цѣпи плѣна:
Вотще, вотще воздвигъ онъ черныя знамена,
Лишь гибели молву они съ нимъ водрузили; —
Громъ Рускій берега Секваны огласилъ,
И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и мщенья!
Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ.
О Руская земля! Спасителемъ грядетъ
Твой Царь къ низринувшимъ Царей твоихъ столицу!
Онъ распростеръ на нихъ пощады багряницу;
И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ громовъ,
Полки его идутъ при гласѣ ихъ отцовъ,
И счастье прежнихъ лѣтъ съ побѣдой къ нимъ влетаетъ!
Хвала, хвала, нашъ Царь! Стыдливо отклоняетъ
Рука Твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ!

Ты предстоишь благій семьи братовъ отецъ,
И первый ихъ съ землей и съ небомъ примиритель.
О незабвенный день! смотрите — побѣдитель
Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
Колѣнопреклоненъ, на страшномъ мѣстѣ томъ.
Гдѣ Царскій мученикъ подъ остріемъ секиры,
Въ виду разорванной отцевъ своихъ порфиры,
Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ;
Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
Злодѣйство блѣдную свободу возводило,
И Бога поразить своей хулою мнило. —
На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь Царей
Предъ миротворною священной олтарей
Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена мщенья,
И жертву небесамъ принесть очищенья.
Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слёзы льютъ;
И се!... подъемлются спасенія сосуды!..
И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель! *)
И побѣжденному лобзанье побѣдитель
Какъ братъ по божеству, въ виду небесъ даётъ.
Свершилось!.. освященъ испытанный народъ:
И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона
Спасительный корабль несущій кровь Бурбона,
Питомецъ бѣдствія на тронъ отцевъ грядетъ,

---

*) Извѣстно, что торжественное молебствіе Россійской арміи совершено было въ день Свѣтлаго Воскресенія на той площади гдѣ погибъ Людовикъ XVI.

И старцу братскую десницу подаетъ
Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и мира:
И Людовикова наброшена порфира
На преступленія минувшихъ страшныхъ лѣтъ!...
Свершилось!.... Рускій Царь! отечество и свѣтъ
Уже рекли свой судъ дѣламъ неизреченнымъ,
И дали ужъ отвѣтъ потомки современнымъ!....
Богатый чувствомъ благъ, содѣянныхъ Тобой,
И съ неприступною для почестей душой,
Сіяніе сокрывъ, Ты въ путь летишь желанной —
Отчизна сына ждетъ! объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ Ты скорбѣлъ.
И Ты невидимый чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во спасеніе Твои промчались громы.
Ужъ всюду запѣвалъ свободы гласъ знакомый;
На оживающихъ подъ плугами поляхъ,
На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
На градскихъ торжищахъ, кипящихъ отъ народа,
На самомъ прахѣ селъ.... вездѣ, вездѣ свобода,
Вездѣ обиліе, надежда и покой!
И все сіе, нашъ Царь! дано землѣ Тобой.
Но чтожъ Ты ощутилъ, когда Твой взоръ веселый
Завидѣлъ въ далекѣ отечески предѣлы,
И вѣтеръ, вѣющій изъ подъ родныхъ небесъ,
Ко слуху Твоему гласъ родины принесъ?
Что ощутилъ, когда священнаго Петрограда
Вдали передъ Тобой возникнула громада;

Когда предъ Матерью колѣно преклонилъ;
Когда, свершившій все, ко храму приступилъ,
Гдѣ освященный мечь пріялъ на совершенье,
Гдѣ истребителя начавшій истребленье,
Предтеча въ славѣ Твой, герой спасенья спитъ?....
Россія! Онъ грядетъ!... уже олтарь горитъ!
Уже Его принять отверзлись двери храма!
Ужъ благодарное куренье ѳиміама
Съ сердцами за Него взлетѣло къ небесамъ:
И се.... Приникнувшій къ престола ступенямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу....
О Вѣчный! осѣни смиреннаго державу!
Его душа чиста: въ ней благость лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена!...

Отважною вступить дерзаю, Царь, мечтою
Въ чертогъ священный Твой, гдѣ Ты одинъ съ Собою
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромныхъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ Цари и Провидѣнье.
О Царь! въ сей важный часъ — когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ Тобой тотъ усиленный храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ Петръ, Царей земныхъ учитель —
Я зрю Тебя, племенъ несмѣтныхъ повелитель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,

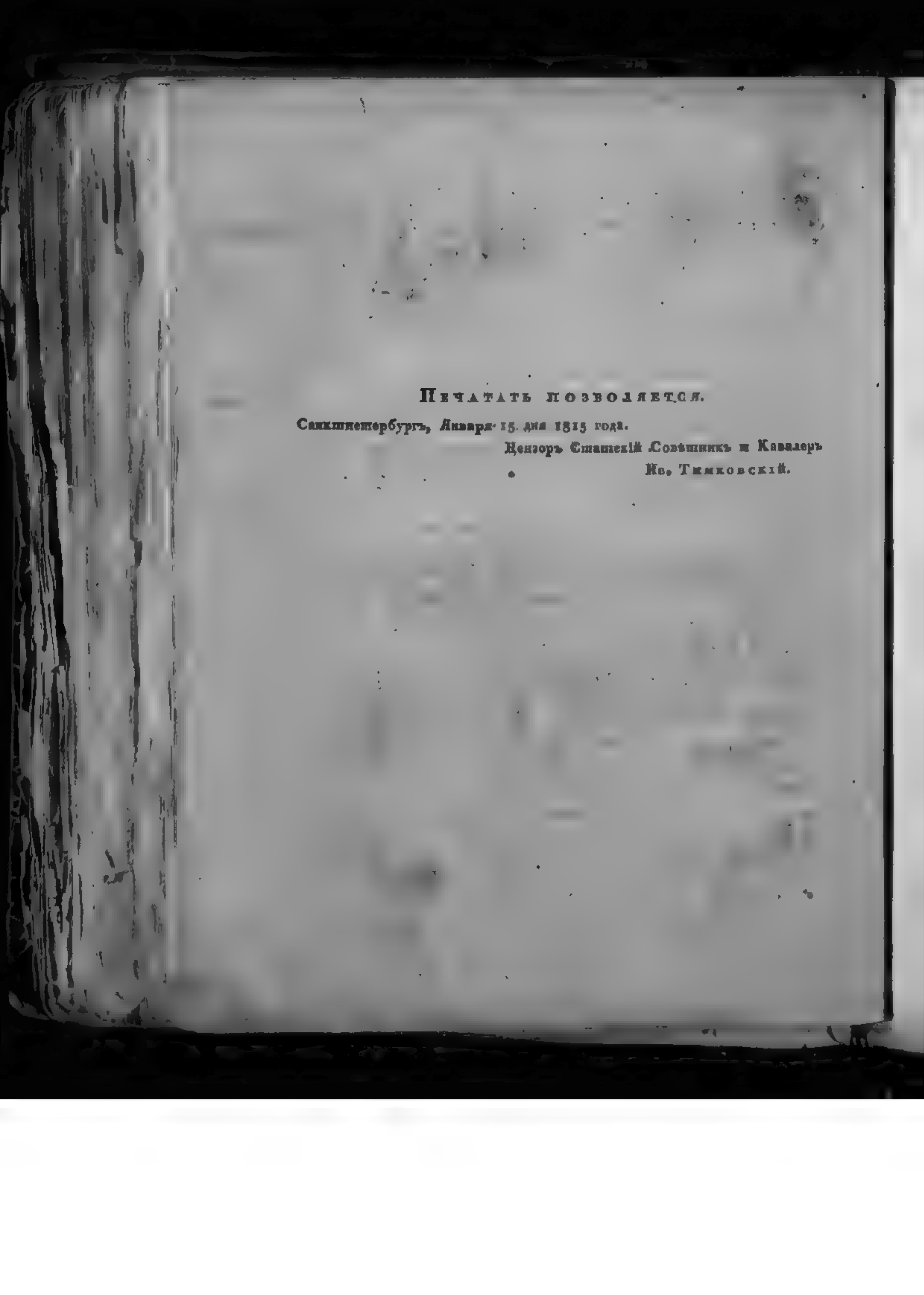
Гдѣ все Твое, гдѣ Ты надъ всѣхъ судьбою властитель;
Гдѣ Ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причаститель,
Уполномоченный отъ неба судія —
О сколь божественна въ сей часъ душа Твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененной —
За насъ онъ возведенъ къ Правителю вселенной!
За насъ Ты предстоишь, какъ жертва, передъ Нимъ!
Отечество, внимай: — „Творецъ! все блага имъ!
„Не за величіе, не за вѣнецъ ужасной —
„За власть благотворить, удѣлъ Царей прекрасной;
„Склоняю, Царь небесъ! колѣна предъ Тобой,
„Безстрашный подъ Твоей незримою рукой
„Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!
„Покойся, мой народъ! не дремлетъ твой хранитель.
„Такъ, мой народъ, Творецъ! онъ весь въ душѣ моей!
„На удивленіе народовъ и Царей
„Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
„И тронъ свой олтаремъ любви ему поставлю!
„Какъ небо, надъ моей простертое главой,
„Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
„Такъ стройно будь мое владычество земное.
„Правленье Божества зерцало мнѣ святое.
„Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!...
„А Ты, дарующій и тронъ и власть Царямъ,
„Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
„Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью!
„Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ

„Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
„Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенной!"...

Воникнъ и Ты Своей семьѣ, Благословенной!
Оставь на время Твой великолѣпный тронъ: —
Хвалой не вѣрною тронъ Царскій окруженъ; —
Сокрой свой Царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья,
Одинъ, въ толпу, и тамъ внимай благословенья!
Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ.
На праздникахъ семей украшенный Твой ликъ,
Ликующихъ родныхъ родный благотворитель,
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая и первый гимнъ Тебѣ!
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ Твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ,
И славой для него грядущее пылаетъ.
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устремить,
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ разцвѣлъ передъ могилой!
И воинъ, въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ посвятивъ изрубленный свой щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ говоритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ Тебя, всегда въ кипящей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣлъ — вездѣ побѣдъ предтечей.
И къ лирѣ съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ....
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ Царя — не льстецъ!
Когда хвала — восторгъ; гласъ лиры — гласъ народа;

Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, олтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: Царь!
И кто не закипитъ восторгомъ песнопенья,
Когда и нищета, подъ кровлею забвенья,
Последній бедный лептъ за ликъ Твой отдаетъ!
И онъ, какъ друга тень, отрадный светъ ліетъ
Немымъ присутствіемъ въ обители страданья!
Пусть облечетъ во власть святый обрядъ венчанья;
Пусть верности обетъ, отечество и честь
Велятъ намъ за Царя на жертву жизнь принесть —
Отъ подданныхъ Царю колѣнопреклоненье:
Но дань свободная, дань сердца — уваженье,
Не власти, не венцу, но человеку дань!
О Царь! не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебе любовь Твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота — великая душа!
Безсмертныя дела смиренно соверша,
Воззри на Твой народъ, простертый предъ Тобою,
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцомъ путь опыта и бедъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію Царя на все, на все готовой —
Доверенность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ Твой приноситъ Царскій тронъ.

Предстатель за Царей народъ у Провидѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья!
Повѣрь народу, Царь, имъ будешь щастливъ Ты!
Поставившій Тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Ужель на краткій мигъ Онъ намъ Тебя явилъ?
О нѣтъ! Онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ Тебѣ всѣ блага, намъ священны;
И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный!
Примижъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость Царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ Ты міру
Столь древле славную отцевъ Твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу Твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему —
Здѣсь, окружая Твой престолъ, Благословенной!
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ Твоей священной!
Какъ предъ ужасною святыней олтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за Царя!



Печатать позволяется.

Санктпетербургъ, Января 15. дня 1815 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Ив. Тимковскій.

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА

или

СИЛА ГАРМОНІИ

сочиненіе

ДРАЙДЕНА.

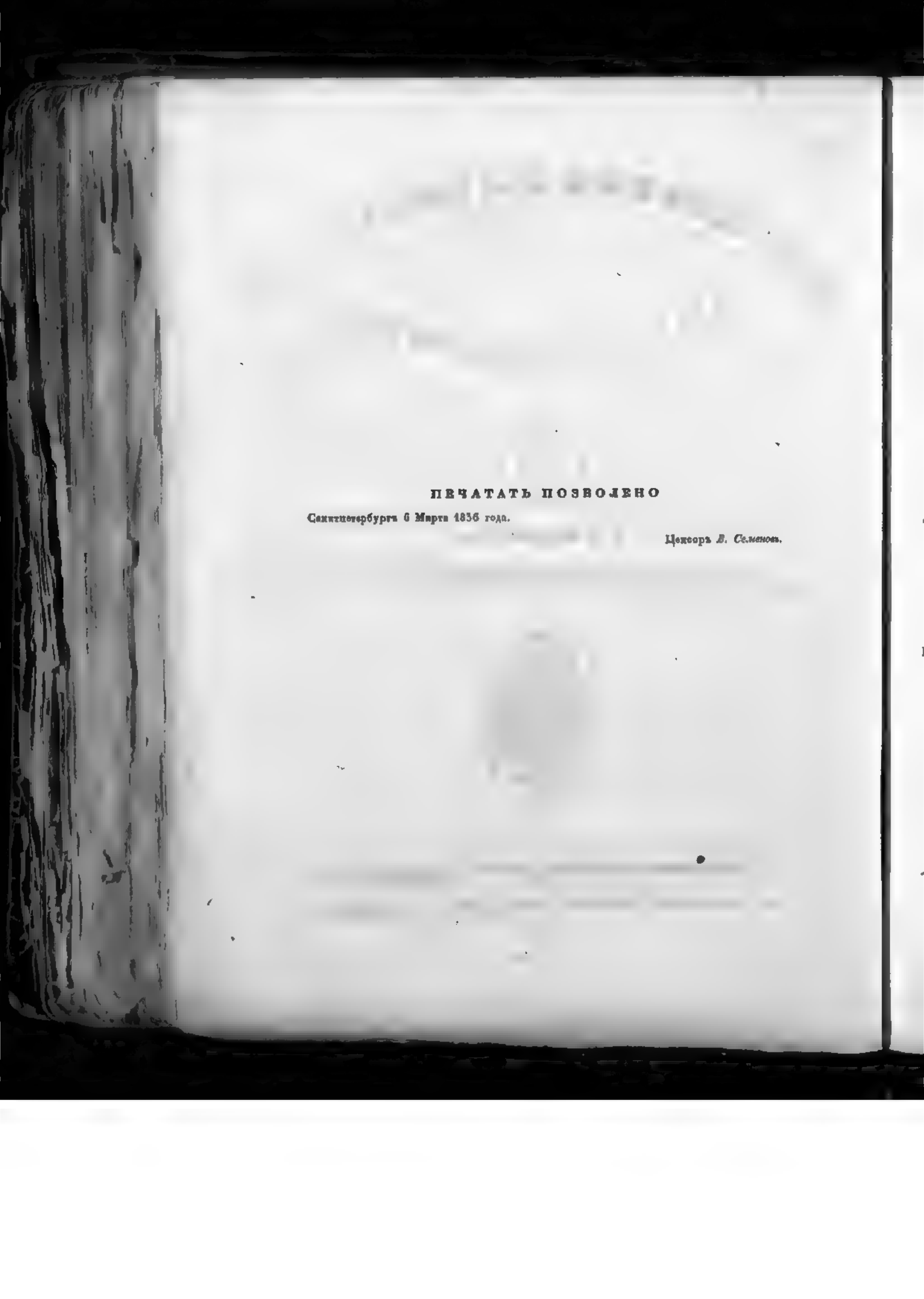
переводъ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Музыка Генделя, инструментированная Моцартомъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ III. ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРІИ.

1836.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

Санктпетербургъ 6 Марта 1836 года.

Ценсоръ *В. Семеновъ.*

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА

или

СИЛА ГАРМОНІИ.

КАНТАТА ДРАЙДЕНА.

Recitativ.

По страшной битвѣ той, гдѣ Царь Персиды палъ,
Оставя рать,, вѣнецъ и жизнь въ кровавомъ полѣ,
Возвышенъ возсѣдалъ,
Въ сіяньи на престолѣ,
Красою богъ, Филиппов сынъ.
Окрестъ — вождей и ратныхъ чинъ;
Вѣнцами розъ главы увиты;
Вѣнецъ есть даръ тебѣ, сынъ брани знаменитый!
Таиса близъ Царя сидитъ,
Любовь очей, востока диво;
Какъ роза юный цвѣтъ ланитъ,
И полонъ страсти взоръ стыдливой.

Tenor Aria e Coro.

Блаженная чета!
Величіе съ красою!
Лишь бранному герою,
Лишь смѣлому въ бояхъ наградой красота!

DAS ALEXANDER'S FEST,

oder

DIE MACHT DER MUSIK.

Eine Cantate von Dryden.

Recitativ

Am königlichen Fest, als Persia fiel
Durch Philipp's tapfern Sohn,
Sass hoch in stolzem Pomp
Der göttergleiche Held
Auf seinem furchtbar'n Thron.
Der Feldherrn Trupp, rund um ihn her,
Im Haare Rosen, Myrthen um den Schlaf
(Der Sieger Haupt verdient den Kranz),
Die holde Thais neben ihm
Des Aufgangs blumenreiche Braut,
Wie Hebe jung, wie Hebe schön.

Tenor - Arie.

Selig, selig, selig Paar!
Nur unser Held,
Nur unser Held,
Nur unser Held verdient die Braut.

Chor.

Selig, selig, selig Paar!
Nur unser Held,
Nur unser Held,
Nur unser Held verdient die Braut.

Recitativ.

И зрѣлся Тимотей среди поющихъ клира;
Летали персты по струнамъ;
Какъ вихорь, мощный звонъ стремился къ небесамъ:
Звучала радостію лира.

Sopran.

Отъ Зевса пѣснь ведетъ пѣвецъ:
О власть любви! Отъ горня трона,
Покинувъ громъ, боговъ отецъ,
Подъ дивнымъ образомъ дракона,
Нисходитъ въ міръ; дугой вьетъ..
Огнечешуйчатый хребетъ;
Въ немъ страсти пышетъ вожделѣнье;
Къ Олимпіи летитъ, къ грудямъ ея приникъ;
Обвилъ трикраты станъ — и се Зевесовъ ликъ!
Се новый Царь земли! Се грознаго рожденье!

Coro.

И строй внимающихъ восторгомъ распаленъ;
Кличъ шумный: Бога зримъ! И старъ и младъ воспрянулъ!
И звучно: Бога зримъ! По сводамъ отзывъ грянулъ.

Sopran.

Царь славой упоенъ; зритъ звѣзды подъ стопою; и мыслитъ: онъ Зевесъ! и движетъ онъ главою, и мнитъ, подвигнулъ сводъ небесъ!

Recitativ

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
Грядетъ, грядетъ веселый Богъ,
Всегда прелестный, вѣчно-юный
Звучай, кимвалъ! раздайся, рогъ!
Се Бахусъ свѣтлый, сановитый
Какъ пурпуръ, пламенны ланиты!
Звучи, труба! Грядетъ! Грядетъ!

Bass Aria e Coro.

Изъ кубковъ пѣна съ шумомъ бьетъ;
Кипитъ въ ней пламень сладострастный;
Пей, воинъ! Даръ тебѣ сосудъ!
О Вакха даръ безцѣнный!
Виномъ воспламененный,
Забудь, сынъ брани, бранный трудъ!

Recitativ.

Der Sänger ragt hervor
Vom lauten Chor umringt.
Er rührt sein Spiel mit rascher Hand;
Ein wirbelnd Lied durchwallt die Luft,
Und Wonne schwellt die Brust.

Sopran.

Das Lied begann vom Zeve
Der seinen sel'gen Sitz verliess.
(So mächtig ist der Liebe Zug!)
Ein feuerrother Drach' umhüllt den Gott;
Er fährt in lichten Kreisen hin
Zur reizenden Olympia,
Sieht voll Begier die Schwanenbrust,
Und krümmt sich um den schlanken Leib,
Und prägt ein Bildniss von sich selbst, den zweiten Herrn der Welt.

Chor.

Den stillen Trupp entzückt das hohe Lied;
»Seht uns're Gottheit hier!« schallt laut empor,
»Seht uns're Gottheit hier!« tönt wieder laut zurück.

Sopran - Arie.

Der König horcht mit stolzem Ohr, dünkt sich einen Gott. Bewegt sein Haupt und wähnt, es bebe die Welt.

Recitativ.

Des Bachus Lob stimmt nun der süsse Künstler an,
Des Bachus, ewig schön und ewig jung.
Der Freuden Gott zieht aus im Pomp.
Tönt Trompeten! Zimbeln klingt!
Im schönsten Purpur glüht.
Sein lächelnd Auge sucht.
Schallmeien, hallet laut! Er kommt! Er kommt!

Bass - Arie.

Bachus, ewig jung und schön,
Lehret uns den Reihentrunk;
Bachus Schlauch ist unser Erbtheil,
Trinken ist der Krieger Labsal;
Reich das Erbtheil!
Suss das Labsal!
Suss das Labsal nach dem Streit!

Recitato.

И Царь, волнуемъ струнъ игрою,
Въ мечтахъ сзываетъ рати къ бою!
Трикраты врагъ сраженный имъ сраженъ;
Трикраты плѣнный ринутъ въ плѣнъ!
Пѣвецъ зритъ гнѣва пробужденье
Въ сверканіи очей, во пламени ланитъ;
И небу, и землѣ грозящу ярость зритъ;
Онъ струны укротилъ; ихъ заунывно пѣнье;
Едва ласкаетъ слухъ задумчивый ихъ гласъ,
И жалость на струнахъ смиренныхъ родилась.

Sopran Aria.

Онъ Дарія поетъ: Царь добрый! Царь Великій!
Кто равенъ съ нимъ?... Но рокъ свой грозный судъ послалъ!
Онъ палъ! Онъ страшно палъ!
Нѣтъ Дарія — Владыки!
Въ кипящей зыблется крови;
Отъ всѣхъ забытъ въ ужасной долѣ;
Нѣтъ въ мірѣ для него любви;
Хладѣетъ на песчаномъ полѣ;
Гдѣ другъ — глаза ему смежитъ,
И прахомъ сирую главу его покрытъ?

Recitativ.

Сидѣлъ герой съ поникшими очами;
Онъ мыслію прискорбной пробѣгалъ
Стези судьбы, играющей Царями;
За вздохомъ вздохъ изъ груди вылеталъ,
И пролилась печаль его слезами.

Recitativ. Coro. Soprano Aria.

И дивный пѣснопѣвецъ зритъ,
Что жаръ любви уже горитъ

Chor.

Bachus Schlauch ist unser Erbtheil,
Trinken ist der Krieger Labsal;
Reich das Erbtheil!
Süss das Labsal!
Süss das Labsal nach dem Streit!

Recitativ.

Siegprangend fühlt der Held das Lied,
Ficht alle seine Schlachten durch,
Besieget dreimal seinen Feind, schlägt dreimal den er schlug.
Der Sänger merkt, wie Stolz ihn schwellt,
Die Wange glüht, das Auge strahlt:
Schnell, weil er Erd' und Himmel pocht,
Aendert er, und zähmt die Wuth.
Nun flösst sein Trauerton
Sanft Mitleid in das Herz.

Sopran - Arie.

Er sang {den Perser / Darius}, gross und gut
Der durch des Schicksals Wuth
Fällt, fällt, fällt, fällt,
Von seiner Hohe fällt,
Und sich im Blute wälzt.
Verlassen in der letzten Noth,
Von Allen die sein Herz geliebt,
Auf blossen Sand dahin gestreckt,
Bis ohne Freund sein Auge bricht.

Recitativ.

Gesenkt das Haupt, sitzt traurig da der Held,
Bedenket mit gerührter Brust,
Den Wechsellauf des schnellen Glücks;
Dann stiehlet sich ein Seufzer fort,
Und Zähr' auf Zähre fliesst.

Chor.

Seht an, {den Perser / Darius}, gross und gut
Der durch des Schicksals Wuth

Въ душѣ, вкусившей сожалѣнье:
И пѣснь взыгралъ онъ наслажденья.

Sopran Aria.

Проснись, Лидійскій брачный гласъ!
Проникни душу пламень сладкой!

Tenor Aria.

О витязь! Жизнь крылатый часъ;
Мы радость ловимъ здѣсь украдкой!
Летучей пѣны клубъ златой
Надутый пышно и пустой —
Вотъ честь, надменныхъ душъ забава;
Народамъ казнь во брани слава.
Спѣши быть счастливъ, богъ земной!
Таиса, цвѣтъ любви, съ тобой!
Къ тебѣ ласкается очами;
Въ груди желанья тайный жаръ,
И дышетъ страсть ея устами!
Вкуси любовь — безсмертныхъ даръ!

Coro.

Возсталъ отъ сонма кличъ и своды восстенали:
„Хвала и честь любви! Пѣвцу хвала и честь!“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Recitati.

Но струны грянули подъ сильными перстами!
Ихъ страшный звонъ, какъ съ трескомъ пад-
шій громъ!
Звучнѣй! Звучнѣй! Воспрянулъ Царь;
Кругомъ онъ бродитъ смутными очами.

Coro.

Разрушенъ нѣги сладкій сонъ!
Исчезла прелесть вожделѣнья,

Recitativ

И слухъ его разитъ тяжелый, дикій стонъ:
Сынъ брани, мщенья! мщенья!

Fallt, fällt, fällt, fällt,
Von der Höhe fällt,
Er wälzet sich im Blut
Auf blossen Sand dahin gestreckt,
Bis ohne Freund, sein Auge bricht.

Sopran.

Der Meister lächelt, weil er sieht
Dass Lieb' im Hinterhalte schlaft,
Verwandte Töne wecken sie:
Denn Mitleid schmelzt zur Lieb' ein Herz

Arie.

Töne sanft, Du lydisch Brautlied!
Wieg' ihn ein in süsse Wollust!

Tenor - Arie.

Krieg, o Held, ist Sorg' und Arbeit:
Ehrsucht gleicht den Wasserblasen:
Wächset immer, füllt sich nimmer,
Kämpfet stets, muss stets verheeren.
Sauer ward der Sieg der Welt Dir.
Nimm, o nimm hier die Belohnung.
Thais sitzet Dir zur Seite:
Nimm den Lohn, ihn gab ein Gott Dir.

Chor.

Die ganze Schaar erhebt ein Lobgeschrei
»Heil Liebe Dir! Dir Tonkunst Ehr' und Dank!«

ZWEITER THEIL.

Recitativ.

Erschalle, gold'nes Saitenspiel,
Mit lautem Ton und noch mit lauterm Ton!
Brich die Bande seines Schlummers,
Und weck' ihn, stürm' ihn auf mit schwerem Don-
ner!

Chor.

Brich die Bande seines Schlummers,
Sturm' ihn auf mit schwerem Donner!

Recitativ.

Sieh' da, der Donnerton
Hat ihn aufgeschreckt,

Возникла ярость Эвменидъ!
Се дѣвы казни! страшный видъ!

Bass - Aria.

Смотри! смотри! Межъ ихъ власами
Зіяютъ пасти грозныхъ змѣй!
Шипятъ! свистятъ! свились хребтами!
Льютъ искры изъ очей!...

Bass-Aria (Largo).

Но что? Тамъ блѣдныхъ тѣней лики!
Воздушный полкъ на облакахъ!
Се мчатся! Свѣточи въ рукахъ!
Ихъ грозенъ видъ! Ихъ взоры дики!
То витязи твои!.... Сраженнымъ въ битвѣ
нѣтъ
Послѣдней дани погребенья!
Пустынный вранъ ихъ трупы рветъ,

Recitativ.

И вопютъ: мщенья! мщенья!
Бѣжитъ отъ ихъ огней пожаръ по небесамъ!
Бѣдой на Персеполь ихъ гнѣвны очи блещутъ!
Туда погибель мещутъ!
Къ мечамъ! бойницы въ прахъ! огню и домъ,
и храмъ!...
И сонмы всколебались въ брани;
На щитъ и мечъ упали длани;
И Царь погибельный свѣтильникъ возпалилъ.
И горе! Персеполь! Грядетъ владыка силъ!

Sopran - Aria e Coro.

Таиса вождь герою;
Елена новая, зажжетъ другую Трою!

Recitativ.

Такъ древней Лиры гласъ — когда еще мол-
[illegible]
Органа мѣхъ чудесный —

Er erwacht, als vom Grab,
Und erstaunt, und starrt umher.

Bass - Arie.

Gieb Rach'! gieb Rach'! heult Alles laut.
Sieh', die Furie naht!
Sieh' die Schlang um den Schlaf,
Wie sie rollt, wie sie zischt!
Wie die Flamme den Augen entfährt!

Bass - Arie (Largo).

Ha! welche bleiche Schaar
Schwingt den Brand in der Faust!
Ihr Geister des Heers, auf dem Blutfeld erwürgt
Und des Grabes beraubt,
Ihr klagt uns Eure Schmach!

Recitativ.

Rache! Rache! gieb
Deinem wakern Heer!
Blick auf, wie die Schaar den Löschbrand erhebt!
Wie sie winkt auf Persepolis hin,
Auf falscher Götter stolze Tempel hin.
Es jauchzen die Krieger voll trunk'ner Wuth
Und der Held hat zum Unglück die Fackel ent-
brannt.

Sopran - Arie.

Thais führt ihn an
Und leuchtet zum Verderben
Durch Thais und Helenen entbrannt' ein Ilion.

Chor.

Die Krieger, sie jauchzen voll trunk'ner Wuth,
Und der Held hat die Fackel zum Unglück ent-
brannt!
Thais führt ihn
Und leuchtet zum Verderben
Durch Thais und Helenen entbrannt' ein Ilion.

Recitativ.

So stimmte vor
Als Bälge noch nicht athmeten
Der Orgel Mund noch schwieg,

Перстамъ послушенъ, оживлялъ
Въ душѣ восторгъ, и гнѣвъ, и чувства жаръ прелестный!

Coro.

Но днесь другую жизнь гармонія дала
Сесалія, творецъ Органа.
Безсмертнымъ вымысломъ художница слила
Протяжность съ быстротой, звонъ лиры, громъ тимпана
И пѣнье нѣжныхъ флейтъ.

Recitativ e Coro.

О! древнихъ лѣтъ пѣвецъ!
Клади къ ея стопамъ заслугъ твоихъ вѣнецъ!..
Но нѣтъ! Вы равны вдохновеньемъ!
Имъ смертный къ небу вознесенъ;
На землю Ангелъ низведенъ
Ея чудеснымъ сладкопѣньемъ!

Der Grieche seiner Flöte Ton,
Der Saiten Chor,
Zu Stolz und Wuth und Schmerz, und sanfter Zärtlichkeit.

Chor.

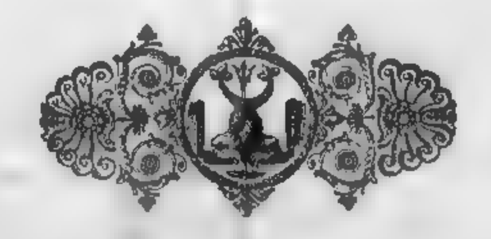
Vom Himmel kam Cäcilie
Entwarf den liedervollen Bau;
Die Zauberhafte, reich an Phantasey
Schaft Raum der eingeschränkten Kunst,
Dehnt pompreich, dehnt den Lobgesang,
In tausend Stimmen aus, entflammt von höherm Geist.

Recitativ.

Timotheus entsag' dem Preis!
Nein, beide theilt den Kranz:
Er riss den Menschen himmelan,
Den Engel sie herab.

Schluss - Chor.

Timotheus entsag' dem Preis!
Nein, beide theilt den Kranz:
Er riss den Menschen himmelan
Den Engel sie herab



55

Стихи.

КНЯЗЮ

ДМИТРІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ.

Другъ человѣчества и твердый другъ закона,
Смиренный въ почестяхъ и скромный средь похвалъ,
Предстатель ревностный за древній градъ у Трона.
Какихъ ты доблестей въ себѣ не сочеталъ?
Любовь высокую къ святой землѣ отчизны,
Самозабвеніе и непрерывный трудъ,
Въ день брани—мужество, въ дни міра—правый судъ,
И чистоту души, и жизнь безъ укоризны. . . .
Вельможа—Гражданинъ! тебѣ—въ потомствѣ мзда:
И зависти въ упрекъ уже сіяетъ снова
Знакомая Москвѣ безсмертія звѣзда
Еропкина и Чернышева!

Ж.

12 *Апрѣля*
1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
Апрѣля 11 дня 1833 года. Цензоръ Двигубскій.

МОСКВА ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій Царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена;
Кровь на ней была святая.
Тамъ престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождёмъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ иноковъ обитель;
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ
Всѣхъ рѣшитель браней крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другаго поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужь Царёмъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многіе свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно,
Тѣжь орлы, тѣжь знамена
И полковъ тѣжь имена,
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей Царёмъ,
Не видать ужь ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ Герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай!
Гдѣ и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дививши,
И подъ старость сохранившій
Все что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій, Витязь Дона?
Руской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь - атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Рускихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичь? Гдѣ славный
Докторовъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И ТЕБЯ мы пережили,
И ТЕБЯ мы схоронили,
ТЫ, который тронъ и насъ
Твердымъ Царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, Царей Диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда!
И ТВОЯ пришла чреда!

О година Руской славы!
Какъ тѣснились къ намъ Державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ;
Какъ спасительно ОНЪ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно ОНЪ десницу
Протянулъ врагамъ Своимъ!
Какъ гордился Рускій ИМЪ!

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сен-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Лавжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Беннигсонъ.

И Боецъ, сынъ Аполлоновъ . . . .
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино . . . .
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

Вдругъ . . . отъ всѣхъ честей далёко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ Владыка, нашъ Герой,
Гаснетъ Царь благословенной;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся Имперія идётъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало! . . .
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь заграждёнъ. . . .
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы Царемъ;
До Стамбула Руской громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ истили мы Султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И всё царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Руской гранью сталъ Араксъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, нежданая ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ Турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Рускій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ Рускій станъ разбитъ!“ .....

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
Память вѣчная Царю!
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Съ нимъ вся армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ Державный,
Нашъ спасительный Герой!
ТЫ обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, Братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли;
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь *за общую намъ мать.*

Бородино.
26 Августа
1839.

В. Жуковскій.

Печатать позволяется.

Москва, Августа 28 го дня 1839 года.

Цензоръ М. Каченовскій.

МОСКВА. Въ Университетской Типографіи. 1839.

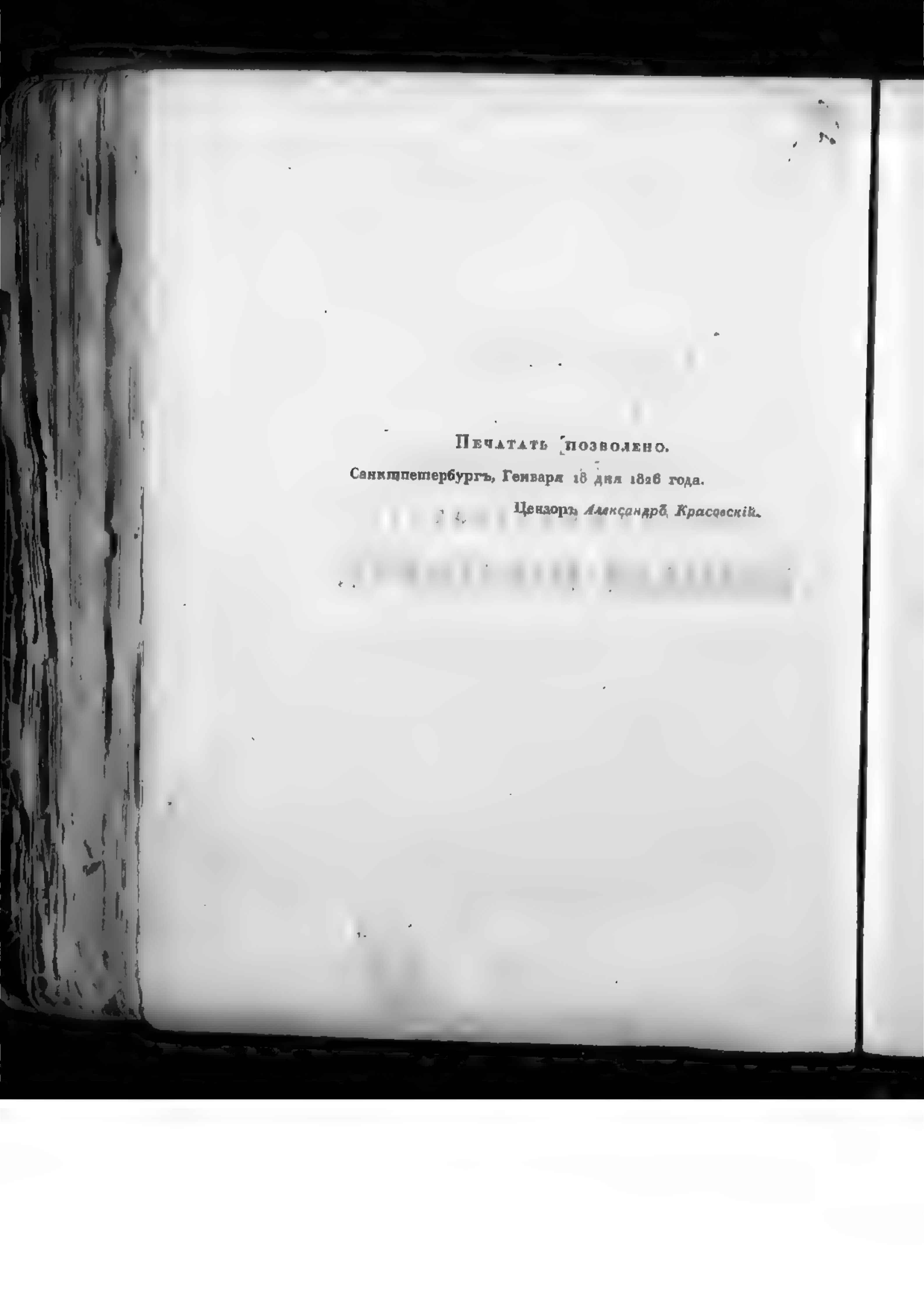
ГЛАСЪ РОССІЯНИНА

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ

НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.



Печатать позволено.

Санктпетербургъ, Генваря 18 дня 1826 года.

Ценсоръ *Александръ Красовскій.*

Позволь МОНАРХЪ благочестивый,
Носяй отъ Бога благодать,
Восторгъ усердный мой правдивый
Передъ ТОБОЮ изліять. —
Первѣйшимъ долгомъ поставляя
Царя, — отечество любить,
Къ нимъ вѣчной ревностью пылая,
Готовый жизнь имъ посвятить
Самъ Россъ, — я Россамъ изумлялся:
Единственный народъ въ нихъ зрѣлъ,
Душею, сердцемъ восхищался,
Ихъ подвиги примѣрны пѣлъ. —
Мой духъ дѣлами возбужденный
Достойное прославить мнилъ, —
Всегда Престоломъ ободренный,
Престолу жертвы приносилъ; —
Но лесть отъ устъ моихъ бѣжала,
Во слѣдъ за доблестьми спѣшу, —
Мнѣ Муза истину внушала,
И нынѣ истину пишу:
Земному власть дана Владыкѣ
Творцемъ безчисленныхъ Міровъ,
Судьбы ЕГО для всѣхъ велики:
Богъ намъ прибѣжище, — покровъ. —
Цвѣтутъ Его веленьемъ Царства,
Онъ зиждетъ каждую страну,
Караетъ злобу и коварства,
Возстановляетъ тишину. —
Повсюду Око простирая
Россійска Ангела пріялъ, —
И въ тоже время НИКОЛАЯ
Ко утѣшенью ниспослалъ. —
ЕГО Святыня охраняетъ,
ОНЪ Ангела идетъ стезей, —
Россіи щастье обѣщаетъ,
Отрадой будетъ ОНЪ людей! —

Се! отъ Преемника Короны
Въ опредѣленный Небомъ часъ,
ЕМУ подвластныхъ миліоны
Внимаютъ ясно кроткій гласъ:
»Воспряни днесь Россія слезна,
»Умѣрь печаль свою и стонъ: —
»Мнѣ память братняя любезна,
»Я чту Его завѣтъ, — законъ. —
»МЕНЯ ждетъ нынѣ тяжко бремя:
»Всевышній Скипетръ МНѢ вручилъ,
»Чтобъ Я, — издревле славно племя
»МОЕЙ Державой усладилъ. —
»Извѣстны МНѢ народны нравы,
»Зрю чувство подданныхъ МОИХЪ: —
»Я сохраню имъ данны Правы,
»Отецъ всегда Я буду ихъ.« —
Бальсамъ целебнѣйшій ліется
Въ грудь твердопреданныхъ гражданъ; —
Да эхо словъ сихъ пронесется
Изъ града въ градъ, — изъ стана въ станъ. —
Страны родной намъ блага милы! —
Привязанностью къ ней горя
Соединимъ всѣ наши силы
На пользу новаго ЦАРЯ,
Непощадимъ трудовъ, стараній,
Пожнемъ потомкамъ добрый плодъ, —
И блескъ ЕГО предначинаній
Да озаритъ позднѣйшій родъ!

И. Ивановъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Ив. Глазунова, 1825 года.

рем.

О Д А

НА ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ФРАНЦІИ

ВЗЯТІЕМЪ ПАРИЖА.

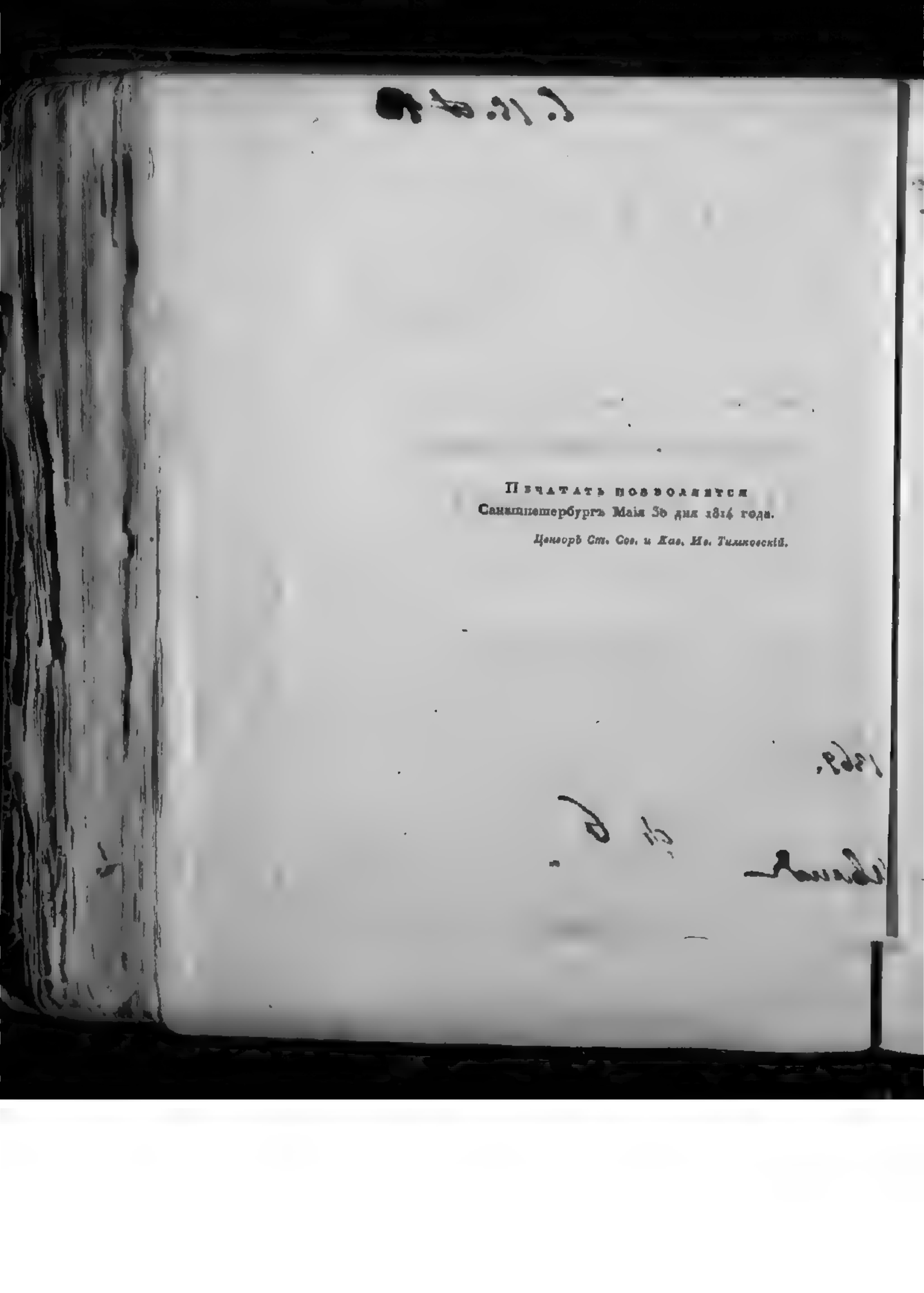
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ФЕОДОРОВНѢ

Всеподданнѣйше посвящаетъ

Сочинитель.



Печатать позволяется
Санктпетербургъ Маія 3ь дня 1814 года.
Ценсоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тимковскій.

ОДА

Желѣзный скипетръ возносился,
Свирѣпо Галловъ тяготилъ,
Атилла новый появился
Ярмомъ, оковами грозилъ
И погруженный въ думахъ злостныхъ,
Изъ жерлъ мѣдяныхъ, смертоносныхъ
Тиранъ громъ, молнїю бросалъ;
Отринувъ истинну, святыню,
Изгнавъ изъ сердца благостыню
Все встрѣтившее истреблялъ.

Коварства, плевелы, обманы
Онъ сѣялъ въ каждую страну,
Нанесъ глубоки царствамъ раны,
Возжегъ всеобщую войну;
Возникли страшныхъ боевъ звуки,
Издѣльи пали и науки
Преломленъ благотворный плугъ!
Обильны сгладилися нивы;
Увяли Лилеи, Оливы, —
Зелено-злачный стоптанъ лугъ.

Въ бытописаньяхъ нѣтъ отъ вѣка
Времянъ толь смутныхъ на земли;
Что претерпѣлъ родъ человѣка
Потомство съ ужасомъ внемли:
Супруга нѣжная, супруга
Лишенны вѣрнаго друга друга,
Познали благъ земныхъ мечты! —
Невинность въ мукахъ пострадала. —
По трупамъ мать дитя искала
Среди развалинъ, пустоты.

Лѣта и полъ незапищали,
Отъ бѣдъ рождалися бѣды!
Повсюду пламень, мечь сверкали,
Вездѣ плачевныя слѣды!
Мѣста, гдѣ зодчеству дивились
Въ пустыни, степи обратились,
Гдѣ былъ Олтарь, — тамъ пепелъ сталъ! —
Европа кровью обагренна,
Казалось рушится Вселѣнна! —
Адъ зевъ на жертвы разверзалъ. —

Но Богъ! съ превыспренней взирая
На всѣ дѣянія людей,
Всесильный, правымъ поборая
Изрекъ: погибнетъ днесь злодей. —
Ниспала съ хищника корона, —
Не стало вздоховъ, воплей, стона, —
Слетелъ на землю миръ святой! —
Се! Александръ *благословенный*,
Покровомъ неба осененный,
Сразивъ врага, — далъ вѣкъ златой!

Ликуй, Россія вознесенна!
(Ликуй и всякой съ ней языкъ),
Ты новымъ блескомъ озаренна,
Твой Царь добротою великъ!
Владѣтелей возстановляетъ,
И чуждымъ благо составляетъ
Самъ бывъ Отечества Отецъ,
Щастливѣй нѣтъ его Державы!
Что лестнѣй истинныя славы?
Ему въ душахъ у всѣхъ вѣнецъ!

Иванъ Ивановъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. Плавильщикова.

59

Пѣснь Россійскихъ Воиновъ.

Сыны Отечества — проснитесь!
День мщенья, славы наступилъ!
О Россы всѣ въ ряды сомкнитесь
Да дрогнетъ міръ отъ вашихъ силъ.

Врагъ дерзкій, лютый, нечестивый,
Разсыпалъ толпища свои;
Идетъ — и шагъ свой горделивый
Простеръ въ предѣлы Россъ твои.

Ужъ вьется пыль, ряды примѣтны
Дерзнувшихъ на тебя возстать;
Полки грабителей несчетны,
Но Россу-ли враговъ щитать?

О Россъ! толпѣль рабовъ гнуснѣйшихъ,
Скопленныхъ страхомъ на тебя,
Пробить ряды сердецъ чистѣйшихъ,
Любящихъ Бога и Царя?

Терпѣть ли намъ врага киченье?
Идтиль въ цѣпяхъ за нимъ во слѣдъ?
Онъ смѣлъ сулить порабощенье
Намъ Россамъ, славнымъ средь побѣдъ.

По нивамъ родины стремятся
Враги съ мечемъ, огнемъ въ рукахъ;
Друзья, дадимъ-ли поругаться?
Надъ той землей, гдѣ отчій прахъ?

Смотрите на поля родныя,
Они ужь жатвы не дадутъ;
Смотрите храмы какъ святые
Обруганы, и мщенья ждутъ!

Курятся домы опаленны,
Гдѣ мы съ спокоемъ жизнь вели;
Разрыты, въ пепелъ обращенны,
Гдѣ мы родились и взрасли.

А наши старцы, дѣти, жены!
Ихъ слышенъ вопль и звукъ цѣпей;
Ахъ! имъ-ли быть безъ обороны?
Пойдемъ отмстимъ за нихъ скорѣй.

*

Отмстимъ, отмстимъ! иль грудой ляжемъ,
Родную землю обойдемъ;
Друзья! пойдемъ, сразимъ, накажемъ,
Рѣкою крови поплывемъ.

*

По тысячамъ, по тьмамъ сраженныхъ;
По трупамъ ихъ, пойдемъ учить
Царей, злодѣемъ обольщенныхъ,
Какъ страшно къ нимъ врагу вступить.

*

Пойдемъ съ лица земли священной
Поганы толпища сотремъ,
И рядъ кургановъ возвышенный
Изъ ихъ костей мы соберемъ.

*

Чтобъ путникъ видя гробъ гордыни,
Вотъ мѣсто славное, сказалъ,
Гдѣ поругателей святыни
Народъ Россійскій наказалъ!

*

Впередъ! ура! штыки сверкайте!
Дымитесь кровію враговъ!
Пощады Галламъ недавайте;
Друзья! подемъ средь ихъ рядовъ.

*

Ударимъ за Царя, за Бога;
Узнаетъ свѣтъ какъ Руской бьетъ;
Кутузовъ съ нами — это много!
Друзья! ура! ура! впередъ!

Николай Иванчинъ-Писаревъ.

На истребленіе Наполеоновихъ армій.

„ Нѣтъ Бога ! " злые говорили ,
Когда Наполеонъ вселенну потрясалъ ;
Познайте , бренные , вы въ заблужденьи были ,
Есть Богъ ! Россъ въ полѣ доказалъ.

Къ портрету Свѣтлѣйшаго Князя М. Л. Голенищева-Кутузова - Смоленскаго.

1 е.

При старости своей , Отечество спасая ,
И жизни не щадя , насъ жизнью подарилъ ;
Враговъ Россіи низлагая ,
За честь , за истину , за Бога отомстилъ.

2 е.

Адъ двигнулся на міръ , и міръ хотѣлъ пожрать ;
Богъ бравей низпослалъ на землю Михаила :
Изчезла адская сила ,
Сраженъ и адъ престалъ зіять.

3 е.

О смертный ! ницъ пади , смирись предъ ликомъ симъ ;
Се ликъ Кутузова ! ты щастливъ , дышешь имъ.

4.

Се Россовъ мудрый вождь, Кутузовъ,

Спаситель нашь и бичь Французовъ.

5.

Какъ Кедръ Ливанскій возносился

Сынъ ада, равнаго не находя себѣ;

Я мимо лишь прошелъ, взглянулъ — и се не бѣ

Гдѣжъ гордый? кѣмъ сраженъ? — Кутузовъ появился.

Николай Иванчинъ - Писаревъ.

Свѣтлѣйшему Князю М. Л. Г-К-С-му.

Какъ послѣ грозныхъ бурь, долины озаряя,

Лучь солнца подъ вечеръ природу всю живитъ;

Такъ жизни вечеръ свой, Кутузовъ, совершая,

Вселенну щастіемъ, свободою даритъ.

Тотъ-же.

ПОЗВОЛЯЕТСЯ ПЕЧАТАТЬ,
Января 17 дня 1813 года.
Читалъ Профессоръ Алексѣй Мерзляковъ.

МОСКВА,
Въ Губернской Типографіи у А. Рѣшетникова,
1813 года.

74

60

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ:

ПѢСНЬ,

НА ПОРАЖЕНІЕ ВРАГОВЪ

при полученіи свѣденія о изгнаніи изъ Смоленской Губерніи Французскихъ войскъ и принесеніи Всевышнему торжественнаго благодаренія.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ посвященная.

13 Ноября, 1812.

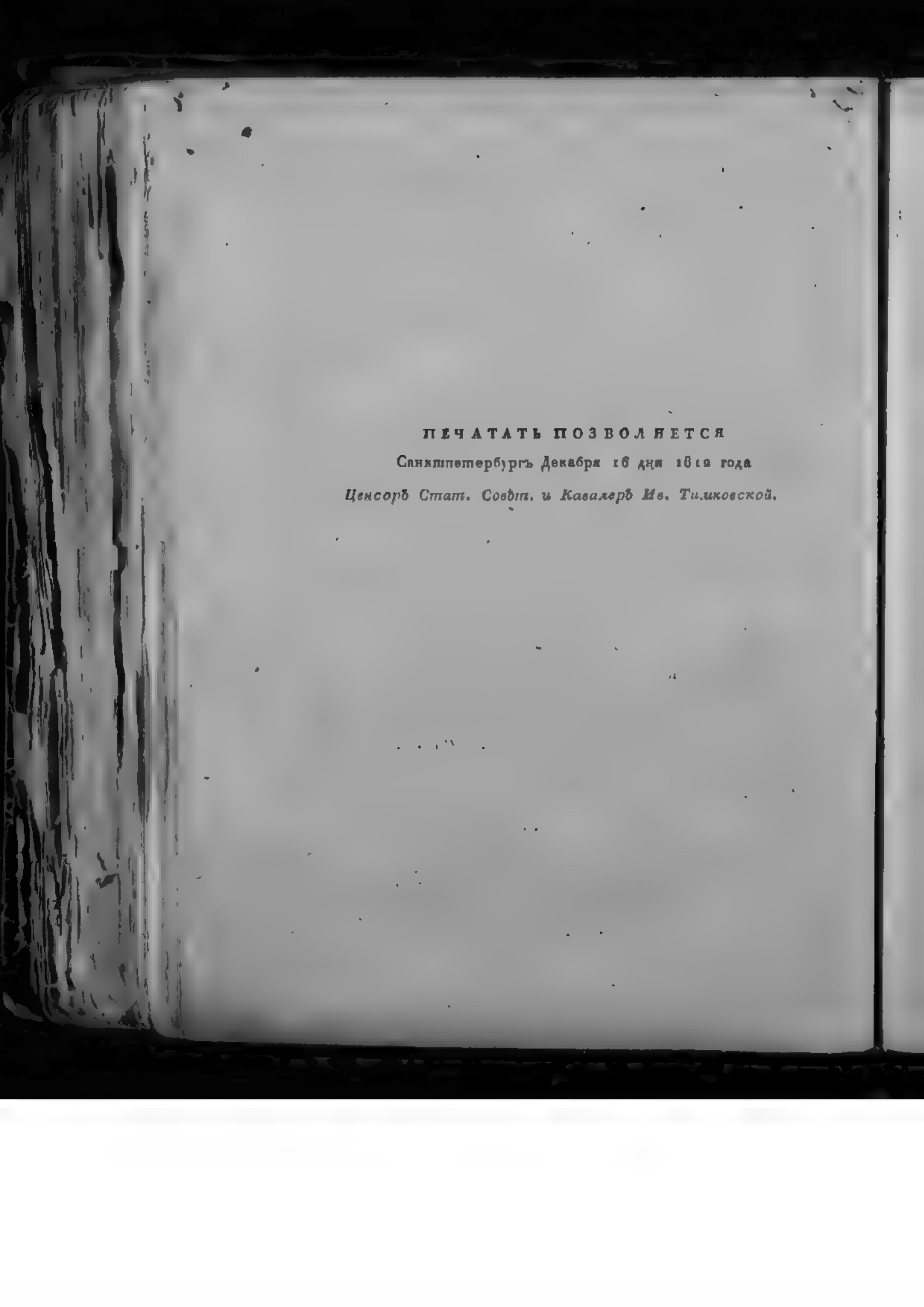
Отъ Вѣрноподданнаго И. Ильин...

2022

ф-7

63

64.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Санктпетербургъ Декабря 16 дня 1812 года

Ценсоръ Стат. Совѣт. и Кавалеръ Ив. Тимковской.

ПѢСНЬ.

Бури, вихри, мрачны ночи
Помрачаютъ томны очи;
Но геройскія сердца
Въ храбрости не утомленны,
И надеждой упоенны
На Всевышняго Творца.

* * *

Алчный взоръ врага вселенной,
Съ дерзновеньемъ устремленной
На полночную страну,
Всю Европу воружаетъ,
Насъ повергнуть угрожаетъ
Лютыхъ бѣдствій въ глубину.

Какъ бурливы Аквилоны,
Руша естества законы,
Съ ревомъ изъ пещеръ летятъ;
Рвутъ стихіи, зыблютъ сферу,
Въ ярости превыся мѣру
Всю природу тяготятъ.

* * *

Тако завистью разженный,
Счастьемъ слишкомъ упоенный,
Гордый Галловъ властелинъ,
Съ громомъ вторгнувшись въ Россію,
Мнилъ свою возвысить выю,
Такъ какъ страшный исполинъ.

* * *

Россы бывъ хранимы Богомъ,
Отъ него имѣвъ залогомъ
Нѣжнаго въ ЦАРѢ Отца,
Варваровъ не содрогнулись;
Ихъ жилищъ враги коснулись,
Кротки воспламѣнивъ сердца.

Какъ предъ тучей вихрь клубится,
Къ облакамъ съ перуномъ мчится
Россъ на вѣтреныхъ крылахъ
И громами ударяетъ,
Пламѣнь пламѣнемъ смиряетъ,
Страхомъ отвращаетъ страхъ.

* * *

За отечество во брани
Грозно простираетъ длани,
Мужественно въ бой грядетъ;
Разъяренъ какъ левъ свирѣпый,
Руша адовы закрѣпы
Зыблетъ горы, цѣпи рветъ. —

* * *

Въ мракѣ Этна съ громомъ дышетъ!
Но сугубый пламѣнь пышетъ
На Днѣпровыхъ берегахъ,
Съ гуломъ, съ воплемъ, съ ревомъ страшнымъ,
Смерти съ дѣйствіемъ ужаснымъ
Въ поражаемыхъ толпахъ.

Звукъ оружій, ядръ летящихъ,
Свистъ мечей врага разящихъ,
Трескъ подорванныхъ имъ стѣнъ,
Слившись вкупѣ слухъ стѣсняютъ,
Гордость Галловъ премѣняютъ
Въ плачь, въ стенанье, въ горесть въ плѣнъ.

* * *

Небо рдѣетъ, воздухъ стонетъ;
Врагъ въ крови дымящей тонетъ
Истощивъ остатокъ силъ.
Гордый вождь теряетъ чувство
Чрезъ твое въ войнѣ искусство
Князь Смоленскій Михаилъ!

* * *

Все, что грабилъ разхищая,
Алчность звѣрску насыщая,
Врагъ съ собой не унесетъ.
Въ бѣгствѣ онъ своемъ трепещетъ,
Жерлъ громовыхъ груды мещетъ,
И себя онъ не спасетъ.

Онъ нигдѣ не можетъ скрыться,
Долженъ всѣхъ друзей лишиться
Не найдя себѣ пути.
Вотъ предѣлъ алчбы несытой!
Въ бѣшенствѣ, стыдомъ покрытой
Долженъ прямо въ адъ сойти. —

* * *

А дѣла безчеловѣчны
Спутники его превѣчны,
Чтобъ во ужасѣ дрожать.
Нѣтъ покою и во гробѣ,
Онъ во адовой утробѣ
Будетъ самъ себя терзать.

* * *

Богъ, спаситель правовѣрныхъ,
Въ чувствахъ видя сокровенныхъ
Россовѣ чистыя мольбы,
Для правленья столь обширна,
Ангела имъ кротка, мирна
Далъ къ спасенью ихъ судьбы. —

Съ трона внемля гласѣ священный,
Россы духомъ восхищенны,
У святаго олтаря
Въ даръ сердца свои приносятъ,
И съ благоговѣньемъ просятъ
Возвеличить ихъ ЦАРЯ. —

* * *

Гласъ летитъ къ ЕГО чертогу:
Слава, слава въ Вышнихъ Богу! . . .
Радость подданныхъ ТВОИХЪ:
ТЫ, ТВОИ безсмертны войски,
Вѣрность, подвиги геройски,
Чувства Полководца ихъ. —

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
печатано въ Типографіи В. Плавильщикова
1812 года.

61

ОДА

НА

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ

ВОЗШЕСТВІЯ

НА ВСЕРОССІЙСКІЙ НАСЛѢДСТВЕННЫЙ

ПРЕСТОЛЪ,

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ

И

САМОДЕРЖЦА,

ПАВЛА ПЕРВАГО.

МОСКВА.
Печатано въ вольной Типографіи А. Рѣшетникова,
1796 года.

62.
63
64.

ОДА.

Съ трубой обвитой чернымъ флїоромъ
На черномъ облакѣ летитъ,
Слезами съ омоченнымъ взоромъ,
Печаль вселенной всей гласитъ
Сопутница ЕКАТЕРИНЫ.
Моря ревутъ, мутятъ пучины
Брегъ пѣной черною до дна,
Подобно кроютъ какъ коврами,
И за густыми облаками,
Блѣднѣетъ солнце какъ луна.

Не Богъ ли самъ въ сей ночи грозной
Надъ нами свѣтъ Свой излїялъ?
Не Богъ ли въ горести несносной
Намъ Утѣшителя послалъ?
Какъ чада матери лишенны,
Терзались мы тоской сраженны,
И злой вкусивъ печали ядъ,
Другъ друга въ утѣшенье льстили,
Что скоро жизненныя силы
Стенаньи люты истощатъ.

Но ТЫ, надЪ чьей главой сЪ Эфира
ТворецЪ подЪемлетЪ щитЪ златый,
Кому поетЪ ликЪ вышня міра:
БлагословенЪ на ТронЪ грядый —
СтупилЪ лишь сЪ милостью Святою,
На первую ступень ногою
Престола праотцевЪ ТВОИХЪ,
„Утѣштесь Россы, рекЪ; Я сЪ вами:“
ТожЪ рекЪ ТВОИМИ БогЪ устами,
И тьму разсѣялЪ бѣдствій злыхЪ.

КакЪ кормчаго средь бурной ночи,
Корабль лишенный, вЪ безднѣ водЪ,
ВозводитЪ утромЪ робки очи,
На дневнаго царя восходЪ;
И видя блескЪ прекрасна Феба,
КакЪ злато на лазури неба,
И отЪ лучей бѣжащу тѣнь,
СЪ весельемЪ судитЪ по восходу,
Что одолѣвЪ онЪ непогоду,
УвидитЪ тихой ясной день.

Такъ нашъ тонулъ корабль — Россія,
Безъ кормчаго въ своихъ брегахъ;
Но вдругъ изъ безднъ напасти злыя,
Увидѣлъ ТВОЙ восходъ; и страхъ
Въ небесну радость превращая,
Какъ брата Росса Россъ лобзая,
Мы восклицали всѣ тогда,
Что солнце на своемъ восходѣ
Столь тиха, свѣтла дня природѣ,
Не обѣщаетъ никогда.

О утро нашихъ дней прекрасно!
О вожделѣнная весна!
Какое нынѣ Солнце ясно,
Тебя блаженная страна,
Живитъ, заритъ и согрѣваетъ,
Лучами всюду растворяетъ
Сладчайшихъ сѣмена плодовъ,
Спокойства, тишины и мира,
Источники блаженства міра
И Вышняго Царя любовь!

Отъ тѣхъ лишь, коихъ ждутъ напасти,
Скрываетъ будущее Богъ,
Что бы несчастной въ горькой части
Хотя надеждой льститься могъ,
Другихъ не видя бѣдствій ига.
Но намъ судебъ открыта книга;
Съ восторгомъ мы читаемъ въ ней,
Блаженства полны Россовъ лѣта.
Оно МОНАРХЪ, какъ искрой свѣта
Рукой подписано ТВОЕЙ.

ТЫ миромъ болѣ, чѣмъ войною
Врага коварна устрашишь;
Оливу мочною рукою
Въ Европѣ — въ Мірѣ насадишь.
ТЫ въ тишинѣ восторжествуешь,
Европы язвы уврачуешь,
Дашь Вѣрѣ Скипетръ и Вѣнецъ;
Безбожіе, лукавство свяжешь
И людямъ на землѣ покажешь
Прекрасной рая образецъ.

Подобно какъ ТВОИ щедроты,
Уже начертаны въ сердцахъ,
ТВОИ безчисленны доброты
Сіяютъ въ горнихъ небесахъ:
ТЫ ими Творчею рукою,
Какъ утра облеченъ заріою,
Чтобъ всѣ пороковъ изъ пучинъ
Однимъ ТОБОЮ посрамились,
Однимъ ТОБОЮ жить учились
МОНАРХЪ, Отецъ, Супругъ и — Сынъ.

А ТЫ, въ чьемъ видѣ добродѣтель,
И сонмъ Небесныхъ всѣхъ добротъ,
Послалъ въ подсолнечну Зиждитель,
Чтобъ смертныхъ усчастливить родъ,
Россію населить богами,
И ангельскими красотами
Украсить весь обширный свѣтъ;
Поя хвалу ТВОЮ, МАРІЯ,
Щедроты Вышняго, Россія,
И выборъ ПАВЛОВЪ съ ней поетъ.

Сергѣй Каргапольской.

62.
63
64.

2

ОДЫ

И

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ.

МОСКВА.

Въ вольной Типографіи А. Рѣшетникова.

1795.

63

64.

ПЕЧАТАНО
съ Указнаго дозволенія.

ОДА

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

СЕРГѢЮ ФЕДОРОВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ

Поднесенная Поляками,

и

преложенная съ перевода на стихи

СЕРГѢЕМЪ КАРГАПОЛЬСКИМЪ.

1795 года,

Іюня . . . дня.

ВЪ КОВНѢ.

ОДА.

Лежи среди развалинъ Трона
И скипетра, на прахѣ тлѣй;
Вѣнчавша гордость, зло, Корона
Ты участи достойна сей:
Не время острою косою
Но правосудіе рукою,
Богини мудрой Росскихъ странъ,
Тебя низвергло, сокрушило
На вѣкъ Трофеемъ учинило
Геройства храбрыхъ Россіянъ.

Гдѣ адъ смертельный свой, коварство,
На подданныхъ съ Престола льетъ,
Тамъ потрясаясь государство;
Съ ужаснымъ трескомъ вдругъ падетъ.
Гдѣ выю гордость воздымаетъ,
Гдѣ лесть съ обманомъ обитаетъ,
И пресмыкается змїей,
Тамъ адъ - - но громы ударяютъ,
Страну нещастну поражаютъ,
Въ пучинѣ бѣдъ все гибнетъ съ ней.

Блаженно царство гдѣ на Тронѣ,
Премудрость съ истиной сидитъ,
Гдѣ милость, дщерь небесъ, въ Коронѣ,
Народу щастїе даритъ;
Гдѣ добродѣтель процвѣтаетъ,
И солнце правды озаряетъ
Монарха мудраго дѣла,
Любовь къ Отечеству святая,
Тамъ чистымъ пламенемъ пылая,
Сердца Престоломъ избрала.

По что надъ Польшей не сіяли,
Лучи сіи въ часъ злобной шотъ,
Когда во тьмѣ грѣха дремали,
Монархъ, Вельможа и народъ;
Какъ злоба скрежеща зубами,
Носилася надъ ихъ главами,
Въ сердца ихъ изрыгая ядъ;
Какъ зависть ихъ слѣпила очи
И въ мракѣ сей ужасной ночи,
Подъ ними разверзался адъ.

Но скоро съ Сѣвера возстали
Громады бурныхъ страшныхъ тучь;
Перуны мщенья засверкали
И солнца помрачали лучь.
Стонала гордость пораженна,
Ревела злоба побѣжденна,
И на кровавыхъ тѣлесахъ,
Какъ гидра страшная лежала,
Духъ съ черной пѣной испускала,
И съ смрадомъ обращалась въ прахъ.

НародЪ отЪ всюду пораженный,
Погибели со страхомЪ ждалЪ,
Но вдругЪ надеждой оживленный,
КЪ ногамЪ Царицы РоссовЪ палЪ. . . .
ПалЪ сЪ умиленными слезами. . . .
Богиня кроткими устами,
Ему спасенье изрекла
И вдохновенна Небесами
Тебя великій мужЪ дѣлами
Ему защитникомЪ дала.

ПодЪ твой покровЪ мы прибѣгаемЪ,
ВЪ дары несемЪ Тебѣ сердца,
И сЪ удивленьемЪ обрѣтаемЪ
ВЪ тебѣ героя и отца.
ВраговЪ, которой поражаетЪ
Но побѣжденнымЪ простираетЪ,
Десницу помощи. . . . щедротЪ;
Ты бѣдныхЪ слезы отираешь,
ВЪ веселье вопль ихЪ превращаешь,
И новый имЪ даришь животЪ.

Какъ здѣсь съ отчаяньемъ ужаснымъ
И страхъ и трепетъ обиталъ,
Явился только Ты нещастнымъ,
И лучь надежды возсіялъ.
Твоею щедрою рукою,
Излился чистою струею
Источникъ милостей Твоихъ,
Въ сердцахъ гдѣ горесть обитала
Небесна радость возсіяла,
И храмъ Тебѣ воздвигся въ нихъ.

Се, благодарности курится
Тебѣ, въ немъ чистый ѳиміамъ,
И свѣтлымъ пламенемъ стремится
Превыше облакъ къ небесамъ.
Се, добродѣтель простираетъ
Къ Тебѣ десницу, и взлагаетъ
Сь улыбкой на Тебя вѣнецъ, 63
И надъ геройскими дѣлами, 64
Чертитъ блестящими словами,
Голицынъ горестнымъ отецъ.

ОДА

на

ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА,

КНЯЗЯ

СЕРГѢЯ ФЕДОРОВИЧА

ГОЛИЦЫНА

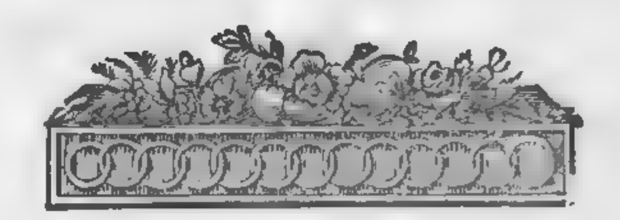
1795 года,

Іюля 5 дня.

ВЪ КОВНѢ.

63

64



ОДА

Въ порфирѣ голубой блестящей,
На лучезарныхъ облакахъ,
Въ рукахъ съ трубой огнегорящей
Явися слава въ сихъ мѣстахъ.
Какъ утрення заря сверькая,
Румянымъ стелется огнемъ,
Меча свѣтъ радужный, сїяя
Побѣдъ блистающимъ вѣнцемъ.

Божественной своей рукою,
Коснися лирнымъ ты струнамъ,
Да ударяемы тобою,
Ихъ звукъ взнесется къ небесамъ;

Вэнесется. . . . и въ концахъ вселенной
Согласно, стройно загремитъ.
Нашъ духъ усердьемъ воспаленной
За нимъ въ восторгѣ полѣтитъ.

Катяся перлами играйте
Струи волнистыя въ брегахъ;
Изъ плеску хоры составляйте,
Рѣзвяся на злачныхъ пескахъ;
Изъ влажныхъ нѣдръ своихъ мечите
Кристальны воды на поля,
Какъ тихи ручейки шумите
Свирѣпы, грозныя моря.

Зефиры въ рощицахъ пархайте,
На легкихъ крылышкахъ своихъ,
Листочьки нѣжно лобызайте,
Вѣнками соплетайте ихъ,
Зелены вѣточьки качая,
Играть заставте тонку тѣнь
Древесъ вершины нагибая
Вы съ нами сей поздравте день.

Но кто сей гордый мужъ и грозный,
Очамъ является моимъ,
Подъемлетъ мечь онъ смертоносный,
И страхъ предшествуетъ предъ нимъ?
Какъ молнія средь мрачной ночи,
Ужаснымъ пламенемъ горитъ,
Въ челѣ его сверкаютъ очи
Его свирѣпства полонъ видъ.

Бросаютъ кони львины взоры,
И бурями несутся съ нимъ;
Какъ огнедышущія горы,
Ноздрями мещутъ пламень, дымъ.
Копытомъ камни вырываютъ
Вздымая гриву страшно ржатъ,
Понтъ, воздухъ, землю потрясаютъ
Какъ грозный громъ броздой гремятъ.

Се Марсъ, Марсъ въ мантіи багровой,
Съ кровавыхъ къ намъ спѣшитъ полей,
Подать тебѣ вѣнецъ лавровой
И симъ почтить день свѣтлый сей.

Но что въ щиту его сверкаетъ?
Какія въ немъ лучи мы зримъ?
Какой въ немъ блескъ? Чѣмъ онъ сіяетъ?...
Голицынъ! ... именемъ твоимъ.

Сергѣй Каргапольскій.

136

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

Сергію Федоровичу Голицыну.

Славы звукъ греми въ Вселенной,
Міръ Россію прославляй,
И ты Россъ, о! Россъ блаженной
Громогласно воспѣвай;
Въ вѣкъ да здравствуетъ Голицынъ,
Намъ во славу, въ страхъ врагамъ.

Мы Парнасскихъ дѣвъ не знаемъ,
Громкой лиры не беремъ,
Въ барабаны ударяемъ
И съ волторнами поемъ;
Въ вѣкъ да здравствуетъ Голицынъ,
Намъ во славу, въ страхъ врагамъ.

В

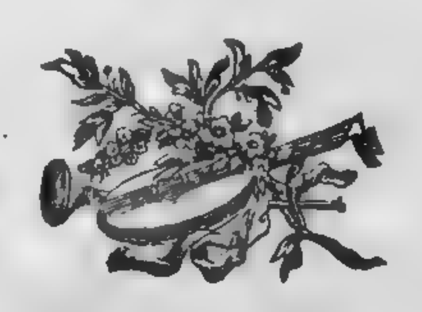
Пусть на насЪ весь мiрЪ возстанетЪ,
Мы весь мiрЪ сЪ нимЪ побѣдимЪ;
ОнЪ сЪ оливой намЪ достанетЪ
Лавры, мужествомЪ своимЪ.
Вь вѣкь да здравствуеть Голицынь,
Намь во славу, вь страхь врагамь.

Мы привыкли надЪ врагами,
Вѣчно сЪ нимЪ торжествовать,
Попирая ихЪ ногами,
СЪ восхищеньемЪ воспѣвать;
Вь вѣкь да здравствуеть Голицынь.
Намь во славу, вь страхь врагамь.

Гдѣ мы сЪ нимЪ не побѣждали,
Что противилося намЪ?
Мы СтамбуломЪ потрясали
И луна блѣднела тамЪ;
Вь вѣкь да здравствуеть Голицынь,
Намь во славу, вь страхь врагамь.

Смерть ни что; лишь будь онъ съ нами,
Мы умремъ, но побѣдимъ,
И гордясь его дѣлами,
Духъ испустимъ съ гласомъ симъ:
Въ вѣкъ да здравствуетъ Голицынъ,
Намъ во славу, въ страхъ врагамъ.

Сергѣй Каргапольскій.



63

ХОРЪ,

ПЕРЕЛОЖЕННЫЙ НА МУЗЫКУ И ПѢВЧИХЪ.

съ глубокимъ высокопочитаніемъ

Его Высокоблагородію

ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

ЭНГЕЛЬГАРДТУ,

Г^{на} Полковнику Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка,

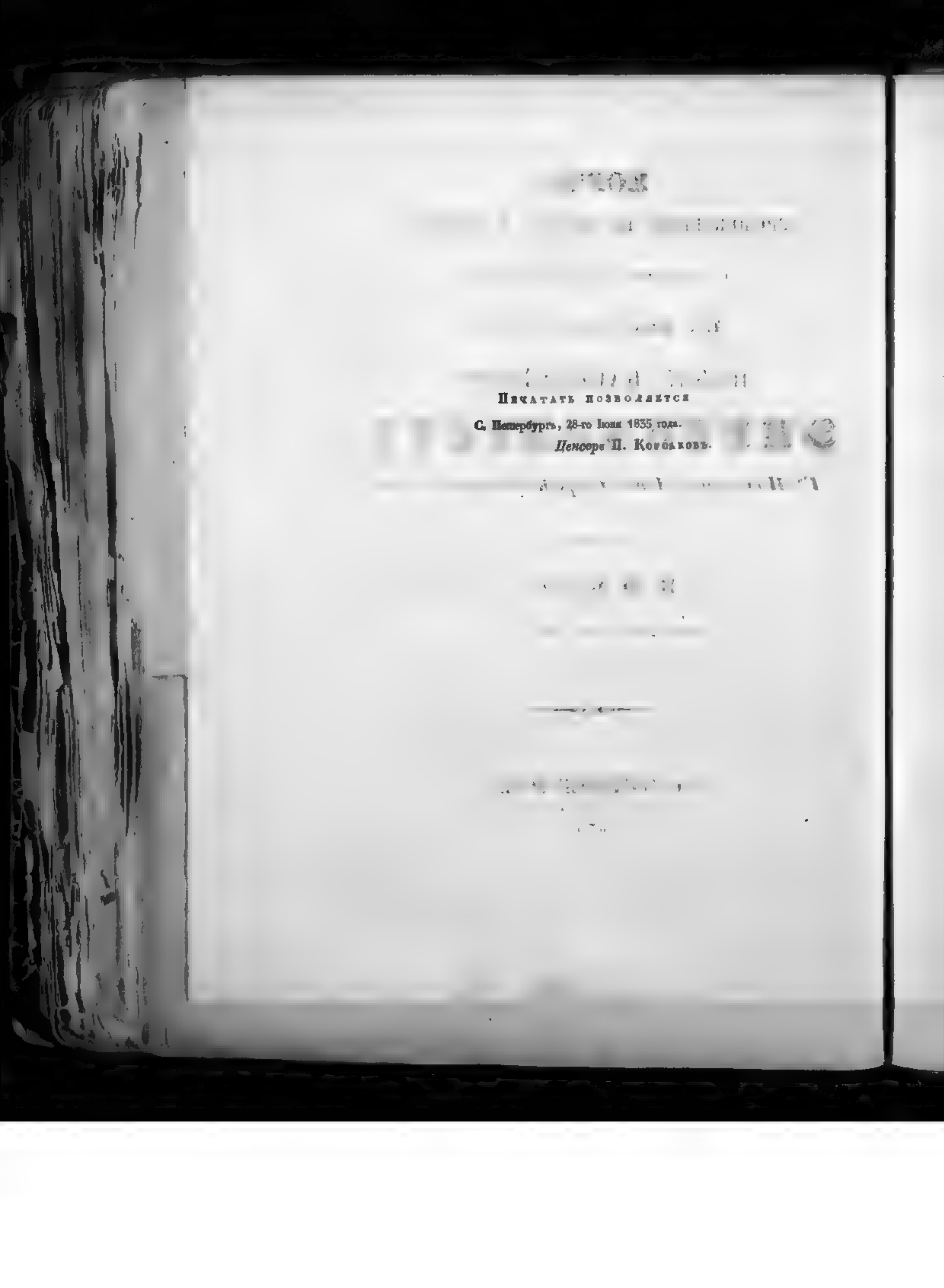
посвящаетъ

К. Ф. Карелль.

Іюня 29-го дня 1835 года

64.

Ст. ПЕТЕРБУРГЪ,
Въ типографіи П. Виллергольма.
1835.



Печатать позволяется

С. Петербургъ, 28-го Іюня 1835 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Блаженъ кому судьба дала,
Счастливый даръ искуство пѣнья,
Тому она какъ мать была
Щедра во всемъ, и вдохновенья
Излились передъ нимъ рѣкой,
А я?—какъ скуденъ жребій мой!!

* * *

Признательность въ душѣ питая,
Могу-ль на слабой лирѣ я,
Воспѣть достойно выражая
Сколь велика душа твоя.

* * *

Сколь ты мужъ доблій преисполненъ,
Добротъ, ума и чувствъ души;
Какъ Титъ щедротами исполненъ,
Какъ Геній ищешь нищеты,
Чтобъ ей помочь; въ душѣ своей,
Ты тѣмъ гордишся другъ людей!

Гордись симъ титломъ знаменитымъ!
И будь отрадой сиръ и вдовъ;
Всѣхъ благодѣтелемъ открытымъ,
Опора бѣднымъ и покровъ.

* * *

Да дастъ вселенныя Зиждитель,
Тебѣ отраду и покой;
О мой добрѣйшій покровитель!
Будь счастливъ, и да впредь судьбой,
Дни добродѣтельны хранятся
И всѣ нещастья удалятся!

* * *

Да Ангелъ Твой всегда хранитель,
Вновь пронесется надъ тобой;
Въ его днесь день, мой покровитель,
Я припадаю съ сей мольбой.

ХОРЪ для ВАЛЬСА

ВО ВРЕМЯ

ВСЕРАДОСТНАГО ПРИСУДСТВІЯ

ИХЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

ВЪ МОСКВѢ.

АЛЕКСѢЙ КИКИНЪ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА СЕЛИВАНОВСКАГО.
1831.

ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ

КИКИНУ

Брату

Нѣжнѣйшему,

Другу

Совершенному

Тебѣ.....

Тебѣ, кѣмъ жизнь моя красна!

Братъ и другъ

Алексѣй Кикинъ.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1831 года, Ноября 10 дня. Ценсоръ *Двигубскій*.

ВАЛЬСЪ.

Гряньте брашцы молодцы,
Музыканшы и пѣвцы,
Вмѣстѣ сладя полнымъ сборомъ,
Гряньте, гряньте громкимъ хоромъ!
Мы, любовію горя,
Веселишь хошимъ Царя.
Вы шакъ ладьше сладкогласье,
Чтобы слышалось въ немъ щастье.

Царь надежа! нашъ Ошецъ! —
Зри усердіе сердецъ!
Какъ Твои оруженосцы,
Миродавцы, лавроносцы,
И Москвы юнѣйшихъ лѣтъ
Вся краса и нѣжный цвѣтъ,
Всѣ вокругъ Тебя тѣснятся,
Веселишь летятъ, стремятся.

Здѣсь спокоясь отъ трудовъ,
Вороти своихъ орловъ;
Снисходя съ Престола славы
Осчастливь наши забавы.
Ужъ у ногъ Твоихъ злодѣй,
Торжествуй среди дѣтей.
Персъ, Стамбулъ и Ляхъ сраженны
Предвѣщаютъ вѣкъ блаженный.

Всѣ въ восторгѣ, внѣ себя
Милосердый, отъ Тебя.
Вдругъ явился утѣшеньемъ,
Заструилъ благотвореньемъ,
Градъ Престольный оживилъ,
Лицезрѣньемъ усладилъ.
Се Наслѣдникъ! — се Царица!
Ликуй Росская Столица.

Въ насъ всѣ члены говорятъ,
Пылкой радостью дрожатъ.
Прочь вы шанцы важно-скучны,
Вальсъ играйте быстрый, звучный,

Лётомъ мы хотимъ летать,
По паркету попорхать,
Веселиться, покружиться,
Порѣзвиться, вихремъ виться.

Юность, младость въ тѣснотѣ
Пробираясь къ красотѣ,
Ее съ вѣжливою лаской
Удостоить просить пляской.
Зажужжалъ, какъ пчелокъ рой,
Сей завидный красный строй,
Поднялися бѣлолицы,
Поклонились круглолицы.

И попарно, по одной,
Посвіясь какъ листъ съ травой,
Легки пташечки взвилися,
Быстро, быстро понеслися;
Та живѣй, бѣглѣй, скорѣй,
Та ловчѣй, стройнѣй, вѣрнѣй,
Та такъ плавна, тиха, ладна,
Та забавна, мила, славна.

Какъ стрѣла, какъ мигъ, какъ взглядъ,
Паръ воздушныхъ мелькнулъ рядъ;
Такъ промчалися всѣ разомъ,
Что не взвидишь ихъ и глазомъ.
Но вдругъ слышу межъ утѣхъ
Стеклозвонкой дѣтской смѣхъ;
Я на звукъ сей обернулся,
Что же вижу? ужаснулся!

Во мнѣ сердце страхомъ жмётъ,
Златыхъ стрѣлокъ вижу лётъ.
Кто? — откуда? — кто дерзаетъ? —
Кто ихъ крошечныхъ пускаетъ? —
Кто предерзкой сей стрѣлокъ? —
Лель дитя, любви божокъ!
На цвѣточной вазѣ въ залѣ
Онъ, качаяся на балѣ,

Въ глазки, уши, въ ямки губъ,
Хоть малютка, а не глупъ,
Все въ красоточекъ стрѣляетъ,
Мѣтко, ловко попадаетъ. . . .

И, не ставя то за грѣхъ,
Дребезжитъ свой злобный смѣхъ.
Чудеса! — невѣроятно
Лель язвилъ; но столь пріятно,

Что едва протяжный вздохъ
Изъ подстрѣленыхъ въ расплохъ,
Боль сердечну облегчая,
Грудь высоко воздымая,
Изъ нихъ тяжкій изходилъ.
Ужъ имъ самъ злодѣй сталъ милъ! —
Но опять я изумился,
Лель въ лицѣ вдругъ измѣнился.

Вижу, въ гнѣвѣ мой божокъ;
Блещетъ слёзною глазокъ,
Рдѣютъ щечки пухлоалы,
Онъ лишается забавы,
У бѣдняжки нѣту стрѣлъ,
Колчанъ полный опустѣлъ.
Онъ съ досады прослезился,
Какъ ребенокъ огорчился,

И, какъ баловень дитя,
Не жалѣетъ самъ себя.
Сильно сердце въ злобномъ бьётся,
Кулачки сжавъ весь трясётся,
По головкѣ ими бьетъ,
Русы кудри съ себя рветъ,
Жизнь клянетъ, судьбу ругаетъ: —
Блажь разсудку не внимаетъ!

Но чемъ гнѣвъ пылалъ сильнѣй,
Слабѣлъ силой, тухъ скорѣй.
Онъ замолкъ, увидя ясно,
Что терзается напрасно.
Кто, изъ насъ не былъ таковъ? —
Кто къ неволюткѣ готовъ?
Наконецъ судьбы влеченьемъ,
Разставаясь съ сожалѣньемъ,

Со цвѣточной вязы всталъ,
Одной ножкой на ней сталъ,
Поглядѣлъ на всѣхъ лукаво,
Всплылъ на воздухъ величаво,

Отшоль пальчикомъ грозилъ,
Такъ указъ свой проглъсилъ:
„Покоряйтесь, не робѣя,
„Я пошлю вамъ Гименея."

И сквозь зеркально стекло
Дитя мило потекло
Столь легко, проворно, смѣло,
Что стекло осталось цѣло,
Разступясь, поразошлось,
Пропустило и слилось.
Лишь крылъ розовыхъ сверканьемъ
Слѣдъ зарилъ, струилъ сіяньемъ.

О любовь, источникъ бѣдъ!
На седьмомъ десяткѣ лѣтъ
Я, любуяся тобою,
Пламенѣлъ, разцвѣлъ душою,
Весь увлекся отъ себя.
О, заманчиво дитя!—
И поднесь ты, рѣтивое
Любишь страстно, какъ младое!

Но что сшихЪ вдругЪ разговорЪ? —
Куда кинушЪ общій взорЪ? —
ОшЪ чего шакЪ изумленный
ОнЪ стоишЪ обвороженный? —
АхЪ! всѣ заняшы одной
Вѣнценосною Чешой
КЪ ней шѣснятся, какЪ безумны.
Слышу шопошЪ жужжишЪ шумный.

ВошЪ идешЪ, идешЪ она!
И просшерлась шишина.
РусскихЪ Машь — сама Царица,
КакЪ прелестная денница
Ушра Майскаго весной,
ВсѣхЪ веселія душой
На средину высшупаешЪ,
ОкресшЪ радосшь разливаешЪ.

Величавый ея входЪ
Красна солнышка восходЪ.
ПодЪ разящимЪ слухЪ согласьемЪ
Заблисшала нашимЪ щасшьемЪ,

Заблистала вся краса,
Улыбнулись небеса!
На лету Лель быстро — скоромъ
Просквозилъ ихъ своимъ взоромъ.

Удивленный, ворошась,
Онъ вспорхнулъ на прежнюю вязь.
Вижу рѣзвости порханье,
Пышной розы колебанье
Такъ пухъ легкій вѣтръ несетъ,
Такъ снѣгъ бѣлый вихремъ вьетъ.
Гибкость, ловкость, всѣ движенья
Самой Лады вдохновенья.

Вижу я, восторга полнъ,
Волнованье вольныхъ волнъ
Свѣтло струйнымъ колыханьемъ
Вѣтра тихаго дыханьемъ. —
Какъ за солнцемъ его цвѣтъ,
Взоръ бѣжитъ за нею въ слѣдъ;
Лишь завидитъ, засвѣтлѣетъ
Потеряетъ, потемнѣетъ.

Вѣйся, вѣйся, вкругъ летай;
Свѣтлой радугой играй.
Сердце нѣжится прельщеньемъ,
Духъ трепещетъ восхищеньемъ,
Вѣйся, радостью сіяй,
Всѣхъ блаженствомъ упояй. —
Огнедышущая Лира!
Пой Царицу полуміра.

Грянь, рази, игрой порхай,
Сердцемъ пламеннымъ сверкай.
Гулъ хвалы, звучащій хоромъ
Такъ взгреми, какъ громъ за громомъ
Катитъ грохотъ, страхъ и трескъ.
Пробряцай молчащій плескъ
Бурно дышущій движеньемъ,
Въ сердцахъ скатый уваженьемъ.

Пробряцай его за насъ,
Вѣковѣчь душою часъ.....
Чтожъ вдругъ умолкла, — онемѣла? —
Ахъ! Богиня отлетѣла!!!....

Рек.

65

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ

ГЕНЕРАЛЪ МАІОРУ

И

РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ

КАВАЛЕРУ

СЕМЕНУ ГАВРИЛОВИЧУ

ЗОРИЧУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ,

въ знакъ неоставленія прозьбы,

съ глубочайшимъ почтеніемъ

приноситъ

всенижайшій слуга

Осипъ Кекловскій.

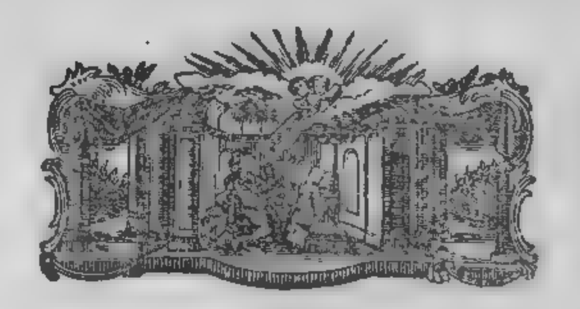
Въ Санктпетербургѣ,

1778 года.

66

67

68



ОДА.

И мудростью ЕКАТЕРИНЫ
И щедрою небесъ судьбой
Открылись щастливы годины,
Открылся Россамъ вѣкъ златой.
Чудясь рокъ своему блаженству
И дней любезныхъ совершенству,
Главу возноситъ до высотъ;
Но между славными мужами,
Твой, какъ лавра межъ древами,
Души зритъ высоту добротъ.

✠ ✠ ✠

О мужъ великій, мужъ избранный,
Достойнѣйшій безсмертныхъ хвалъ!
Мужъ небесами дарованный!
Коликобъ я щастливымъ сталъ,
Когдабъ мнѣ милость ту явили
Касталиды, и ободрили
Тебя пѣть рѣвностнымъ стихомъ
И громкую твою, чтобъ славу
Наполнивши сію державу,
Вѣщать я могъ своимъ перомъ.

Но

✠ ✠ ✠

Но й сего и не дерзаю,
И не осмѣлюсь предпріять:
Я силы недостатокъ знаю;
А нѣчто лишъ стремлюсь вѣщать:
Всегда твои велики дѣйства;
Я полнъ къ тебѣ благоговѣйства;
Я мыслью не могу объять,
Колико ты великъ и чуденъ,
Колико щедръ и правосуденъ,
И можно ль все то описать

✠ ✠ ✠

Но о парнассъ склони вершину
И лиру мнѣ мою настрой:
Предвижу я свою судьбину,
Со мной сего ты мужа пой
И прославляй его изрядство
И добродѣтелей богатство.
Колико станетъ силъ моихъ,
Я буду пѣть въ усердіи многомъ,
Хоть грубымъ и некраснымъ слогомъ
Число дѣлъ, меценатъ, твоихъ.

✠ ✠ ✠

Я за въ прежни вѣки простираю
Мой взоръ на дальны бытія.
Героевъ тамо созерцаю
И мудрецовъ зритъ мысль моя
Особнымъ качествомъ всякъ славенъ.
Никто изъ нихъ съ тобой неравенъ
Ты всѣхъ единъ ихъ превзошелъ.
Судьбины умягчая строги
Сердца Россіанъ ты премноги
Въ почтеніе къ себѣ привелъ.

Всякъ

* * *

Всякъ слышитъ похвалы чудесны
Гремящи всюду о тебѣ,
Конечно Царь тебя небесный
Желая помощь дать судьбѣ
Разумныхъ множеству созданій,
Чрезъ множество благодѣяній,
Которы изливаешь ты
На всѣхъ ихъ такъ благоизволилъ,
Чтобъ ты щастливилъ и покоилъ
Ихъ, по примѣру высоты.

* * *

Бывало прежъ сего то время,
Что кто полезенъ для однихъ;
Но тотъ же есть и тяжко бремя,
Не сносна мука для другихъ;
Но ты для всѣхъ всегда полезенъ,
Ты чуденъ всѣмъ и всѣмъ любезенъ,
Ты всѣмъ всегда благотворишь,
Ко всѣмъ щедроты ты являешь
И тѣмъ себя лишь услаждаешь,
Коль милости другимъ даришь.

* * *

Подъ бременемъ ли кто застонетъ?
Его ты тщишься облегчать;
Въ отчаяніи ли кто тонетъ?
Оттуду тщишься извлекать.
Всякъ зритъ конецъ своей печали;
Твои лишъ толькобъ возсіяли
Прещедры очи на него;
Не преклоняетъ онъ колѣно
Коль знаетъ, что все непремѣнно
Возхощешь ты призрѣти его.

Ты

✠ ✠ ✠

Ты внутренности созерцаешь
И всякому свое даешь;
Повинных кротко направляешь
И честь достойных соблюдаешь.
От всех сторон венцы лавровы
Главу твою покрыть готовы:
А истинна сама тебя
И от навѣтов соблюдает
И похвалу распространяет,
Любовь твою к себѣ любя

✠ ✠ ✠

Твои не дремлющїе очи,
Не зная им покоя днем,
Ни сна во время тихой ночи,
Глубокаго не знают: всѣм
Благотворит твоя защита
И отвращается обида.
Ты щастье строить всѣм готов;
Ты общїй всѣх благотворитель
И щастья ищущих рачитель
И судїя честных трудов.

✠ ✠ ✠

Но кромѣ прочаго, науки
Твой дух высокїй веселят
Для них, что презирают скуки.
Тебѣ всегда благодарят,
Что во трудах ты их покоишь
И щастье твердое им строишь,
Кто только ими просвѣщен,
Тот щедрым под твоим покровом
Найдет себя в блаженствѣ новом,
Тобою славы обогащен

* * *

Изъ тѣхъ числа и я питаюсь
Надеждой милостей твоихъ,
Прибѣгъ къ тебѣ; но полагаюсь
Не прозьбъ на дѣйствие моихъ:
Но только на твои щедроты,
На прочія твои доброты
И музъ къ питомцамъ на любовь.
Будь щастія мнѣ основатель
И дней желанныхъ мнѣ податель,
Пріявъ меня подъ свой покровъ

* * *

Я знаю, что мнѣ быть блаженнымъ,
Великій твой восхощетъ духъ
Содѣлать щастье совершеннымъ:
Наполнилась Россія въ слухъ
Число довольно можетъ знать,
Что способы изобрѣтаетъ
Премудрости другъ разумъ твой.
Осталось мнѣ къ тебѣ прибѣгнуть
И со преданностью подвергнуть
Себя теперь передъ тобой.

* * *

Ты обновишь мою судьбину:
Я буду пѣть во вѣкъ тебя.
Тебѣ какъ истинному сыну
Отечества, что ты любя
Его, мнѣ щастие устроилъ
И томны мысли успокоилъ,
Сплету по силѣ хвалъ вѣнецъ:
Твоей щедроты не забуду,
Доколь дышати въ жизни буду
И не придетъ ей конецъ.

Я мру

* * *

Я лиру нынѣ повергаю
Къ стопамъ, о меценатъ! твоимъ
И быть щастливымъ уповаю
Усердіемъ къ тебѣ однимъ;
Но большей ревностью воспалюся
И съ большимъ тщаньемъ устремлюся
Услуги отечеству являть.
Твое, въ которомъ имя вѣчно,
Немолчнымъ гласомъ непресѣчно
Какъ долженъ буду прославлять.

ЧУВСТВО ЛИТОВЦОВЪ

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

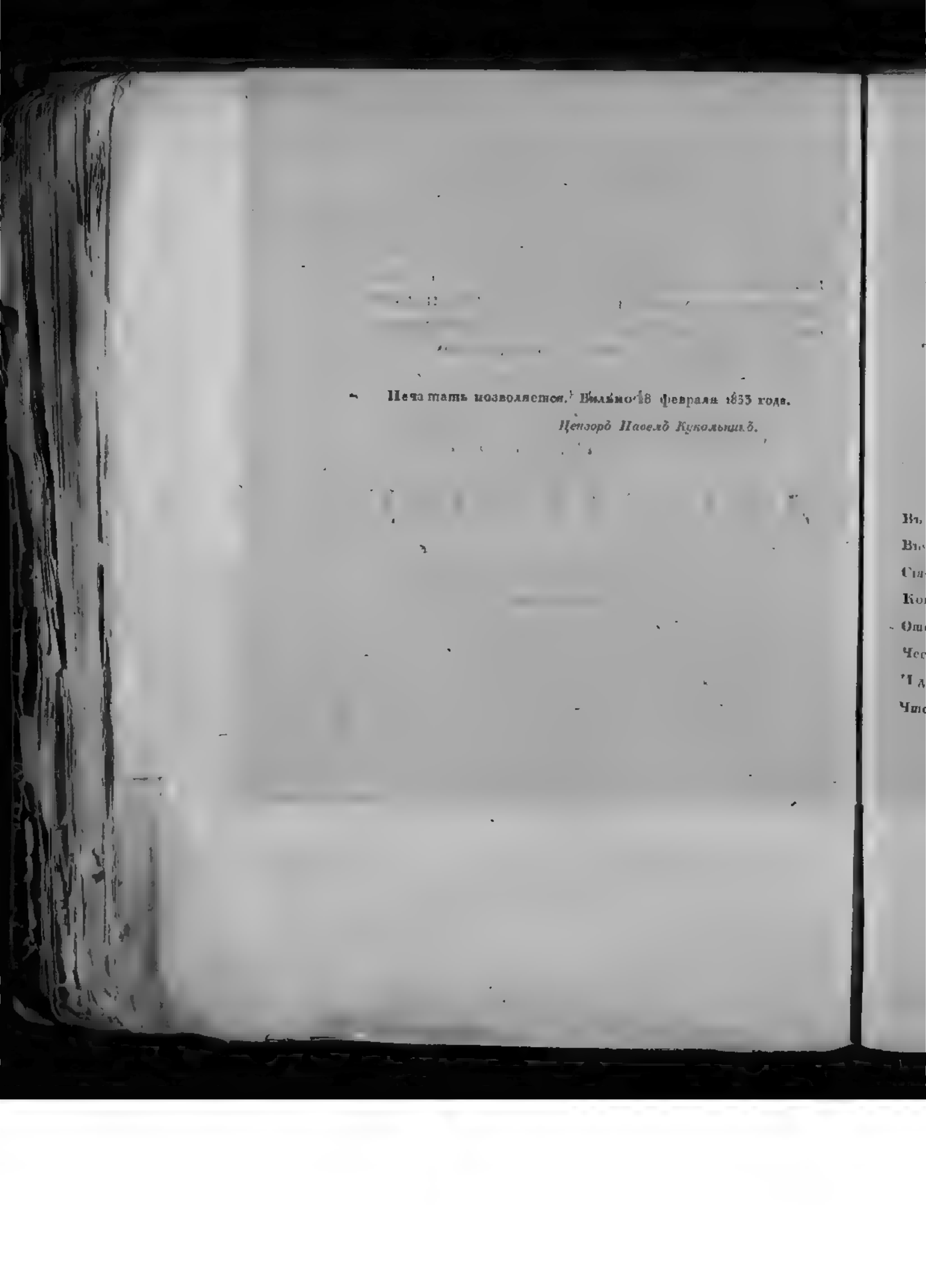
ВИЛЕНСКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ И ИСПРАВЛЯЮЩЕМУ ДОЛЖНОСТЬ ГРОДНЕНСКАГО И БѢЛОСТОКСКАГО ГЕНЕРАЛЪ ГУБЕРНАТОРА, ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛЪ-АДЮТАНТУ И КАВАЛЕРУ

КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ АНДРѢЕВИЧУ

ДОЛГОРУКОВУ

УСЕРДНѢЙШЕЕ ПОДНѢСЕНІЕ.



Печатать позволяется. Вильно 18 февраля 1833 года.

Цензоръ Павелъ Кукольникъ.

НА ПРІЕЗДЪ ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА КНЯЗЯ

НИКОЛАЯ АНДРѢЕВИЧА

ДОЛГОРУКОВА

Изъ С. Петербурга въ Вильну

Февраля 28 дня 1833 года.

ЧУВСТВО ЛИТОВЦОВЪ

Въ краю Литвы, странѣ восточной;
Въ Міру спокойствія сердецъ;
Сіяетъ Князь нашъ! Полномочной!
Которой намъ въ душѣ Отецъ.
Отечеству, Царю, закону;
Честь, славу, Пользу, избавилъ;
И днесь открылъ путь, милiону
Чтобъ всякъ свой долгъ боготворилъ.

67.
68.

Смирилъ! — далъ ключъ успокоенія;
И прекратилъ стремящу брань.
Явилъ примѣръ Собой; почтенія
Путь истинной, Цареву дань.
Вселилъ заблудшему ту сладость?
Отцовъ съ сынами съединилъ.
Народамъ? чувственною радость.
Забывшихъ, съ Богомъ примирилъ.

* *

Правдивой чувство изливая:
Твой чистъ — и бодрственной духъ.
Предъ Трономъ Царскимъ НИКОЛАЯ
Великъ щитомъ — и правды другъ.
Ты мудръ! укрепляя слово:
Отверстъ душою; къ провотѣ.
Съ мечемъ отрежешь; врага сурово,
Всякъ чувствуетъ любовь къ тебѣ.

Единодушно, призываемъ! —
Спѣши! Настанъ скорѣе часъ!
Тошъ часъ! — минушу ожидаемъ,
Пріѣздъ обрадуешъ всѣхъ насъ.
Мы! ждемъ Тебя; Ты намъ ошрада;
Спѣши! Безцѣнной Князь драгой;
Узримъ въ очахъ: есть намъ награда,
Мы шверды любимъ, образъ Твой.

* *

Пріѣздъ откроешъ награжденіе,
Что Ты! сшараніемъ у Царя?
Просилъ защиты: или прощенія
Великость чувства, изъявя.
Излилъ душевну пѣснь Тебѣ!..:
Любезной Князь нашъ Долгоруковъ.
Благословляя! пушь Тебѣ:
Ошъ всей Литвы, парящихъ звуковъ.

И я, ничтожной предъ Тобою
Открывъ, что чувствую!... люблю.
Спѣшу изъять душѣ покою:
Тебѣ, всю правду изъявлю,
Прими строки! — отъ чистой вѣры,
Надежду зрю въ Тебѣ найти;
Все жду! — терплю! — избравъ всѣ мѣры
Меня закономъ защити.

Соч. Александръ Колянковскiй

Вильно, въ Типографiи Б. Неймана. 1835 года.

ОДА

НА
ДЕНЬ
ТОРЖЕСТВЕННАГО ОТКРЫТІЯ
ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ УЧЕНОСТИ

ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

Іюля 2 дня, 1789 года,

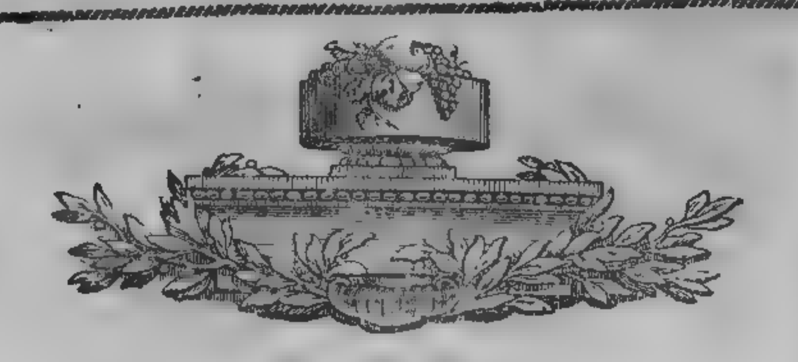
СОЧИНЕННАЯ

Дѣйствительнымъ Членомъ Общества

ЕР. КОСТРОВЫМЪ.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи, у А. Свѣтушкина, 1789.

68.



ОДА.

Востань, Полимнія! вѣнчай себя цвѣтами,
И въ ликѣ сестръ явись въ отличной красотѣ,
Устрой на лирѣ намъ согласіе перстами;
Блаженство ново зри Парнасса въ высотѣ!
Онъ ревности сердечной внемлетъ,
И новой подвигъ предпріемлетъ:
Ты соучавствуя, возрадуйся, взыграй;
Во слѣдъ ему тецы, стремися,
Лучемъ живѣйшимъ озарися,
И пламенемъ его свой пламень умножай!

* * *

Что мыслятъ о тебѣ, вѣнчанная Россія!
И гдѣ Твоихъ торжествъ, и славы гдѣ предѣлъ?
Вездѣ, гдѣ только Фебъ ліетъ струи златыя,
Тамъ бурный громъ твоихъ величій прелетѣлъ.
Коль мужеству Россіянъ вѣритъ,
И мудрость трона ихъ измѣритъ,
Такъ Россовъ щастіе незыблемо во вѣкъ.
Доколѣ солнце стрѣлы мещетъ,
Его сестра порфирой блещетъ;
Блаженны Россы вы! судебъ вѣщатель рекъ.

* * *

68.

Коль дивны зрѣлища, коль грозны и опасны!
Се Югъ, и дальній Нордъ облекшись въ крѣпость силъ,
Какъ тучи мрачныя, чудовища ужасны,
Гдѣ самъ вражды отецъ неистово почилъ;
Наполнясь яростьми Перуна,
Землей и на зыбяхъ Нептуна
Несутся, чтобъ собой Россію отягчить!
Корыстей алчностью влекомы,
И древней злобою жегомы,
Несутся, чтобъ и грудь и ребра ей стѣснить.

Россія, Исполинъ величественный видомъ,
Многоочитъ и бодръ, безтрепетенъ, восталъ;
Отвсюду огражденъ Минервинымъ Эгидомъ,
Перуны онъ Ея во длани воспріялъ.
Онъ взоръ, блисталъ гдѣ лучь пріязни,
Пріосѣняетъ мракомъ казни;
Да зря сей гнѣвный мракъ, трепещетъ супостатъ:
Но нѣтъ покорства, нѣтъ надежды;
Онъ блага врагъ скрываетъ вѣжды!
Возвысся, Исполинъ! пусть громы ихъ разятъ.

Гремитъ во облакахъ несомыхъ Богомъ брани;
На крыльяхъ ужаса летаетъ смерть предъ нимъ;
Простеръ на Югъ и Нордъ молніеносны длани;
Сраженныхъ всюду жертвъ курится сѣрный дымъ.
Онъ духомъ устъ ЕКАТЕРИНЫ,
На сушѣ, и въ волнахъ пучины
Сразилъ враговъ, и вновь стремится поражать:
Эвксинъ и Белтъ собой надменны,
Ихъ кровью зрѣлись обагренны,
И стыдъ свой въ бездну водъ спѣшили укрывать.

Се тако внѣ своихъ предѣловъ страшны Россы!
Но внутрь воздвигнуты Минервѣ олтари;
Тамъ пали молніей враждебные Колоссы;
Но здѣсь, здѣсь ѳиміамъ наукамъ воскури!
Подъ сѣнью Лавра и Оливы,
Препровождая дни щастливы,
Спѣшитъ и сей Парнассъ Наукъ умножить честь;
Героямъ побѣждать прилично,
Трофеи ставить имъ обычно;
Нашъ долгъ со Музами бесѣду мирну весть.

* * *

О вы, Сограждане, что духомъ благороднымъ
Влечетесь, въ Храмѣ семъ содѣлать почесть намъ!
Вы сердцемъ радостнымъ, съ отрадой нашей сходнымъ
Совосплещите здѣсь усердныхъ Музъ сердцамъ!
Вамъ благо отчества священно,
Вамъ Россовъ имя драгоцѣнно;
Сіе, сіе и насъ собой животворитъ.
Да гласъ всеобщихъ одобреній
И плескъ сердечныхъ восхищеній
Еще быстрѣе насъ къ полету воскрилитъ!

* * *

Умножить блескъ Наукъ, открыть права Природы,
Познать стези сердецъ, изгибы ихъ узрѣть,
Чѣмъ сильны, слабы чѣмъ, въ чемъ разнствуютъ народы,
Какъ вѣдать, и чрезъ то ко щастью путь имѣть;
Принять Уранію въ подруги,
И съ ней летать во звѣздны круги;
Что воздухъ, что земля, что моря глубина,
Познать, познать и ту науку;
Чтобъ зрѣть вездѣ всемочну руку;
Се здѣсь торжественна собранія вина!

* * *

И что къ сему влечетъ? кто Генiй предводитель?
Любовь къ Отечеству, и мудрости любовь;
Геройскихъ подвиговъ и честности учитель,
Она, она Парнассъ воспламеняетъ вновь.
Хотѣть сображаться волѣ
Сѣдящей Россовъ на престолѣ,
И сей Владычицѣ по силамъ подражать,
Испытывать пути возможны
Къ спокойству отчества неложны,
Не есть ли вѣрности сыновнiй печать?

* * *

Но кто Сiя лучемъ Божественнымъ блистаетъ?
Неизреченный видъ, небесна красота,
Единымъ манiемъ все зиждетъ, устрояетъ;
Единый взоръ Ее исполнилъ всѣ мѣста,
Соткана риза изъ денницы,
Свѣтлѣе солнцъ Ея зѣницы;
Судъ, милость и законъ, и правда во устахъ,
Колеблетъ духомъ страшны бездны,
И перстомъ движетъ круги звѣзды;
Вздохъ несѣкомаго Ей слышанъ въ ушесахъ.

* * *

Премудрость имя ей; Iеговѣ совѣчна,
Непостижимая превыспреннимъ умамъ;
У стопъ Ея временъ пучина быстротечна
И скипетры земнымъ даруемы Царямъ.
Число стихiй началородныхъ,
Во безконечность многоплодныхъ
Благоговѣя ждетъ велѣнiй устъ Ея.
Великихъ царствiй къ оборонѣ
На лавроносномъ Россовъ тронѣ
Воспитанницу зримъ Богини мы сея.

* * *

Не-

Неизреченная! лучей твоихъ огнями
Въ насъ мысли озари, проникни бренну грудь;
Ущедри, буди вождь, да свѣта мы стезями,
И въ правотѣ души течемъ въ начатый путь!
Избрать сей путь, сей путь желанный,
Тобою мысли намъ вліянны;
Ты блага всякаго начало и конецъ;
Твореній въ бездну углубляться,
Къ Тебѣ мольбою восприлятться,
Есть Твой же лучь и даръ для искреннихъ сердецъ!

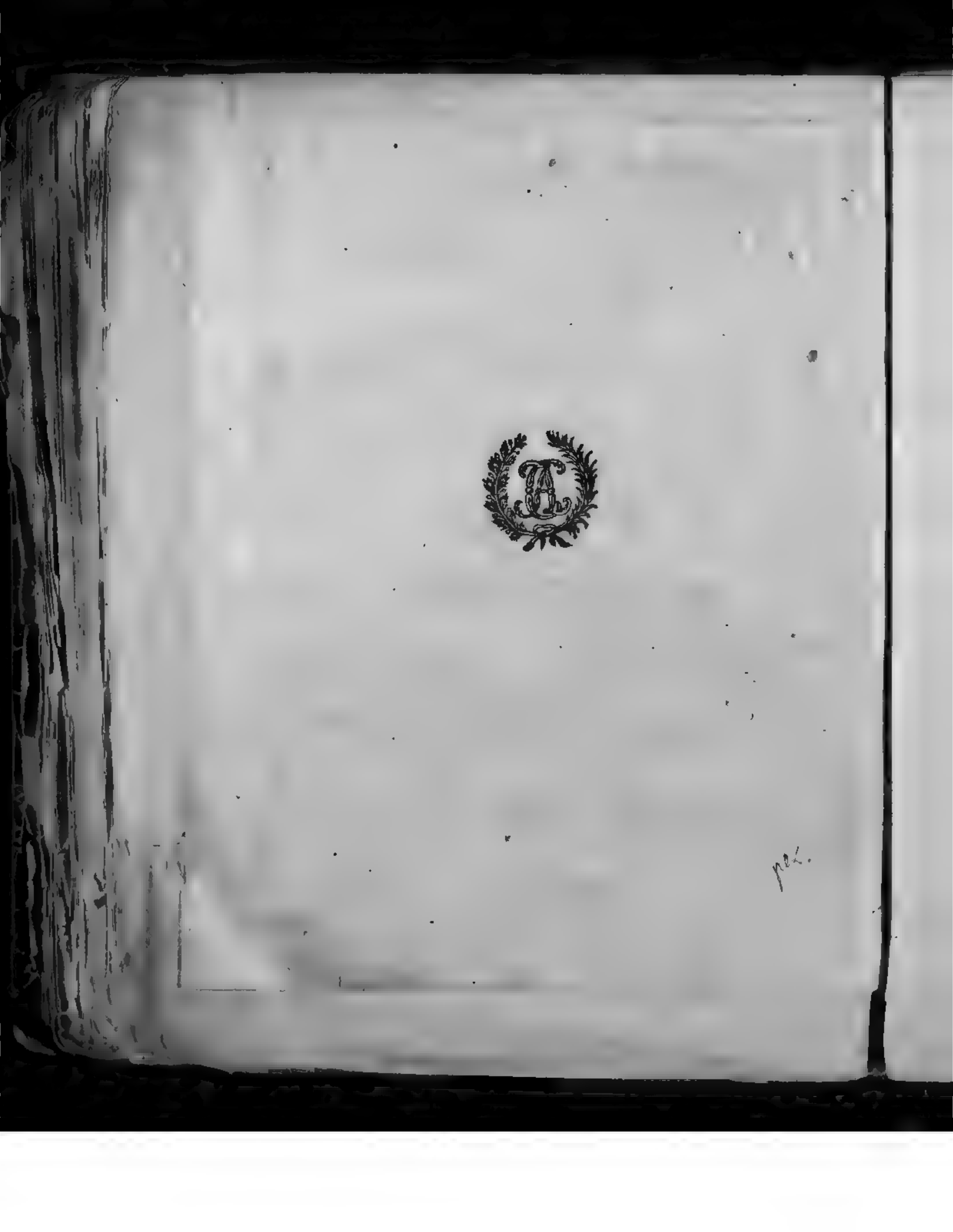
* * *

Да кротка дщерь твоя красяща горни своды,
Съ кристальныхъ облаковъ летитъ нашъ видѣть трудъ!
Она таинственный союзъ всея Природы,
Ее превыспренни *согласіемъ* зовутъ:
Желаньемъ сердце наше таетъ,
Да вѣчно съ нами обитаетъ,
И розами своихъ пріосѣняетъ крилъ!
Ея чело, гдѣ вѣчна младость,
И взглядъ раждающъ нѣжну радость,
Любезны очесамъ безсмертныхъ горнихъ силъ;

* * *

О вы, что честію, достоинствомъ отличнымъ
Избранны, быть сего сословія главой,
Вы ревностью своей и тщаніемъ обычнымъ
Содѣйствуйте, да нашъ и подвигъ и покой
Явится отчеству любезенъ,
Пріятенъ сердцу и полезенъ!
Да благородная цвѣтущихъ юношь кровь,
Презрѣвъ приманчивы забавы,
Для собственной и общей славы,
Отличну ощутитъ къ премудрости любовь.

68.



68

ОДА

НА

ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

РОЖДЕНІЯ

ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЕЛИКІЯ

ГОСУДАРЫНИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

И

САМОДЕРЖИЦЫ

ВСЕРОССІЙСКОЙ

ЕКАТЕРИНЫ II.

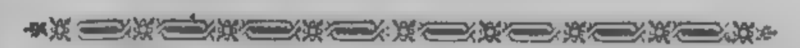
Апрѣля 21 дня 1779 года.

СОЧИНЕННАЯ

ВЪ

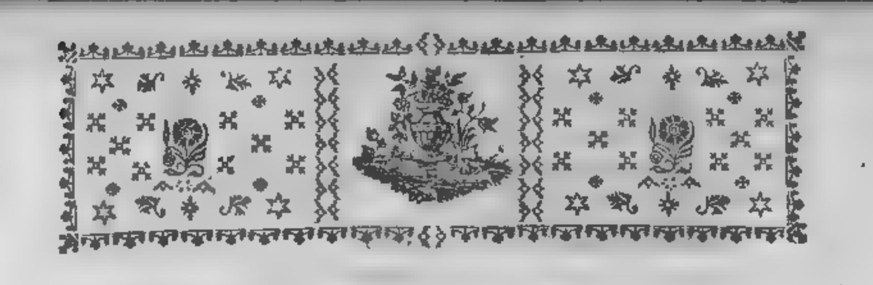
УНИВЕРСИТЕТѢ

ЕРМИЛОМЪ КОСТРОВЫМЪ.



Печатана

ВЪ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета.



ОДА.

С Парнасскимъ пламенѣя духомъ
Отверзу къ пѣнію уста;
Вы радостнымъ внимайте слухомъ
Земля, и горнія мѣста;
При звучной, сладостной цѣвницѣ,
Простру слова мои къ ЦАРИЦѢ,
Вступя во свѣтло торжество
И Музъ соединившись съ ликомъ,
Дерзаю сердцемъ и языкомъ
ЕЯ воспѣть Рождество.

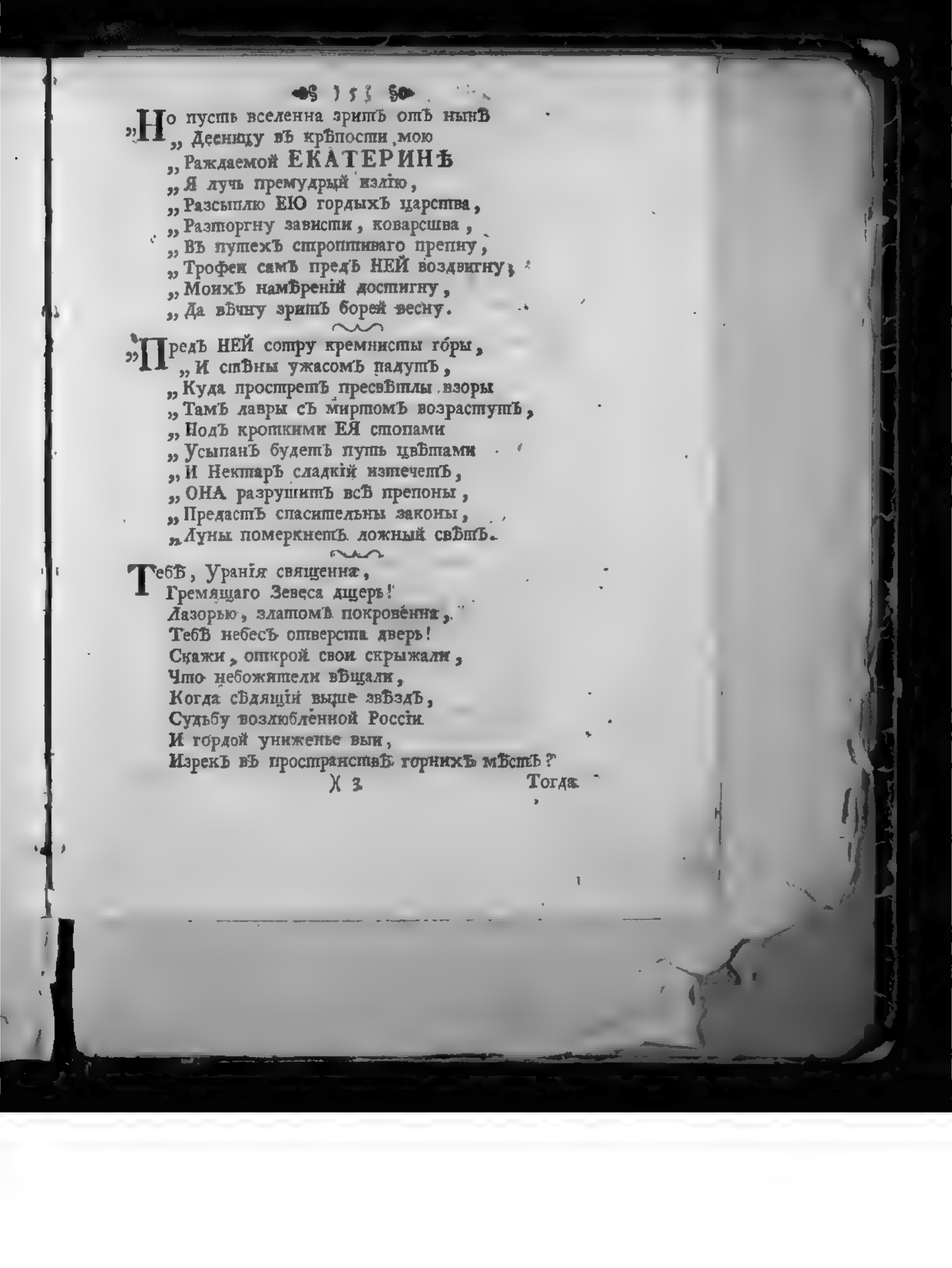
Но ты, которому отверсты
Совѣтъ и таинства судебъ,
Ты правь мои на лирѣ персты,
Латонинъ сынъ, премудрый Фебъ;
Чтобъ пѣснь была красна и стройна
И Россовъ Божества достойна;
Тобой потребно мнѣ дышать,
Въ грудь Музы нѣжныя, младыя,
Свои ты чувствія живыя
И пламень удостой вліять.

Уже небесныя свѣтила,
Вѣнецъ природныя красы,
Изъ коихъ Божеская сила
Себѣ составила часы,
И обращая оныхъ бремя,
Текуще измѣряетъ время;
Которыхъ бѣгъ, составъ колесъ;
Движенье, стройность намъ не вмѣстна,
И только одному извѣстна
Премудрому Творцу небесъ,

Уже назначеннаго лѣта
Своей достигли быстротой;
Стрѣла не заблудя съ предмета
Коснулася минуты той,
Въ котору Божество Россіи
На казнь Луны, и въ местъ Асіи
Возникнуть должно было въ свѣтъ;
Минервы духомъ упоенно;
Ея Эгидой покровенно;
Да уничтожитъ злыхъ совѣтъ.

Тогда Божественны глаголы
Неслися въ высотѣ небесъ,
Спустились въ земноводны долы,
Внимали горы, бездна, лѣсъ:
„Приближилась судьба и время,
„Хощу прославить Россовъ племя,
„Довольно видѣлъ свѣтъ мужей,
„Довльно видѣлъ женъ избранныхъ,
„Оливой, лаврами вѣнчанныхъ,
„Водимыхъ дланію моей,

Но



„Но пусть вселенна зритъ отъ нынѣ
„Десницу въ крѣпости мою
„Раждаемой ЕКАТЕРИНѢ
„Я лучь премудрый излїю,
„Разсыплю ЕЮ гордыхъ царства,
„Разторгну зависти, коварства,
„Въ путехъ строптиваго препну,
„Трофеи самъ предъ НЕЙ воздвигну;
„Моихъ намѣренїй достигну,
„Да вѣчну зритъ борей весну.

„Предъ НЕЙ сотру кремнисты горы,
„И стѣны ужасомъ падутъ,
„Куда простретъ пресвѣтлы взоры
„Тамъ лавры съ миртомъ возрастутъ,
„Подъ кроткими ЕЯ стопами
„Усыпанъ будетъ путь цвѣтами
„И Нектаръ сладкїй истечетъ,
„ОНА разрушитъ всѣ препоны,
„Предастъ спасительны законы,
„Луны померкнетъ ложный свѣтъ.

Тебѣ, Уранїя священна,
Гремящаго Зевеса дщерь!
Лазорью, златомъ покровенна,
Тебѣ небесъ отверста дверь!
Скажи, открой свои скрыжали,
Что небожители вѣщали,
Когда сѣдящїи выше звѣздъ,
Судьбу возлюбленной Россїи
И гордой униженье выи,
Изрекъ въ пространствѣ горнихъ мѣстъ?

)(3 Тогда

„Тогда сіи безплотны вои,
„Сестра ты мнѣ даешь отвѣтъ,
„Соединясь въ несчетны строи,
„Лія отъ крылъ небесный свѣтъ,
„Въ восторгѣ сладкомъ, въ изумленьѣ,
„Умолкнувъ на одно мгновенье
„Другъ къ другу умственно рекли:
„Сія въ женахъ благословенна,
„ЕКАТЕРИНОЙ нареченна,
„Что имать быти на землѝ?

„Потомъ органски возшумѣли,
„Согласны пѣсни въ небесахъ,
„И хоры Ангельски воспѣли,
„Великъ Ты, Боже, въ чудесахъ!
„Глаголъ Твой святъ и правосуденъ,
„Совѣтъ непостижимъ и чуденъ
„И правы всѣ Твои стези!
„Зиждитель всей природной связи!
„Тебя трепещутъ міра Князи,
„Тобой избранну вознеси.

И Се на облацѣхъ эѳирныхъ
Адонай Господь возсѣлъ,
При гласѣхъ радостныхъ и мирныхъ
И гласъ трубы Его гремѣлъ,
Подвиглись страхомъ круги звѣздны,
Врата вострепетали бездны,
Смутились вѣчныхъ горъ сердца
Предъ нимъ вся тварь благоговѣетъ,
И солнцевъ свѣтлый взоръ блѣднѣетъ
Предъ свѣтомъ Творческа вѣнца.

Воз-

Возсѣлъ и дланїю предвѣчной
Онъ праведны прїялъ вѣсы,
Гдѣ жизнь смертныхъ быстротечной
Минуты зрятся и часы;
И та завѣса мрачной ночи,
Сквозь кою тщетно наши очи
Простерти слабый взоръ хотятъ,
Гдѣ нашихъ дѣйствъ и помышленїй,
Словесъ, намѣренїй, хотѣнїй
Не счетны бремена лежатъ.

Потóмъ всесильною рукою
Вѣсовъ сихъ на странѣ десной
Орла съ полночною страною
И дѣву свѣтлу красотой,
Залогъ Россїйскаго блаженства,
Залогъ торжествъ и благоденства,
Залогъ побѣды утвердилъ;
Луну, Херсонь и полдень знойный,
Гдѣ врагъ бунтующъ, безпокойный,
На шуей сторонѣ явилъ.

Потрясъ, поколебалъ мгновенно;
Блѣднѣетъ гордой видъ луны,
Явилось легко и лишенно,
Вдругъ бремя южныя страны,
ЕКАТЕРИНИНЫ щедроты,
ЕЯ душевныя доброты
Въ судьбѣ имѣли перевѣсъ.
О нашихъ красныхъ дней начало,
ТОБОЙ въ Россїи возсїяло
Благоволенїе небесъ!

Гер-

Германію восторгъ объемлетъ,
Что въ красныхъ областяхъ ея
ЕКАТЕРИНА воспріемлетъ
Начало жизни СВОЕЯ;
Но въ сердцѣ грусть она питаетъ,
Когда завѣсу проницаетъ,
Завѣсу будущихъ временъ,
Гдѣ зритъ, что рождшася Богиня,
Кротка, премудра, Героиня
Для Россиихъ рождена племенъ.

Но кій предметъ смущаетъ очи;
Что блескъ веселой музы тмитъ?
Сквозь мракъ густой безмолвной ночи
Мое смущенно око зритъ
Жену стенящу, блѣдну, злобну,
Убійцѣ тайному подобну,
Гониму собственнымъ студомъ,
Отчаянье, дитя боязни
И ужасъ предлежащей казни,
Ей вниши воспящаютъ въ домъ.

По стогнамъ въ трепетѣ скитаясь,
О жалость, о плачевный рокъ!
Какъ Фурія страстьми терзаясь,
Повергнуть хочетъ въ ровъ глубокъ,
Повергнуть хочетъ въ мрачны гробы,
Кого? дитя своей утробы,
Эхидна, дай мнѣ видѣть свѣтъ,
Несчастный томными очами,
Простертой дланью и слезами
Младенецъ къ рождшей вопіетъ.

Но

Но Геній сирыхъ покровитель
Восхитилъ вдругъ сію жену,
Надежды свѣтлой обновитель,
Восхитилъ и пренесъ въ страну,
Гдѣ райскаго въ подобьи крина
Родилась въ свѣтъ ЕКАТЕРИНА,
Пренесъ и предъ Богининъ взоръ,
Представилъ мрачну и стенящу,
Еще сокрыть себя хотящу
Въ разсѣлинахъ не движныхъ горъ.

Воззрѣвъ благоутробнымъ окомъ
На плачь, на скорбь жены сея,
„Не орошайся слезнымъ токомъ,
„Не трепещи предъ мной стоя
Рекла Владычица борея,
Ліія цѣлебный сокъ елея;
„Жива не снидешь съ сыномъ въ адъ,
„Я рождшись приняла законы,
„Изъять отъ смерти миліоны
„Раждаемыхъ несчастно чадъ.

О гласъ превыщшій человѣка!
О наше кротко божество!
Въ дѣлахъ не слыханныхъ отъ вѣка
Тебя все славитъ естество!
Щедроты равны гдѣ обрящу,
Гдѣ образъ твой Богиня срящу?
Ни гдѣ, какъ токмо въ небесахъ.
Зерцало мирныя природы!
Твой зракъ Россійски позданы роды
Изобразятъ въ своихъ сердцахъ.

X X Въ

Въ приходъ Сіонскаго Кивоппа
На прагъ бездушный идолъ палъ
Во храмѣ студнаго Азота;
И въ прахъ сотершись не востàлъ,
Такъ ТЫ пришедши во вселенну,
Повергла гордость вознесенну
Премудрыхъ въ буйство превратя,
Насиліе, коварства, злобы,
Запечатлѣла вѣчно въ гробы,
Плачевной местью имъ претя.

Твой Сынъ, ТВОЙ Сынъ единороденъ,
Отъ корене *ПЕТРОВА* плодъ,
О! коль съ ТОБОЙ во всемъ Онъ сходенъ,
Онъ образъ всѣхъ ТВОИХЪ добротъ;
Его Супруга именита
Покровъ гонимыхъ и защита,
И Первенецъ Его младой,
Намъ предвѣщаютъ дни златыя,
Какіе нынѣ зритъ Россія
Наполнивъ славой кругъ земной.

Преобращаяй кругъ небесный
Источникъ и Отецъ временъ,
Планетамъ давый бѣгъ извѣстный
Владыка всѣхъ земныхъ племенъ,
Въ десницѣ коего державной
Превознесенной, вѣчной, славной,
Стихій бунтующихъ бразды,
Предъ коимъ самый рокъ трепещетъ,
Которой гнѣвомъ стрѣлы мещетъ,
Даритъ щедротой разны мзды.

Таковъ

Рек

Таковъ завѣтъ поставилъ съ нами
Чрезъ вѣрную свою рабу,
Онъ рекъ неложными устами
Сію не премѣнить судьбу.
Подъ Скипетромъ ЕКАТЕРИНЫ
Поля красуйтесь и долины,
Парнассъ Московскихъ Музъ взыграй,
Одѣйся въ свѣтлыя одежды
И съ исполненіемъ надежды
Торжествъ подобныхъ ожидай.